

Администрация Усольского муниципального района
Администрация г. Соликамска
Администрация Александровского муниципального района
Соликамский государственный педагогический институт
Усольский историко-архитектурный музей "Палаты Строгановых"

КАМСКИЙ ПУТЬ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(«Строгановские чтения» - III, «Лингвистические и эстетические аспекты
анализа текста и речи» - VII)

19-21 сентября 2008

Часть 2

УСОЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ

”ПАЛАТЫ СТРОГАНОВЫХ”

Усолье
Соликамск
2009

ББК 81.2Р+83.3+74.58
К18

КАМСКИЙ ПУТЬ [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции («Строгановские чтения» – III, «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» – VII) 19-21 сентября 2008. – часть 2 / научный редактор Игнатьева Оксана Валерьевна; Усольский историко-архитектурный музей, – Соликамск: ГОУ ВПО «Соликамский государственный педагогический институт», 2009. – 160 с.

ISBN 978-5-89469-062-9

Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Камский путь" изданы в двух частях.

Во второй части сборника представлены новые открытия, подходы, взгляды в области исторических, искусствоведческих, социально-политических, культурологических наук.

Поставлены проблемные вопросы и обозначены перспективы изучения памятников истории, культуры Пермского Прикамья и сопредельных территорий, обобщен опыт исследований в области культурных традиций, связанных с осмыслением дороги как культурного артефакта, продемонстрированы научные интерпретации концепта пути в русской ментальности, искусстве и языке.

Здесь же рассмотрены актуальные проблемы сохранения, восстановления и использования историко-архитектурного и природного наследия в современных условиях.

Сборник предназначен для специалистов, студентов, всех интересующихся вопросами историко-культурного наследия.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

При перепечатке материалов
ссылка на данный сборник обязательна

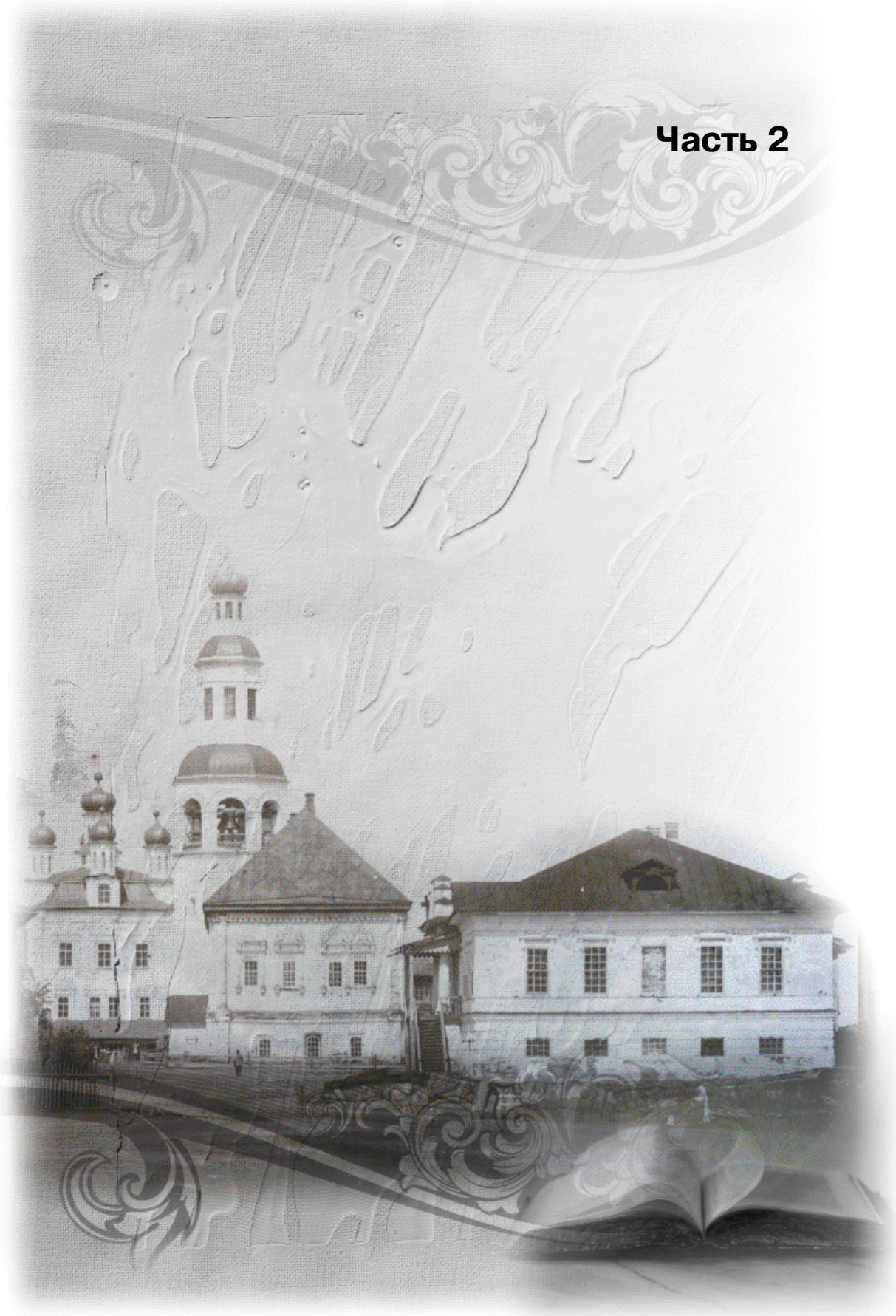
Издание материалов Всероссийской научно-практической конференции (19-21 сентября 2008, г. Усолье) подготовлено по инициативе и при финансовой помощи администрации Усольского муниципального района, администрации г. Соликамска, администрации Соликамского государственного педагогического института, администрации Усольского историко-архитектурного музея "Палаты Строгановых".

Ответственный за выпуск:
Хоробрых Станислав Валерьевич

ISBN 978-5-89469-062-9

© ГОУ ВПО «Соликамский государственный педагогический институт», 2009
© МУК "Усольский историко-архитектурный музей "Палаты Строгановых", 2009

Часть 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАМУ: ОПЫТ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ГРАФА С. Г. СТРОГАНОВА

Сергей Григорьевич Строганов (1794-1882) "... считал себя одним из первых вельмож в империи – Божиею милостью" [34, с. 548] благодаря принадлежности к династии, оказывавшей значимые услуги престолу на протяжении нескольких столетий. Однако интрига его биографии состоит в том, что авторитет графа как продолжателя "дела Строгановых", которым он постоянно пользовался, в полной мере оказался востребован лишь в самом конце долгого жизненного пути. Граф сыграл значительную роль в последний период политического кризиса конца 1870 – начала 1880-х гг., конкретнее, был в центре событий между 1 марта и 28 апреля 1881 г. Однако именно об этом времени ничего не сказано в первой и единственной до настоящего времени биографии графа, составленной сто лет назад Н. И. Сербовым [33, с. 471-531]. Вторая попытка составления жизнеописания, предпринятая не столь давно, представила Сергея Григорьевича исключительно как коллекционера [25, с. 310-314]. И прежде, и в последующие годы собирательская деятельность Строганова привлекала внимание исследователей [8, с. 18-19; 22, с. 88-97; 23, с. 358-384], он также рассматривался в качестве основателя рисовальной школы [39], куратора московского университета в 1835 – 1847 гг., автора издания о Дмитриевском соборе [35] и рецензии на книгу Е. Виолье ле Дюка о русском искусстве [37; 1, с. 149-59]. В книге В.С. Рождественского приведены факты участия графа в деятельности министерства народного просвещения, главой которого он не стал, несмотря на ожидания современников [29]. В настоящее время, безусловно, существует потребность в создании более обстоятельной и цельной биографии человека, деятельность и взгляды которого представляются весьма актуальными. Понимание событий марта-апреля 1881 г., как наиболее важных в биографии малоизвестного государственного деятеля, позволяет составить жизнеописание, в котором все аспекты деятельности С.Г. Строганова представляются как последовательное и логическое движение к предназначению.

Рассматривая первый отрезок жизненного

пути нашего героя, который охватывает период от рождения до призвания на место наследника нераздельного имения, прежде всего, следует отметить его принадлежность к баронской линии рода, возглавлявшейся в тот момент Григорием Александровичем. Это была большая и патриархальная семья, в которой ценности допетровской Руси сохранились в большей степени, нежели в более богатой, но, как оказалось, не столь жизнеспособной графской линии, представленной столь яркими личностями, как коллекционер и меценат, последовательный "западник и петербуржец" граф Александр Сергеевич и его сын создатель негласного комитета при имп. Александре I, "либерал" граф Павел Александрович. Григорий Александрович во второй половине 1780-х гг. вместе с ним совершал путешествие по Европе, которое было призвано сблизить положение обоих Строгановых в российском обществе, но неожиданно должен был вынужденно вернуться в Россию из-за смерти отца – барона Александра Николаевича. Ему, как одному из трех сыновей "закоренелого москвича" барона Николая Григорьевича, кстати, досталась лишь девятая часть наследства великого деда Григория Дмитриевича. Графской линии принадлежала треть, ибо барон Сергей Григорьевич, первым из Строгановых осевший на берегах Невы, имел единственного сына Александра. Вскоре после возвращения в Россию Григорий Александрович женился и уехал в Вену. Именно там, вероятно, родились один за другим три сына – Николай (1793), Сергей (1794), Александр (1795). Вскоре к ним прибавились еще двое: Алексей (1797) и Валентин (1801). Все они неожиданно оказались кандидатами на роль новоиспеченного графа Строганова в период трагических событий 1811-1817 гг., во время которых один за другим скончались Александр Сергеевич, Александр Павлович и Павел Александрович. Место наследника вотчины согласно акту о нераздельном имении было суждено занять мужу графини Натальи Павловны Строгановой. Надо думать, что ее отец склонялся к избранию на роль своего преемника Александра Григорьевича, третьего сына, которого он взял с собой в роковое плавание на

"Св. Патрикии". Иной вариант, нежели "бедный родственник" из баронской линии, кажется, не рассматривался. Но в конечном итоге новым графом Строгановым и будущим владельцем дома у Полицейского моста стал второй сын Сергей, избранный Софьей Владимировной, вдовой Павла Александровича и первой распорядительницей нераздельного имения. Графиня приняла такое решение, исходя надо думать, из боевой доблести, проявленной будущим зятем в годы наполеоновских войн. Никто из юных баронов не был готов к почетной миссии, прежде всего из-за иного, "московского", мировоззрения и по причине весьма посредственного образования. Сергей, в частности, из-за участия в Отечественной войне проучился в Корпусе инженеров путей сообщения в общей сложности всего 10 месяцев.

Положение в тени Софьи Владимировны, которое неожиданно для всех продолжалось целых тридцать лет (до 1845), доставило возможность Сергею Григорьевичу тщательно обдумать свой путь и завоевать авторитет в высших правительственных кругах. Все эти годы лихорадочное самообразование сопровождалось пристальным вниманием к обучению сыновей, особенно старшего Александра – наследника. С. М. Соловьев свидетельствовал: "Потомок пермского колониста явился самым сильным поборником аристократических стремлений. Основная его мысль – поднять высшее дворянское сословие в России, дать ему средства поддержать свое положение, остаться навсегда высшим сословием; самым сильным средством в его глазах было образование, наука; отсюда – мысль, что люди, поставленные по происхождению и богатству в верхнем слое общественном, должны учиться по преимуществу" [34, с. 547]. Все сыновья графа, а их было четверо, прошли курс юридических наук в университете старой столицы, где Сергей Григорьевич провел большую часть жизни, где обитала его душа. Характерно, что Москва была избрана местом для венчания Сергея и Натальи, которое происходило в начале 1818 г. Этот шаг следует трактовать как внимание к древнему благочестию, которое затем стало неременным фактором деятельности графа. Участвуя в каждой военной кампании, то есть, оставаясь воином по преимуществу и избрав народное просвещение своим основным делом в мирное время, С.Г. Строганов, называя себя в работах "любитель полезных искусств", действительно использовал свои новые финансовые возможности с пользой: к середине 1830-х гг. он нала-

дил в Москве дело рисовальной школы для ремесленников и там же был назначен попечителем учебного округа.

Николай I доверил Строганову пост после завершения "дела Герцена", которое дало ему повод назвать университет "волчьим гнездом". После восстания декабристов престол ощутил потребность в опоре на старые фамилии. Именно в тот момент Г.А. Строганов и все братья Сергея получили графский титул, а сам он впервые был призван на государственную службу в "Комитет устройства учебных заведений". А. И. Герцен с 1829 г. учился на физико-математическом отделении университета. В 1833 г. он окончил университет и, служа в Московской экспедиции Кремлевского строения, продолжил занятия интеллектуальной деятельностью. В феврале 1834 г. составил программу журнала, но в июле того же года был арестован по ложному обвинению в распевании песен, порочащих царскую семью. В 1835 г. был сослан в Пермь, затем переведен в Вятку. В дальнейшем пользовался если не покровительством, то сочувствием Строганова, период которого так оценивается одним из питомцев: "Это было едва ли не самое счастливое время Московского университета, по отсутствию всяких стеснений и формализма" [38]. Каким образом действовал граф? "При нем университет весь обновился свежими силами. Все старое, запоздалое, рутинное устранялось. Главное внимание просвещенного попечителя было устремлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми со знаниями и талантом. Он отыскивал их всюду, и в Москве и в Петербурге, куда сам ездил с целью приобретения для университета подававших надежды молодых людей" [38, с. 374]. Таким образом, были назначены профессорами историко-филологического факультета такие выдающиеся ученые, как И.И. Давыдов (теория словесности), С. П. Шевырев (история русской и общей литературы), Д. П. Крюков (древняя история и древняя литература), Т. Н. Грановский (средняя и новейшая история), К. Н. Печорин (классическая литература). Уяснив отсутствие в университете славянской кафедры, Сергей Григорьевич предложил ее чеху П. Шафартику. Тот отказался по личным и политическим мотивам. Тогда в 1837 г. за границу на стажировку был отправлен О. М. Бодянский (1808-1877), который тремя годами ранее окончил филологический факультет. Получив после возвращения в 1842 г. звание профессора, он впервые начал чтение курса лекций по славянской истории, литературе и фольклору. Наиболее известным из воспитанников Строганова был историк С.М. Соловьев,

который также получил место воспитателя детей его брата – Александра Григорьевича.

За время своего кураторства Сергей Григорьевич приобрел репутацию либерала. Вскоре после его назначения П. Чаадаев, который также искал сочувствия у графа, написал свое знаменитое письмо, стимулировавшее самоопределение в интеллектуальной элите. Шевырев, как и Давыдов, и М. П. Погодин (также профессор московского университета), популяризировали "теорию официальной народности" С. С. Уварова. К числу западников принадлежал Грановский, а также К. Д. Кавелин, который в 1835 г. поступил в московский университет, где предпочитал слушать лекции последователей Гегеля, потому сблизился с Грановским. В декабре 1839 г. впервые встретился с Герценом, с которого в июле того же года сняли полицейский надзор. В мае 1840 г. Александр Иванович оказался в Петербурге, где в начале года получил место в канцелярии Министерства внутренних дел, возглавляемого тогда гр. А. Г. Строгановым, братом попечителя. В ноябре Герцен стал коллежским асессором, но в следующем месяце полиция перехватила его письмо к отцу с рассказом об убийстве столичным будочником купца. Монарх повелел выслать Герцена вновь в Вятку, но после допроса начальником штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельтом и аудиенции у А. Х. Бенкендорфа, шефа того же корпуса, наказание было смягчено. Это было следствием ходатайства С. Г. Строганова, который весьма удачно для Александра Ивановича вернулся из-за границы.

Подобно многим своим современникам Строганов любил Россию во время заграничных поездок. В 1839-1840-х гг. он вместе с семьей совершил большое путешествие в Италию, где приобрел ряд произведений итальянских художников XV в. и, главное, задумался о возрождении духа старого религиозного искусства, которое происходило в Германии, Англии и Италии [20, с. 246-272].

Вернулся Строганов осенью 1840 г. 19 февраля 1841 г. он направил А. И. Герцену письмо: "Я видел Графа Бенкендорфа и говорил с ним о Вас. Он меня заверил в том, что Ваше печальное дело не будет иметь никакого влияния на Вашу службу и что он впоследствии позаботится о том, чтобы устроить Ваше возвращение в Петербург. Генерал Дубельт, с кем я также говорил, дал мне уверения в том, что Вы не встретите никаких препятствий для посещения Петербурга во время Вашей службы в Новгороде. Я обещаю также замолвить о Вас словечко у губернатора... при моем проезде через

Новгород. Мне не остается ничего другого, как посоветовать Вам запастись побольше терпением и переносить с христианским смирением все то, что с Вами случилось. В случае, если бы я мог оказаться для Вас в чем-нибудь полезным, то обращайтесь прямо ко мне" [31, с. 358-359]. 30 июня Герцен действительно выехал в Новгород, выхлопотанный ему, вероятно, Сергеем Григорьевичем. Спустя год он вышел в отставку в чине надворного советника и оказался в Москве, где сблизился с Грановским и Кавелиным. Таким образом, складывалась репутация графа, который, будучи независимым в финансовом отношении, был и идеальным чиновником, отвергавшим всякие протекции. "Прийти к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы, знатного господина значило навсегда погубить себя в его мнении, никогда не получить от него места. Огромна была заслуга Строганова в том отношении, что он уничтожил занятие учебных воспитательных мест по рекомендациям людей, не способных ценить рекомендации. Его положение в обществе и характер делали для него это возможным" [34, с. 547].

"Акт примирения верховной власти с университетским образованием был блистательно завершен всемилостивейшим решением государя... послать своего сына и наследника цесаревича Александра в московский университет слушать лекции анатомии и физиологии" [4, с. 111]. По всем делам граф общался непосредственно с монархом. Естественно, это вызывало неудовольствие министра просвещения С. С. Уварова. Хотя в последние годы царствования имп. Александра I он трудился в министерстве финансов, при Николае I вновь обратился к просветительской деятельности, заняв последовательно посты товарища министра, управляющего министерством и, наконец, главы ведомства (1834). Кстати, непосредственно после этого события Строганов, узнавший к тому же о связи Сергея Семеновича с мачехой¹ [29, с. 192], покинул Петербург. 20 ноября 1847 г. граф Строганов был уволен в отставку со своего поста после того, как добился своей цели, которая состояла в создании национального учебного заведения. К тому времени достигла апогея славы рисовальная школа графа, главной задачей которой было утверждение независимости художественной промышленности России.

В заграничном путешествии 1822 г., во время которого, судя по всему, он посетил Францию и Италию, Строганов сочинил несколько проектов, казавшихся ему "более или менее полезными" для отечественной промышленности. Только один из них показался ему "удач-

ным и легко осуществимым" – открытие бесплатной школы рисования применительно к искусствам и ремеслам, что и было сделано в 1825 г. На следующий год в "Вестнике Европы" появилась статья Сергея Григорьевича "О необходимости образования для ремесленников и об открытии для них училища рисования в Москве", подписанная "Любитель полезных искусств". По мнению графа, элементарного образования, т.е. обучения чтению, письму, счислению, для ремесленников недостаточно [36, с. 276-287]. Им нужно изучать геометрию, рисование и механику. Граф занимал среднюю позицию между консерваторами и либералами. Признавая, что доступ к образованию третьего сословия должен быть ограничен, он считал все же необходимым просвещать ремесленников для поддержания национальной самобытности. В начале 1840-х гг. Сергей Григорьевич после расходования 400.000 рублей решил передать свою школу государству. Теперь на свободные средства он предполагал "предпринять другое дело, также тесно связанное с ощущаемою общею потребностью и с нравственным влиянием, которое оно должно иметь, по разумению моему, на среднее сословие Древней столицы" [39, с. 209-210]. Никакого другого проекта Сергей Григорьевич не предпринял, что, может быть, связано с изменением политической обстановки в Европе и необходимостью заняться делами вотчины после смерти в 1845 г. Софьи Владимировны. Правда, он издал книгу о реставрированном на собственные средства Дмитровском соборе во Владимире, которая зарекомендовала его как археолога. Любопытно, что с этой деятельностью сопрягалась его собирательская деятельность – коллекционирование монет, которое также было направлено на изучение древней Руси. Наконец следует добавить, что граф остался жить в Москве до конца правления Николая I, то есть провел в старой столице все так называемое "мрачное семилетие" – 1848-1855 гг. Именно на это время приходится его поездки в вотчину, целью которых было возвращение ее к древнему благочестию.

История Строгановых после Аники – это история бесчисленных попыток вернуть предпринимательскую удачу родоначальника, стать равным ему по широте мышления, благочестию и меценатству. Наиболее близко подошел к решению этой задачи Григорий Дмитриевич, увеличивший в XVII веке пределы вотчины до максимальных размеров, приумноживший число варниц и сделавший исключительно много в храмовом строительстве. Граф Александр Сер-

геевич, поднявший влияние Строгановых на исключительную высоту в XVIII веке, построив Казанский собор, более наследовал православное меценатство Аники. Сергей Григорьевич стремился продвинуться в разных направлениях. Став распорядителем крупнейшего в России земельного владения, он желал его приумножить. Более настойчиво, чем другие потомки Аники Федоровича и Григория Дмитриева, он пытался вернуться в вотчину, справедливо полагая, что отрыв от нее стал причиной медленного исчезновения богатства династии. Возможно, первоначально Строганов оказался не на Каме, а на Волге. Н. М. Колмаков рассказал анекдот о бесславном участии графа в аукционе железа на Нижегородской ярмарке [19, с. 85-86]. Хотя коллекционерская фортуна не благоприятствовала графу, все же более удачной оказалась его попытка получить семейные реликвии. В марте 1847 г. Сергей Григорьевич обратился к обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой о передаче конфискованного собрания икон Благовещенского собора в Сольвычегодске "как памятников христианского благочиния его предков". Согласно воле императора, 231 икона была передана в полное распоряжение графа. Эти образы стали основой для "контрреформы" графа в пределах вотчины, суть которой выражена в следующих словах: "Пока я и Наталья Павловна будем живы – не ставить иконы в иконостасах, ни церквях образов академического письма... держаться старого древнего иконописания" [17, с. 67]. В 1851 г. Сергей Григорьевич сам отправился в Ильинское, административный центр вотчины. Там он оставил для передачи художнику рисунок иконостаса для Добрянской церкви, построенной годом раньше при старинном заводе. Живописцу было также предложено искать старые образцы [26, л. 1-3]. Наконец, в 1852 г. владелец предписал главной конторе села Ильинского заменить все старые иконостасы на новые, потому что "большая часть иконостасов в церквях нераздельного имения не соответствует назначению и потеряло характер, издавна принятый православною церковью" [17, с. 67]. Возвращение Строганова на Каму имело целью найти истинное благочестие, утраченное в центральной России в петровское время, и принести его на берега Невы.

Накануне начала правления имп. Александра II Строганов имел репутацию ревнителя старины и выдающегося наставника. Новый монарх предложил графу сразу несколько государственных постов. 24 ноября 1856 г. Именным Высо-

чайшим указом Сергею Григорьевичу было поручено заведовать археологическими изысканиями. В сентябре 1858 г. он переехал в Петербург, поскольку был назначен членом Государственного совета. В начале 1859 г. Строганов вернулся на некоторое время в Москву, поскольку оказался на посту генерал-губернатора старой столицы. Однако уже в сентябре граф вновь, и теперь уже окончательно, оказался на берегах Невы, ибо получил должность воспитателя наследника престола – вел. кн. Николая Александровича. Прежде тот жил вместе с братьями и имел общего с младшими братьями воспитателя – генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева, которому помогали генералы Г. Ф. Гогель и Н. Г. Казнаков. "Трудно понять, какими соображениями руководствовались при подобном выборе. Нельзя сказать, чтобы это были дурные люди, напротив того, но они не были на высоте своего положения" – писал С.Д. Шереметев, выражая мнение современников [21, с. 192-193]. Государь имел намерение назначить к наследнику особого попечителя по достижении им совершеннолетия, которое выпадало на 8 сентября 1859 г. Сам Александр II склонялся в пользу Зиновьева, но этому воспротивилась императрица. Тогда выбор пал на кн. Н. А. Орлова, председателя Государственного совета. Он даже был представлен молодому человеку, но отклонил от себя жребий, ссылаясь на слабое здоровье. Только тогда взоры императора и его супруги остановились на 65-летнем Сергее Григорьевиче.

Работа Строганова началась с получения отзывов о прежних преподавателях, которые были получены от Я. К. Грота. Затем граф удалил всех учителей, признававших исключительно немецкий язык, за исключением А. Ф. Гримма. "В шестнадцатилетнем возрасте цесаревич по годам и развитию соответствовал поступившим тогда в студенты. Имея это в виду и ценя редкие, блистательные его дарования, граф по строго обдуманному плану составил для него своеобразный университетский курс из нескольких наук юридического и филологического факультетов и военной академии генерального штаба, а в преподаватели взял профессоров этих высших учебных заведений и духовной академии" [4, с. 329]. Курс этот был определен на три с половиной года. На первый – были назначены богословие, история философии, всеобщая и русская истории, география России и энциклопедия права. Богословие и церковную историю читал протоирей И. В. Рождественский, историю философии – профессор московской духовной

академии В. Д. Кудрявцев. Русскую историю продолжал преподавать С. М. Соловьев, а всеобщую – профессор петербургского университета М. М. Стасюлевич. Кроме упомянутых дисциплин, проходили занятия французской и немецкой словесностью, а также военными науками: артиллерией, фортификацией и тактикой. Буслаеву, секретарю графа, была поручена история русского слова со следующим напутствием: "Мне кажется, Ф.И., что главное внимание ваше должно быть обращено на приучение воспитанника к самостоятельности [самостоятельности – С. К.], знакомя его с бытом и умственным развитием России в истории ее литературы"² [4, с. 330]. Тогда же в окружении наследника появился О. Б. Рихтер, офицер Кавказской армии, и голландец Ф. А. Оом, который "тесно связан был с такими выдающимися людьми, каковыми были адмирал Литке, Оленин и знаменитый И. А. Крылов. Его мать заслужила себе почетную известность в ведомстве Имп. Марии... Это... был при дворе элемент полезный и культурный, с значительными литературными преданиями" [21, с. 198-199]. Летом наследник отправился в Либаву. Его сопровождали только О.Б. Рихтер, Гримм и Оом, игравший роль секретаря. После возвращения из числа преподавателей был удален и Гримм. После этого Н.В. Зиновьев 24 сентября 1860 г. счел необходимым предупредить Александра II о возрастающем влиянии Сергея Григорьевича на наследника в следующих выражениях: "Граф Строганов взошел при Наследнике в роль графа Панина при Великом Князе Павле Петровиче, ...его внутренние и внешние достоинства оправдывают это притязание" [5, с. 252].

Н. И. Панин (1718-1783) в течение 12 лет был российским посланником в Швеции и использовал это время для изучения политического строя различных стран. Вернувшись в 1760 г. в Россию, был назначен воспитателем вел. кн. Павла Петровича. Пытался использовать недовольство гвардии Петром III для возведения на престол наследника, оставив Екатерине II лишь регентство. В 1763 г. предложил реформу высших органов управления государством, предусматривавшую существенное ограничение власти императрицы. Несмотря на провал этих планов, Панин оставался на своей должности вплоть до совершеннолетия Павла, наступившего только в 1773 г. Эта ситуация объясняется его опорой на значительную группу родовитого дворянства. Вплоть до начала 1770-х гг. Никита Иванович являлся фактическим руководителем российской дипломатии, не оставлявшим идей кон-

ституционного переустройства страны и переворота в пользу наследника. Хотя ситуация Строганова была иной: он получил право влияние на наследника после достижения им совершеннолетия, которое в данном случае наступило в 16 лет, значение его поста для будущего империи трудно переоценить. И, без сомнения, он использовал шанс, правда, стоит отметить, что его устремления были обратными по отношению к Панину. Сергей Григорьевич всеми силами пытался не допустить конституции в России. Приводя пример из истории XVIII в., Зиновьев, вероятно, имел в виду разные направления усилий императора и Строганова, который так же, как и Никита Иванович, был выразителем интересов большой группы дворянства.

Одновременно с воспитанием наследника Сергей Григорьевич вернулся к активной деятельности в сфере народного просвещения, используя свое положение члена Государственного совета. В частности, он был назначен членом особой комиссии для рассмотрения отчетов министра народного просвещения. А.В. Никитенко 25 апреля 1861 г. записал в своем дневнике: "Говорят, Строганову предложено было министерство: он отказался. Говорят также, что он очень силен при дворе..." [9, с. 112]. Первый глава ведомства эпохи Александра II Е.П. Ковалевский не мог справиться с волнениями в университетах и не желал применять репрессивные меры по отношению к студентам. Новым министром в июне был назначен гр. В.Е. Путятин, занявшийся искоренением вольностей в университетах [28, с. 98-29]. Граф Строганов действительно был силен при дворе и использовал свое возросшее влияние при обсуждении важных вопросов, которые касались не только министерства просвещения. Никитенко 23 декабря 1860 г.: "Гонение на воскресные школы. Князь В.А. Долгоруков подал Государю записку, направленную против них, внушенную ему гр. С. Г. Строгановым" [9, с. 237]. После пожаров летом 1861 г. эти учреждения действительно прекратили свое существование. Тот же источник 12 мая 1861 г.: "Сергей Григорьевич читал свой проект. Согласно ему, университеты должны быть доступны только дворянам и имущим классам. Провалился" [9, с. 259]. По свидетельству министра внутренних дел П.А. Валуева, граф настаивал на подавлении польских волнений 1861 г., "сильно восставал против нарушения прав собственности" при обсуждении крестьянской реформы и даже позволил себе какие-то "выходки" после опубликования манифеста [11, с. 63].

Поведение Сергея Григорьевича оказалось

неожиданным для общества, которое устами вел. кн. Константина Николаевича высказалось следующим образом: "Мы ожидали человека с либеральными взглядами, а не закоснелого крепостника" [11, с. 89.]. А.В. Никитенко также с сожалением констатировал: "На противоположной стороне просвещенный либерал граф Строганов. Видно недалеко ушли его либерализм и просвещение" [9, с. 242]. Таким образом, можно заметить, что Сергей Григорьевич, прослышавший либералом в правление Николая I, с первых дней царствования его сына имп. Александра II проявил себя как консерватор. Граф был выразителем чаяний той части дворянства, которая увидела в реформах угрозу своему доминированию в государстве. Недовольные, по крайней мере отчасти, курсом прежнего монарха, теперь они увидели в нем свой идеал, любые покушения на который внушали им страх за свое будущее и будущее государства. Большинство "оппозиционеров" не смели открыто противиться новым веяниям. Хотя Александр II придавал меньшее значение династиям, чем его предшественник на престоле, он не мог полностью игнорировать старую аристократию. Строганов, опиравшийся на авторитет предков и обладавший значительными средствами, доставлявшими ему свободу на административных постах, занял место неформального лидера консервативного лагеря, которое еще не даровано ему исторической наукой.

История и проблемы консерватизма в России в последнее время привлекают все большее число исследователей [2 (4), с. 245-262; 2 (1), с. 253-272; 2 (2), с. 237-242; 2 (3), с. 217-239; 18; 27; 32]. Толкование понятия мы заимствовали у А. Н. Боханова, который указал, что отношение к Богу и к Церкви является линией водораздела между русскими либералами и русскими консерваторами. Тот же автор в 1997 г. составил "галерею портретов" традиционалистов, включив в нее А. Х. Бенкендорфа, С. С. Уварова, П. А. Валуева, Д. А. Толстого, П. А. Шувалова, В. К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича. Исключительно важным для нас К. П. Победоносцева составитель также имел в виду, но, по его собственному признанию, не нашел автора, который рискнул бы описать столь противоречивую фигуру [30]. Для гр. С. Г. Строганова места в галерее не нашлось, хотя, на наш взгляд, он занимает важное место в этой когорте не только потому, что поддержал К. П. Победоносцева, М. Н. Каткова, но и в связи с тем, что сам играл значительную роль в борьбе консерваторов и либералов. Во вступительной статье к сборнику А. Н. Боханов сделал некото-

рый анализ явления, явно стремясь реабилитировать некоторые исторические фигуры, прежде считавшиеся одиозными. В частности, он писал: "На каждом историческом отрезке, особенно переломов, русские консерваторы могли вздохнуть по безнадежно ушедшим временам, но никогда не намеревались вернуть прошлое, повернуть ход жизни вспять. Здесь заключалось принципиальное различие между собственно консерваторами и реакционерами, стремившимися любой ценой сделать день вчерашний днем завтрашним" [30, с. 9]. Правда, имена реакционеров автор не назвал. Далее Боханов указал, что отношение к Богу и к Церкви является линией водораздела между русскими либералами и русскими консерваторами. Для последних он установил следующие принципиальные положения:

- незыблемость самодержавного монархического правления как проявление универсального мирового порядка, санкционированного религией;
- признание несовершенства природы человека, у которого за внешней благопристойной оболочкой скрывается неразумность и греховность, преодолеть которые можно лишь путем нравственного самосовершенствования в лоне церкви;
- принятие как всеобщей данности социального, умственного и физического неравенства людей;
- необходимое наличие социально-сословных классов и групп, развивающихся под покровительством власти;
- безусловное признание незыблемости частной собственности;
- необходимое участие аристократии в делах управления государством;
- ограниченность сферы человеческого разума и, следовательно, важность традиции, исторических институтов, исконных символов, государственно-церковных и бытовых ритуалов [30, с. 13].

Всем этим принципам следовал гр. С. Г. Строганов, это и позволяет включить его в число российских консерваторов, разумеется, с различными оговорками. Отыскивая и продвигая единомышленников, он использовал свое положение воспитателя наследника престола и влияние в профессорской среде для подготовки платформы реализации своих идей в будущем.

Путешествие еще с XVIII века было отличительным знаком "строгановского воспитания". Еще в 1752 г. барон Сергей Григорьевич отправил своего сына Александра в Европу, где он находился пять лет, включая двухлетнее обра-

зование в женевском университете. Именно поездка Александра Сергеевича в Европу сделала его графом, и потому спустя много лет он организовал подобное путешествие для своего сына Павла, который прежде совершил несколько поездок по России. Это было существенной частью патриотического воспитания, дань которому отдавал, разумеется, и Сергей Григорьевич. В августе 1861 г. была предпринята первая поездка с наследником по России. Они путешествовали по Волге до Казани, а из нее отправились в Москву, где в сентябре великий князь должен был слушать лекции университета. Однако нововведения Путьятина вызвали там волнения, и Сергей Григорьевич был вынужден отказаться от своего замысла. Брожение студентов наблюдалось и в Петербурге, что стало причиной отказа от задуманного посещения университета и в столице. Тогда к цесаревичу частным образом были приглашены профессор политической экономии (А. И. Чивилев), статистики (И. К. Бабст), гражданского права (К. П. Победоносцев), государственного права (Б. Н. Чичерин). Таким образом, "создание университета" пригодились, кризис преподавания был урегулирован, но проблема министра оставалась. В ноябре, во время беседы с К. К. Гротом, А. В. Никитенко согласился с мнением собеседника о неспособности Путьятина возглавлять министерство. Было также отмечено, что Строганов вмешивается во все и, в частности, заставил отказаться от приглашения профессоров для обсуждения устройства университетов [9, с. 251]. Однако не во всех начинаниях он добивался успеха, и не всегда точка зрения графа принималась высшими органами власти. В декабре действительно появился новый глава министерства – А. Г. Головин, человек либеральных взглядов. В 1862 г. был опубликован новый устав, предполагавший возвращение университетам автономии, утраченной ими в правление Николая I. После всестороннего обсуждения проекта в университетских советах и в ученом комитете министерства, на котором присутствовали научные и общественные деятели, документ был отправлен в Государственный совет. Его рассмотрели на особом совещании под председательством Строганова, и он вошел в законную силу 18 июня 1863 г.

На тот же год Сергей Григорьевич наметил большую поездку наследника престола по стране, в которую, кроме Рихтера и Оома, взял также Победоносцева и Бабста. Письма двух последних упомянутых людей публиковались в "Московских ведомостях" М. Н. Каткова, который, как будет показано ниже, также в некотором

смысле был протеже Сергея Григорьевича. 11 июня великий князь, его наставник и сопровождающие лица, в числе которых был и Николай, младший сын Сергея Григорьевича, сели на пароход "Фонтанка" около старого Воскресенского моста (в настоящее время на его месте мост) и отправились вверх по Неве к Шлиссельбургу. Далее их ждала Новая Ладога (цель посещения которой состояла в знакомстве со шлюзами Ладожского канала), Олонецкий монастырь Александра Свирского, Свирский канал, Петрозаводск (литейный завод). Кроме того, здесь путешественники посетили Соломенный остров, где работал Петр I, а также водопад Кивач. Затем в экипажах и возках они добрались до Белозерска, посетив знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. Дальнейший маршрут был такой: Вологда – Великий Устюг – Сольвычегодск. В этот момент наследнику престола рассказывалось о пребывании Петра Великого в этом краю и его распоряжениях, зырянах, Св. Стефане – просветителе края. В Грязове великий князь должен был познакомиться с жизнью раскольников. В Ярославле его предполагалось ознакомить с губернским правлением, лицеем, американской паровой мельницей, в Рыбинске – с хлебной торговлей, частным канатным заводом, пароходной верфью, складом канатов, веревок и парусины. Далее были Углич, Кострома (Ипатьевский монастырь). В Богоявленском монастыре этого старинного города Строганов решил преподать своему ученику урок отношения к старине. "Взошли, конечно, прежде всего, в собор, замечательный своим резным иконостасом XVI века. Тут архимандрит обратился к гр. С. Г. Строганову, говоря, что бедна обитель и что следовало бы позолотить иконостас, но по его громадности дело стоить будет дорого, а средств нет. Ответ был таков: "Да молитесь Богу, что их никогда не было на это святотатство. Знайте, что это гармония старого золота, окрашенная веками, составляет его драгоценность и прелесть" [3, с.102]. Эти слова нашли отклик в душе Николая Александровича. В письме к отцу, императору Александру II, он выразил желание о строительстве нового храма, в котором старый составлял бы алтарь. Кроме того, великий князь приобщился к собиранию произведений средневекового искусства. Наконец, Боголюбов свидетельствовал, что Николай Александрович прекрасно писал и "говорил иногда древнеклассической русскою речью" [3, с. 99]. Таким образом, Сергей Григорьевич мог быть доволен своим учеником. Далее было Иваново (мануфактуры), затем вновь Кострома,

Нижний Новгород (ярмарка), Казань, Симбирск, Жигулевские горы. О настроении при осмотре этих живописных мест свидетельствует фрагмент дневника Боголюбова: "В разговоре со мной я ему высказал, что вся Саксонская Швейцария, пресловутый Рейн от Бонна до Майнца – все это жалко перед нашей родной волжской природой, где десятками верст тянутся Жигули, Столбичи, и никто не охает, а тихо любит, если есть сознание величия и красоты местности" [3, с. 105].

Вниз по Волге путешественников ждала еще Самара (гражданская палата), Саратов (степное хозяйство), Царицын (войско донское). Столбичами они добрались до Астрахани. Затем на их пути оказались Ростов-на-Дону, Новочеркасск (торговля, угольные копи), Таганрог (вывоз хлеба, каботаж Азовского и Черного морей, лов сельди), Керчь и, наконец, Ливадия – императорская резиденция, где в тот момент архитектор Ипполит Монигетти строил новый комплекс. В Крыму путешественники провели лето, а в октябре через Симферополь, Екатеринослав, Харьков, Тулу направились в Москву. Из старой столицы они ездили в Троице-Сергиевскую лавру. После возвращения в марте 1864 г. Боголюбов поднес наследнику альбом с 250 рисунками, а также 25 этюдов маслом, в которых были зафиксированы самые эффектные мгновения тура, избранные самим художником.

В том же 1863 г. Сергей Григорьевич и цесаревич отправились в роковое путешествие за границу. Его целью было знакомство с дворами, государственными учреждениями, политическим строем государств западной Европы, а также морские купания для поправки здоровья и, наконец, столь важное дело, как выбор невесты. 1 января 1865 г. в Ницце начался заключительный акт трагедии, причиной которой был неверный диагноз заболевания вел. кн. Александра Николаевича. 24 апреля наследник умер. С. Д. Шереметев писал: "В то время шла впервые драма гр. А. Толстого, в которой высказывается скорбь о потерянном старшем сыне и о грустной необходимости почитать Царевичем Феодора. Это место многими подчеркивалось с явными намеками на современное положение..." [21, с.198]. По "наследству" от старшего брата стали ему служить Ф. А. Оом, И. К. Бабст, К. П. Победоносцев, а также кн. В.П. Мещерский. Лишь гр. С. Г. Строганов и генерал О. Б. Рихтер потеряли свое место. Смерть наследника вызвала большое негодование в обществе против графа [9, с. 222], хотя он все же имел влияние на нового наследника через Победоносцева. Это влияние,

разумеется, было уже не столь безраздельным, но оно имело свои последствия в момент государственного кризиса.

В период контрреформ второй половины 1860-1870-х гг. Строганов продолжал оставаться государственным деятелем, не занимая какой-либо должности. Спустя некоторое время после проигранной российской дипломатией турецкой войны 1876-1877 гг. наступил правительственный кризис рубежа 1870-1880-х гг. П. А. Зайончковский определил в нем четыре этапа: весна 1878-февраль 1880 г., февраль 1880-март 1881 г., март 1881-29 апреля 1881 г., май 1881-середина 1882 г. [12, с. 114]. Итак, начало первого этапа относится к весне 1878 г., когда под впечатлением от успехов агитаторов М. Н. Катков потребовал установления диктатуры. В апреле 1879 г. императором были назначены временные генерал-губернаторы. С другой стороны, был взят курс на расширение социальной базы самодержавия путем привлечения к управлению государством общественности. В феврале 1880 г. с началом второго этапа кризиса был совершен левый поворот: создана Верховная распорядительная комиссия во главе с Лорис-Меликовым, который придерживался либеральных взглядов. Как результат, в апреле 1880 г. Толстой был уволен с обоих занимаемых постов. В то же время если министром просвещения стал А. А. Сабуров – человек умеренных взглядов, то на месте обер-прокурора оказался К. П. Победоносцев. Его взгляды были близки программе Толстого. Таким образом, консервативная партия потеряла лишь первый из упомянутых постов.

И все же подготовленный Лорис-Меликом проект 28 февраля 1881 г. был призван расширить социальную базу власти путем привлечения цензовой общественности к обсуждению реформ. "В случае своего принятия он способствовал бы росту политической активности буржуазных слоев общества, тем самым подготовив почву для создания легальных политических партий... мог явиться началом утверждения парламентской системы в России" [12, с. 117]. 1 марта народолюбцами был убит имп. Александр II, что создало новую ситуацию, и кризис вступил в свою третью фазу. По мнению П. А. Зайончковского, если бы покушение было поддержано массовыми выступлениями или высший орган Народной воли осуществил какие-либо действия, власти пошли бы на уступки. Однако после двух месяцев колебаний новый монарх Александр III подписал манифест о неизбежности самодержавия.

По определению В. П. Мещерского, главны-

ми государственными деятелями России в тот момент являлись вел. кн. Константин Николаевич, Лорис-Меликов, военный министр Милютин, министр финансов А. А. Абаза. "Безлюдие", по его словам, наблюдалось в стане консерваторов. Сам автор мемуаров остановился на причинах такого положения вещей. Во-первых, в угоду отцу наследник не занимался политикой и потому не подбирал сановников своего направления. Во-вторых, окружавшие его люди также не занимались политикой и не готовили себя к государственной деятельности. В-третьих, потребность в людях нелиберального направления отсутствовала, "за неимением спроса огромное большинство государственных людей подготавливалось в либеральной школе эпохи, где тот редкий деятель, который не сочувствовал либеральному режиму, в своем консерватизме не шел далее пассивного отрицательного или скептического отношения к либеральному направлению". Мещерский считал, что только три "крупные государственные личности стояли на... красном фоне политической сцены, в определенных очертаниях своей консервативной состоятельности". Он назвал Строганова, Толстого и Победоносцева, но тут же добавил, что "первый, к сожалению, был слишком стар и болезнен для активной государственной роли в эту наступившую для нового Государя трудную минуту и мог только служить ему советом своего светлого ума и обширного запаса государственного опыта" [13, с. 12].

Лидирующая роль в стане консерваторов, безусловно, принадлежала Победоносцеву, единственному из трех людей, который в тот момент занимал государственную должность и, в известной степени, был обязан ею Строганову. Именно Сергей Григорьевич ввел в правительственные сферы Константина Петровича, который описал свой жизненный путь в письме императору Николаю II от 8 апреля 1902 г. Будущий обер-прокурор родился в многодетной семье профессора московского университета, младшим сыном которого являлся. Дед был священником. В 1841-1846 гг. К. П. Победоносцев учился в училище правоведения в Санкт-Петербурге. Затем служил в сенате. В 1850-х гг. начал читать лекции в московском университете. Позже он отзывался о начальном периоде правления Александра II следующим образом: "Когда начались реформы по кончине имп. Николая I и в Петербурге закипела работа разных комиссий, меня перезывали туда, но я отказывался пуститься в неведомое море новой работы, которая пугала меня"³ [16, с.112]. На

самом деле, Константин Петрович все же участвовал в проведении реформ, но затем захотел скрыть этот факт. В 1861 г. по вызову Сергея Григорьевича Победоносцев прибыл в столицу для преподавания юридических наук наследнику. В послании монарха он объяснил этот свой шаг "чувством патриотизма". В 1863 г., как уже указывалось, Константин Петрович сопровождал наследника в поездке по стране и с тех пор стал известен двору. Однако после смерти вел. кн. Николая Александровича он вернулся в Москву, где якобы мечтал остаться. Во всяком случае, именно так излагал свои мысли Николаю II. В 1866 г. новый цесаревич пожелал пригласить Победоносцева ко двору. О том периоде он выразился следующим образом: "Я стал известен в правящих кругах, обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен". Однако "фаворит" все же признал, что он стал привычным лицом в Аничковом дворце (резиденции наследника), был назначен членом Государственного совета и приобрел репутацию упорного консерватора [16, с. 114]. Для нас существенно, что он был "глазами и ушами" Строганова, который также имел "большой кредит" при "малом дворе". В январе 1879 г. из-за болезни графа был отменен бал в Аничковом дворце [24, с. 180]. Таким образом, благодаря, правда, в большей степени Константину Петровичу, чем самому себе, Сергей Григорьевич и после смерти вел. кн. Николая Александровича сохранил влияние на наследника, которым он не преминул воспользоваться после занятия им престола.

6 марта 1881 г. Победоносцев писал новому монарху: "... Страх берет меня, когда думаю, что вы одиноки и не на кого вам опереться. ...Позовите к себе старика С. Г. Строганова: он человек правды, старый слуга ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа, и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы о вас и об России" [24, с. 315-316]. Бесспорно, в тот момент было важно, что Строгановы еще в XV веке выкупили из татарского плена великого князя московского, а в Смутное время оказывали финансовые услуги правительству. Константин Петрович готовил совещание по поводу проекта Лорис-Меликова, которое было назначено в

Зимнем дворце на 8 марта. Сергей Григорьевич рассматривал историческое собрание как победу консерваторов, и честь ее приписывал себе. Об этом свидетельствует запись в дневнике его внука от 12 марта 1881 г.: "Ни один из всех присутствующих не решился твердо и ясно высказаться ни за, ни против проекта. ...Дедушка восстал против проекта твердо и решительно. В проекте, между прочим, было указано на то, что имеющая собраться земская дума [должна] выработать проект закона о представительстве постоянном (прямо говоря: проект конституции). Как овцы, не решающиеся на первый шаг, министры молчали, молчали, пока не заметили сильного впечатления, произведенного на Государя прямою, честною и твердою речью Дедушки. ...Государь в ответ на слова Дедушки заметил: "Я совершенно с Вами согласен, да и отец мой всегда был против конституции". Таким образом, была отклонена реформа, грозившая России многими бедствиями и усилением того хаоса, который господствует у нас вследствие противоречия между сущностью понятия о власти и теми объяснениями, которыми правительство постоянно стремилось подтачивать это начало" [14, с. 427].

Гр. С. Д. Шереметев, называя Строганова "виновником всей передраги" [21, с. 561], считал его главным действующим лицом события, которое зафиксировано во множестве источников [7, с. 445-448; 15, с. 132-152; 6, с. 125-186]. Наиболее полные сведения о совещании содержит дневник государственного секретаря Е. А. Перетца, который даже составил план стола на заседании. Из этого чертежа видно, что Сергей Григорьевич сидел слева от императора. Место справа было отведено вел. кн. Николаю Константиновичу, и, таким образом, конфигурация участников отражала баланс между левыми и правыми. Несомненно, граф был необходим императору для увеличения числа консерваторов на заседании. После чтения Лорис-Меликовым записки Строганов выступил первым и сказал: "Ваше величество, предлагаемая вами мера, по моему мнению, не только не своевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная. Мера это вредная потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России, безусловно, необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время, и без предлагаемой новой меры, власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что

и проповедают невозможные доктрины... Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России" [10, с. 33]. На это император сказал: "Я тоже опасуюсь, что это – первый шаг к конституции". Выступивший затем министр внутренних дел П. А. Валуев поспешил сказать, что проект, который выдвигался в 1863 и 1866 гг. очень далек от конституции. Следующим говорил Милютин, высказавшийся в поддержку проекта. Л. С. Маков, наоборот, принадлежал к числу его противников. А. А. Абаза, министр финансов, был сторонником Лорис-Меликова. После него пришла очередь Победоносцева.

Обер-прокурор Синода заявил, что хотят ввести конституцию, и далее продолжил: "И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. ...Так называемые представители земства только разобщат царя с народом". Далее Константин Петрович говорил о том, что все собравшиеся виноваты в гибели царя, то есть соединил реформы со смертью Александра II [10, с. 40]. Абаза возмущился этими словами и заявил о возможной отставке правительства. После выступления ряда других министров слово взял вел. кн. Константин Николаевич, который просил племянника пересмотреть проект, но в конечном итоге все же его принять. Урусов предложил создать министерскую комиссию, которую Александр III поручил возглавить Строганову. Тот, несомненно, польщенный оказанной честью, все же отказался председательствовать, сославшись на преклонный возраст, но согласился войти в состав. Мнение современников об итогах совещания 8 марта были разными. Немедленно после события Е. А. Перетц, в частности, считал, что у проекта Лорис-Меликова оставались перспективы. Вряд ли будет справедливым сказать, что Сергей Григорьевич в одиночку воспрепятствовал конституции. Если консерваторы одержали победу, то успех следует приписать союзу графа с К. П. Победоносцевым, да и с самим императором, подготовленным своим бывшим наставником. С другой стороны, можно заключить, что произошло столкновение двух партий, которое ничем не закончилось. Именно поэтому Константин Петрович продолжал свое наступление. Он обеспокоился судьбой народовольцев и обратился к мо-

нарху с таким письмом: "Слух о помиловании убийц дошел до старика гр. Строганова, который приехал ко мне сегодня в волнении. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет – этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется" [16, с. 47]. Наконец, дело дошло до манифеста о незыблемости самодержавия, составленного по образцу документов 19 декабря 1825 г. (после подавления восстания декабристов) и 13 июля 1826 г. (после казни пятерых участников заговора). Таким образом, события начала правления Николая I и Александра III были поставлены в один ряд. В обоих случаях граф Сергей Григорьевич Строганов был востребован, хотя во втором случае он сыграл более важную роль.

25 апреля "фаворит" сообщал монарху: "Вся Россия ждет, все честные люди в смущении. С другой стороны, все безумные, которые ждали конституции, – журналисты, профессора, чиновники-либералы, – проклинают меня на всех перекрестках, так как пущен слух, будто я помешал конституции. ...Состояние нерешимости не может длиться, – в таком случае оно будет гибелью. А если принять решение, то необходимо высказаться. Я сижу второй день, обдумывая проект манифеста, посоветуюсь с графом С. Г. Строгановым и представлю на ваше усмотрение" [16, с. 330-331]. 26 апреля Победоносцев рапортовал: "Спешу представить... выработанную мною редакцию манифеста... Вся Россия ждет такого манифеста и примет его с восторгом, разумеется, кроме безумных людей, ожидающих конституции. Граф С. Г. Строганов вполне согласен с этим и вполне доволен редакцией, которую я сегодня ему показывал. Кроме его, никто не знает об этом" [16, с. 330-331]. В том же послании Константин Петрович сообщил дату публикации – 29 апреля – и обстоятельства его обнародования – майский парад. Так был составлен проект царствования, причем в определенной степени не только текущего, но и следующего. В приводимом уже выше письме Николаю II 1902 г. К. П. Победоносцев напоминал монарху, что "решительный шаг 29 апреля 1881 г." был его заслугой. Кокетливо называя себя в послании "фаворитом всесильным, который всем распоряжается и от которого все зависит", далее обер-прокурор с горечью писал: "Мне ставится в вину дело, которое я считаю в нынешнее время самым важ-

ным и нужным для России делом, – ибо в народе вся сила государства и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно уберечь только посредством церкви и школы, связанной с церковью" [16, с. 332]. Он также считал, что его жизнью руководит провидение. Так же думал и Николай II, и Строгановы, причем не только Сергей Григорьевич, но его внук Сергей Александрович, унаследовавший нераздельное имение.

7 июня 1881 г., в период переживания победы, С. Г. Строганов писал Победоносцеву: "Из присланных мне трех экземпляров Вашего "Доброго Слова" один передам сыну моему Николаю, другой – внучке Толстой⁴, а третий останется у меня в память доброго Вашего ко мне расположения и в память знаменательных дней от 8-го марта до 29 апреля, где Вы своим сильным и правдивым словом успели разрушить козни людей неправды (100 р. в пользу духовных училищ)" [16, с. 111]. Последнее замечание – своеобразная дань уважения к делу обер-прокурора. В той или иной степени ее приносили почти все представители рода, что служит для нас указанием на единство взглядов.

К тому времени правительственный кризис вступил в последнюю стадию, на которой демагогия сочеталась с реакционными мерами. В отставку ушли Лорис-Меликов, Абаза и Милютин. В 1882 г. сложился руководящий триумvirат Каткова, Победоносцева и Толстого, который 31 мая был назначен министром внутренних дел. К консервативному трио примыкал упомянутый выше кн. В. П. Мещерский, который свидетельствует, что последние месяцы жизни Строганов жил в уединении, не участвуя в государственной политике. Он скептически относился к современной минуте и говорил автору мемуаров: "Я жалею бедного Государя, поставленного между Победоносцевым, который всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает того, что надо, и между Игнатьевым, который всегда хочет, но ничего не может. А человека с головою, способного создать план и его осуществить, как будто не находится" [13, с. 65]. Эти слова были произнесены во время доверительной беседы. Затем, обращаясь к Мещерскому, граф добавил, что более уповает на здравый смысл "нашего Александра Александровича", чем на государственный ум его министров" [13, с. 65]. На вопрос видится ли он с императором, Сергей Григорьевич ответил: "Реже редкого. Во-первых, я едва влачу ноги, во-вторых, я вышел из курса дел, а в-третьих, Государю нужны ме-

нее старые советники; у стариков есть преимущество опыта, но зато у них нет главного двигателя в жизни – веры в нее, энергии и иллюзии от этой веры, без которых нельзя ни идти вперед, ни творить. Совет, как справочная книга, я даю, но вмешиваться в административную кухню я не хочу" [13, с. 66]. Строганов также следующим образом высказался по поводу "реформатора 1880-881 гг.": "История разберется в делах и мыслях Лорис-Меликова. Я его осуждаю только за невероятное легкомыслие в обращении с государственными вопросами и объясняю это его полным незнанием России. С таким незнанием России ставить людей во главу правительства неразумно и опасно. А главное, в чем он виноват, это в том, что он не имел мужество сказать Государю: Ваше Величество, я не способен управлять Россией" [13, с. 69].

27 марта 1882 г. Сергей Григорьевич скончался. 1 апреля Победоносцев писал Александру III: "Вчера мы опустили в землю графа С. Г. Строганова. Во истине, это был последний русский боярин в лучшем смысле слова. Другого такого не осталось" [24, с. 377]. Гр. А. С. Строганова также называли боярином. Однако муж его внучки сделал многое для того, чтобы по отношению к нему употребление этого слова было более уместным. Анализ жизненного пути гр. С. Г. Строганова позволяет увидеть неизменность кредо представителя старинного и авторитетного русского рода, причислить его к числу "государственных деятелей без портфеля", а также определить как преимущественно консерватора. Проявив себя уже в ранней молодости смелым защитником Царя и Отечества, все последующие годы граф не изменял своему кредо. Будучи учредителем первого в России училища технического рисования, главой нераздельного имения и патриархальной семьи, Сергей Григорьевич наиболее ярко проявил себя на ниве народного просвещения. По стечению обстоятельств его "звездный час" участия в государственной политике выпал на канун смерти – период между 8 марта и 29 апреля 1881 г. Решительно выступив в поддержку самодержавия, граф оставил этот принцип в наследство внуку Сергею Александровичу – последнему представителю рода Строгановых.

Своей деятельностью Сергей Григорьевич заслужил место среди столпов династии Строгановых после Аники Федоровича, Григория Дмитриевича и Александра Сергеевича. В его жизни можно отметить пять периодов: приобретение авторитета бесстрашного воина – защитника Отечества (1795 – 1818 гг.), принятие

ответственности за судьбу рода, переезд в Москву, направление авторитета и излишков средств на просвещение (1818 – 1847 гг.), преобразование собственных земель как модель реформирования государства (1847 – 1858 гг.), воспитание наследника престола с целью переустрой-

ства империи по образцу собственной вотчины (1859 – 1865 гг.), использование авторитета династии и политического веса своего ставленника для утверждения собственного взгляда на устройство империи (1866 – 1882 гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Испанской графиней д'Ега, на которой Григорий Александрович женился в 1826 г.
2. В письме от 26 октября 1859 г.
3. В письме императору Николаю II от 1902 г.
4. Имеется в виду Наталия (1852 – 1930), дочь умершей вскоре после ее родов С.С. Строгановой (1824 – 1852), в замужестве графини Толстой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Баталов, А. Полемика по поводу сочинения Виоллие ле Дюка "Русское искусство" [Текст] / А. Баталов // Методические проблемы современного архитектуроведения: Сборник научных трудов ВНИИТАГ. – М., 1989.
2. Беленький, И.Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) [Текст] / И.Л. Беленький // Россия и современный мир. – 2001. – № 4; 2002. – № 1, № 2, № 3.
3. Боголюбов, А.П. Записки моряка-художника [Текст] / А.П. Боголюбов // Волга. – 1996. – № 2. – С. 3.
4. Буслаев, Ф.И. Мои воспоминания [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1897.
5. Великий князь Александр Александрович [Текст]: Сб. документов. – М., 2002.
6. Голицын, Н.В. Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории [Текст] / Н.В. Голицын // Былое. – 1918. – № 4, № 5.
7. Государственное заседание 8 марта 1881 года [Текст] // Русский архив. – 1906. – № 7.
8. Гурулева, В.В. С.Г. Строганов, меценат и коллекционер [Текст] / В.В. Гурулева // Коллекционеры и меценаты в С.-Петербурге (1703 – 1917): Тезисы науч. конф. в Государственном Эрмитаже 18 января 1995. – СПб., 1995.
9. Дневник А.В. Никитенко [Текст]. – СПб., 1902.
10. Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца (1880 – 1883) [Текст]. – М.-Л., 1927.
11. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел [Текст]: Т. I. – М., 1961.
12. Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х гг. [Текст]. – М., 1964.
13. Записки кн. В. П. Мещерского [Текст]: Т. 3. – СПб., 1897.
14. Из дневника графа С.А. Строганова. Сообщила Н. Павлова [Текст]: Кн. 1 // Дела и дни. – 1920.
15. К истории лорис-меликовской "конституции" (заседание Совета министров 8 марта 1881 г.) [Текст]: Т. 1 (8) // Красный архив. – 1925.
16. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки [Текст]: Т. 1. Novum regnum. Полутом 1, 2. – М. – СПб., 1923.
17. Казаринова, Н.В. Крепостные и забытые живописцы Прикамья конца XVIII – первой половины XIX века [Текст] / Н.В. Казаринова // Художественная культура Пермского края и ее связи: Материалы научной конференции 21 – 24 февраля 1989 года. – Пермь, 1992.
18. Кармизова, С.Т. Российский консерватизм как философско-политическая идея: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филос. наук / С.Т. Кармизова. – Ростов-на-Дону, 1999.
19. Колмаков, Н.М. Дом и фамилия Строгановых. 1752 – 1887 [Текст]: Т. 54. // Русская старина. – СПб., 1887.

20. Кузнецов, С.О. Строгановские fond's d'ог. Живопись XIV – XV веков в собраниях Сергея Григорьевича Строганова и его сыновей – Павла и Григория [Текст] / С.О. Кузнецов // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. – СПб., 2001.
21. Мемуары С.Д. Шереметева. [Текст]. – СПб., 2003.
22. Пивоварова, Н.В. К истории коллекции икон графа Сергея Григорьевича Строганова [Текст] / Н.В. Пивоварова // Судьбы музейных коллекций: Материалы VI Царскосельской научной конференции. – СПб., 2000.
23. Пивоварова, Н.В. Об одном эпизоде из истории "борьбы с расколом" в середине XIX в.: Судиславские моленные Н.А. Папулина и их судьба по документам Российского государственного исторического архива [Текст] / Н.В. Пивоварова // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.) / под ред. Е.М. Юхименко. – М., 2004.
24. Письма Победоносцева к Александру III [Текст]: Т. 1. – М., 1925.
25. Полунина, Н.А., Фролов А. С.Г. Строганов [Текст] / Н.А. Полунина, А. Фролов // Коллекционеры старой Москвы: Биографический словарь / под ред. акад. С.О. Шмидта. – М., 1997.
26. Российский государственный архив деловых актов. Ф. 1278. Д. 209.
27. Репников, А.В. Консервативная концепция российской государственности [Текст] / А.В. Репников. – М., 1999.
28. Родзевич, Н. Отставка Е.П. Ковалевского [Текст] / Н. Родзевич // Исторический вестник. – 1905. – ХСІХ.
29. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902 [Текст] / С.В. Рождественский. – СПб., 1902.
30. Российские консерваторы [Текст]. – М., 1997.
31. Россум ван, И. Неизвестное письмо графа С.Г. Строганова А.И. Герцену [Текст] / И. Россум ван // Прометей. – 1971. – № 8.
32. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика [Текст]. – М., 2000.
33. Сербов, Н.И. Строгановы [Текст] / Н.И. Сербов // Русский биографический словарь: Т. Смеловский – Суворина. – СПб., 1909.
34. Соловьев, С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других [Текст] / С.М. Соловьев // Сочинения в восемнадцати книгах: Кн. XVIII. М., 1995.
35. Строганов, С.Г. Дмитриевский собор во Владимире (на Клязме). Строен с 1194 до 1197 г. [Текст] / С.Г. Строганов. – М., 1849.
36. Строганов, С.Г. О необходимости образования для ремесленников и об открытии для них училища рисования в Москве [Текст] / С.Г. Строганов // Вестник Европы. – 1826. – Апрель. № 8.
37. Строганов, С.Г. Русское искусство Виолле-ле Дюк и архитектура в России от X-го по XVIII-й век [Текст] / С.Г. Строганов. – СПб., 1878.
38. Чичерин, Б.Н. Московский университет в воспоминаниях современников [Текст] / Б.Н. Чичерин. – М., 1989.
39. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. гр. С.Г. Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860 г. [Текст]. -М., 1901.

ПУТЬ ЕРМАКА В СИБИРЬ: ЛЕТОПИСНЫЕ ВЕРСИИ

Уже книжники XVII в. – и столичные, и провинциальные (включая сибирских) – по-разному представляли, каким образом "ермаковы казаки" попали за "Камень".

В Соловецком летописце одной из старших редакций утверждалось, что "Кучумово" ханство "взяли" донские и волжские казаки [11, с. 240]. В приписке к одной разрядной книге Ермак назван донским атаманом [2, с. 42]. Согласно летописцу, вышедшему из служилой среды "Низовской земли" в разгар Смуты, выступив с Волги, Ермак достиг "Сибирской земли" по Каме, Тагилу и Туре [12, с. 214]. В Новом летописце (далее – НЛ) редакции конца 1620-х гг. вслед за "Кратким описанием о Сибирской земле..." (далее – КО) [3, с. 61-63, 69; 4, с. 106, 245-248, 250, 251, 376] сказано о том, что, спасаясь от царских воевод, "воровавшие" на Волге казаки бежали вверх по этой реке¹ и добрались до Камы, а двигаясь вверх по ней ("до вотчины Строгановых" на Чусовой, откуда "старейшина" Ермак и его "товарищи", "изготовя себе запасу"), отправились в "Сибирское царство" "рекою Серебряною вверх", затем "переволокли" суда в Тагил, доплыли до Туры, потом Тобола, наконец, Иртыша, которым "доиде до городка, где кочевал царь Кучюм" [20, с. 308-309; 15, с. 33]. Приведенный рассказ, возможно, сложившийся в Москве в связи с учреждением тобольской архиепископии (1620 г.) через посредство официальной "Книги, глаголемой Новый летописец" попал в Головинскую, Нарышкинскую и Академическую редакции Сибирского летописного свода (далее – СЛС) [16, с. 181, 239, 305 – 306, 359; ср. 73, 77, 78]. Н. А. Дворецкой отмечено наличие в ЕЛ Распространенной редакции, открывающей перечисленные разновидности этого свода, вставок о разбое казаков на Волге и их появлении в Сибири, вторая из которых, по наблюдению исследовательницы, близка к НЛ [6, с. 64, 101]. В оглавлении Нарышкинской редакции СЛС, кроме того, упомянуто о том, что казаки пришли в Сибирь "с реки славной Волги", как поясняется в Уваровском списке той же разновидности свода, "водным путем стругами". О том, что до появления в "Закаменской стране" Ермак "со всем товариством его" действовал на Волге, читаем и в Книге записной – перво-

начальной редакции СЛС, который сложился в сибирской столице в последних десятилетиях XVII в. [16, с. 138, 232, 301].

Тобольский "первопрестольник" Киприан Старорушанин вскоре после приезда в "златоразрядный град" "далечайшей государевой вотчины" (1621 г.) повелел расспросить соратников легендарного атамана, в частности, о том, "како они приидоша в Сибирь". В ответ ермаковцы составили "написание" (далее – Н), не дошедшее до нас, которое позволило сочинить синодик (далее – С), известный по меньшей мере в трех редакциях. О том, как "русский полк" во главе с Ермаком очутился в "Сибирской земле", в С умалчивается, быть может, оттого, что при создании этого "помянника" "скаска" "ратоборцев" подверглась значительной переработке [5, с. 332].

В ЕЛ Основной редакции, завершенной, если верить ее "слогателью", 1 сентября 1636 г., читаем, что казачий отряд шел "в Сибирь Чусовую рекою" с Волги и достиг Тагила, Туры и Тавды, в устье которой был пленен ханский придворный Таузак, поведавший христианским "воям" "все про царя Кучюма" [16, с. 51, 83, 92, 109]. Е. К. Ромодановская, следовательно, не совсем права, утверждая, будто Есипов умалчал о происхождении "дружины", "наставником" которой был Ермак, и опустил всю предысторию знаменитой экспедиции [17, с. 48 и др.]. О том, что ермаковцы попали в татарский "юрт" по Тагилу, Туре и Тавде, но с Волги и Дона, говорится и в Румянцевском летописце [16, с. 32, 38], скорее всего вторичном относительно "истории" Есипова². Согласно Лихачевской редакции ЕЛ ("Слове о Сибирской стране"), атаманы и казаки с Волги явились в слободы Никиты Строганова, оттуда двинулись на Чусовую, где на волоке "строили" и струги вдобавок к имевшимся, а к отряду "присташа многие пермичи"; Тагилом Ермак и его сподвижники "в Пельинскую землю пришли" и там "всех побиша" и захватили немало "соболиной казны" [16, с. 120]. В этих свидетельствах показания Есипова соединены с известием Строгановской летописи (далее – СЛ) и преданиями, бытовавшими в устной форме³ [16, с. 18, 19].

Наиболее подробный рассказ о том, каким

путем "ермаковы казаки" достигли Сибири, мы встречаем в Погодинском летописце (далее – ПЛ), пожалуй, самой любопытной из вторичных редакций "Сказания", возникшего в стенах Тобольского архиерейского дома в начале "святительства" Нектария. Как читаем в этом летописце (названном при переработке есиповского сочинения "Повестью летописной, откуда начая царство бисерменское в Сибири ..."), волжские казаки под началом Ермака Тимофеева, разграбив на Волге государеву казну и "погромив" ногайских татар, оказались на Чусовой, которую "сибирским повоевать не дали". Далее "приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю" представлен следующим образом: "С Еика на Иргинские вершины да вниз по Иргизу" – левому притоку Волги; казаки плыли вверх по Волге и Каме, "поворотили" направо в Чусовую, по которой двигались "вверх же", затем попали в Серебряную, которая "пришла от Сибирской страны в Чусовую реку с правой стороны", и опять шли "вверх же", затем до Борончука "суды на себе волочили", а потом, теперь уже передвигаясь вниз по этой реке и Тагилу, "догребли до Епанчина" (где впоследствии возник Туринский острог) и, после боя с "кучюмовыми" татарами, выплыли "вниз Турою в Тобол", следом – в Тавду, впадающую в Тобол слева, "от Пелынского города", в сотне верст от Тобольска⁴ [16, с. 130-131]. Как видно, эти два свидетельства о предыстории бессмертной экспедиции не совпадают. Получается, что ермаковцы тронулись на Чусовую то с Волги, то с Яика и далее Иргиза. Первую из приведенных версий можно возвести к ЕЛ основной редакции, вторую – к записанным не ранее 1600 г. (когда был основан Туринск) "расспросным речам" какого-то ермаковца, скорее всего Черкаса (Ивана) Александрова, который трижды упомянут в ПЛ как участник "Сибирского взятия". Эти "расспросные речи", отложившиеся в Посольском приказе, наряду с хранившимися там другими документами о гибели "Кучумова" ханства, видимо, и стали источниками оригинальных сообщений "Повести летописной"⁵, порой (иногда неоправданно) сблизившейся с Н, переданным на владычный двор ветеранами легендарной экспедиции против "поганых".

В СЛ основной редакции, почти синхронной такой же разновидности ЕЛ⁶, читаем о том, что "велеумный и храбрый ритор" Ермак и его казаки были призваны Строгановыми с Волги в чусовские городки, откуда по Чусовой и Серебряной вышли на Сибирскую дорогу, где построили Кокуй (Ермаков) городок и следом по

Журавлю, Туре и Тавде отправились "воевать" сибирского "салтана" [20, с. 8, 10, 11, 16, 59, 64]. В описании маршрута экспедиции "строгановский" летописец допустил явную ошибку: Журавль впадает не в Туру, а в Баранчу⁷ [21, с. 210]. Зависимость от СЛ ощутима в Сольвычгодском летописце [21, с. 172], сохранившем упоминание о том, что ермаковцы выступили в Сибирь после того, как поднялись на Чусовую, где (во владениях Максима Строганова) казачий отряд пополнился на 330 человек и получил необходимые для похода "запасы" [18, с. 245]. Благодаря Пинежскому летописцу тоже известно, что атаманы и казаки на Чусовой взяли "запас" у Строгановых. Из того же компилятивного сочинения узнаем, что в Пермь Великую Ермак и его "дружина" прибыли с Волги, а в Сибирь – по Туре и Тоболу. В Пинежском летописце, созданном в Поморье в середине XVII в., указывается и на ограбление "воями", "сбившими" "с куреня" татарского хана, царской казны и государева посла в устье Самары⁸ [10, с. 79]. Сходный рассказ мы находим в Ремезовской летописи (далее – РЛ): храбрый "смлада" Ермак, в устье Волги "разбивший" "государевы казенные суды послов и бухарцов", "побеже вверх по Волге и по Каме и дошед Орла городка, и ту многие запасы у Строгановых, ружье и вожей взял, и бежа" по Чусовой и Серебряной "до волоку", перебрался за два дня в Тагил и оказался (в 1579/80 г.) "в урочище речки Абугая" [14, с. 550-551]. В РЛ, кроме того, сообщается, что накануне похода, навсегда прославившего Ермака, он "воровал" на Ахтубе, по Хвалынскому (Каспийскому) морю и Волге [9, с. 142, 144].

РЛ сохранила два десятка фрагментов Кунгурского летописца (далее – КЛ), обычно считающегося казачьим, вышедшим из окружения прославленного атамана или же атрибутирующегося очевидцу экспедиции в Сибирское "царство", который присоединился к ее предводителю в верховьях Камы [7, с. 96, 98, 143; 8, с. 59; 21, с. 65, и др.]. Согласно КЛ, Ермак "воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и катарги, торговых караваны", а когда против "воров" "по дороге" к Астрахани был послан стольник И. Мурашкин, казаки со своим "наставником" "здумали бежать в Сибирь..., обратя струги по Волге и Каме вверх"; по Чусовой русские не попали в Сибирское "царство", "объмишенилися" и "прогребли по Сылве вверх", добрались до урочища, которое позднее прослыло Ермаковым городищем; там осталась часть отряда, другие же "поплыша с Ермакомъ вниз по Сылве" до устья Чусовой,

затем по этой реке – вверх до Тагильского волока и Серебрянки; через волок легкие струги перетащили на Тагил (тяжелые же бросили на Серебрянке) и провели зиму, воюя с вогуличами, "на Бую городище" [14, с. 575, 576]. Как заметил В.Н. Алексеев, в РЛ и КЛ по-разному описан путь ермаковцев в Сибирь, и "разрыв в фактографической канве двух повествований", включая хронологию, свидетельствует о том, что С.У. Ремезов, работая над "Историей", еще не располагал "кунгурскими листами"⁹ [1, с. 83-85]. Их автор, думается В.И. Сергееву, "изначального пути следования дружины (Ермака. – Я. С.) в Сибирь... четко не представляет", он только слышал о том,

как "объмишенились" казаки, не попав в устье Серебрянки, чем пытается объяснить "сылвенский" поход [19, с. 56]. Р.Г. Скрынников сомневается в том, что казаки могли заплутать на Сылве [21, с. 207]. В позднем БЛ ("Сказании Сибирской земли") помимо Серебрянки, Журавля (Жаравля), Тагила, Туры, Тавды, Тобола, которыми русские "вои" добрались до владений Кучума, названа река Петух [20, с. 297-198].

Таким образом, летописцы "бунташного века" попытались выяснить, "како приидоша в Сибирь" Ермак и его соратники, следуя устной или литературной традиции, а иногда документальным свидетельствам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В НЛ в отличие от КО сообщается, что эти казаки (которых насчитывалось 600) бежали "по присылке Максима Строганова". Р.Г. Скрынников почему-то рассматривает данное свидетельство, принимавшееся А.И. Андреевым за вставку, как уточнение, внесенное редактором раннего сказания о "Сибирском взятии" [21, с. 191].
2. Мысль о том, что в рассказе о жизни казаков, затем сокрушивших "Кучумово" царство, на Дону и Волге, Румянцевский летописец предшествует ЕЛ [22, с. 309], не подкреплена какой-либо аргументацией. Скорее, наоборот, упоминание о донцах в "войске" Ермака (перекликающееся с известием Соловецкого летописца) дополнило повествование Есипова.
3. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. (Предисловие ПСРЛ).
4. Известиям ПЛ о пути Ермака в Сибирское ханство следовал А.Т. Шашков, хотя ему думалось, что с Чусовой казаки свернули на Сылву [24, с. 15, 16 и др.].
5. На близость оригинальных известий ПЛ к "расспросным речам", в частности, Черкаса Александрова, обратил внимание Р.Г. Скрынников, полагающий, что "роспись" маршрута казачьей флотилии была составлена "скорее всего со слов участников похода, привезших в Москву письмо Ермака" [21, с. 49, 50, 59, 209]. Но ведь в этой "росписи", очутившейся, вероятно, в посольском архиве, упоминаются Тюмень, Тобольск и Туринский острог, заложенные, напомним, в 1586, 1587 и 1600 гг. соответственно, Верхотурский уезд, образованный в 1598 г., что, между прочим, позволяет атрибутировать данные сообщения Черкасу, бывавшему в Москве и в царствование Бориса Годунова.
6. Утверждать, будто СЛ возникла в 1622 г. [23, с. 3] не приходится.
7. По наблюдению Л.С.Соболевой, в СЛ Пермская земля отделяется от Сибири [22, с. 314]. Заметим, что это присуще и ПЛ, Лихачевской редакции ЕЛ, Пинежскому и Кунгурскому летописцам, ремезовской "Истории".
8. О пребывании "ермаковых казаков" у Самары известно и по фольклорным источникам [20, с. 55 – 56; 13, с. 401].
9. На взгляд В.Н. Алексеева, по пометам на "Чертеже земли Кунгурского города" из "Службной чертежной книги" С.У. Ремезова (1703 г.) "без особого труда можно реконструировать путь дружины в Сибирь": "град Строганов" на Каме, ниже устья Чусовой (там казаки получили "запас и ружье, и подмог, и пушки"; "Ермаково жильё" на Чусовой (между Усольем Чусовским и Усьвинским городком); "Ермакова застава" на Чусовой, чуть ниже устья Серебрянки, в среднем течении которой находилось Ермаково городище; "волок Ермаков" из верховьев речки Чуй (Буй?) – притока Серебрянки – в речку Журавль, из которой через Баранчу можно попасть в Тагил, Туру и Иртыш. "Картографическая версия похода объединяет его варианты, изложенные" в РЛ и КЛ, испытав влияние и фольклорных материалов, близких к Бузуновскому летописцу (далее – БЛ) [1, с. 85, 86; ср.: 13, с. 414; 21, с. 210]. Отчасти эта версия напоминает и ту, которую донес до нас ПЛ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, В.Н. Кунгурская летопись в составе "Истории Сибирской" С.У. Ремезова [Текст] / В.Н. Алексеев // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 1977.
2. Архив СПб. ин-та истории РАН. Русская секция. К. 115. № 236.
3. Вовина, В.Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца [Текст] / В.Г. Вовина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. – Новосибирск, 1987.
4. Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец: история текста [Текст] / В.Г. Вовина – Лебедева. – СПб., 2004.
5. Дворецкая, Н.А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. [Текст] / Н.А. Дворецкая // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. – М. – Л., 1958.
6. Дворецкая, Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) [Текст] / Н.А. Дворецкая. – Новосибирск, 1984.
7. Дергачева-Скоп, Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века [Текст] / Е.И. Дергачева-Скоп. – Свердловск, 1965.
8. Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре "Истории Сибирской" С.У. Ремезова [Текст]: Ст. 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири. – Новосибирск, 1971.
9. Дергачева-Скоп, Е.И., Алексеев, В.Н. "Житие Ермаково, как Сибирь взал..." (одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) [Текст] / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. – Новосибирск, 2005.
10. Копанев, А.И. Пинежский летописец XVII в. [Текст] / А.И. Копанев // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. – Л., 1972.
11. Корецкий, В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. [Текст] / В.И. Корецкий // Летописи и хроники 1980 г. – М., 1981.
12. Корецкий, В.И., Морозов, Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. [Текст] / В.И. Корецкий, Б.Н. Морозов // Летописи и хроники 1984 г. – М., 1984.
13. Лихачев, Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение [Текст] / Д.С. Лихачев. – М. – Л., 1947.
14. Памятники литературы Древней Руси: XVII век [Текст]: Кн. 2. – М., 1989.
15. Полное собрание русских летописей [Текст]: Т. 14. – М., 1965.
16. Полное собрание русских летописей [Текст]: Т. 36. – М., 1987.
17. Ромодановская, Е.К. Тобольские летописцы [Текст] / Е.К. Ромодановская // Родина. – 2004. – Спец. вып.: Тобольск – живая былина.
18. Ромодановская, Е.К. Избранные труды. Сибирь и литература: XVII век [Текст] / Е.К. Ромодановская. – Новосибирск, 2002.
19. Сергеев, В.И. У истоков сибирского летописания [Текст] / В.И. Сергеев // Вопросы истории. – 1970. – № 12.
20. Сибирские летописи [Текст]. – СПб., 1907.
21. Скрынников, Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака [Текст] / Р.Г. Скрынников. – Новосибирск, 1986.
22. Соболева, Л.С. "Государев атаман" Ермак Тимофеевич: векторы идеализации [Текст] / Л.С. Соболева // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. – Новосибирск, 2005.
23. Флейман, Е.А. Краеведение в России: этапы и пути развития [Текст] / Е.А. Флейман // Человек и культура в культурно-историческом пространстве России: опыт региональных и краеведческих исследований: Мат-лы междунар. науч. конф. – Кострома, 2002.
24. Шашков, А. Пути за "Камень" и сибирский поход Ермака [Текст] / А. Шашков // Югра. – 1997. – № 4.

"ОТКУДА ВЫ, АТАМАН ЕРМАК?": К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО КАЗАЧЕСТВА

(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ)

На занятиях по истории необходимо организовывать работу таким образом, чтобы у учащихся формировались навыки исследовательской работы и умения отбора материала и его систематизации (это характерно для старших классов школы и первых курсов ВУЗов). Так, к примеру, мы предлагаем организовать дискуссию по поводу происхождения атамана Ермака и его имени. Вокруг личности Ермака до сих пор идут дискуссии, обусловленные наличием немалого количества вопросов, на которые пока нет однозначных ответов. Один из них ключевой. Откуда он родом и каково его настоящее имя? Для разработки изучения этой темы учащимся раздаются листки, на которых приводятся фрагменты из работ крупных исследователей о личности атамана Ермака. Работая с ними, учащиеся могут самостоятельно создать собственное представление о происхождении Ермака.

Е. П. Савельев: "Ермака нельзя причислить ни к запорожцам, ни к новгородцам – вятчанам, так как те и другие не особенно-то, строго держались уставов и обрядностей православной церкви. Не мог быть Ермак и казаком рязанским или мещерским, ибо те и другие, как приписанные к пограничным московским городкам и служившие долгое время московским царям, в нравах и обычаях во многом походили на великороссов; кроме того, родословие выдающихся личностей из этого казачества могло быть легко восстановлено, между тем как об Ермаке все древние летописи, признанные за достоверные, что он был рода неизвестного, донской казак, как и его сподвижники. По всем перечисленным качествам Ермак был казак азовский. Для русских летописцев народ этот, живший долгое время под влиянием греков, а потом под властью турков, считался загадкой" [9, с. 261; 1, с. 34].

А. А. Дмитриев: "В Бузуновском летописце написано: "О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец,

посадский человек, жил в лишении, от хлебной скудности сошел в Владимир, именем его звали Афанасий Григорьевич сын Аленин, и тут воспитал двух сынов Родиона да Тимофея. И кормился извозом, и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда бежал с женою и с детьми в Юрьевец Поволжский, умер, а дети Родион и Тимофей от скудности сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, и там породили детей: у Родиона два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Гаврило да Фрол да Василий. И оный Василий был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибав себе дружину малую и пошел от работы на разбой, и от них звался атаманом Ермаком, сказуются дорожной артельной таган, по волжски – жерновой мельнец ручной" [3, с. 220].

В. Софронов: "На подмогу казачеству в Сибирь посылается воевода князь Семен Болховский, а вместе с ратниками еще два военачальника – хан Киреев и Иван Глухов. Все трое не чета какому-то безродному казацкому атаману. Но нигде в летописях и речи нет о том, что управлять дружиной стал кто-то из них. А на Руси издавна тот выше по воинскому званию, у кого происхождение знатнее. Так неужели князь Волховский стал бы подчиняться атаману Ермаку?! Правда, к несчастью, князь в первую же зиму умер от голода (или от болезни) в Искере, но двое других остались живы и Ермаку подчинились. Что-то здесь не так! Вывод напрашивается сам собой: происхождение Ермака Аленина довольно высокое, и он вполне мог быть выходцем из князей сибирской земли, которых затем истребил явившийся из Бухары хан Кучум. Тогда становится понятным, почему Ермак на этой земле вел себя как хозяин, а не как обычный завоеватель того времени. И личные счёты он сводил с ханом Кучумом, а не с кем-то иным. Кучум был для него врагом номер один. Поход Ермака был направлен на то, что-

бы вернуть сибирский престол кому-то из родственников его династии и выдворить из Сибири бухарского завоевателя. Только этим можно объяснить и тот факт, что местное население не поднялось на борьбу с русскими дружинами – во главе их шел один из родственников сибирских князей, пусть и принявший православную веру, но свой по крови. А Кучум был для них чужаком; как уже не раз отмечалось; имя его в переводе с татарского означает "пришелец", "переселенец", "степняк" [11, с. 36-37].

Е. К. Ромодановская: "В сборнике XVII в., хранящемся в рукописном отделе библиотеки академии наук под шифром "Текущие поступления, 608", на листах 16 об.-17, помещена статья о Ермаке и Строгановых, до сих пор не упоминавшаяся в исторической литературе. Статья эта читается в составе так называемой "Летописца старых лет" и очень невелика по объему: "Того же лета (7087) на Волге казаки Ермак атаман, родом с Двины, с Борку, а с ним Иван Кольцо, Иван Булдар, Иван Кривой, Федор Пан, Михайло Мещеряк с товарищами 540 человек разбили государеву казну, оружие и порох и с тем поднялись на Чусовую" [8, с. 131].

Р. Г. Скрынников: "Сочинители родословия Ермака допустили забавную ошибку. Они рассматривали имя "Ермак" как прозвище и приписывали ему чуждое значение – "таган" или "жернов". Они не догадывались о том, что атаман носил православное имя Ермолай, от которого и произошло сокращение "Ермак". Недоразумение привело их к очевидной ошибке – замене подлинного имени вымышленным. Возможно, в Строгановских вотчинах XVI или XVII века и жил разбойник Василий Аленин. Но к Ермолаю Тимофеевичу – историческому Ермаку – он не имел никакого отношения. Ответить же на вопрос, откуда он был родом, невозможно из-за отсутствия достоверных данных" [10, с. 7- 8]

В конечном итоге можно предложить для лучшей иллюстрации различные суждения и самые распространенные точки зрения в виде таблицы, это может сделать преподаватель в конце занятия с опорой на ответы учащихся:

Версии о происхождении атаман Ермака

Е.П. Савельев, М.П. Астапенко	Донской (азовский) казак
А.А. Дмитриев	Выходец с вотчинных земель Строгановых
В. Софронов	Благородного тюркского происхождения
А.Б. Карпов, Д.И. Копылов	Уральский казак
Е.К. Ромодановский	Выходец из Двинской земли
Р.Г. Скрынников	Достоверно невозможно определить

Примыкает к этой проблеме тема существования и создания прикамского (пермского) казачества. Некоторые исследователи полагают, что вполне справедливо говорить о создании в конце XVI века пермского казачества [см. к примеру: 12, с. 452]. Одним из главных ориентиров они видят приход Ермака со своей дружиной на территорию Великой Перми во владения Строгановых. Но попробуем разобраться подробнее. Если взять за основу приход Ермака, а именно 1581 год и дальнейшие события, то здесь четко прослеживается отсутствие влияния казаков Ермака на формирование казачьего Войска в Пермской земле. Если опираться на "старую" хронологию похода Ермака, а именно взятие за его начало 1 сентября 1581 года, то есть за те три месяца присутствия Ермака с казаками они при всей своей активности вряд ли могли изменить то положение, которое было во владениях Строгановых, кроме того хорошо известно, что ватага Ермака постоянно передвигалась, защищая Пермскую землю от набегов. Даже если принять 1 сентября 1582 года за начало похода Ермака, как предлагает Р.Г. Скрынников, то даже этот год не дает нам основания говорить о каком-то большом влиянии на местное население и распространении среди него ценностей казачества, а именно, вольной жизни и самоуправления. Безусловно, казаки во главе с Ермаком выполняли волю Строгановых, но при этом, где бы они не находились, они без сомнения организовывали своим отрядом казаки Круги, где и принимали важнейшие решения, в то же самое время, никого чужого для себя они в их участие не допускали. Во время самого похода власть Ермака, как и полагалось у казаков во время военного похода, была абсолютной, но это уже поход. Так вот, исходя из того факта, что казаки не прививали свои институты власти в Пермском крае, это, без сомнения, не позволили бы Строгановы, у большинства населения не осталось каких-либо четких представлений о структуре казачьего Войска. Кроме этого, все казаки, пришедшие с Ермаком в Пермскую землю, ушли с ним дальше в Сибирь. К ним примкнули пару сотен служилых людей из вотчин Строгановых, которые впоследствии (в походе) стали казаками, когда они жили по казачьим принципам, но еще вопрос, осознали ли они себя казаками в полной мере, то есть, сформировалось ли у них схожее с "вольными" людьми мировоззрение. Исходя из выше изложенного мы делаем вывод, что пермского казачества, как самостоятельного войска, не сложилось. Это утверждение

поддерживает крупнейший исследователь прикамского казачества С.В. Неганов. Но мы идем дальше, здесь не только не сформировалось самостоятельно казачьего Войска, как это было в это же время на Дону, Яике, Тереке, но и впоследствии, когда царское правительство начало создавать служилые казачьи Войска не было создано и такого. Но здесь мы вообще не видим возможности говорить, что казачество в этом регионе применительно к XVI – XVIII векам играло хоть какую-то значимую роль. Также нельзя признать успешным попытку С.В. Неганова приписать забайкальским и дальневосточным казакам роль продолжателей дела Ермака. Все-таки Ермак не состоял на службе у правительства и действовал первоначально на свой страх и риск. Также несостоятельно выглядит попытка привязать происхождение Ермака к территории Прикамья и тем объяснить возможность создания пермского казачества.

Нам ближе позиция Р.Г. Скрынникова о происхождении Ермака, который предлагает не ассоциировать "вора" Василия Аленина и атамана Ермолая как одного и того же человека. Но даже если мы возьмем за основу прикамское происхождение Василия Аленина (Ермака), именно на Волге он стал казаком и заслужил авторитет среди казаков, где функционировали институты казачьего самоуправления, не подчинявшиеся никому. Если еще при этом учитывать тот факт, что в это время строгого разграничения среди казаков по Войскам не существовало (они формируются к 20-м года XVII в.), то есть они спокойно переходили из донских казаков в волжские и обратно. То вполне очевидно, что как казак Ермак состоялся на Волге и Дону, где провёл порядка 20-30 лет, следовательно, влияние Прикамья практически не наблюдается. Рассматривая один из главных аргументов прикамского происхождения Ермака, а именно, хорошее знание казаками водных путей в этом регионе, что обусловило их быстрое продвижение вглубь Сибири, то здесь можно объяснить, что среди "Ермаковых" казаков были люди тюркского происхождения, которые достаточно хорошо знали эти пути. Но, самое главное, на территории Прикамья отсутствовали институты казачьего самоуправления, которые, на наш взгляд, являются важнейшим атрибутом феномена казачества [см. подробнее: 7, с. 26-34]. Здесь также не прослеживается влияние казаков на культуру, которая была у них достаточно

специфичной, но не дающая, на наш взгляд, возможности считать казаков этносом [см.: 6, с. 113-117]. Все это, в полной мере, позволяет нам говорить, что прикамского казачества в XVI-XVIII веках не существовало. Что же касается действий, которые приписывают прикамским казакам, то здесь необходимо четко проследить реальность действий и желание их приписания. Так, к примеру, С.В. Неганов приписывает прикамским казакам во главе с царским воеводой Иваном Нагим основание крепости Уфа, по имеющимся данным мы можем классифицировать пришедших с Иваном Нагим как служилых людей, но никак не казаков. При этом у нас есть также исследователи, желающие усматривать в этом приходе начало уфимского казачества, что, на наш взгляд, ошибочно, в том числе по перечисленным выше признакам.

Что же касается участия прикамских людей в Войске Пугачева, то здесь снова поднимается нами вопрос. А могли ли за пару лет люди осознать себя казаками (вольными людьми), да и отношение исконных Яицких казаков к тем людям, кто только что вступил в войско Е. Пугачева, было, мягко говоря, пренебрежительным [2, с. 107-115]. Все эти факты заставляют по-новому разобраться в дефинициях ранней истории казачества, которая, на наш взгляд, изучается достаточно субъективно. Особенно это прослеживается в работах, выполненных в различных регионах, где культивируется развитие казачества в современное время, оно воспринимается несколько идеалистично, а порой имеет ярко выраженный или плохо замаскированный националистический характер. Здесь четко прослеживается влияние политических установок, а не исторических фактов, при этом идет достаточно жесткое попираие исторической истины такими "горе-исследователями". Это В. Е. Шамбаров, А. В. Шишов, А. Б. Широкоград, А. А. Плеханов и многие другие. Безусловно, что проблема подобной ассоциации казачества, как этноса, поднята лидерами казачьих Войск (общественных движений, чей заказ и выполняют эти исследователи). Отвечая на вопрос о целях подобных высказываний, то здесь, можно четко констатировать, что это делается для попыток реставрации казачества как военного сословия с возвращением его исторических привилегий, а также восстановления бывших казачьих земель (так называемых казачьих наделов) в пределах особых автономий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астапенко, М.П., Астапенко, Е.М. История Донского края [Текст] / М.П. Астапенко, Е.М. Астапенко. – Ростов-на-Дону, 2005.
2. Волков, Л.В. Социальные представления участников восстания Е.И. Пугачева [Текст] / Л.В. Волков // Вопросы истории. – 2006. – № 12.
3. Дмитриев, А.А. Пермская старина [Текст] / А.А. Дмитриев // Роль Строгановых в покорении Сибири. Вып. V. – Пермь, 1894.
4. Карпов, А.Б. Уральцы [Текст] / А.Б. Карпов. – Уральск, 1911.
5. Копылов, Д.И. Ермак. [Текст] / Д.И. Копылов. – Иркутск, 1989.
6. Носков, А.А. К вопросу об "истинной" и "настоящей" ранней истории казачьих сообществ [Текст] / А.А. Носков // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы международной конференции. – Челябинск: ЧГПУ, 2008.
7. Носков, А.А. Самоуправление казаков XVI-XVIII веков [Текст] / А.А. Носков // Реформа местного самоуправления: Исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской конференции. – Магнитогорск: МаГУ, 2008.
8. Ромодановская, Е.К. Строгановы и Ермак [Текст] / Е.К. Ромодановская // История СССР. – 1976. – № 3.
9. Савельев, Е.П. Древняя история казачества [Текст] / Е.П. Савельев. – М., 2007.
10. Скрынников, Р.Г. Ермак. [Текст] / Р.Г. Скрынников. – М., 2008.
11. Софронов, В. Кто же ты, Ермак Аленин? [Текст] / В. Софронов // Родина. – 1994. – № 8.
12. Сыромятников, О.И. Казачество пермского края [Текст] / О.И. Сыромятников // Русский вопрос: история и современность: Материалы международной конференции. – Омск: Наука, 2007.
13. Четыре века прикамского казачества [Текст] / Под. ред. С.В. Неганова. – Пермь, 2002.

© А. А. Носков, 2009

Р.В. Багдасаров

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО КАК РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН: ПОПЫТКИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Насколько бы разнообразные оценки ни давались запорожскому казачеству, в одном они, безусловно, сходятся: более двух столетий (с середины XVI века до 1775 года) в низовьях Днепра действовала регулярная военная организация, с независимой политикой которой приходилось считаться соседним странам – Польше, России, Австрии, Крыму, Турции, Литве и Молдавии. Однако вопрос о том, следует ли считать Запорожский Кош рыцарским орденом, до сих пор не выяснен. Отчасти потому, что историки, отвечавшие на него утвердительно, так и не смогли решить проблему происхождения Сичи и целей ее создания, не завершили сравнительный анализ устройства, внутреннего быта, этики и религиозности "пре-

славного Войска" и характерных для Западной Европы воинских братств. С другой стороны, авторы, пытавшиеся увидеть за низовыми "рыцарями" нечто иное: будь то древнее украинское сословие, отдельный этнос, беглых крестьян, "трудовое казачество" или даже "мусульманский феодализм", – вынуждены были так или иначе игнорировать тот факт, что ядро Запорожья носило все признаки воинско-монашеского братства.

Указанный пробел влияет на представление о традиционных мужских союзах восточных славян, о таких, с первого взгляда, разноплановых явлениях, как казачество в целом, вольные промысловые артели, гайдамацкие и разбойничьи братства. Закономерно противопоставляя госу-

дарственное устройство Польши и Московии казацкой вольнице, а вольницу – европейскому рыцарству, мы забываем сделать следующий шаг и упомянуть, о том, что западное рыцарство, представляя собой жесткую иерархическую структуру, тем не менее, находилось в постоянной глубокой оппозиции к королевским дворам и папской курии.

Ничего удивительного: несмотря на то, что военное сословие может являться важной частью общества, последнее никогда не отождествится с армией, а, следовательно, вступает в противоречие с принципом самоорганизации воинства. Свободные воины, даже поступив к правителю на службу, вызывают у обывателя естественное желание держаться от них подальше. Как подмечено в "Слове Даниила Заточника" (XII-XIII вв.): "Не имей себе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тивун¹ бо его аки огонь и рядовичи² его аки искры: аще от огня устеречися, но от искор не можеши устеречися".

Для Запорожской Сичи было характерно внешнее противостояние разного рода государствам и внутреннее отвержение принципов "мирной жизни". В конечном итоге, это единственное в своем роде казацкое войско, так и не сумело найти подходящую нишу в обширной Российской Империи. Оно было отторгнуто и уничтожено, а количество казацких войск (одиннадцать) так и не достигло двенадцати – числа, необходимого для универсума Сакрального Царства³.

Гилея

Земля, приютившая Сичь, считалась не только "прекраснейшей в Европе" по плодородности, но издавна порождала множество легенд. Низовья Днепра и Великий Луг к востоку от реки отождествляли с Гилеей, упомянутой Геродотом, – местом выпаса диких кобылиц, где Геракл и змея Ехидна зачали скифский род – лучших всадников, которых знала Эллада. О своем наследовании "скифославянским вождям" напоминал Крымскому хану кошевой атаман Иван Сирко в письме от 23.09.1675 г.

Скифия занимала в греко-римской географии полярно противоположное Египту место: если благоденствие последнего определялось водой, управлявшейся людьми, то жизнь сарматских степей зависела от атмосферной и дождевой влаги, находившейся в ведении богов. Нижнее Поднепровье было загадочной областью, из послания царя сколотов Иданфирса Дарию: "...у нас есть могилы предков: вот попробуйте разыскать их и разорить" (Геродот IV: 127). Именно там, где с 1652 по 1709 год располагалась

Чертомлыцкая Сичь, археологи обнаружили царские курганы скифов. Рядом шумели священные дубы "Варяжского острова"⁴ Хортицы, под которым дружинники-росы кидали петушинный жребий⁵, отправляясь на моносилах⁶ в Константинополь.

Христианство добавило новые штрихи к классическому образу Нижнего Поднепровья. Запорожцы стали именовать свой край обетованной Палестиной, "дуже гарною, квітнучею и изобилующею" [так – Р. Б.], раем Божьим на земле, а город Самарь, например, – "истинно новым и богатым Иерусалимом". Московский царь Иван Грозный напоминал Великому князю Литовскому в апреле 1560 г., что "Днепр под Крымом – Божий, а не королев". Удивительно, как возникновение на этой территории казацкого войска под началом Дмитрия Вишневецкого не вызвало нареканий со стороны самого блюстителя "прародительского" достояния?... Кажется, Грозный, в отличие от пришедших следом Романовых, умел находить общий язык с "баловнями-казаками", не ущемляя их свободы. Преследуя свою корысть, он сваливал на них все неприятные инциденты на границах с соседями-соперниками, однако явно не спешил навести порядок.

"Грабунки" как служба христианству

Защита европейских рубежей от турецко-крымской экспансии явилась внешним предлогом для протезирования Запорожского казачества со стороны правительств Стефана Батория и Ивана IV. Идея рыцарского католического ордена была весьма популярна среди польской шляхты в XV-XVI веках, а в православной Московии аналогичный проект воплотился даже с большим размахом. Однако ни опричное войско, ни скромный Орден Святого Лазаря нельзя назвать предшественниками Коша. Ведь ни религиозная война с мусульманством, ни, тем более, защита монаршего трона не определяли его политики. Запорожцы с равным успехом совершали вылазки в Крым и на побережье Турции, а затем обрушивались на польское панство и дома подвластных ему холопов; а из-за набегов запорожцев на Россию, Галичину, Молдавию или Полесье страдала прежде всего православная паства.

И все же, казацкие "грабунки" объективно подрывали турецкую экономику на завоеванных землях Подунавья и Северного Причерноморья, которые служили продовольственной базой для Блистательной Порты. Как замечает Сергей Лепьявко, "они были эффективным способом борьбы против извечного "неприятеля Святого Креста"" [21]. С другой стороны, когда казаки

прикрывали "свой недостаток и наготу" имуществом магнатов, это отнюдь не свидетельствовало об их жажде социальной справедливости, просто дворы крупных землевладельцев были полнее укомплектованы "заслуженным жолдом".

Финансовые операции, связанные с отмыванием "казацкого хлеба", составляли часть теневой экономики и редко проходили по документам.

Проще всего, казалось бы, видеть в Запорожье антигосударственное, криминогенное начало, – социального паразита. Но внутренние причины создания Войска при этом никак не проявляются. Почему, например, при крайне нестабильной политической ориентации и явном несоблюдении мирского законодательства – запорожцы упорно именовали себя "честными рыцарями", "кавалерами", открещиваясь от стереотипа "лихих людей", гайдуков? Как совместить импонирующий нам до сих пор идеал средневекового рыцарства со столь неожиданной самоидентификацией тех, кого императрица Екатерина Алексеевна заклеила "вредным скопищем под собственным своим неистовым управлением"?

В этом "российская Минерва" не была одинока: так отзывались о сичевиках всегда, когда требовали или пытались их разогнать. Когда же с казацкой силой были связаны чьи-либо военные интересы, отношение к Сичи кардинально менялось: в Кош слали войсковые клейноды, признавали за ним все права отдельного сословия, подтверждали владение занимаемыми им территориями, а виднейшие царедворцы и даже ученые мужи спешили записаться в состав куренных товарищей.

Разумеется, Сичь провоцировала возникновение массы неустойчивых и нерегулярных образований на Великом степном кордоне, всегда преследовавших более узкие цели, а потому быстро распадавшихся. Подобные временные казацкие образования свидетельствуют о наличии единого архетипического центра.

Ко времени появления Сичи большинство знаменитых орденов Запада уже сошло или готовилось сойти с исторической арены. Орден Тамплиеров был устранен совместными усилиями духовной и светской властей, безошибочно почувствовавших в нем конкурента (1313 г.). Тевтонские кавалеры Святой Марии соединились с ливонскими Меченосцами с единственной целью: под патронатом польской короны из монахов-воинов превратиться в помещичье сословие (1562 г.). Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского уже не могли оказывать былого влияния на средиземноморскую ситуацию. Воль-

ный дух рыцарства замер на европейских землях, а жесткая опека Генуэзского, на юге, и Ганзейского, на севере, торговых союзов на период с XI по XV век устранила угрозу пиратства на всех омывающих континент водах, включая Черное море.

Дикий орден

В отличие от *Compagnonnage*⁷ духовно-рыцарских орденов Запада, принявших форму строительного цеха, Запорожская Сичь имела структуру пастушьего кочевья, что выражалось в должностной лестнице и соответствующей атрибутике.

Само название главной ставки Запорожья – Кош, равно как и его устройство, родственны тюркскому *кхош* – "укрепленный табор". Так называли десять соединенных овечьих стад. При каждом стаде у крымских татар состояло три чабана. Наиболее активный и сведущий становился начальником пастухов объединенного стада и получал при этом титул одамана. Центральное управление всеми отдельными стадами сосредоточивалось в коше, где и проживал одаман.

К 1775 году Сичь была поделена именно на 10 административных округов – паланок⁸. Поэтому, если под Сичью понимали постоянную столицу всего казачества, то слово кош употребляли в смысле самого запорожского правительства, иногда временного, его *etat major*⁹. Сакральный смысл коша, кошницы (плетеной корзины) заставляет вспомнить этимологию главной реликвии рыцарства, священного Грааля. В ирландском *cuol* – "корзина изобилия", а франко-валлийское *Cor(s) Benoit* означает "благословенный рог", рог изобилия.

Будучи христианским братством, "Арматное стадо" возводило себя к евангельскому "малому стаду", "собранному в "кошаре" (Ин. 10: 1), а в кошем атамане, которому вручался тростниковый посох с золоченым яблоком-навершием, видел воплощенный образ Пастыря Доброго. Известно, что в Войско действительно входили многочисленные табунщики, скотари и пастухи овец – чабаны. "Мы как стадо без пастуха!" – уговаривали гетмана Богдана Хмельницкого в 1648 году. Украинское "загін" – отряд, восходит к пастушьему "загін" – загон для стада.

Излюбленный способ обороны казаков в открытом поле – табор – указывает на индоиранские корни военной тактики ордена. В древнерусском языке подобный укрепленный стан, лагерь, обоз именовался товаром. Слово товар, в свою очередь, происходит от авестийского *вар* – замкнутая крепость, построенная царем Золотого века Йиммой.

Назвавшись "товариществом", запорожцы подчеркнули свою кшатрийскую¹⁰ принадлежность. В польском войске *towarzystwo* м считалось исключительно дворянство, служившее в гусарских, панцирских и других хоругвах (для обозначения воинов-недворян употреблялись термины "жолдацтво", "шеренговые").

Без "жинок"

Подобно структуре рыцарских католических орденов, Низовое казачество было связано тройными узлами: общины (*societas*), веры (*religio*) и призвания (*vocatio*), заключавшегося в вечной вражде с "миром сим": "...не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу" (Иак. 4: 4). Степь для сичевиков заменила командорию¹¹; "радуги", "фигуры" и "могилы" – сторожевые замки; острова и днепровские лиманы – скиты и монастыри.

Безбрачие являлось одним из основных условий вступления в Войско. Сентенции некоторых историков о том, что "серомахи... не могли обзавестись семьей из-за крайней своей бедности", вряд ли объясняют, почему, согласно статистике сичевого архива, за период с 1734 по 1775 год лишь двое казаков были подвергнуты смертной казни за прелюбодеяние (один – за соращение женщины, другой – за содомский грех). В народной песне, провожая сына к запорожцам, отец наставляет:

*"Ми жінок мусимо любити
Так, як наших сестер, матерів,
А опріч їх не треба нікого любити,
Гутікати як от злих чортів.
Бо ти знаєш, мій милий синку:
Лицареві треба воювати,
А тобі буде жаль жінку зоставляти".*

В состав Громады входили как неженатые сичевики, так и женатые запорожцы (гнзидюки, сидни), однако последние, не являясь полноправными членами Войска, никогда не назывались "товарищами" и "рыцарями". Ежегодно на казацком "коле", где по жребию распределялись земельные угодья, холостое товарищество получало надел в первых рядах, за ним – духовенство и лишь затем – женатое население вольницы. Семейные не могли жить в самой Сичи; по неписаному "войсковому обычаю", привести туда женщину, будь-то мать, сестру или дочь, – означало совершить уголовное преступление, за которое полагалось строгое наказание. Запрет общения¹² касался не только казаков, но и всех посторонних лиц, проживавших в Сичи.

Полупрезрительное отношение к женщине, свойственное восточно-рыцарскому менталитету,

являлось прямым следствием горячего почитания Девы. Сичевой собор всегда был посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. Этот праздник имел для казаков двойной смысл: под омофором Богоматери они не боялись ни вражеского оружия, ни грозной стихии; под покровительством Приснодевы казаки должны были сохранять девственность и исполнять принятые обеты.

Но соблюдалось ли правило *Castitatis*¹³ на самом деле? "Ведь человеку, – отвечал Государыне хитроумный герой "Вечеров на хуторе близ Диканьки", – без жинки нельзя жить... Мы не чернецы, а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скоромного. Есть у нас немало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сичи. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Туреччине".

Женщина рассматривалась сичевиками как имущество, а не как член общества, социальная единица: в воинском братстве для нее просто не оставалось места. Парадоксальность ситуации усилится, если мы вспомним не менее парадоксальный идеал, нарисованный апостолом Павлом: "...имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене" (1 Кор. 7: 29-33). Конечно, данный императив по-разному исполнялся мужскими общинами. Поморская артель, например, жила отдельно от семей в промысловый сезон, большую часть года. Именно в этот период ее молодые члены проходили соответствующую рыболовецкую инициацию. Радикальным отличием Коша от подобных общин была устойчивая претензия не только на социально-экономическую, но и на религиозно-политическую самостоятельность.

Маркс и Эвола: точка сборки

Запорожцы построили христианское общество, альтернативное существовавшему в их время. Следование доктрине Евангелия подразумевало под собой то, что освобождение от уз плотской жизни логически включает в себя отказ "терпеть ярмо власти местных панов", да и вообще какой бы то ни было земной власти.

Историю казачества можно рассматривать как постепенное поглощение ритуально-инициативного братства (*Comitatus*) родовым союзом (*Sippe*). Причем не важно, происходило ли под-

чинение Sippe извне (включение в империю, где иерархия строилась из родовой аристократии или аристократии, созданной августейшим родом) либо изнутри (имущественное расслоение). На этом фоне Сичь объективно выглядит сообществом, сознательно противодействующим данному процессу, последним очагом и высшим воплощением идеи Gefolgschaft¹⁴ в христианской Европе: "Род сей, в правительстве их секты, весьма хитер, проницателен и осторожен в рассуждениях касательно своих интересов, сопряженных с такою вольностью, через которую не дают они никому в оной отчета; прилежно пекутся всячески, дабы она не подвергалась законам своего отечества и власть их в оных, беспредельная и неограниченная, была порядком", – сетовала Екатерина II.

Невозможность отчуждения либо наследования должности или земельного надела, диктовалась отсутствием семьи, что служило экономическим базисом для уникального общественного устройства. Карл Маркс определял его как "республику" и восхищался духом "славного Запорожья" [3]. Очевидно, что не одна женофобия определяла этот дух. Описывая кризис современного общества, традиционалист Юлиус Эвола противопоставляет ему образец иерархии, построенной на могуществе ее субъектов [35]. Это чрезвычайно напоминает принцип формирования Запорожского Коша, в котором власть зависела от авторитета ее носителя, а подчинение – от признания. Основным критерием, предопределявшим избрание кошевого атамана, являлось его воинское превосходство. Однако избранному атаману не делегировалось право распоряжаться судьбой Войска единолично. По всем важнейшим делам атаман и старшина обязаны были советоваться с Громадой. Первым решение принимало Войско и лишь затем – атаман, старшина и чернь.

Самовольная иерархия

Вертикальная и горизонтальная шкалы подчиненности в христианстве сосуществовали как две оси, пересекаясь с третьей – осью харизматической преемственности. Если для "самодержавного" московского войска авторитет царя являлся объектом веры, то для "самовольного" запорожского войска могущество атамана было очевидным и не требовало религиозного поклонения, не утрачивая при этом сакральности.

"Архангел Михаил – родоначальник рыцарства – отмечал Йоханн Хейзинга, – которое подобно "воинству земному и рыцарству человеческому", являет собою земной образ ангельского воинства, окружающего престол Господень" [32].

При избрании кошевого сичевика выстраивались вокруг Покровской церкви согласно "воинным ступеням" (ср. псаломские степени царепорока Давида), превращая ее алтарь в духовное средоточие своего упования. Так православное рыцарство воспроизводило предвечное и всякий раз новое рождение Эммануила, окруженного воинством Архистратига, благодатно воплощавшегося в образе сичевого атамана.

Дистанция набравшего большее количество голосов (в прямом смысле, т. к. голосовали выкриками) подчеркивалась ритуальным уничтожением его, а не возвеличиванием. Упирившегося избранника выталкивали на площадь со словами: "Иди, скурвий сину, бо тебе нам треба, ти тепер наш батько, ти будешь у нас паном". Ритуал инаугурации кошевого явно напоминал православное таинство помазания на царство, обращая его в сплошной негатив. Вместо святого мира бритую макушку новоиспеченного батька сивоусые диды мазали площадной грязью. Здесь припоминается не только народная поговорка: "из грязи да в князи", но и слова панихиды: "...земные ибо от земли созданы, и в землю ту же отойдем...". Должность в Коше занимали исключительно безженные товарищи, зимовчаки не имели на это права.

Чин "пана-отца" кошевого соответствовал Grand-Maitre¹⁵ западного ордена, совмещавшего гражданский, военный и духовный суд. Во время богослужений атаман пользовался в храме особым местом, бокуном, или стасидией¹⁶, резного дерева, окрашенного зеленой краской. На имя "его вельможности" адресовались не только монархии, но и церковные грамоты. Служившее на Низу духовенство так же, как и казачья "армата", несло свой обет послушания избранному кошевому.

Думается, что золоченая тростниковая булава атамана свидетельствовала скорее не о бедности или смирении, как полагают некоторые исследователи, а была указанием на "трость", которую "не переломит" Возлюбленный Отрок и которая затем, на время Страстей, появляется в правой руке Христа, чтобы стать золотым модулем Небесного Града в Апокалипсисе. Белый флаг над станом кошевого поднимался в случае его пребывания в Сичи и опускался, когда тот отсутствовал. Белый стяг устанавливали и над свежей могилой усопшего сичевика, что говорит о глубоком внимании к данному цвету и находит аналогии среди других европейских орденов, для которых он имел первостепенное значение.

В полном составе ежегодно переизбирались

и прочие члены войсковой старшины: судья, писарь, есаул. Четверо "стариков"¹⁷ образовывали как бы тетраморф¹⁸ ордена – ведь в мистике число 4 символизирует обладание сторонами света, "минимальную" полноту и, в конечном счете, рациональную организацию. Во время военных действий статичный капитул заменяла походная старшина из 3-х человек (полковник, или "сердюк", есаул и писарь), соотносящаяся с треугольником вершиной вниз, символом архангельской атаки с Неба.

Знаменные кавалеры

К слову сказать, знакомство с эмблемами и регалиями Войска может сильно поколебать утвердившееся мнение о нем, как о дикой своре босняков, не руководимой никакими высшими принципами. Наряду с атаманской булавой¹⁹, нередко усыпанной драгоценными камнями, в набор клейнодов входили: шелковое малиновое знамя с изображением государственного орла (польского или российского) по центру, Спасителя и Архистратига Михаила по бокам; бунчук²⁰ с черным и белым конским волосом; соответствующий татарскому "буздыхану" пернач²¹-шестопер с 6-ю перьями над шаром; круглая серебряная печать Войска, на которой был изображен казак в боевой выкладке и остроколенной шапке с копьем. Имелись также серебряные перначи, выдаваемые в качестве охраняемых пропусков гостям запорожцев.

На эмблеме Бугогардовской паланки 1750 года представлен четырехрогий козел, что человеку, знакомому с трудами Элифаса Леви на оккультную тему, напомнит мифический фетиш тамплиеров – Бафомета. Есть даже версия, согласно которой слово "казак" происходит от "kozy", вернее, от козьих шкур, которые носили степные воины. На паланочных и куренных печатях вырезались геральдические фигуры: львы, олени, кони, пяти- и шестиконечные звезды, луна, короны, части вооружения. Каждая из них передавала определенную идею христианской воинской символики. Особое место занимали литавры – серебряные котлы с натянутой на них кожей и деревянными палочками, под их призывные удары собиралась рада.

Регалии запорожцев признавали Габсбурги, Ягайлы, Рюриковичи и Романовы, Гирей и Османы. Их почитали как воинскую святыню, сохраняя в сичевом храме. Одно то, что Кош помимо основного стяга и печати располагал также куренными инсигниями²², приравнивает его членов, по меньшей мере, к *les chevaliers bannerets*²³ рыцарской пирамиды. В польской же дипломатии слово *Klejnot* обозначало не только

"драгоценность", но и акт на дворянское звание. Царствующие дома соседних стран выступали по отношению к Кошу не в качестве инициаторов, а лишь в качестве гарантов его свободы. Отсюда дипломатическая двусмысленность, проявлявшаяся всякий раз, когда монархи пытались ограничить казацкие вольности или даже искоренить их: "...Ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь" (Лк. 8: 18).

"Беспотомственные потомки"

В XVIII веке академик Иоганн Георги вплотную приблизился к вопросу, неразрешенному по сей день: следует ли считать запорожских казаков отдельным этносом? Ученый отыскал блестящий выход: "Запорожские казаки, – рассуждал он, – были беспотомственные потомки [выделено нами – Р. Б.] черкасских (т. е. украинских) казаков, на Днестре поселившихся". Эта формулировка не вызывает сомнений относительно количественного преобладания южнорусского элемента среди запорожцев. Странно было бы, если бы покарачье миновало раздираемую с трех сторон Украину, а пополнение Низового Войска происходило бы, скажем, за счет Новгорода или Пскова. Но перестает ли от этого Сичь быть общим восточноевропейским (а в чем-то евроазиатским) явлением? Отправной точкой здесь должно стать то обстоятельство, что по типу общественного устройства Кош являлся ярко выраженным воинским союзом (*Gefolgschaft*), превентивно отгороженным от каких бы то ни было форм родового (*Sippe*) или племенного (*Bund*). В среде запорожского братства рецидивы семейной солидарности не подтачивали, но еще более укрепляли надплеменной, надэтнический, надгосударственный и даже в какой-то степени надрелигиозный *modus vivendi*²⁴ рыцарской республики.

Если для западных орденов были характерны герметичность, скованность обетом, данным при посвящении, предельная устремленность ввысь, обеспеченная ограничением вширь, то в "низовом товаристве" проглядывает прямо противоположная картина наружного поведения при достаточно близкой цели внутреннего делания.

Как вход, так и выход из Сичи не был особенно затруднен: "На Запорожье говорят, что они войско вольное – кто хочет, приходит по воле и уходит по воле". Определенного срока пребывания в Сичи не полагалось. Казак мог уйти, если хотел служить в реестровых войсках, жениться или просто, как шутили, "зажирів від козацького хліба". Затем, "узнавши, по чім ківш

лиха", он, как правило, возвращался. Порядок от этого не менялся: сколько бы раз ни выходил и ни поступал казак в Войско, он по-прежнему обязан был соблюдать незыблемые регулы²⁵ товарищества.

Внутренний распорядок ордена тщательно оберегался от любознательных взглядов со стороны. "Числа не знаємо, бо календаря не маємо, год у книзі, а Місяць у небі", – отвечали обыкновенно на депешу о том или ином беглеце, который скрывался в Сичи от правительства своей страны. Приведенный ответ-притча поражает прямо-таки метафизической иронией по поводу всякой земной или даже космической власти, бессильной там, где ничего не хотят знать о времени и числе.

Неопределенность численности Войска была на деле умело пущенной "телегой". Лишь после падения Сичи стало достоверно известно о существовании архива не только при главной канцелярии, но и при каждой паланке, где строго велся учет воинского состава.

Песьеголовцы

Стремление автономного рыцарства на Западе сделаться "государством в государстве" и существование подобного государства в низовьях Днепра на "Божьей земле" – две ветви христианской трансформации одного древнего социального феномена. Жорж Дюмезиль называл его "группой людей, стоящих вне закона", подчеркивая ритуальную функцию этого образования. Рассказ о таком сообществе оставил, например, историк Павел Диакон (VIII в.), когда описывал волчьеголовых воинов-лангобардов. Те были настолько свирепы, что питались лишь кровью врагов, а за неимением оной пили свою собственную.

Как подтверждает Франко Кардини, "песьеголовые"²⁶ точно соответствуют военно-религиозному архетипу "воина-зверя", распространенному среди народов Европы: "отверженные" у англосаксов, *ulfhedhinn* и *berserkr* у скандинавов и т. п. Ряды их пополнялись за счет так называемых *Friedlos* – преступников, лишенных имущественных прав.

До начала явного социального расслоения в Войске общепринятым самоназванием запорожцев было "сиромахи" (сиром), означавшее: сироты, бобыли, бесприютные, одним словом, сирые. Подобная установка, связанная с обетом нестяжания, имела место и в западных орденах: магистр ордена Святого Иоанна титуловался "попечителем нищенствующей Христовой братии", а к больным и бедным рыцари-иоанниты обращались – "наши господа".

Прозвище "козак-сіромаха" таило в себе еще одну ассоциацию. В Украине "сіромахой", "сіроманцем" называли волка в смысле голодного скитальца. Это выражение переключается со славянским эпитетом "серый", которым награждали хищника: "Что серо, то и волк", "Вали на серого, серый все свезет", "Есть в нем серой шерсти клочок", "Серо, серо – да волюшка своя". Слова "сіромаха" в приложении к отдельному запорожцу и "сірома" – ко всему низовому товариществу наиболее адекватно отражали ту же идею *Friedlose-Ulfhedhnar-Berserker*, отверженной стаи воинов-зверей, которая лежит у истоков средневекового рыцарства. Двойственность запорожского мистицизма проявлялась в вызывающем соединении "овечки Христовой" с легендарным "серым волком", ведь последний в глазах невоинского люда расценивался как отрицательный персонаж. Интерпретируя эзотерическую химеру "волка-агнца", следует принять во внимание прежде всего не евангельское противопоставление "овец" и "волков", а описание внутреннего мира, присущего Царству Божьему, где "волк будет жить вместе с ягненок" (Ис. 11: 6). Розенкрейцеры²⁷ называли это состояние *Rax profundis*²⁸.

Некоторые легенды о характерниках²⁹, способных перевоплощаться в животных, пословицы типа "Вдень чоловік, а вночі звірюка" свидетельствуют об оборотничестве, которым молва наделяла запорожских богатырей. Удадь, буйство, героическое безумие³⁰, проявленные как в бою, так и на пиршестве, постоянно усиливали подобные представления. Прозвище Сирко (т. е. серый волк) носил самый любимый среди казаков кошевой атаман Иван Димитриевич, "Урус-Шайтан", как его величали татары. После смерти Ивана Сирка его мощи почитались чудотворными.

Дети

Несмотря на то, что Сичь не была изначально союзом по посвящению юношей в тайны воинской магии, за время своего существования она с необходимостью приняла на себя целый ряд его функций. Свидетельством этого являются многочисленные случаи "подманивания" малолетних и тот факт, что казаки приводили на воспитание своих крестников, а также учреждение школы на монастырском подворье у Покровского собора. О том, что похищение детей было у казаков и гайдамаков ритуалом, свидетельствует обычай пленения на войне мальчиков-иноверцев – католиков, евреев и мусульман – с целью обращения их из еретиков в православных. Так, кошевой Алексей Пет-

рович Белицкий родился в семье польского помещика Вельского (католика), казак Васюринского куреня (позже – старшина Малороссийского войска) Павел Чернявский являлся отпрыском губернатора Андрея Селецкого, также католика. Украденными в детстве евреями были казаки Семен Чернявский и Василий Перехрист... Столь незамысловатым способом сичевики проводили в жизнь две христианские максимы: "...пустите детей и не препятствуйте им придти ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное" (Мф. 19:14); "Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их..."³¹ (Мф. 10:21).

Наряду с прочими привилегиями, дети пользовались исключительным правом колядовать, поздравлять хлебом на Новый год, звонить в колокола на Светлой седмице, читать Псалтирь по усопшим и по убиенным на поле брани, подавать ладан и тому подобное. За это они получали изрядное количество съестных припасов и денежную плату, из которой складывалась школьная сумма. Вместе с тем, их также считали бойцами, наделяли свинцом и порохом. Сыновья Громады становились ее наследниками не по плоти и крови, а войдя в "свободу славы детей Божьих" (Рим. 8:21), в мистическое Тело Христово. "Він із риби"³² родом, од пугача плодом", – говорили о происхождении запорожца.

Для потомков оседлого казачества воспитание в Сичи вполне можно сопоставить с рыцарским *Vonne nourriture*³³ – переходом из женских рук в мужские.

– Рідненькая мати!

Пусти мене з козаками погуляти,

Щоб батьківської слави не розгубляти, – просят молодой воин – герой запорожской думы.

Дар Вотана

Бурная запорожская жизнь не позволяла излишне формализовать отбор членов товарищества. Главными доводами в пользу кандидата служили его физическая сила, боевая выучка, согласие воевать под знаменем православия. Прежняя жизнь не принималась в расчет: вновь прибывший должен был здесь и теперь подтвердить свое право быть членом низовой вольницы. После 1654 года к этому добавилась еще и присяга на верность Московскому царю, однако реальная политика ордена позволяет усомниться, так ли серьезно относились к ней те, для кого существовал лишь один Монарх и Судья, и не было иной клятвы, кроме обета, данного у святой купели.

Жизненной целью сичевика было стяжание

и проявление воинской удали, мыслившейся как реальное причастие трансцендентному Духу. Последний же, согласно христианским воззрениям, не подчинялся каким бы то ни было земным правилам. Ставить небесное воинство, символом которого выступал Кош, в зависимости от происхождения, родословной или юридических норм – значило противоречить великой литургической истине, выраженной возгласом "Твоя от Твоих", которую низовой рыцарь осуществлял не в "умном делании" (подобно иноку), а в сознательном заключении своей природы под смертную сень войны с врагами Веры³⁴.

Расплывчатость представлений об испытательном сроке³⁵ запорожцев – прямое следствие их легендарной доблести. Английский посол Клавдиус Рондо доносил, например, лорду Гаррингтону о семи годах, по истечении которых соискателя якобы могли записать в число испытанных товарищей. Существование на казацком пути – "Днепре-Славути"/ "Дніпрі-браті" – девяти порогов: Кодацкого, Сурского, Лоханского, Звонецкого, Ненасытицкого или Дед-порога, Волниговского – Внук-порога, Будиловского, Лишнего и Вольного, непосредственно связанных с названием ордена, дали повод к возникновению предания об их последовательном преодолении новиком. Последний порог иногда называли "Гадючим", что указывает на связь с инициатическим символом Змея. Кроме того, цифра 9, соответствующая числу Ангельских сил в Небесной иерархии, обозначала девять стадий Богоуподобления, которые проходил сичевик на своей воинской стезе.

На интересные размышления наталкивает символическая акцентация чисел, отражающих сакральную гидрографию: 6 забор³⁶ – Волошинова, Стрельчья, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская; 7 камней – Богатыри, Монастырко, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола, Разбойники и 24 острова – Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Дубовый, Перун, Лантуховский, Гавин, Хортица и др.

"Чтобы кандидату быть признанным за истинного казака, – рассказывал Пьер Шевалье в 1663 году, – ему должно было переплыть днепровские пороги и, следственно, побывать на Черном море, подобно тому, как мальтийские кавалеры для достижения высшего звания в своем ордене обязаны участвовать в своих "караванах", т. е. сражаться на галерах против неверных".

Исследователи часто обращают внимание на сложности, возникавшие у новичка при прохождении днепровских порогов. Трудность и длительность этого предприятия не подлежат со-

мнению, хотя есть примеры, когда желавшие приобщиться к запорожской вольнице подобный путь проделывали. Смысловой акцент ставился не столько на спуске вниз по Днепру как таковом, сколько на участии в военных действиях против "неверных", ради которых запорожцы, собственно, и выходили в Черное море.

Молодечество

От разделения на "батьков" и "сынков", определявшегося сроком службы, а не возрастом, следует отличать институт молодечества³⁷, который соответствовал *Tirocinium*, *Juvenes*³⁸ и, в конечном итоге, пажескому званию. Если взрослый воин-испытываемый проверялся в готовности носить гордое имя "рыцарь", то юноша, принятый на содержание, специально обучался *les trois metiers des armes*³⁹: "Богу добре молитись, на коні рип'яхом сидіти, шаблюку рубати і відбиватися, із рушниці влучно стріляти і списом добре колоти". Об этом поется в казачьей песне:

*Ой, батьки, збирайте дружину.
Ходім врага бити;
Беріть і малу дитину,
Щоб знала, як вражого сина лупити.*

Название молодые люди, молодь, происходит от древнерусского названия "молодшей" дружины. Проследившая ступени инициатической лестницы, можно обнаружить, что термин "молодик", "молонец" ("питающийся молоком") указывает на непосвященность: "Всякий питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла" (Евр. 5: 13). За словом "молодечество" не случайно закрепилось значение удалства и отваги: кандидат в низовые рыцари (в более ранний период – младший дружинник) должен был не просто выслуживать свои годы, но именно молодечествовать, демонстрируя удаль, требуемую для перемены статуса.

Сравнивая воинское братство с монашеским, можно заметить, что звание молодика, который вел целомудренный образ жизни, соответствует чину послушника. Еще Тацит⁴⁰ выделял группу *juvenes*⁴¹ среди хаттов⁴², где юноша считался воином с полнотою гражданских прав только после убийства противника. Сходных взглядов придерживались украинские казаки, которым, как сказано в повести "Тарас Бульба", "было стыдно и бесчестно думать о женщине и любви, не отведав битвы".

Пройдя боевое крещение "Духом Святым и огнем" (Мф. 3:11), выказав подобающую рыца-

рю удаль, "молодик", в замечательно-двойственном смысле этого слова, наделялся волей. Он свободен был либо проститься с ней, нанявшись в реестровые казаки, либо, порвав все связи, записаться в курень, стать тем, кого "весь мир не достоин" (Евр. 11:38).

Жизнь после смерти

Ритуальная смерть посвящаемого и его восхождение в новом качестве по рыцарскому обряду вполне сопоставимы с торжественной встречей нового запорожца в курене, где ему предстояло служить. Молодого кандидата⁴³ в рыцари укладывали в постель, покрывали белым саваном – в знак его смерти для скверны мира сего; в масонском ритуале посвящаемый ложился в символический гроб Хирама⁴⁴. Подобный обычай имел место и среди сичевиков, принимавших нового брата. Собирая казаков, куренной атаман отводил кандидату место в три аршина длиной и два шириной, разясняя: "Ось тобі і домовина, а як помреш, то зробимо ще коротшу".

Приобщение к рыцарскому братству сопровождалось переменой имени и внешнего облика. Во время инициации запорожец получал "новое имя" (Откр. 2:17), которое имело грубовато-вызывающий характер: Гныда, Пивторыкожуха, Непыйпыво, Нейижмак, Сэмы-Палка, Нэ-Рыдай-Мене-Маты, Лупынис, Шмат, Шкода, Часнык, Лысыця, Ворона, чем демонстрировалось полное презрение к "миру сему", который покидал член ордена. Низенький человек сразу мог рассчитывать на кличку Махина, высокий – на Малюту, висельника удостаивали имени Святоша, хмурого – Держыхвист-Пистолэм. Вопрос о том, каким способом индивидуальная характеристика, заключенная в прозвище, могла заменять фамилию, должен, казалось бы, вызвать интерес исследователей. Однако советская историография упорно отрицала всякий ритуальный смысл переименования, сводя все к "естественному стремлению беглых крепостных обезопасить себя от возможных преследований со стороны их бывших владельцев и властей". На запрос России или Польши, нет ли в Сичи какого-нибудь Иванова или Войновича, запорожский Кош уведомлял, что таких лиц в Сичи нет, а есть Задержихвист или Рогозяный-Дид, прибывшие приблизительно в то время, о котором запрашивали чиновники.

Когда Никите Коржу (автору бесценных воспоминаний о низовой вольнице), после неловкого падения с вершины кургана, казаки присвоили достаточно обидную кличку, крестный отец утешил его: "Терпи, хлопче, козаком бу-

деш, а з козака попадеш і в отамани; з посміху і люде бувають”.

Тем же манером приобретались в детских играх фамилии средневековых аристократов. Только жаловал прозвищами будущий великий князь или король, а не удалая компания батьков.

“Они всех поднимают на смех: Украина у них не Украина, а Польша; люди там не люди, а недолюдки, мажутся там не святым миром, а гусиным жиром”, – писал Пантелеймон Кулиш [20]. Ритуальное высмеивание было необходимо для требуемого православной аскетикой дистанцирования от своего эго, которое, вместе с тем, мыслилось погруженным в наиболее inferнальные⁴⁵ слои реальности (так называемое “ношение ада в себе”). Прозвище не снималось с сичевика даже после его смерти. Прошедшее через ритуальную смерть низовое рыцарство представляло собой оппозицию ко всему внешнему миру, а каждый его отдельный представитель, к собственной личности. Таким образом, казак окончательно избавлялся от сетей глобальной иллюзии “мира сего”.

“Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа... Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией... Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем; ...так что смерть действует в нас, а жизнь в вас” (2 Кор. 4:5 – 10, 12).

Употреблять в официальных документах отчество, а не только прозвище имела право лишь войсковая старшина, служившая тонкой мембраной между “концентрационной вселенной”⁴⁶ и беспредельной вольницей казачества.

Оселедец

Преображение сознания – цель “обряда перехода” – меняло внешний вид сичевика. Ново-явленный казак брился наголо, оставляя на макушке небольшую кисточку – “чупрыну”, которую закидывал за левое ухо, поскольку все знаки воинской доблести носились на левой стороне. “Дівчата коси одрошують, а запорожці чуприни” – посмеивались в Украине. Л. Л. Зализняк, Э. Н. Бондарь и другие отмечают родственность знаменитой прически Великого князя Святослава и запорожцев с шикхандой⁴⁷ индийских кшатриев, косичкой хеттов⁴⁸, чубчиком царя Артавазда⁴⁹ и даже хухалем⁵⁰ старомонгольского воина.

Схожесть распущенной “чупрыны” с овечьим хвостом, служила намеком на евангельскую символику отары, лежавшую в основании структуры Войска. Спасительный смысл ношения “чупрыны” был знаком еще ведическим ариям. Бенгальские вишнуиты, например, рассматривают шикху не только в медико-магическом аспекте (излагаемом Сушрутой⁵¹), но и в сотериологическом⁵²: за этот клочок волос Господь вытягивает человека из океана Майи⁵³.

Институт побратимства, сохранявшийся в Запорожье, является еще одной чертой уклада православных рыцарей. Горизонтальная иерархия Коша нуждалась в дополнительном структурировании, выходящем за рамки должностей и срока службы. В различных формах братание практиковалось среди воинских организаций, начиная чуть ли не с фиванского Священного Союза. *Permixtio sanguinis*⁵⁴ приобрело в Сичи форму духовного единства: совместное причащение Телом и Кровью Христовой, обмен иконами и амулетами, троекратное целование. Взаимопроникновение двух судеб скреплялось юридической хартией, “завещательным словом”, циркулировавшим внутри Войска. Знаменательно, что этот и еще некоторые другие ритуалы сохранялись Сербской Церковью, а именно сербы были приглашены в Новороссию Екатериной II на смену чересчур независимым сичевикам.

Запорожская Церковь

Церковные историки XIX века восхваляли Сичь за то, что “никогда ни один раскол не зарался в ее исповедание”. Богослужение в Коше совершалось по монастырскому уставу “неотменно” каждый день. В XVII веке низовое рыцарство возглавило вооруженную борьбу против Унии; запорожцы-католики не захотели покидать Войско и приняли православие. Военные действия против Крыма и Турции проходили под клич священной мести “врагам Креста”. А в наказе 1767 года запорожцы даже ходатайствовали об удалении старообрядческого поселения близ крепости Святой Елисаветы, “понеже в войску Запорожскому, по жительству их при границех, устав таков, чтоб... на принадлежащей ему земле иноверным не быть и не жить” (§ 9). На проживание среди донцов “приверженцев неосмысленного лжеверия” (раскольников) сичевая корреспонденция в Петербург педантично списывала размолвки, часто возникавшие между казачьими войсками. “Москаль хотя и недруг, но все же православной веры человек”, – увещевал запорожцев архимандрит Владимир (Сокальский), когда 4 июля 1775 года российские солдаты окружили Новую Сичь. Большин-

ство казаков не стало стрелять и сложило оружие: "Знав, пан-отче, що сказати!".

Менее охотно имперская историография распространялась о другой черте Запорожской Церкви – о ее "особенном и, можно сказать, оригинальном управлении". Следуя церковной юрисдикции, приходы Низа являлись парафией Трехтемировского монастыря (ок. 1576-1660), а затем – Свято-Преображенской Киево-Межигорской обители. Оттуда преимущественно направлялись иеромонахи сроком на церковное лето (с сентября по сентябрь). Начиная с 1709 года, когда запорожцы переместились в Алешки, и до 1734 года они окормлялись Константинопольским Патриархом. Получали казаки благословение и от предстоятеля Иерусалимской Церкви.

Так обстояло дело с точки зрения клерикальных властей, но следует учесть, что, будучи выборным главою монашеско-рыцарской регулы⁵⁵, кошевой обладал и духовной властью *Generalis*⁵⁶. Любой служитель, начиная с начальника сичевых церквей, мог быть немедленно удален из Коша и заменен более подходящим. Необходимость сохранять военную тайну, диктовавшая придирчивый отбор клира, дала повод доминиканцу Оскольскому обвинить казаков, в том, что они "не допускают к войску своему священников и потому недостаточно думают о Боге". В Сичи между тем пребывало иночество и иерейство не только других епархий, но и других Восточных Церквей, а также гонимые отовсюду неконформисты⁵⁷ типа "дикого попа", отца Кирилла Тарловского, архитектора и бывшего духовника Елизаветы Петровны.

В 1686 году киевский митрополит Гедеон узурпировал назначение духовенства. Межигорский монастырь послушался и отозвал братию, однако следом направил жалобу своему бывшему насельнику – Всероссийскому Патриарху Иоакиму. Ответная грамота от 5 марта 1688 года утвердила ставропигиальное⁵⁸ подчинение запорожцев. Согласно каноническому праву, Московский Патриархат просто не мог предоставить большей свободы. Но в XVIII веке церковная администрация Российской Империи дала понять, что не потерпит и намека на духовную автономию своей потенциальной паствы, которой она считала запорожцев. Святейший Синод сделал все, чтобы лишить сана епископа милетского Анатолия, согласившегося возглавить Запорожскую автокефалию.

Акафист и гак

Церемониал и дисциплинарная практика Войска были ориентированы на монастырско-орденские порядки. В рыцарской среде торжествен-

но отмечались такие праздники, как Рождество Христово (в этот день 1678 года произошло чудесное спасение спящих казаков от проникших в стан турок), Покров Пресвятой Богородицы, дни архистратига Михаила, Николая Чудотворца и апостола Андрея Первозванного. Описание инспекционного объезда 1772 года изобилует множеством богослужений, происходивших по ходу ревизии. Источники свидетельствуют о строгом соблюдении поста (12.02.1762 г., например, по причине наступления 1-й седмицы Великого поста было отложено судебное разбирательство), постоянном предпочтении рыбной пищи мясной, благочинном поведении при совершении церковных служб, о регулярных пожертвованиях и тайном выкупе единоверцев из неволи. Дважды в год (мирного времени) казаки отправлялись "на прощу" по святым местам и близлежащим обителям.

Исполнение неписаных законов обеспечивалось суровой системой наказаний: битьем киями, столбовой смертью, железным гаком⁵⁹, казнью преступника преступником. Вопреки правительственным распоряжениям второй половины XVIII века, запрещавшим местным властям выносить смертный приговор, уголовников в Новой Сичи "вешали... и у столба убивали... и на кол живых сажали" не только за разбой, но и за кражу. Запорожцы не собирались передоверять "войсковую справку" гражданской администрации: вершить суд над посвященным могли лишь его *compagnon d'armes*⁶⁰, а не бюрократическая машина.

"Хотя в Сичи, – писал патер Китович, – жили люди всякого рода – беглые и отступники от всех вер, – однако там царствовали такая честность и такая безопасность, что приезжавшие не боялись и волоска потерять с головы своей". Сичевики шутили, что обмануть даже черта, если он иногда попадал им в товарищи, считалось грехом. Отвага, неустрашимость казаков вызывали похвалу и у противника. "Можно уверенно сказать, что нельзя найти на земле людей более смелых, которые бы так мало заботились о своей жизни и так мало боялись бы смерти", – отмечал официальный летописец Османской Империи Мустафа Найма (ок. 1652 – 1716 гг.).

Нулевая религия

Как же вышло, что ярко выраженный тип витязя оказался вне сферы религиозного восприятия современников? Чем продиктованы печатные отзывы о запорожцах как о неистовых "ребеллиантах"⁶¹ (митрополит Петр Могила), людях "никакой веры" – "*religionis nullius*" (Адам Кисель), "без религии" – "*sine religione*"

(униатский митрополит Рутский), "не имеющих страха Божия" (московские думные дьяки в передаче Эриха Лясоты)?

Здесь можно выделить три причины.

Первая – политическая. Окружающим Кош государствам, выгодно было поддерживать версию о религиозной индифферентности Запорожья. Лишь после окончательного распыления Сичи сепаратистские идеологи Украины и Польши, а также российские "великодержавники" попытались (каждый в своих интересах) использовать феномен запорожского рыцарства.

Вторая причина социокультурная. Кошевое товарищество, будучи независимым воинским союзом, стояло вне законов гражданско-религиозной системы. Личная и общественная жизнь запорожцев для стороннего наблюдателя выглядела как цепь повторяющихся кощунств, сплошное издевательство над обыденным рассудком.

Третью причину, по которой сознание сичевика ни он сам, ни окружающие не осмелились бы назвать "обыденным", можно охарактеризовать как аскетическую. Она коренится, так сказать, в определенном уровне религиозности прошедшего эффективную инициацию⁶² воина-запорожца.

Даже при условии немногочисленности посвященных, т.е. характерников, воплощаемый ими героический идеал оказывал серьезное влияние на остальных казаков. Ведущую роль на пути от виртуальной инициации к эффективной играла психодуховная практика "хранения заповедей", тесно связанная со смертью в рыцаре "ветхого" человека и воскресением в нем "нового", или Пасхой (по-гречески "переход", "освобождение"). "Насколько за каждую заповедь человек терпит смерть, по произволению, настолько приходит в большее познание и созерцает совершающееся в нем по благодати Христовой изменение" (преподобный Нил Синайский). Еще резче о модели поведения посвящаемого выразился святитель Василий Великий. По его мнению, тот "вовсе не должен иметь заботы о своей жизни и смерти". Результатом такого "делания" является приобретение "великой веры ведения" (преподобный Исаак Сирий, св. Петр Дамаскин): "...после "делания" рождается в нас великая вера ведения, о которой Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное" (Лк. 17:6). "...Иная есть общая вера православных, то есть правые догматы о Боге и Его творениях мысленных и чувственных, как, по благодати Божией, приняла Святая Соборная Церковь, и иная – ведения, то есть познания, которая отнюдь не противится

родившей ее, но обыкновенно еще более ее утверждает".

К пониманию природы этой веры вплотную подошел Дмитрий Яворницкий, когда сделал вывод, что "жизнь запорожского казака – своего рода аскетизм, до которого он дошел опытом, а не заимствовал извне" [36]. Однако тайну зарождения в казацкой среде "непосредственной веры", которую Эвола назовет позднее "верой с опытом", никто раскрыть пока не пытался. Большинство исследователей упускают из виду, что война под клейнодами Сичи воспринималась религиозным сознанием казаков как высшая мера в исполнении заповедей Христовых, следование путем Любви. "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15:13). Да, в леденящем ужасе, который наводили характерники, за ними самими уже не ощущалось никакого страха: ни человеческого, ни смертного, ни Божьего. Ибо "совершенная любовь изгоняет страх". На это способна лишь Amor, а не Caritas или Deliciae⁶³.

Адаптацию иноческого учения о "вере ведения" применительно к воинскому братству Низа представляется правильным отнести на счет старцев Афонской Горы (крупнейшего центра православной аскезы), связь с которой не прерывалась и в годы пребывания Сичи на землях Крымского хана. Прочный симбиоз между рыцарскими и монашескими орденами издавна существовал в Европе: госпитальеры⁶⁴ и цистерцианцы⁶⁵, храмовники⁶⁶ и бернардинцы⁶⁷ и т. д.

За порогом страха

В XVII и особенно XVIII веке рыцарское "подвижничество" все менее приветствовалось теми категориями населения, которые, как принято выражаться, шли "широкой стезей" профанной религиозности, не углубляясь в мистический опыт христианства, или для тех церковных деятелей, которые возлагали надежды исключительно на абсолютистскую форму правления. "Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его?.." (1 Кор. 2:14-16).

При этом народное творчество, благодаря отсутствию в жизни казака меркантильной озабоченности, рисует ее тяжелой, полной трагизма, но вместе с тем возвышенной и почетной. Такая характеристика близка к восприятию образа монашества.

Если занятием иноков считалась молитва, то

у сичевиков ее заменяла битва. "В мире жить никогда не хошут, – замечает на сей счет летопись Григория Грабянки, – мле их мир оглашен будет, то самовольно идут на помощь иным царствам, и маля ради корысти великую нужду подіймут, море перепливати дерзают в однодревских судах". Для молодца, нацеленного на стяжание удали, война действительно превращалась в жизненную потребность. "Казаку воевать – соловью петь"; казаку воевать – промысел".

Мотивация такого поведения однородна с рыцарским *Quetes*⁶⁸, когда ни к чему дорожить головой, коли:

Не сьгодні, так завтра поляже вона,
Як у степу од вітру трава,
А слава не вмере, не поляже,
Всьому світу рицарство козацьке розкаже.
Та козацька слава,
Що по всьому світу дивом стала,
Що по всьому світу степом
розляглася-простяглася,
А та по всьому світу луговим
гомоном роздалася,
Туреччини та татарщини добрим лихом
знати далася,

Та й ляхам-ворогам на спис оддалася.

Излюбленный объект иронии казачьих поговорок – собственная гибель: "Умів шарпати, умів і вмерти, не скиглячи", "От казали, неначе воно боляче, як шкуру з живого чоловіка здирають, а воно мов комашня кусає"...

Богословие пира

Уклад жизни казаков в мирные дни также имел немало "характерных" проявлений. Сугубое молодечество выказывалось в широком, неуправляемом разгуле. Религиозно-исторический императив бражничества – позиция Владимира-Крестителя: "Руси есть веселие питье", а запорожцы подчеркивали всегда свою руськую (т. е. дружинно-аристократическую) принадлежность. В германо-скандинавской, славяно-фракийской мифологиях прослеживается взаимозависимость между сражением и пиршеством (образная система Вальгаллы⁶⁹, стенописи Казанлыкской гробницы⁷⁰, строки о "кровавом вине" в "Слове о полку Игореве" и т. д.).

Такое отношение служило полемической корреляцией к официальной трактовке опьянения, которое в обществе XVI-XVIII веков все чаще приравнивалось к пороку пьянства. Зато в XII-XIII столетиях упомянутое высказывание о "питии" святого Владимира входило в состав летописных паремий⁷¹ и звучало в храмах. Виноградная лоза и связанная с ней мистериальность давно вошли в знаковую систему христианства. Исходя

из двуединства Евхаристии, туда же включался хлебный колос. Но трудность подстерегала большинство богословов, когда они приближались к осмыслению получаемых на основе зерна напитков. И если пиву повезло больше, то продукт хлебной перегонки – водка – либо совершенно игнорировался как метафизический символ, либо символика его снижалась до уровня негативного морализма.

Между тем именно горилка, соответствующая алхимической проекции "огонь в воде", была преобладающим напитком у запорожцев в мирное время. "У нас в Січі норів – хто "Отче наш" знає, той вранці встав, умиється та й чарки шукає"; "Чоловік не скотина, більш відра не вип'є"; "Розступись, душа козацька, обіллү"; "Вонзим копія в душі своя".

Корчма в казацких думках именуется "княгиней", а в той "княгині много козацького добра загине, і сама вона не ошатно ходить і козаків під випадок без свиток водить". "Княгиня" – корчма, "князь" – казак, повенчавшийся с ней, – живо напоминают мистическую свадьбу Короля и Королевы *Ars Sacra*⁷². Поэтому далеко не случайно горилку величали "оковитою"⁷³, обращаясь к ней как к живому существу. "Хто ти?" – "Оковита!" – "А з чого ти?" – "Із жита!" – "Звідки ти?" – "Із неба!" – "А куди ти?" – "Куда треба!" – "А білет у тебе є?" – "Ні, нема!" – "Так отут же тобі й тюрма!". Ритуализованность восприятия "aqua vitae" блистательно сформулировал Гастон Башляр: "Ошибочно мнение, будто алкоголь только возбуждает способности духа. Он поистине создает эти способности. Он, так сказать, вливается в то, что силится выразить себя" [Башляр].

Могут возразить, правда, что спирт в открытой степи (особенно зимой) являлся попросту высококалорийным пищевым продуктом, без которого казаки не могли обойтись на марше. Но именно тогда, во время боевых действий, всякое спиртное категорически исключалось из рациона. За его употребление нарушителя ждало суровое наказание. Мнение Запорожского Коша явно расходилось с мнением Раймонда Луллия⁷⁴, который считал, что алкоголь "удивительно удобно потреблять перед боем для поднятия духа солдат".

Дурной разум

Столь же эпатающим было проявление рыцарского нестяжания, которое прямо следовало за "опанованиєм" нагробленного имущества и заканчивалось искрометным проматыванием личной доли. Ведь "не на те козак п'є, що є, а на те, що буде". Накопление богатства ни-

мало не уважалось, а от искусства не собирать сокровищ на земле, приобретая "себе друзей богатством неправедным" (Лк. 16:9), зависел престиж сичевика. В запорожском Verdhung⁷⁵ на первый план выступало максимальное освобождение себя и сотрапезников от условностей материального мира, следование заповеди "не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф. 6:34).

То был аскетизм наоборот, когда взаимно уничтожают друг друга ложь напускного смирения и постыдное пристрастие к чревоугодию. "Запорожці, як малі діти: дай багато – все з'їдять, дай мало – довольні будуть". Буйство Христа ради приобрело у низовых "лыцарив" название "дурного розуму".

Бурлаче, козаче, дурний розум маєш,
Дурний розум маєш – долю проклинаєш;
Не так винна доля, винна ж твоя воля:
Що ти заробляєш, то все пропиваєш,
А що загорюєш, то все прогайнуєш.

Алхимия души

Вообще, как точно подметил Яворницкий, "в основе характера козака всегда лежала двойственность: то он очень весел, шутлив и общителен, то он грустен, молчалив, угрюм и недоступен. Эта двойственность вытекала, конечно, из самого склада жизни запорожского козака" [36]. Практика многих систем трансформации (в том числе православного аскетизма) рассматривает двойственность противоположных сторон не в качестве конечной данности, не предполагающей ничего иного по ту сторону от нее, а в качестве взаимного дополнения. Описанная ситуация известна в алхимии под названием *Coincidentia Oppositorum*⁷⁶. В психоанализе Карл Густав Юнг отождествил эту двойственность с тесным союзом в человеке мужского принципа сознательного с женским принципом бессознательного (а затем – с аллегориями "Короля и Королевы"). "В то же время тенденция противоположностей к синтезу всегда сопровождается потрясениями и страданиями до тех пор, пока она окончательно не разрешается с помощью сверхъестественных сил. Таким образом, шаг от тезиса к противоречию болезнен, а следующий шаг – от противоречия к экстатическому разрешению – трудно осуществим" [Хуан Эдуардо Керлот].

Этим, прежде всего, и объясняется малочисленность прошедших эффективную инициацию сичевиков, что не выходит за рамки положения дел в известных нам воинских братствах того периода. Привносить в область Духа, а именно в этой области осуществляется подлинное посвящение, количественные мерки, предназна-

ченные для оценки материальной субстанции, неуместно: "Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего Христианского мира, – размышлял Иван Киреевский. – Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира. Ибо как в мире физическом небесные светила притягиваются друг к другу без всякого вещественного посредства, так и в мире духовном каждая личность духовная, даже без видимого действия, уже одним пребыванием своим на нравственной высоте, подымает, привлекает к себе все сродное в душах человеческих. Но в физическом мире каждое существо живет и поддерживается только разрушением других; в духовном мире созидание каждой личности созидает всех, и жизни всех дышит каждая" [Киреевский].

Свобода без порабощения, власть без наследования, война без пощады и желания выжить, разбой без корыстолюбия – эти принципы социально-политической ориентации Запорожья находили аналогию в духовно-нравственном эталоне. На одном конце запорожской "двойственности" лежало осознание греховности человеческой души, в силу чего слияние с ней благодати Святого Духа кажется невозможным. Это порождало сверхчеловеческое желание "умереть для греха" (Рим. 6:2), даже если тогда погибнет не только плоть, но и сама душа: "...если пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода" (Ин. 12:24). Здесь, кстати, символический смысл перегонки в процессе изготовления водки, полной смерти зерна.

С другой стороны, необходимость жить по примеру Испытателя, который "будучи образом Божиим, ... уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как, человек" (Флп. 2:6-7) – вело к неразрешимой психологической антиномии. Православный рыцарь созерцал внутри себя образ Христа, понимая, что не достоин этого. "Но Он сказал: невозможное человекам возможно Богу" (Лк. 18:27). На стыке нравственных полюсов вспыхивала "молния" парадоксальной интуиции. Воин-запорожец каким-то непостижимым, шестым чувством догадывался, как и при каких условиях в нем может сочетаться несочетаемое: божественное и человеческое. То, что некогда стало неслитным и нераздельным во Христе Ииусе. Этическое напряжение между высоким идеалом и заниженной самооценкой служило источником регулярных инсайтов в психике сичевика.

Православный дзен

Современный метафизик Гейдар Джемаль дал четкое определение трансцендентной интуиции (на которой базировалась эзотерическая практика сичевиков). "Молния есть единственная форма проявления парадоксальной интуиции, – пишет он. – Мгновенность молнии не оставляет места статичному ощущению. Мгновенность молнии не оставляет места фиксированному воспоминанию. Поэтому восприятие молнии принципиально не подчиняется никаким критериям достоверности. Не имея длительности в себе, молния исключает длительность из отношения к себе. Поэтому в отношении молнии бессмысленно и невозможно ожидание. Неуловимость молнии выражает наиболее значимый для субъективного начала аспект истины. Он заключается в том, что в истине нет долженствования быть. Другими словами, истина не совпадает с онтологическим [бытийственным. – Р. Б.] наличием" [13]. В христианской традиции этому соответствует: "Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит" (Ин. 3:8); "В мире был... и мир Его не познал" (Ин. 1:10) и т. п.

Указания на практику немотивированного, парадоксального восприятия трансцендентного есть в житиях христианских святых (особенно – юродивых). Напоминает она и учение дзен (чань) в буддизме. Эта модель поведения индивидуума в средневековом обществе сходна с групповым поведением "людей вне закона". Считая юродство реальным культурным феноменом, филолог Сергей Иванов полагает, что "юродивый – это человек, чье поведение ничем не отличается от поведения сумасшедшего или дебошира, но чей статус в обществе весьма высок". Интересно, однако, что примеры коллективного юродства (мы не относим сюда санкционированные действия типа карнавала) практически неизвестны в христианском обществе: они с неизбежностью вылились бы в ревизию религиозно-политических норм. Вот почему Запорожская Сичь, где немотивированное поведение носило коллективный (но не одинаково проявляющийся) характер, представляла собой общество альтернативного типа по отношению к соседним государствам.

Помимо онтологической потребности в воинском подвиге, упоения гибелью, прежде всего собственной, ритуального опьянения и проматывания добра, к аскетической и медитативной практике сичевиков относятся: знаменитая казацкая дума при созерцании бурных днепровских порогов, погружение в транс от звуковых

вибраций степи, курение люльки с табаком (или опиумом), слушание кобзарей (которые "долю співають"), пляска до упаду... Все эти элементы, прокладывая путь к сверхрациональной области восприятия, формировали неповторимый облик каждого рыцаря и кошевого братства в целом. Общаясь между собой, низовые товарищи создали аргот (на базе украинской "мовы") с бесконечной лестницей смыслов и освобожденным синтаксисом. Отдельного разговора заслуживает язык жестов, близкий к турнирному этикету и восходящий к воинским приветствиям Рима.

"– За Сичь! – сказал Тарас и высоко поднял над головой руку.

– За Сичь! – отдалось густо в передних рядах.

– За Сичь! – сказали тихо старые, и, восторженно, как молодые соколы, повторили молодые:

– За Сичь!

И слышало далече поле, как поминали казаки свою Сичь... Уже пусто было в ковшках, а все еще стояли казаки, поднявши руки".

Двойственность религиозно-нравственного эталона запорожца рельефно проступает в обряде "прощания казака со светом" (т. е. уходе в монастырь), описанном П. А. Кулишем. Большинство казаков, избравших стезю инока, оставляли Сичь внезапно, без всякой огласки, но иногда этот уход совершался торжественно, на виду у всех, и сопровождался гомерическим весельем.

Покидающий Кош рыцарь надевал праздничное платье и парадное оружие, набивал карманы и кожаный черес звонкой монетой, нанимал музыкантов, закупал несколько бочек "п'яного зілля", а к нему повозку со снедью, и отправлялся в какой-нибудь монастырь (чаще всего Межигорский) "спасаться". "Музыка ударяла "веселю", и компания трогалась в путь. Тут всяк, кто изъявлял свое желание провожать прощальника до монастыря, пил, ел на его счет и танцевал; впереди всех на прекрасном боевом коне несся сам прощальник "сивоусий"; нередко и он сходил с коня, пил, ел и пускался "навприсядки". Всех встречных и поперечных он приглашал в свою компанию, угощал напитками и предлагал всевозможные закуски. Если он увидит на своем пути воз с горшками, немедленно подскакивает к нему, опрокидывает его вверх колесами, и вся веселая компания его тотчас подбегает к горшкам, пляшет по ним и разбивает вдребезги. Если он завидит воз с рыбой, также подскакивает к нему и опрокидывает вверх колесами, а всю рыбу разбрасывает по площади и приго-

варивает: "Їжте, люди добрі, та поминайте прощальника!". Если он наскочит на "перекупку" с бубликами, то также забирает у нее все бублики и раздает их веселой компании. Если попадет к нему лавка с дегтем, он тот же час скачет в бочку с дегтем, танцует в ней и выкидывает всевозможные "выкрутасы". За всякий убыток или шкodu платит потерпевшим червонцами, разбирая их вокруг себя "жменями".

Так добирается прощальник... до самого монастыря; тут компания его останавливается у стен святой обители, а сам он кланяется собравшемуся народу на все четыре стороны, просит у всех прощения, братски обнимается с каждым и наконец подходит к воротам монастыря и стучит в них:

- Кто такой?
- Запорожець!
- Чого заради?
- Спасатися!

Тогда ворота отпираются, и прощальника пускают в обитель, а вся его веселая компания, с музыками, горилками, пивами и медами, остается у ограды монастыря. Сам же прощальник, скрывшись за стеной монастыря, снимает с себя черес с оставшимися червонцами, отдает его монахам, сбрасывает дорогое платье, надевает грубую власяницу и приступает к тяжелому, но давно желанному "спасению".

Свята брама одчинилась –
Козака впустили,
І знов брама зачинилась,
Навік зачинилась
Козакові!.."

Сокрушение "сосудов глиняных" (см. Откр. 2: 27), насыщение народа рыбой (символ Евхаристии) и бубликами (от которых еще навсегда остается дырка), насмешка над главным адским атрибутом (дегтем) и тому подобное предельно обнажали антиномию жизни сичевого рыцаря в момент ее наивысшего напряжения – принятия "равноангельского чина" – бесповоротного личного разрыва с миром людей. Другим средством преодоления двойственности была славная смерть на войне.

Исследование монашеского пути постриженников-запорожцев, таких, например, как бывший есаул Дорощ, казак Семен Коваль требует слишком много места, хотя, безусловно, его достойно. Трудно удержаться, правда, чтобы не провести весьма красноречивую параллель. Пустынники, удалявшиеся в необжитые места Афона, назывались, подобно запорожцам, "сиромашами". Они не были приписаны ни к какой обители, добровольно влача нищенское суще-

ствование. Святогорское сиромашество было своего рода иноческой вольницей, альтернативной по отношению к жесткой олигархичности кинота⁷⁷. Постепенно смысл этого подвига все более утрачивался как для монахов-келиотов, считавших сиромашов обыкновенными тунейдцами, так и для самих пустынников, не проявлявших себя уже ничем замечательным, кроме дикого поглощения пищи во время трапезы, когда они собирались на престольный праздник какого-нибудь афонского монастыря. Близка к этому оказалась и инволюция запорожской сиромы: от бедного рыцарства, сознательно рачтующего отнятое у супостата богатство во имя обета нестяжания, к голоде, которая не прочь осесть на земле, но, в силу разных обстоятельств, не может себе этого позволить. Здесь суть пертурбаций, постигших сичевое казачество за последний период его существования с 1734 по 1775 год.

Падение или отступление?

Анализируя причины гибели Сичи, историки чаще всего останавливались на силовом устранении ордена, как это провозглашено в манифесте Екатерины II: "... за оскорбление Нашего Императорского Величества чрез поступки и дерзновение, оказанные от сих Козаков в неповиновении Нашим Высочайшим повелениям". Писали, что Войско утратило значение ближайшего к Крыму форпоста, что "крепостники" стремились овладеть плодородным краем и подчинить себе "трудовое казачество", потушить очаг народной борьбы. Попутно отмечались хозяйственный рост Запорожья, более быстрый, чем в центральных районах России, развитие капиталистических отношений. Исследователи-"экономисты" отказывались признать существование строгих этических принципов, на которых было основано устройство низового товарищества. Поэтому изменение внутренней структуры Сичи с ее разрушением не связывалось.

Процесс, закончившийся падением Сичи, можно было бы обозначить как отступление от пути, постепенное удаление от первоначально постулированной оппозиции окружающему миру в сторону экономического, социального и религиозно-нравственного смыкания с ним. Этот процесс внутри Войска протекал на фоне всеевропейской редукции иерархии Средневековья, нарастающего искажения православной традиции в России. Напомним, что к XVIII веку относятся отмена чина патриарха, прекращение летописания, насильственное сокращение числа монашествующих, борьба государства со всем, что выступает за рамки табельной цер-

ковности, включая юродивых, нищих, целителей, старцев, прорицателей и тому подобных.

Совершая набеги на соседей, уводя из плена "ясырь", увозя драгоценности и золото из господских домов, ограничивая амбиции держав-конкурентов, показывая пример бескорыстия, небрежения о тлене, Кош руководствовался не голым грабительским⁷⁸ интересом, а осуществлял евангельскую потребность в войне против всех и вся, что только может ограничивать свободу христиан – свободу как принцип. "...Истина сделает вас свободными" (Ин. 8: 32); "...где Дух Господень, там свобода" (2 Кор. 3:17). Это было настоящее сражение с бездушным государственным аппаратом, подменившим одухотворенную традицию, "против мироправителей тьмы века сего" (Еф. 6:12).

Для современного человека, привыкшего рассматривать веру со стороны религиозности, не учитывая метафизических принципов, лежащих в ее основе, следующее утверждение может показаться странным. Тем не менее, мы должны со всей определенностью сказать, что именно отстаивание беспредельной дарованной Христом Спасителем внутренней и внешней свободы являлось главной функцией Запорожской Сичи, как православного рыцарского ордена. Хотя большинство сичевиков и являлось выходцами из Украины, а потом оказалось в подданстве у Московского царя, воевали они не за какое-то конкретное государство, а за чистоту и славу дедовской Веры, проповедуя не словом, а ратными деяниями наступление Божьего Царства, водворившегося в их душах.

Однако как раз в последний период существования – Новой Сичи – запорожское казачество шаг за шагом утратило условия, необходимые для проявления возвышенных принципов. Вернувшись из Крыма, казаки получили уголья не на "Божьей земле", как раньше, а на размеренной геодезическим циркулем территории Российской Империи. Войско воспринималось всеми уже как составная, хоть и наиболее автономная, часть государственной армии. Теперь Кош не имел права предпринимать военных действий в соседних и, тем более, в российских владениях без специальной санкции правительства.

Подчинившись державным интересам на внешнеполитическом уровне, низовое рыцарство быстро теряло свой эффективный инициативный статус, который приобретался преимущественно во время войны. Консолидируясь, запорожская старшина превращалась в класс землевладельцев и работодателей (к чему

подталкивала ее и государственная политика). Иного выхода просто не было. Массовое покачание 1640-1650-х годов, когда "усе, що живо, подалося в козацтво", переросло в устойчивую тенденцию прихода на Запорожье людей, искавших не реализации своего воинского призвания, а более легких условий труда, материального благополучия.

Увеличилось не только количество женатых казаков, но и подотчетных Войску крестьян (посполитых⁷⁹), которые зачастую, пробыв на Низу небольшой отрезок времени, возвращались домой и с помощью кошевого аттестата избавлялись от несения повинностей. Оседая в Запорожье, слободские жители охотно нанимали работников и сами сдавались в наем. Крупный запорожский зимовник получал все более отчетливые черты помещичьего хозяйства. Переход из посполитых в казаки (семейные, разумеется) формально не был ограничен ничем. Желая распространения на себя казачьих прав, богатые посполитые нередко вступали в Кош. Бывало и наоборот: разорившись и потеряв способность отбывать службу за собственный счет, казаки переходили в посполитые.

Предпринимались попытки найти выход из создавшегося тупика, которые, однако, не имели долговременного успеха, ибо приводили, в конечном счете, либо к противоречию с волюностями Ордена, либо к столкновению с законами Империи. Опираясь на традицию чумацкой валки, оружейно-промыслового извоза, давно существовавшего в Войске, Сичь неуклонно превращалась из республики воинов в республику купцов. Рыболовство, земледелие, садоводство, скотоводство, пчеловодство, различные виды ремесел из занятий редкостных и маловажных для казацкой вольницы переросли в наиболее престижные виды деятельности. Во второй половине XVIII века спрос на продукты запорожского хозяйства в центральных областях страны и в Крыму поднялся очень высоко.

Метаморфозы, постигшие Войско, были богословски истолкованы и закреплены в иконографии. Так, в Самарском Пустынно-Николаевском монастыре находилась икона Вседержителя с изображением мирного труда запорожцев, вписанным в яблоко державы в руке Спаса. На нем виден лес, посреди леса озеро, из озера протянута речка, через речку переброшен мостик. Наряду со всем этим изображены три фигуры запорожцев, из коих один стоит у моста и удит рыбу, другой целится из камышей в плавающих по реке уток, а третий сидит у казанка, повешенного на треножнике, и варит какую-то

пищу. Около запорожцев стоит чумацкий воз – "мажа", а на воде качается одномачтовая казацкая чайка. Мысль художника очевидна: Бог любит запорожцев, покровительствуя всем их занятиям, оттого и держит в "руце Своей".

Рос объем торговых операций внутри Сичи. Увеличивалось количество постоянных дворов и питейных заведений. В Самарской паланке к 1768 году таких заведений насчитывалось в общей сложности девяносто семь. Из них 41-м владели неженатые казаки, 52-мя – женатые, четыремя – посполитые. Старшина, богатые казаки не брезговали и ростовщицеством. Институт молодиков, состоявших ранее оруженосцами при опытных товарищах, сделался наполовину школой передового хозяйствования – для способных, взбиравшихся по служебной лестнице, а наполовину – армией "наймитов". Подчас непосильным испытанием служил порядок работы "без найму", что означало службу "при казаках безденежно, за самую только харчь".

С успехом воспроизведя внутри себя модель "большого мира", Сичь перестала быть собственно воинским орденом (что сильно напоминает причины упадка тевтонского рыцарства) и практически утратила былую вольницу. Быть может, поэтому предпоследний атаман Филипп Федоров (1694-1795 гг.), "подякував Січ за панство", удалился в Самарско-Николаевский монастырь. Можно утверждать, что процесс деградации инфраструктуры Коша достиг естественного рубежа, за которым он мог существовать лишь как полная противоположность своему былому идеалу. В период Новой Сичи чрезвычайно распространился редкостный до того времени обычай, когда богатые казаки, призванные к несению "очередной" службы, отправляли вместо себя наемников. Создается впечатление, что боевые действия интересовали новых казаков лишь как дополнительный способ наживы.

Аскетический типаж сичевика XVII века подробно прописан в поэме неизвестного автора "Віршована хроніка": "Земля – його ліжко, зелена трава – матрац, сідло – м'яка подушка, опонча – перина, попона – біле простирадло, стріли правлять йому за гребінь, блискуча шабля – за дзеркало, панцир – за плащ, плетений шолом – за шапку, тятива – за пояс..., пригорща – за чарку, джерельна і річкова вода – за алікантей вино; болотяна вода – щоб вуса добре росли, роса – щоб серце охолоджувати, сахар – за пряник, толокно – за торт, дика грушка, водяні горіхи та польова вода – за десерт" ["Віршована хроніка"].

Для сравнения – опись покоев последнего кошевого Петра Калнышевского: "Длинный стол, 30 деревянных и 12 отделанных кожей стульев, шкаф со стеклянной и фарфоровой посудой, четыре канделябра, кровать с балдахином, оловянный умывальник, ванна, подсвечники с серебряными и мраморными украшениями...". Реестр имущества атамана составил внушительный документ. О масштабе продовольственных запасов можно судить уже по тому, что в подвалах числилось 100 пудов сахара, 10 пудов "закуска греческих разного манеру", 16 пудов ореха-фундука, 20 туш свинины и т.д. Ко всему прочему Калнышевский слыл разборчивым гурманом. Поблагодарив полкового есаула Федора Легкоступа за поднесенные соленые огурцы и арбузы, кошевой отослал ему пустую бочку с наказом повторить: "Только огурцы так посолить, как первой присылки посолили (а теперешней, другой присылки прокисли) и положить укропа и листа вишневого".

Крайнее средство

Правда, для тех, "кои не хотели у казаков работать", до поры до времени была открыта негласная возможность влиться в гайдамацкое движение, ширившееся по мере бюрократизации Коша. Объектом нападений запорожских гайдамаков сделались, с одной стороны, местные "доброго состояния казаки", с другой – украинские помещики, а также мусульмане – татары и турки.

Вопрос о том, насколько гайдаматчина была инспирирована духовно-рыцарскими авторитетами ("дидамы"), вряд ли когда-нибудь будет разрешен однозначно. Организаторами гайдамацких отрядов выступали, как правило, запорожские казаки. Крупнейшие базы гайдамаков располагались в малодоступных местах войсковых владений: стан на Мигийском острове, урочище Корабельное и прочие. Копируя Сичь в миниатюре, вожди гайдаматчины, тем не менее, не пытались (до 1768 года) делегировать себе ее полномочия, как случалось, когда из-за раскола в Войске могли появиться два атамана, две старшины и так далее. Трудно дознаться также, чего было больше в вялых (опять же до 1768 года) карательных мерах Коша к отрядам сиромы: стремления перенести их активность вне Запорожья, отчитаться в своей непричастности перед гетманом и петербургской администрацией или еще какая-то скрытая цель. Ведь при всей показной лояльности по отношению к России Кош никогда не переставал лелеять мечту о своей полной независимости. Показателен инцидент с греческим владыкой Анатолием Ме-

лесом в 1759-60 годах, который на ектениях⁸⁰ в Запорожье или вовсе не поминал синодального архиерея, или произносил его имя "неправильно и непристойно".

Войдя в "истеблишмент" Империи, сичевое рыцарство могло остаться верным общественной роли "группы вне закона", только создав оппозицию... к самому себе. Та негативная репутация, которой ранее пользовалась Сичь, автоматически перекинулась на гайдамаков – новый жупел для социума. Эту репутацию поддерживала Синодальная Церковь. Невзирая на то, что сотни казаков сложили головы за освобождение единоверцев и родичей от польско-католического ига на Правобережье, епископ переяславский Гервасий (Линцевский) объявил "искоренение бесчеловечных гайдамаков" "делом Божиим".

Восстание 1768 года, вспыхнувшее на следующий день после Рождества, показало, что дни Запорожской Сичи сочтены, ибо из оплота сырых и обездоленных она превратилась в их гонителя и палача. Июньская присяга 1768-го года, требовавшая от каждого сичевика бороться с гайдамаками, где и когда бы последние ни появились, подписанная крестами во всех куренях, делала старшину в глазах сиромы слугами дьявола, а ее веру – сатанинской верой. Ворвавшись к кошевому Петру Калнышевскому мятежники, прежде всего подвергли ритуальному осквернению святыни его дома: растоптали иконы, разбросали мощи, "так, что с тех святых мощей ни одной части сыскать не могли" [9].

Как отмечает Владислав Грибовский, религиозность Калнышевского была искренней, далеко не показной. Будучи кошевым атаманом, он щедро покровительствовал монашеству на Православном Востоке, на Афоне, а в Украине возводил храмы. Его внимание к монастырской жизни носило провиденциальный характер. В 1776 году, по ходатайству произведенного им ранее в казаки Грицька Нечесы (князя Потем-

кина), Калнышевский в обстановке строгой секретности, под конвоем был отправлен "на смирение" в Соловецкую обитель. Большую часть немалых денег, которые были выделены на его содержание, атаман добровольно жертвовал обители. В 1801 году его освободили, но старец сам не пожелал оставить место монашеского подвига и скончался там 23 октября 1803г. ста двенадцати лет от роду.

* * *

В 1760-е годы казалось: еще чуть-чуть и запорожская старшина сольется с российским дворянством, а рядовые казаки станут государственными крестьянами, как это произошло в 1783-1785 годах с казачьими войсками Левобережья. Однако этому не суждено было случиться по причине все того же свобододолюбивого духа, который сичевики не утратили даже накануне их бесславного превращения в помещиков. Государственная машина Империи воспротивилась конвертации казацкой вольницы в экономически самодостаточную территорию с собственным политико-административным устройством.

Однако "духовное отступничество" от принципов воинского союза, которое завершилось падением Запорожья, надолго пережило Сичь. Его разрушительные тенденции унаследовало абсолютное большинство подобных независимых союзов, продолжавших действовать в XVIII-XIX веках (среди них следует выделить упомянутых гайдамаков, галицких опрышков, разбойничьи братства). Их деятельность в оптимальном случае оправдывалась религиозно окрашенным лозунгом улучшения мирской жизни, но никак не отрешением от нее. Ни одно из этих воинских формирований не располагало стройной аскетической доктриной, которая регулировала жизнь сичевого казачества. Поэтому и сам образ рыцаря-запорожца оказался никем не превзойденным идеалом свободно-го воина – первообразом всего казачьего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Управитель.
2. Служилые люди.
3. В христианстве число 12 символизирует идеальное социальное устройство: 12 колен Израилевых, 12 апостолов, 12 врат Небесного Иерусалима, 12 уделов Великого князя Владимира Крестителя.
4. Так он назван в Воскресенской летописи под 1223 г. Византийское имя Хортицы – "остров Святой Григорий".
5. Обряд гадания на жертвенных петухах, который росы проводили перед выходом в Черное море.
6. Однодревки (греч.), вид судов.

7. Compagnonnage (фр.) – сообщество, братство по оружию. Впоследствии это слово стало употребляться для обозначения союза ремесленников.
8. Паланка (у запорожцев) – 1) небольшое укрепление, обнесенное частоколом; 2) административный округ; 3) типовое укрепление, место пребывания полковника с прочими служебными лицами полка.
9. Etat major (фр.) – штаб, главная ставка.
10. Кшатрии (от санскрит. кшатрия – хозяйство, власть) – одно из двух высших сословий в Древней Индии, которое образовалось из военно-племенной аристократии.
11. Командория – дом Ордена, место проживания рыцарей.
12. В рыцарской практике – Clastrum (лат.).
13. Castitatis (лат.) – целомудрие.
14. Gefolgschaft (нем.) – воинский союз.
15. Grand-Maitre (фр.) – букв. великий мастер.
16. Стасидия – специальное деревянное кресло с откидным сидением и высокими подлокотниками, на которые можно опираться, стоя во время службы.
17. Соответствует рыцарскому чину сеньоров, "старших".
18. Тетраморф – буквально "четыре формы". Так в христианской иконографии именовалась композиция из льва, орла, тельца и человека, четырех существ, которые символизировали евангелистов. Каждый из них знаменовал отдельный аспект Благой Вести.
19. Булава – рукоять с шаровидным утолщением на конце, которая была в древности оружием, позже символом власти военачальника.
20. Бунчук – булава с металлическим шаром на конце, украшенная кистью из конского волоса, признак власти гетманов.
21. Пернач – древнерусское холодное оружие, представляющее собой насаженную на рукоять металлическую головку с острыми выступами; у казаков это оружие было знаком власти полковников.
22. Insignia (лат.) – внешние знаки царской власти в Древнем Риме.
23. Les chevaliers bannerets (фр.) – знаменные кавалеры, всадники.
24. Modus vivendi (лат.) – способ жизни, условия существования.
25. Здесь – правила.
26. Песьеголовец – 1) сказочное человекоподобное существо с одним глазом во лбу, поедаящее людей; циклоп; 2) ругат. презрен. – о человеке, который утратил свои лучшие человеческие черты; изувер, выродок; 3) оборотень.
27. Розенкрейцеры (от нем. роза + крест) – члены тайных религиозно-мистических обществ в XVII – XVIII вв. в Германии, России, Нидерландах; близки к масонам.
28. Pax profundis (лат.) – глубокий мир.
29. Характерник – колдун, волшебник.
30. Героическое безумие, отвага в древнегреческом обозначалось как ?????, в германском Wut, по-латински audacia.
31. Малолетние подростки, которых заманивали из крестьян, принимались в Сечь по поручительству казаков, которые выступали названными отцами (parrains в рыцарстве). По первому же требованию родителей или власти парней отпускали, что, конечно, не предохраняло от их самовольного побега обратно на Сечь. Такой подход диаметрально отличался от отбора потомства у яицких казаков. Те умерщвляли детей, рожденных от иноплеменных пленниц, "дабы через них не быть открытыми и не иметь также ни в чем затруднительной помехи".
32. Аббревиатура ΙΧΘΥΣ, ихтиус (греч.) – является древнейшим символом Христа и расшифровывается как "Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель".
33. Vonne pourriture (фр.) – букв. "добрый корм" т.е. воспитание; церк. окормление.
34. Иногда это мог подчеркивать отмеченный в фольклоре синий жупан, придававший запорожцу облик живого мертвеца (синьца).
35. Соответствовал рыцарскому Noviciatus (лат.), новициату.
36. Забора – гранитная гряда, не пересекающая Днепр от одного берега до другого как порог, а оставляющая свободный проход для судов.

37. Молодечество – неудержимая смелость, храбрость, рвение.
38. См. ниже.
39. Les trois metiers des armes (фр.) – три вида занятий оруженосца; в западном рыцарстве к ним относились: владение оружием, участие в турнирах и знакомство с иностранными обычаями.
40. Тацит – последний великий римский историк (ок. 55 – ок. 120 гг.); ему принадлежит географо-этнографический трактат "Германия".
41. Juvenes (лат.) – молодые люди, фигурально "телки".
42. Хатты – германское племя, в IV веке слились с франками.
43. Кандидат – от (лат.) *candide* или *candidus* (чистый).
44. Хирам – согласно Библии, архитектор Храма Соломона, легендарный основатель масонства.
45. Инфернальный (от лат. *Inferna* – подземное царство) – адский, коварный.
46. Выражение философа Мигеля Серрано.
47. Шикханда, шикха – ритуальная косичка в ведической традиции.
48. Хетты – народ, проживавший в центральной части Малой Азии. В XVIII – нач. XII вв. до н.э. Хеттское царство занимало обширную территорию восточной Анатолии.
49. Артавазд II – (? – 31 до н.э.), царь Великой Армении (56 – 34 до н.э.). Расширил территорию страны, вел длительную борьбу с Римом, был захвачен Марком Антонием и казнен.
50. Хухаль – воинская прическа у средневековых монголов.
51. Сушрута – индийский медик (до VIII в.), автор трактата "Сушрута-самхита".
52. Сотериологический (от греч. *soterios* – спаситель) – часть религиозного учения, рассматривающая аспект спасения.
53. Майя (санскрит.) – вселенская иллюзия в индуизме.
54. *Permixtio sanguinis* (лат.) – смешение крови.
55. Регула (лат.) – синоним ордена, духовной организации.
56. *Generalis* – генерал, наивысший чин в духовном ордене.
57. Нонконформисты (англ., букв. несогласные) – синоним непримиримой оппозиции.
58. Ставропигиальные монастыри непосредственно подчинялись патриарху.
59. Железный крюк. Ср. с евр. *хак* – определение, закон. Иероглифический смысл корня *хак*, который совмещает понятия "справедливость" и "истина", Р. Генон выразил формулой "сила на службе у права" ["Царь Мира", VI].
60. *Compagnon d'armes* (фр.) – товарищ по оружию.
61. Ребеллизант (лат.) – повстанец, бунтовщик.
62. О виртуальной и эффективной инициациях, различиях между ними см. Guenon R. *Aperçus sur l'Initiation*. Paris, 1946.
63. *Amor, Caritas, Deliciae* (лат.) – три градации понятия "любовь", заимствованные средневековой культурой из античной философии. *Amor* – страстная любовь соответствует категории "эрос" у Платона. *Caritas* – любовь к родине, родителям. *Deliciae* – по смыслу ближе к "наслаждению", "отраде".
64. Госпитальеры (от лат. *hospitalier* – больничный, госпитальный) – члены католического рыцарского монашеского ордена, основанного в Палестине в период крестовых походов 1118 г. Известны также под названием рыцарей "Мальтийского ордена". Другое название – иоанниты.
65. Цистерцианцы (от лат. названия села *Cimo-Cistercium*) – члены католического монашеского ордена, основанного бенедиктинцем Робертом Молезмским в 1098 г. Позднее из них выделились бернардинцы. В XII – XIII вв. ордену принадлежало в Европе более 700 монастырей (мужских и женских).
66. Храмовники или тамплиеры – члены средневекового католического духовно-рыцарского ордена.
67. Бернардинцы – члены католического монашеского ордена, основанного в XII в. Бернаром Клервоским.
68. *Quetes* (фр.) – поиск.

69. Вальхалла (др.-сканд. чертог мертвых) – в скандинавской мифологии дворец, куда попадали после смерти павшие в битве воины и где они продолжали прежнюю героическую жизнь.
70. Казанлыкская гробница – античное погребальное сооружение около г. Казанлык в Болгарии. Памятник греко-фракийского искусства конца IV – начала III в. до н.э.
71. Паремия (греч.) – чтение мест из Ветхого Завета по православному богослужению. В богослужениях Русской Церкви XI – XIII вв. в качестве паремий использовались также отрывки из начальной летописи.
72. Ars Sacra (лат.) – священная наука, т.е. алхимия.
73. Оковитая (лат. Aqua vitae – "вода жизни") – крепкая водка высокого сорта.
74. Луллий Раймонд (ок. 1235 – ок. 1315 гг.) – философ и теолог; основоположник и классик каталанской литературы, поэт-лирик; фрацисканец, миссионер.
75. Verdhung (от сканд. Verdhr) – пир, иногда употребляется в значении "битва".
76. Coincidentia Oppositorum (лат.) – сочетание противоположностей.
77. Кинот (греч.) – орган монашеского самоуправления на Святой Горе Афон.
78. "Грабунки" – В славянской обрядности такие слова, как "грабить", "красть" изначально имели значение определенных ритуальных действий (например, крада). Исчезновение этого смыслового слоя оказалось очередным знаменем прагматизации христианского общества.
79. Посполитые – в Украине до народно-освободительной войны 1648 – 1654 гг. и в первые годы после нее – войсковые подданные, принадлежащие к мещанам или крестьянству. Посполитые крестьяне – неказацкое крестьянское население Запорожья времен Новой Сичи (1734 – 1775 гг.).
80. Ектеня (от греч. ekteneia – усердие) – совокупность молитв, читаемых дьяконом или священником при каждом богослужении и содержащих просьбы и обращения к Богу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апанович, Е.М. Какому богу молилась Запорожская Сечь? [Текст] / Е.М. Апанович // Наука и религия. – 1990. – № 10.
2. Апанович, О. Чортотмилицька Запорозька Січ [Текст] / О. Апанович. – К., 1998.
3. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса [Текст]: Т. 8. – М., 1934.
4. Багдасаров, Р.В. Запорожское рыцарство XV- XVIII веков [Текст] / Р.В. Багдасаров // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3.
5. Балужок, В. Обряди ініціацій українців та давніх слов'ян [Текст] / В. Балужок. – Львов; Нью-Йорк, 1998.
6. Бондарь, Э.Н. Про індіців, хеттів і козацький "оселедець" [Текст] / Э.Н. Бондарь // Український світ. – 1992. – № 2.
7. Брехуненко, В. Стосунки українського козацтва з Доном у XVI – середині XVII ст. [Текст] / В. Брехуненко. – К.; Запоріжжя, 1998.
8. Голобуцкий, В.А. К вопросу о социально-экономических отношениях на Запорожье во второй половине XVIII в. [Текст] / В.А. Голобуцкий // Исторические записки АН УССР. Т. 44. – М., 1953.
9. Грибовський, В.В. Кошовий отаман Петро Калнишевський [Текст] / В.В. Грибовський. – Дніпропетровськ, 2004.
10. Грибовський, В.В. Іван Сірко в історичній спадщині Нікопольщини [Текст] / В.В. Грибовський. – Нікополь, 2005.
11. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции [Текст] / А.В. Гура. – М., 1997.
12. Гурбик, А.О. Вникнення Запорозької Січі [Текст] / О.А. Гурбик // Укр. іст. журнал. – 1999. – № 6.
13. Джемаль, Г.Д. Революция пророков [Текст] / Г.Д. Джемаль. – М., 2004.
14. Донцов, Д. Дух нашої давнини [Текст] / Д. Донцов. – Klaipeda, 1991.
15. Залізник, Л.Л. Нариси стародавньої історії України [Текст] / Л.Л. Залізник. – К., 1994.

16. Зуев, В. О бывших промыслах запорожских козаков [Текст] / В. Зуев // Месяцеслов. – Спб., 1786.
17. Иванов, С.А. Византийское юродство [Текст] / С.А. Иванов. – М., 1995.
18. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви [Текст]: Т. 2. / А.В. Карташев. – М., 1991.
19. Константин Багрянородный. Об управлении империей [Текст]. – М., 1991.
20. Кулиш, П.А. Чорная Рада [Текст] / П.А. Кулиш. – Спб., 1860.
21. Леп'явко, С. Формування світоглядних засад українського козацтва (поняття "козацького хліба" в останній третині XVI ст.) [Текст] / С. Леп'явко // Україна в Центральній-Східній Європі: Студії з історії XI-XVIII ст. – К., 2000.
22. Моця, О.П. Дружинники – козаки – лицарі [Текст] / О.П. Моця // Археологія. – 2004. – № 1.
23. Моця, О.П. Українські козаки і західноєвропейські лицарі: порівняльна характеристика [Текст] / О.П. Моця // "Істину встановлює суд історії". Збірник на пошану Ф.П. Шевченка. Т. 2. – К., 2004.
24. Никифор, архим. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия [Текст] / Никифор, архим. – М., 1990.
25. Петр Дамаскин, св. Творения. [Текст]. – М., 1993.
26. Поух, А.В. Етнічне походження та формування українського козацтва (історіографія проблеми): автореф. ...канд. істор. наук / А.В. Поух; Дніпропетровський національний ун-т. – Дніпропетровськ, 2005.
27. Скальковский, А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского [Текст]: Ч. 1 – 3 / А. А. Скальковский. – Одесса, 1846.
28. Трепавлов, В.В. Вольные казаки и Ногайская Орда (некоторые подробности ранней истории казачества) [Текст] / В.В. Трепавлов // Восток (Oriens). – 2002. – № 3.
29. Феодосий (Макаревский). Исторический обзор православной христианской церкви в пределах нынешней Екатеринославской епархии до времени формального открытия ее [Текст] / Феодосий (Макаревский). – Екатеринослав, 1876.
30. Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви [Текст]: Пер. 4. / Филарет (Гумилевский). – Харьков, 1853.
31. Хартахай, Ф. Историческая судьба крымских татар [Текст]: статья первая / Ф. Хартахай // Вестник Европы. Т. 2. – 1866.
32. Хейзинга, Й. Осень средневековья [Текст] / Й. Хейзинга. – М., 1988.
33. Чухліб, Т.В. Гетьмани і монархи: Українська держава в міжнародних відносинах 1648-1714 рр. [Текст] / Чухліб. – К., 2003.
34. Щербак, В.О. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XVI – середина XVII ст. [Текст] / В.О. Щербак. – Киев, 2000.
35. Эвола, Ю. Языческий империализм [Текст] / Ю. Эвола. – М., 1992.
36. Яворницький, Д.І. Історія запорозьких козаків [Текст]: Т. 1-3 / Д.І. Яворницький. – Киев, 1990.
37. Addison, C.G. The History of the Knights Templars [Текст] / C.G. Addison. – Londres, 1842.
38. Cardini, F. Alle radici della cavaleria medievale [Текст] / F. Cardini. – Firenze, 1991.
39. Grondski, S. Historia belli cosacco-polonici [Текст] / S. Grondski. – Pestini, 1789.
40. Guenon R., Aperçus sur L'Initiation [Текст] / R. Guenon. – Paris, 1946.
41. Romanski, R. Kozaczyzna [Текст] / R. Romanski. – Warszawa, 1999.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО СТЕФАНА ПЕРМСКОГО СРЕДИ ЗЫРЯН

"**Ч**то ты нареку, о епископе, или что ты именую,.. како хвалу ти сплету? Апостола ли ты именую, яко апостольское дело сотворил еси?.. Законодавца ли ты призову или законоположника, имже людем беззаконным закон дал еси?.. Крестителя ли провещаю, яко крестил еси люди многи, грядуща к тебе на крещение?.. Учителя ли ты призову, яко учительски научил еси язык заблудшии, или неверныя в веру приведе?.. Да что ты прочее назову страстотерпца ли или мученика, яко мученически волею вдался еси в руки людем, сверепеющим на муку, и, яко овца посреде волк, дерзнул еси на страсти, и на терпение и на мучение... Что ты именую, епископе, отца ли нареку... пермяном?.. О каковыя славы и похвалы и чти уллучити имаши, о епископе!" – пишет Епифаний Премудрый, автор жития святого Стефана Пермского [3, с. 102-104]. Этими словами он кратко описывает подвиг святого Стефана по духовному просвещению дотолле невежественных жителей края Пермского. Святой Стефан "производит переворот на севере в земле Пермской, разрушает стойкое и древнее языческое мирозерцание зырян, без применения какой-либо внешней силы обезоруживает целый языческий народ,.. приводит его в ограду святой церкви Христовой и приобщает благам гражданственности, в мирном сожительстве с православным народом русским" [6, с. 2].

Самого святителя можно назвать незаурядной личностью своего времени. Еще будучи отроком, он отличался прекрасной памятью и необычайными способностями. Стефан удивительно быстро выучился грамоте. Вместе с тем, уже в эти годы мальчика отличали необычайная серьезность, трудолюбие и душевная чистота. Повзрослев, святой Стефан продолжил свое самообразование, изучая не только Священное Писание и богословские сочинения отцов Церкви, но и знакомясь с другими доступными в то время отраслями человеческого знания. Так, в житии его говорится, что он нашел возможность научиться "грамотичней хитрости", то есть основательно изучить грамматику и риторику.

Эту жажду знаний и любовь к просвещению святитель пронес впоследствии через всю

жизнь. Они составляли наиболее заметную черту в светлой личности святого. И это тем более удивительно, что жил Стефан Пермский в XIV веке, в то время, когда образованные люди были довольно редки на Руси; когда сам великий князь Дмитрий Донской, по свидетельству летописцев, "не был хорошо изучен книгам" [Цит. по: 1, с. 71]; когда высшие лица в государстве не умели подписать своего имени; когда даже самое образованное сословие на Руси – духовенство – в большинстве своих представителей не шло дальше простой грамотности.

Постепенно в юноше возрастало желание искать духовного совершенства в уединении. Стефан остановил свой выбор на монастыре святого Григория Богослова в Ростове Великом, славившемся как центр просвещения и обладавшем обширной библиотекой. Здесь будущий святитель продолжил свое самообразование, проявив при этом значительное упорство, "сега ради и мног разум от Бога подастся ему в Божественном Писании" [3, с. 6]. Он овладел философией и книжной премудростью, выучил греческий язык так, что мог на нем свободно говорить, читать, стал опытным писцом и иконописцем.

Уже давно зародилась у святого Стефана мысль идти с миссионерской проповедью к зырянам или пермякам (ныне народ Коми) и приобщить этих добрых и по-детски простых людей к духовному просвещению и гражданственности. Еще в детстве, на родине в Устюге, святой Стефан выучил зырянский язык. "Тридцать лет в тихой обители он посвящает самовоспитанию, которое полагается им в основу воспитания других. Иноческие подвиги труда, молитвы, богомыслия, углубления в Священное Писание были высокою для него школою, из которой он вышел на подвиг благовествования во всеоружии веры, знания и опыта" [6, с. 8].

В это же время Стефан готовит то, что будет необходимо ему в его миссионерской деятельности – составляет зырянскую азбуку и делает переводы с русского на зырянский язык Евангелия и важнейших богослужебных книг. Для составления новой азбуки Стефан Пермский использовал пасы – прямолинейные угловатые значки, которые обычно вырезались на тонких

четвероугольных палочках. Эти значки издревле употреблялись зырянами для торговых подсчетов, для обозначения календарных дат и т.д. Приняв пасы в основу своей азбуки, святой Стефан учитывал, таким образом, культурные особенности того народа, среди которого проходила потом его миссионерская деятельность. Если бы новое учение было бы передаваемо письменно совершенно чуждыми знаками, оно показалось бы для зырян так же дико, как и слова на неведомом языке. Сам же святой Стефан осознавал, что новое учение необходимо передавать пермякам на их родном языке, ибо "сближение народов должно идти путем внутренним – через единство веры, через просвещение" [4, с. 53].

"И тако дерзновением многим устремися... и утверди лице свое в землю Пермскую". В землю глухую и неведомую вступил отважный проповедник, чтобы благовестить слова духовной мудрости.

Поначалу миссионерская проповедь в Пермском краю осуществлялась с большими трудностями. Немногие обращенные подвергались преследованиям со стороны язычников. Да и самому проповеднику пришлось претерпеть немало скорбей. Не раз покушались на его жизнь, а один раз пытались даже сжечь на костре. Но святой Стефан не испугался и не упал духом. И эта его непоколебимая твердость, удивительная кротость и готовность стоять до конца производили неотразимое впечатление на дикий народ: "и никто не возложи рук нань, яко не убо бе ударен или уязвлен от кого". И каждый раз после такого нападения святой, чудом избегая смерти, обращался к язычникам с увещательной речью, и толпа, за минуту перед этим готовая растерзать его, слушала христианского миссионера с глубоким и сосредоточенным вниманием. Постепенно слово его, попав на добрую почву, начало приносить плоды – число обращенных стало увеличиваться.

Около устья реки Вымь построил Стефан Пермский первую деревянную церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Причем, как истинный педагог, зная, что на детски простодушных людей сильнее всего действуют внешние впечатления, святой Стефан сильно старался о внутреннем и внешнем украшении храма. "Цель была достигнута: язычники-пермяне с детским любопытством стали собираться к новосозданной церкви "не молитвы ради, не спасения ради", но с целью посмотреть на красоту здания церковного и внутреннее благолепие храма, чего они с роду не видавали"

[1, с. 171]. Также многих некрещеных зырян привлекало желание услышать ласковое и назидательное слово нового учителя и насладиться песнопениями на родном языке. И язычники, приходящие со всех сторон к храму из простого любопытства, "уходили домой с благим семенем, запавшим в их простодушное сердце: "и чудяхуся, зряще украшение святаго храма; отходящее же глаголаху друг ко другу: велик есть, якоже видим, Бог христианский, больших паче богов наших" [1, с. 171]. Поэтому сооружением храма было положено прочное основание миссии.

Кроме того, ревностный проповедник проявлял удивительную неустранимость и сам искал случаев, чтобы вести с язычниками беседу при большом их сборе. Святой Стефан Пермский стремился привлечь язычников-зырян к просвещению путем мирной проповеди. И ему действительно удавалось находить доступ к сердцам простым, готовым для восприятия мудрости духовной. Однако таких было немного. Подавляющее же большинство язычников, подстрекаемое жрецами, или совсем не хотело слушать этой проповеди, или же слушало ее с затаенной злобой. На подобных людей можно было действовать не иначе, как строгими мерами, показав им не на словах только, но и на деле всю несостоятельность их языческого мировоззрения. И святой проповедник решился поджечь "нарочитую кумирницу" и срубить "прокудливую березу" – главные предметы обожания дикого народа. Когда же ему удалось это, и разбушевавшаяся толпа опять грозила святому смертью, он старался подействовать на людей убеждением, "моля и кротя старцев их яко отца, средовечныя же яко и братию, уныя и младыя дети яко чада присная" [3, с. 32].

Это произвело сильное впечатление и повлекло за собой массовые крещения пермян. Епифаний Премудрый рассказывает в житии об одном таком случае. Собрались однажды все зыряне и с удивлением говорили друг другу: "Слышали ли, братие, словеса того мужа, иже от Руси пришедшаго? Видели ли терпение его и преизлишнюю любовь его к нам? Как ему трудно приходится, сколько всяких лишений испытывает и как тесним мы его, а он не уходит отсюда? И ни разу не сказал нам гневного слова, не раздражился, не погорячился, не сопротивлялся, а все переносит и с какой-то радостью. Говорит о царстве небесном и муке вечной и возмездия каждому по делу. А должно быть это и правда, так и быть должно, потому иначе зачем бы ему все это терпеть и переносить? Да и кумирницы наши разорил и богов наших рас-

копал и не могли они ему повредить: воистину это должен быть раб Бога Живаго, сотворившаго небо и землю, и правда, должно быть, все то, что он говорит" [3, с. 32-33]. И поэтому многие: и мужчины, и женщины, и дети – решили креститься.

Постепенно проповедь святого Стефана стала иметь все больший успех. "Слуха и сердца простых и бедных звероловов коснулись неслыханные дотоле на их грубом языке дивные умиротворяющие речи о мире, любви и братстве, открыли новый неведомый мир сладостных благодатных ощущений и произвели разделение в народе" [6, с. 17]. И языческие жрецы, теряя влияние на зырян, вступили в решительную борьбу с христианским миссионером. Наиболее отчетливо и полно это противостояние выразилось в состязании Пама, начальника и главы жрецов, со святым Стефаном и в последовавшем вслед за этим "испытании веры", в котором христианский миссионер одержал полную нравственную победу. Верховный жрец Пам отказался войти в горящую хижину и в прорубь, куда влек его святой Стефан, согласно уговору: кто не сгорит и не утонет, тот и есть проповедник истинной веры. Когда же народ стал требовать смерти обманщика Пама, Стефан уговорил людей отпустить его. Это возымело действие: языческая вера была окончательно посрамлена в глазах многих зырян, и христианская проповедь проникала все дальше и дальше в глубь дикого края.

Стефан продолжал крестить и учить людей. Для того же, чтобы достичь большего успеха в своей миссионерской работе, он открыл при Благовещенском храме училище, собрал туда юношей, отроков и детей и учил их пермской азбуке и чтению книг, переведенных им на зырянский язык, пению священных песнопений. Святой Стефан сам был учителем в этой школе, и новые ученики его помогали ему в деле христианского просвещения. По ночам же христианский миссионер продолжал переводить на зырянский язык книги, в которых сильно нуждалась его паства.

Деятельность этого образованного, энергичного и мужественного миссионера по просвещению Пермской земли продолжалась долгие годы (в течение восемнадцати лет), сначала в сане священника, а с 1383 года – в качестве епископа Пермского. Святой Стефан создал в Пермском крае сеть школ, привлекая в них всех, вне зависимости от возраста; с помощью своих учеников организовал переписку книг, продолжал переводы со славянского и греческого язы-

ков на зырянский; приспособил церковное пение к особенностям зырянского языка; организовал дома для престарелых и странников и ряд монастырей с книгохранилищами; принимал энергичные меры для защиты зырян от нападений воинственных соседей. Во время голода он раздавал людям свои запасы и деньги, организовал доставку хлеба для голодающих, добился налоговых льгот для населения.

Труды святителя Стефана имели огромное значение для народа пермского – для его жизни семейной и общественной. Зыряне, еще так недавно столь грубые, свирепые, теперь совершенно преобразились. Святитель усердно заботился о духовном и нравственном возрастании вверенных ему людей, давал пермякам, дотоле большей частью только звероловам, советы, касающиеся различных житейских занятий. "Святой Стефан вносит со светом Христовым для ума зырян мир-порядок и во всю внешнюю жизнь их. Вражды супружеские и семейные между ними не продолжаются долго, лишь бы дошли до его слуха и суда. Он решает враждующих не иначе, как примирением. Он учит всех, чтобы сохраняли между собой миролюбивый дух и выражали гостеприимство, пример которого показывает в самом себе [5, с. 65]. Пермская же азбука сослужила великую службу в миссионерской деятельности святого: она духовно сблизила пермский народ с православным русским народом и раскрыла перед ним неведомую дотоле область духовного просвещения.

И зыряне достойно оценили заботы о себе своего святителя. Епифаний Премудрый приводит в житии "Плач пермских людей", со слезами горевавших о кончине своего отца и покровителя: "То же был нам законодавец, то же креститель и апостол, и благовестник, и исповедник, святитель, учитель..., правитель, исцелитель..., стражевождь, пастырь, наставник..., сказатель, отец, епископ" [3, с. 88].

Более шестисот лет минуло со дня кончины святителя, но и донныне чувство признательности и благоговения к нему не ослабевает среди народа. "Хвалит бо Римская земля обою апостолу Петра и Павла., Греческая, Андрея апостола, Русская земля, великого князя Володимера, крестившаго ю, Москва же блажит и чтит Петра митрополита, яко новаго чудотворца; тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалит и чтит, яко апостола, яко учителя, яко проповедника, яко тобою тьмы избыхом, яко тобою [истинный] свет познахом" [3, с. 89-90].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Величкин, В. Святитель Стефан Пермский (очерк из истории миссионерства в России) [Текст] / В. Величкин // Душеполезное чтение. – 1873. – С. 70-200.
2. Глухов, А.Г. Подвиги миссионера. Стефан Пермский [Текст] / А.Г. Глухов // Библиография, 1995 – № 5. – С. 41-46.
3. Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. [Текст] / Издание Археографической Комиссии. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1897. – 112 с.
4. Житие святителя Стефана, епископа Великопермского. К 600-летию со дня преставления [Текст] // ЖМП. – 1996. – № 4 – 5. – С. 50-59.
5. Попов, Е. (протоирей). Святитель Стефан Великопермский [Текст] / Е. Попов. – Пермь, 1885. – 94 с.
6. Соколов, И. Святой Стефан Пермский, просветитель зырян [Текст] / И. Соколов // Народное образование. Кн. IV. – 1896. – Апрель. – С. 1-48.

© Т. Г. Жураховская, 2009

Ч. Ч. Токарева

КРЕЩЕНИЕ КАНТОНИСТОВ В СУКСУН–ЗАВОДЕ

В конце XVIII века в результате трех разделов Польши в число подданных Российской империи влилось миллионное еврейское население. На протяжении более чем 200 лет евреи в России подвергались открытой дискриминации, служили объектом для различных экспериментов правительства, зависти обывателей и религиозной нетерпимости. С 1791 года была установлена так называемая черта оседлости, за пределами которой евреям запрещалось жить. Власть закрывала им доступ к государственной службе, установила процентную норму при поступлении в высшие учебные заведения и гимназии.

Урал – край горнозаводской, на землях которого было немало важных объектов: рудников, заводов, приисков. Он считался местом недопустимым для жительства евреев, так как в первой половине XIX века там проходила Оренбургская укрепленная линия, отделявшая Российскую империю от племенных объединений казахов. Запрещая евреям появляться на Урале (районе, не входившем в "черту оседлости"), главный акцент правительство делало на запрете присутствия евреев на горных приисках и заводах. Однако представители местной горной администрации терпимо относились к служащим

на заводах евреям. В худшем положении были ремесленники и мелкие торговцы, поскольку находились в ведении пермского губернатора и его чиновников.

Урал был краем многоконфессиональным. Здесь уживались и политические ссыльные, и раскольники, и преступники, и местное коренное население. В таком смешении народностей и религий на небольшую горстку евреев никто особо внимания не обращал. Еврейское население на Урале мирно уживалось с остальными жителями. Проявлений открытого антисемитизма не наблюдалось вплоть до 1905 г.

До 1830-х годов евреев на Урале было немного. Первое по-настоящему массовое появление евреев на Урале было связано с указом Николая I о введении воинской повинности для евреев. Помимо обычных юношей, достигших призывного возраста, из евреев стали набирать и кантонистов – мальчиков с 12 лет. Их отправляли служить в специальных батальонах, далеко от родных мест. По достижении 18-летнего возраста их отправляли на 25-летнюю службу. Эта трагедия, подарившая Уралу первые еврейские общины, продолжалась почти 30 лет.

Количество кантонистов год от года увеличивалось, и к 1843 году в уральских батальонах

(Пермский, Оренбургский, Троицкий) несли службу 1812 евреев-подростков.

Российские евреи жили обособленно в черте оседлости, со своей верой и самобытностью, резко отличаясь от других народностей, со своим автономным управлением. Это вызывало желание властей подогнать их под общий ранжир для скорейшего достижения единообразия. Для быстрейшего "уменьшения евреев" в государстве и обращения их в православие правительство решило ввести рекрутскую повинность, от которой евреи до этого освобождались. Предполагалось, что еврейский солдат в казарме, оторванный от родной среды и принуждаемый командирами, волей-неволей откажется от прежнего образа жизни и перейдет в христианство. Особо было рассчитано на то, что еврейские подростки-кантонисты быстрее перейдут в христианство. Поскольку дети легче поддаются перевоспитанию.

Батальоны и как таковые школы кантонистов были основаны в России в 1805 г. первоначально для солдатских детей. После туда стали посылать не только детей солдат, но и малолетних бродяг, подкидышей, цыган и пр. Пополнили ряды кантонистов и дети евреев.

В 1814 году в Перми было открыто военно-сиротское отделение, рассчитанное на 600 человек. В 1826 году его преобразовали в батальон военных кантонистов или 3-ю учебную бригаду, рассчитанную на 2000 чел. Сюда в итоге стали привозить еврейских мальчиков, которые становились кантонистами, а впоследствии определялись на 25-летнюю службу в армию.

Годы пребывания в кантонистах не засчитывали в армейский срок. Оторванные от своих семей еврейские дети, увезенные за сотни километров от своих родных мест, испытали все горести жизни. Их отправляли в те губернии, где не было вообще еврейского населения. От Украины до Сибири путешествие длилось около года, и дети страдали в дороге от лихорадки, вшей и чесотки. Большинство умирали. А солдаты не могли им помочь даже при желании, т.к. не понимали языка. Еврейские мальчики, попадая в кантонистские батальоны, становились собственностью военного ведомства, сиротами при живых родителях. Командиры распоряжались ими как крепостными. В батальонах часто царил насилие и издевательство. Детей постоянно принуждали к переходу в православие. Упорствующих секли розгами, истязали, кормили соленой рыбой и не давали пить, оставляли не одетыми на морозе. Бывали случаи самоубийства детей. Устоять против давления мало кто мог, особенно, если кантонистам доставались

командиры, которые называли себя "истребителями жидов".

Александр Герцен так описал свою встречу с этими детьми осенью, под холодным дождем, на этапе возле города Перми: "Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасающих зрелищ, которые я видал – бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кой-как держались, но малютки восьми, десяти... Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами – показывали лихорадку и озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует в Ледовитого моря, шли в могилу" [2, с. 199].

Фактически их забирали далеко не с 12-летнего возраста. А порою и 8-10-летних. В первую очередь в рекруты попадали мальчики-сироты, дети вдов и бедняков. От призыва освобождались те, кто мог откупиться. Или послать вместо своего сына "охотника". Руководители еврейских кагалов и ответственные за призыв должны были непременно набрать требуемое количество рекрутов. Брли по десять рекрутов с тысячи человек ежегодно при каждом наборе.

Мальчикам запрещалась также переписка с родителями, у них отбирали еврейские молитвенники, убеждали и заставляли принимать христианство. В Пермском батальоне крещение кантонистов проводилось настолько успешно, что сюда переводили детей, не поддающихся наставлениям армейских миссионеров из других батальонов. Военный начальник Данчевский и Пермский архиепископ Аркадий выдвигали свои, новые методы обращения евреев в христианство, и не раз удостоивались Высочайшего внимания и наград.

В 1836 году в Пермском батальоне был окрещен Пинхус Райчик, ставший Михаилом Афанасьевым, впоследствии известным учителем чистописания. Среди его учеников был и И.Г. Каменский – крупный заводчик и общественный деятель Перми. Впоследствии Каменский с благодарностью и уважением вспоминал своего наставника.

Крещенные кантонисты обретали льготы и впоследствии могли проживать в любой местности. Хотя отношение к крещеным евреям не всегда было дружелюбное. Нет-нет да и напоминали ему про "жида пархатого", а иногда прибавляли: "Жид крещеный, что волк кормленный". Но те, кто не принимали христианство, преодолевали большие

трудности. Нередко крещенные насильно в малолетнем возрасте дети впоследствии вновь переходили в иудаизм. Ведь только так они могли остаться евреями, сохранить свою национальность, традиции и обычаи, не раствориться в толпе.

Впоследствии власти официально разрешали устраивать еврейские молельни для военнослужащих иудейского вероисповедания. К 1860 году все губернские города Урала обзавелись солдатскими синагогами. В начале 1840-х годов на участке городского погоста Перми, где хоронили евреев-кantonистов, возникло первое еврейское кладбище города.

Основанный Демидовым в 1727 г. Суксун-завод и его местности тоже оказались связанными с кантонистами. Где-то в 1830-х годах в с. Ключи (18 км от Суксуна), уже известное своими сероводородными источниками, отправили лечиться около 100 кантонистов, которые явно нуждались в лечении. Суксунский доктор А. Щербаков зафиксировал этот факт в своих отчетах: "...разместили их в селе по квартирам, а для принятия ванн выстроили близ Ильинского ключа небольшую избу. Несмотря на то, что кантонисты после принятия ванн уходили домой босиком, серные воды все-таки взяли свое, и почти все получили облегчение".

В октябре 1854 года в Суксун-завод пригнали 30 мальчиков еврейских кантонистов Пермского батальона для совершения над ними таинства крещения. С чем это было связано и почему именно в Суксун – остается пока неизвестным. В церковном документе сказано, что кантонисты обещают: "...сим удостоверяем Суксунского завода священников Николая Попова и Андрея Петрова в присутствии поручика Каплина, что имеем непринужденное желание принять Святое Крещение и обещаемся пребывать в послушании Православной Кафолической Восточной Церкви всегда неизменно". Каким путем они дали это согласие, тоже можно только догадываться, но всех их крестили при многочисленном стечении народа в Суксунской Вознесенской церкви. Если учесть, что кантонистов было 30 человек и у каждого было по двое крестных родителей, плюс горное начальство и священники, то зрелище было для Суксуна запоминающееся.

Николай I требовал присылать ему ежемесячные рапорты о количестве обращенных в православие, хвалил и награждал орденами за усердие или порицал отстающих. Поэтому подданные усердствовали. Крестившемуся кантонисту было несладко. Он еще долго не знал русского языка и христианских молитв. К примеру, при крещении Меер становился Александром, а Моисей – Федором. Иногда их еврейские фамилии и от-

чества заменяли по восприемнику на русские либо оставляли прежнюю фамилию.

Среди 30 крещенных в Суксуне кантонистов Пермского батальона всем мальчикам поменяли имя и отчество, но фамилия была оставлена. Так Лейба Горин стал Павлом, Гирш Капельович – Николаем, Ошер Менсович – Максимом, Арья Лапидус – Самуилом.... Восприемниками кантонистов стали суксунские жители и горное начальство. Несколько подопечных взяли себе горный инженер, подполковник М.И. Фелькнер с женой, который в то время был управляющим Суксунскими горными заводами. В числе восприемников также значились служащие Суксунской заводской конторы: В. М. Попов, И. И. Васильев, П. Я. Кузнецов, И. В. Гилев и пр.; мастеровые: Н. А. Утемов, Ф. Д. Блохин, а также их жены и дочери, которые проживали в Суксуне.

Неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба выкрестов. Вероятно, сердобольные восприемники не бросили на произвол судьбы своих крестников. Они же были отданы на попечение христианам, и возвращать таковых домой запрещали. И об этом, к примеру, говорит такой факт. Некого 12-летнего Вигдора Вигдорчика, ставшего впоследствии Федором Ильичем Вигдорчиком, взял себе в восприемники Илья Степанович Попов – служитель Суксунской заводской конторы. В 1874 году уже 32-летний Вигдорчик повенчался в Суксунской Вознесенской церкви с девицей Утемовой Анной Ионовной. От этого брака родился сын Михаил, крещенный в этой же церкви в 1875 году.

К сожалению, ни его дальнейшую судьбу, ни прочих крещенных в Суксуне мальчиков узнать не удалось. До крещения их звали: Лейба Герц Горин (14 лет), Гирш Капельович (13 лет), Ошер Менсович (15 лет), Янкель Энус (15 лет), Арья Лапидус (14 лет), Янкель Гуральник (13 лет), Даниель Темкин, Моисей Новиков (17 лет), Меер Капланский (13 лет), Самуил Дубровский (13 лет), Меер Ризанский (13 лет), Янкель Смаплавковский (13 лет), Берка Динькович (13 лет), Меер Шуб (12 лет), Израиль Нахимович (7 лет), Манус Рукавицкий (16 лет), Мордух Гиршпан (15 лет), Вульф Гиршович (14 лет), Неух Лабчинский (14 лет), Гирша Велицкий (17 лет), Хаим Шицголь, Рубин Масевичкий (15 лет), Гирш Цалькович (15 лет), Гиршон Зимальович (16 лет), Геля Дерчин (15 лет), Берка Гешпелев (15 лет), Ицко Насончук (17 лет), Вигдор Вигдорчик (12 лет), Эля Райхильсон (14 лет).

В 1855 году царствование Николая I закончилось, и на смену пришел царь-реформатор Александр II. Уже в 1856 году еврейских детей перестали забирать в кантонисты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Антропова, И. Сборник документов по истории евреев Урала из фондов учреждений досоветского периода Государственного архива Свердловской области [Текст] / И. Антропова. – М., 2004.
2. Герцен, А.И. Былое и думы [Текст]: Ч. I – V / А.И. Герцен. – М., 2001.
3. Кандель, Ф. Очерки времен и событий [Текст]: Т. II / Ф. Кандель. – Иерусалим: Тарбут, 1988.
4. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за 1854 – 75 гг. Суксунский архивный отдел. Ф. 109. Д. 2. Оп. 1.
5. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за 1854 – 75 гг. Суксунский архивный отдел. Ф. 109. Д. 7. Оп. 1.
6. Нечаев, М.Г., Белавин, А.М. Губернская Пермь [Текст] / М.Г. Нечаев, А.М. Белавин. – Пермь, 1996. – 99 с.
7. Щербаков, А.П. Ключевкие серные и иные воды, лечебные грязи и их влияние на состояние и здоровья больных курорта "Ключи" в 1862-868 г. [Текст] / А.П. Щербаков.

© Н. Н. Токарева, 2009

В. А. Рябкова

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДАХ ПЕРМСКОГО ИМЕНИЯ СТРОГАНОВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ

Одной из древнейших православных традиций России являются крестные ходы, на которые народ сходил из давна всем миром, охотно оставляя ради них все свои труды и занятия даже тогда, когда крестные ходы совершались не в большие праздники. Крестные ходы, вызванные, с одной стороны, "очевидными опытами благости и любви Божией к России", а с другой – разными бедствиями и испытаниями, были "самой лучшей и действительной проповедью для народа о судьбах прошедшего и напоминанием единства в религиозных и патриотических чувствах и стремлениях того единства, которое послужило залогом силы и могущества нашего отечества" [7, с. 453].

В 1887 г. "Пермские епархиальные ведомости" писали: "Всякому, кто наблюдал над нашим народом в подобных случаях, известно, сколько глубокого религиозного почтения высказывает он к этим народным торжествам, Это глу-

боекое сочувствие народа к крестным ходам, без сомнения, объясняется тем, что он сознает в них нужду, ищет и находит в них пользу для своей души, находит в них подобно, своим предкам, ободрение и подкрепление своим нравственным силам, которые слабеют в борьбе с тяжелой нуждой и невзгодами жизни" [7, с. 456-457].

Крестные ходы производились для молений вне церкви: на путях, перекрестках, площадях, полях, реках и т. п. Они были обычные или необычайные. Обычные крестные ходы происходили в установленные церковным уставом дни. К обычным крестным ходам относились и те, которые совершались по желанию прихожан для освящения полей, по случаю засухи, бедствия. Необычайные крестные ходы совершались лишь с разрешения церковных властей по случаю каких-либо важных событий и происшествий [7, с. 457].

При крестных ходах из храмов выносились хоругви, кресты, иконы и т. п. При этом порядок

выноса имел религиозно-символическое значение. Открывался крестный ход хоругвями с поднесением фонаря с зажженной свечей, "как бы священными знаменами, под которыми церковь воинствующая подвизается здесь – на земле". За хоругвями несли крест Господень, "как трофей – знак победы и торжества веры Христовой". Далее следовали иконы по чинам святых, на них изображенных. Сначала из церкви выходили младшие священники, затем старшие по очереди и попарно. Ближе к настоятелю хода неслись двумя иереями напрестольные кресты и Евангелие. Во время крестного хода миряне, несущие хоругви, кресты и иконы, при смене не должны были останавливать весь ход или уходить вперед слишком далеко от духовенства. Священноцерковнослужители также не должны были отставать друг от друга, разговаривать по дороге с мирянами или между собой [7, с. 457-458].

Нарушение должного порядка влияло на благоговение и благочиние среди богомольцев, участвовавших или желавших принять участие в крестных ходах. Если добавить сюда "недостаточно внимательное отношение духовенства, совершавшего крестные ходы (шествие между мирянами с разговорами, "ограждение себя от солнечных лучей зонтами", с покрытой шапками и шляпами головой и т. д.), то это зачастую приводило к тому, что в глазах народа, отличавшегося привязанностью и любовью к крестным ходам, последние мало-помалу могли "низойти на степень народных процессий-церемоний", что начало замечаться к концу XIX в. [7, с. 458].

Однако, несмотря на это, крестные ходы играли огромную роль в духовной жизни прихода и прихожан. В крестных ходах и молебнах вне храмов как нигде ярко выражалась православная вера как явление массовое и сугубо добровольное, так как служили их по просьбам прихожан, и инициатива в этом деле была не за священником, а за общиной или отдельными мирянами [2, с. 103]. Не составляли исключения в этом плане и православные приходы Пермского имения Строгановых.

Рассмотрев традиции и календарь проведения крестных ходов в православных приходах имения, можно выявить не только особенности их проведения, но и отдельные приходские традиции, почитаемых местных святых, святыни и т. д. Мы сделали сравнительную характеристику проведения крестных ходов в 13 православных приходах Строгановского имения: Верхне- и Нижнечусовских городках, селах Вереинском, Ильинском, Сретенском, Лобано-Богородском, Гаревско-Васильевском, Слудском, Никулин-

ском, Ленвенском, Егвинском, Ошибском, Добрянском заводе – и постарались сделать на основе этого ряд выводов.

Во второй половине XIX-начале XX вв. в приходах имения проходили, кроме обязательных ежегодных крестных ходов, характерных для православных приходов России (хождение "со славою" в праздники Рождества Христова и в Пасху) [3, с. 43], множество местных, традиционных для каждого прихода.

Молебны и крестные ходы проводились:

– в связи со стихийными бедствиями: в приходе села Сретенского проводился крестный ход в деревню Плотникову со Смоленской Божьей Матерью, установленный в 1848 г. в связи с прекращением эпидемии, свирепствовавшей в селе [7, с. 473]; в приходе Богоявленской церкви с. Нижне-Чусовские городки во время бездорожья или безветрия совершался крестный ход в находившуюся недалеко от села часовню [7, с. 470];

– в связи с началом и концом полевых работ: в с. Слудка крестный ход с молебном святому проку Илье на близлежащие поля проходил ежегодно в девятую пятницу после Пасхи [7, с. 473], а в Ошибском приходе до и после посева яровых [4, с. 228].

В источниках сохранилось интересное описание проведения крестных ходов в Ошибском приходе (Иньвенский округ пермского имения Строгановых). Крестный ход, проводимый после Пасхи, назывался среди местных прихожан, в большинстве своем состоящих из коми-пермяков, "хождение с Богородицей". Во время него совершались молебны в домах, а некоторыми и в "скотских дворах". Для этих молебнов иконы выносились из церкви в избы и ставились на лавках в решета и в сита, наполненные зерновым хлебом, предназначенным для посевов. К принятию святынь готовились так же, как к празднику: оставляли все обычные работы, собирались вместе и ждали прибытия крестного хода. Переходя из дома в дом, все участники крестного хода присутствовали на молебнах. Таким образом, совершался обход всех деревень прихода. Однако не все местное население поддерживало эту традицию, примерно одна треть населения этот день проводила так же, как все обычные дни: работала и не принимала участия в торжествах [4, с. 228].

Ощибцы проводили ежегодно еще один крестный ход – после посева яровых хлебов. По окончании молебна священник окроплял святой водой по одной полосе у каждого молебствовавшего. Молебны на полях служились не отдельно каждым домохозяином, а нескольки-

ми хозяевами, у которых в одной перемене (яровой или озимой) были свои участки. Для общего молебна выбиралось центральное возвышенное место и устраивалось из досок приспособление для икон. Крестный ход по полям не считался праздничным. В целом, как сообщает источник, крестные ходы ошибками "уважаются" [4, с. 228].

В зависимости от того, какому празднику был посвящен крестный ход, они были с четко фиксированной или подвижной датой. В приходах Ильинского округа имения Строгановых особо популярны были крестные ходы в девятую пятницу и девятую неделю после Пасхи, в дни поминовения усопших (села Слудка, Сретенское, Лобано-Богородское, Гаревско-Васильевское, Ильинское). В приходах Верхне-Чусовского городка, сел Никулинского и Вереинского проводились крестные ходы в Троицу и Троицкую неделю, которые также связаны с культом поминовения усопших [7, с. 440-441, 469-474].

Среди особо почитаемых святых на первом месте, безусловно, стоит Илья пророк (в Ильин день проводились крестные ходы в Нижне-Чусовских городках, Добрянском заводе и селе Никулинском), ему посвящались молебны с коленопреклонением на полях Слудского прихода в девятую пятницу после Пасхи. Из святых также почитались Николай чудотворец, Иоанн Предтеча, священномученик Власий – покровитель домашнего скота, великомученица Варвара и др. С крестными ходами праздновались Духов день и Преображение Господне в приходах Чусовских Верхнего и Нижнего городков [4, с. 228].

Особое место в годичной системе крестных ходов и молебнов занимали службы, связанные со святыми источниками, колодцами и часовнями. Нужно отметить также почитание чудотворных икон: явленной иконы Казанской Божьей матери в Верхне-Чусовских городках, Плевговской – в селе Вереинском, Смоленской Божьей матери в селе Сретенском (с ней связывали исцеление от свирепствовавшей в селе в 1848 г. эпидемии), Божьей матери Всех скорбящих радость – в Добрянке, чудотворных икон Логовской Божьей матери, Николая Чудотворца Ныробского и Божьей матери Троеручицы в Ленвенском приходе [4, с. 228].

Икона Божьей матери Троеручицы, находившаяся в Свято-Троицкой церкви села Ленвенского, официальной церковью не была признана ни чудотворной, ни явленной, но пользовалась особым почитанием прихожан. На крестный ход в честь этой иконы (12 июля по старому стилю) собирались не только местные прихожане, но и

приезжие из дальних мест. Предание гласило, что эта икона была найдена после ухода из Ленвенского прихода "московских гостей" Шустовых и Филатьевых в их доме. При ней в лампаде без всякой посторонней поддержки две недели горело и не выгорало масло [4, с. 440].

Обращает на себя внимание и тот факт, что многие крестные ходы были связаны с освящением животных, что, по мнению прихожан, должно было обеспечить их благополучие. Например, в первый Спасов день, после молебна на воде пермяки приводили и приносили специально детей и лошадей, чтобы они были крепче и здоровее [5, с. 30]. В приходе с. Верхне-Чусовские городки 1 августа совершался крестный ход в дер. Никифорову, куда прихожане приезжали на лошадях к водоосвящению, проходившему после литургии на реке Чусовой. Лошадей ставили в воду, держа их крепко на поводьях. Когда крест погружался в воду, поводья отпускали и кормили коней. Потом все выезжали на луг, где проводились конные скачки. Далее все отправлялись за крестным ходом в деревню [7, с. 470]. Похожий обычай существовал в коми-пермяцкой среде, когда в Крещение в проруби купались люди и лошади [5, с. 26].

В описаниях крестных ходов очень часто упоминаются молебны, совершаемые не только под открытым небом, но и в часовнях, в частных домах. Молебны в домах составляли важное событие в духовной жизни русских православных крестьян. Таким образом, вера проявлялась не только в общественных, но и личных мотивах: если человек прибежал к помощи святыни, то он искренне верил в то, что она ему поможет.

Если рассматривать крестные ходы по их протяженности, то наиболее распространенными были крестные ходы на небольшие расстояния, 1-3 версты: по селу и близлежащим деревням, к полям и часовням (более 60 % от общего числа крестных ходов). Крестные ходы на более дальние расстояния, от 4 до 10 верст, проводились намного реже, в основном в приходах с населенными пунктами, удаленными на большие расстояния от центрального храма.

Большое влияние на религиозно-нравственную жизнь приходов оказывали общепархиальные крестные ходы и торжественные шествия со святыми иконами и реликвиями, охватывающие несколько приходов. Одно из таких шествий с иконами святого Стефана и преподобного Сергия Радонежского, например, произошло в конце июня и начале июля 1913 г. через села Жернаково, Кызу... Вознесенское и др. [1, л.

52, 16 об.] Навстречу этому крестному ходу из каждого села выходило духовенство со своим крестным ходом. На половине пути они встречались. "Множество икон, несколько пар хоругвей, общее пение огромной толпы народа "производили молящихся в особенное возвышение, религиозное настроение, у многих появлялись слезы, после чего долго радовались духовно и восхваляли величие Божие". Так характеризовали происходящее очевидцы [1, л. 52, 16 об.].

В наше время традиции проведения крестных ходов возрождаются. В селе Ильинском Ильин день – 2 августа – издавна считался престольным праздником. В 2001 г. в этот день был впервые проведен крестный ход от действующего храма Благовещения Пресвятой Богоро-

дицы до трапезной, разрушенной в 20-е гг. XX столетия, церкви Святого пророка Ильи. С этого времени крестный ход 2 августа стал традиционным. С каждым годом празднование его проходит все шире и шире: устраиваются концерты духовных песнопений, проводятся праздничные литургии, открываются мемориальные доски и др. В 2008 г. в крестном ходе приняло участие 6 священников, сводный хор певчих, более 1500 человек, из них около 200 человек приглашенных и гостей поселка, туристов, представителей СМИ, мастеров народных промыслов и ремесел и т.д. [6, с. 1]. Постепенно Ильин день в Ильинском вырастает из местного праздника в событийное мероприятие всего Пермского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ С СОКРАЩЕНИЯМИ

1. Государственный архив Пермской области. Ф. 540. Оп. 1. Д. 52.
2. Громыко, М.М. Службы вне храма [Текст] / М.М. Громыко // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX вв. – М., 2001.
3. Камкин, А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. [Текст] / А.В. Камкин. – Вологда, 1992.
4. Пермские епархиальные ведомости [Текст]. – Пермь. – 1889. – № 14.
5. Рогов, Н.А. Материалы для описания быта пермяков [Текст] / Н.А. Рогов // Пермский сборник. Т. 2. – М., 1860.
6. Симонов, В. Ильин день в Ильинском [Текст] / В. Симонов // Знамя. пос. Ильинский. – 2008. – № 70.
7. Шишонко, В. Пермская летопись [Текст]: Пер. 5. Ч. 2 / В. Шишонко. – Пермь, 1887.

© В. А. Рябкова, 2009

Т. Ч. Чагин

МОТИВ "ДОРОГИ – РЕКИ" В ИСКУССТВЕ ПИСАНОГО КАМНЯ НА РЕКЕ ВИШЕРА

В разных культурах мотивы дороги и реки предстают как самостоятельными мотивами, так и способом построения культурного ландшафта. В том и другом случае здесь неразрывна связь человека с представлениями о пространстве.

Существует два способа восприятия пространства: динамическое, или линейное, формирующееся в ходе познания определенной территории, и статическое, когда человек обра-

зует замкнутое освоенное пространство и живет в нем. Принято считать, что представление о линейном пространстве преобладало у людей, занимающихся кочевым присваивающим хозяйством – охотой и рыболовством, а статическое – у оседлых людей. Но, несомненно, оба способа восприятия пространства во многих культурах сосуществовали. Для линейного варианта характерно расположение персонажей вдоль линии нарисованной, прочерченной, а возмож-

но, соотношенной с краем скалы или трещиной. Персонажами обычно являются звери, шагающие вдоль линии. Здесь может присутствовать и человек. Линейные композиции с дорогой встречаются в наскальном искусстве всех континентов мира.

Статическое восприятие пространства выражается в создании многофигурных композиций вокруг не линии дороги или реки, а в случае, когда сама линия приобретает изогнутую (ломаную) композицию, порой смыкаясь, и в этом случае движение может идти по кругу.

На Урале наиболее выразительным является мотив дороги-реки на скале Писаного камня. Писаный камень расположен на правом берегу Вишеры и является уникальным памятником древней и средневековой истории. Здесь имеется жертвенник с наскальными рисунками, использовавшийся человеком с эпохи неолита и до позднего Средневековья [2, с. 32-40].

Остановимся на образе дороги-реки, главной композиции рисунков, являющихся результатом статического восприятия пространства. Это сложный образ, он связан с вневременным пониманием пространства. Дорога показана в виде зигзагообразной или извилистой линии, которая соотносится с направлениями течения р. Вишеры в той местности, где расположен камень Писаный. То есть линия с зигзагами является графическим выражением среднего течения Вишеры. Дорога-река не выступает самостоятельным символом, она сопровождается фигурами животных и знаками. Зигзаги, фигуры и знаки создают выразительный художественный образ – одну из лучших композиций наскальной живописи.

Дорога, а под ней подразумевается река Вишера, выступает сюжетной осью, вокруг которой формируется композиционное единство. Выше и ниже линии, друг над другом, расположено по одному рисунку крупных лосей. Слева от лосей, уже ближе к концу линии, изображена куница. Все фигуры в динамических позах. Зооморфные фигуры окружены знаками-индексами, один из них, самый большой, напоминает форму лука, а впереди него стрела. Естественно, животные символизируют окружающий мир, его изобилие и благоденствие.

Перед нами уникальная мифологическая композиция, которую можно интерпретировать по-разному. Звери могут символизировать размещение родов по берегам Вишеры, если принять во внимание, что они являлись тотемами родов. В целом здесь было три рода: у двух родов тотемами являлись лоси, у третьего – куница. Роды занимались главным образом охотой, так как в композиции присутствует изображение лука и стрелы. Эти образы непосредственно соотносятся с репрезентативным жизненным циклом – охотничьим промыслом.

Некоторые знаки-индексы можно интерпретировать как следы животных и птиц, которые тоже указывают нам пути-дороги. Кстати, некоторые из них оторваны от животных, уходят за пределы композиции, то есть за пределы обжитого пространства. Изображения следов могут маркировать пути перемещения животных, удачу и благополучие. Как тут не вспомнить заповедь, что найденная подкова предвещает успех, защищает от бедствия, и мы ее вешаем при входе в дом.

Сценическое пространство прикрывается сверху навесом скалы, что, естественно, усиливает замкнутость обжитого пространства. Возможно, навес является знаком неба, а значит и космоса, где происходит все, что представлено в нарисованной композиции.

Среди вишерских писаниц можно рассмотреть еще одну композицию, в которой два изображения опять же крупных лосей и много знаков (IV группа по В. Ф. Генингу [1, с. 259-280]). Знаки – не что иное, как цепочка лосиных следов и мотив дороги. Естественно, эту композицию следует рассматривать как обычную промысловую ситуацию, но, возможно, и как знак родов.

Наблюдается общая черта обеих композиций – это лоси в динамических позах, перемещающиеся в одном направлении – вправо и, что очень значимо, вверх по р. Вишере. В этом же направлении изображен лук и стрела. Может все это напоминание об общем пути передвижения родов, об освоении вишерского пространства с низовий и вверх по реке. Можно принять, что дорога-река издревле являлась основной сюжетной линией, вокруг которой формировалось культурное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генинг, В.Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере [Текст] / В.Ф. Генинг // Советская археология. – 1954. – № 21.
2. Оборинские чтения: материалы региональных археологических экспедиций [Текст]: Вып. 3. – Пермь, 2004.

ДОРОГА В ПЕЩЕРУ – ДОРОГА В ПЕЩЕРЕ

В словарном значении по В. И. Далю дорога определяется как "ездовая поло-са; накатанное или нарочно подготов-ленное протяжение для езды или прохода; путь, стезя". Основные семантические элементы понятия "дорога" – это протяженность и присутствие человека, а также символический смысл дороги как смысла жизни, образа мыслей, готовности к движению, изменению мыслей, новых мироощущений, взглядов. Найти дорогу в пещеру, пройти дорогу в пещере – значит отыскать что-то отличное от повседневного опыта, испытать себя, узнать больше о других людях и самом себе, эмоционально окрасить личный опыт. Психологи выделили основные мотивы человека, отправляющегося в пещеру: любопытство, стремление к познанию, эстетическое наслаждение и др. Однако в пространстве освоения Кунгурской ледяной пещеры (прибли-зительно с IX-X веков н.э.) первоначальным при-оритетом выступал мотив нужды, потребности, т.е. использования пещеры как убежища, при-родного холодильника, и др. При этом, конечно, даже у первых посетителей пещеры она вызы-вала чувства восторга и преклонения перед си-лами природы, как это описано, например, в романе А. В. Иванова: "Перекрестился, взял пал-ку с берестой и полез в дыру на четвереньках, всем телом ощутил пустое пространство и по-пал в зимнюю полночь. Низкий косой потолок бугристо повис над головой, как набрякшее ту-чами небо. Стояли кругом ледяные столбы, все было покрыто невесомой, игольчатой ледяной пылью, огонь светоча засиял на мириадах кри-сталлов... Ну и хоромы! Тьма глаза высосет, ра-зум оморочит..." [2, с. 528]. С началом более активного проникновения людей в пещеру свя-зана форма невербальных идеографических посланий [6, с. 222-224] – разного рода памятки, надписи, метки, облегчающие трудный путь по пещере. В XIX веке везде и всюду появля-ются надписи, начиная от старого входа. М. Я. Киттары, составивший глазомерный план пеще-ры, отмечал в своей статье: "Самый вход в пе-щеру помещен у подошвы горы, под огромною выдающейся скалою, почерневшей от разводи-мого под ней огня и богато высеченными на ней именами посетителей..." [3, с. 3-4].

В XVIII веке посещение Кунгурской ледяной пещеры было нечастым событием в среде ме-стных жителей и путешественников. Несмотря на бездорожье и удаленность от города она по-степенно приобретает популярность в просве-щенных кругах России. В этот период начинают появляться различные истории, легенды, пре-дания, слухи, связанные с пещерой и посещав-шими ее людьми. И, пожалуй, самые таинствен-ные рассказы местных жителей связаны со ста-рообрядцами, отшельниками, скрывающимися в ледяной пещере.

В исследованиях культуролога Ю. В. Полевой о сакрализации пещер на территории России в XVIII-XIX веках выделяются определенные фор-мы социально-пространственной организации общества, поддерживающие существование и использование данного типа сакрального про-странства [4, с. 18-19]. Это наличие верований и объектов культа, нуждающихся в специаль-ным образом организованном пространстве; на-личие служителя культа или религиозной об-щины, осуществляющей отправление культа; наличие определенной сферы "признания" ка-кой-либо общности, на которую распростра-няется влияние данного религиозного локуса; на-личие коммуникативной сети, поддерживающей ее использование (странники, паломники). К Кун-гурской пещере эти формы практически не при-менимы. Вряд ли в холодной пещере, где в XVIII веке наблюдалось максимальное оледенение, простирающееся на 500 м вглубь от входа, могли проживать и скрываться отшельники и старооб-рядцы. Кроме рассказов (о каменной избушке, закопченных стенах, развалившейся печи) ме-стных жителей, служивших проводниками в пещере в XIX веке, никаких подтверждений ре-лигиозного использования пещеры в предыду-щем XVIII столетии нет.

Сакральный статус объекта также отмечается как определенными ограничениями в поведе-нии на его территории, так и визуальными зна-ками, ограждающими "святое место". Его фор-мы, размеры и сопутствующие элементы попа-дают в зависимость от его популярности, но ат-рибуты в рамках одной конфессии остаются неизменными. К визуальным знакам в Кунгурс-кой ледяной пещере можно отнести кресты и

иконы. На первом плане пещеры, составленном С. У. Ремезовым в 1703 г., были изображены кресты и икона с образом Николая-Чудотворца, покровителя города Кунгура. В период, предшествующий основанию Кунгура как укрепленного острога, местные жители могли пользоваться пещерой как убежищем, и молитва о спасении, наверняка, звучала под сводами природного храма в XVII веке. Активное заселение кунгурских земель в XVIII веке и проникновение старообрядчества на медеплавильные заводы уезда и породили в народе истории об отшельниках и старообрядцах.

Пещера обладает богатой семантикой. Во многих культурах и традициях она понималась как божественное материнское лоно, порождающее хтонические и божественные существа. С пещерой был связан мотив дороги и смерти. Былички, фиксирующие мотивы о необъяснимой пропаже людей в пещере, подчеркивают ее статус как потустороннего пространства. Освещение Кунгурской пещеры крестами, наверное, блокировало антивитаальный статус пещеры, делая акцент на перерождение человека в христианском аспекте. Пребывание человека в пещере в любой ситуации связано с потенциальной опасностью, тем больший интерес вызывала личность отшельника, пребывающего там длительное время и минимально контактирующего с посторонними. Из народного почитания пещерных подвижников и возникали рассказы, привлекающие любознательных и смелых в подземный лабиринт. Тем не менее, в исторических документах XVIII века, относящихся к Кунгурской пещере, встречи с отшельником или описания его выхода из пещеры отсутствуют.

В 1733 году через Урал пролегал маршрут академического отряда Второй Камчатской, или Великой северной экспедиции, направленной Петербургской академией наук для изучения природных богатств империи. Одним из руководителей отряда был профессор И. Г. Гмелин. В своем дневнике он оставил интересные описания путешествия в пещеру и по пещере. "Сразу же на следующее утро после нашего прибытия мы велели везти нас в пещеру, кою описывает Страленберг и которую имеют привычку осматривать все любопытные путешественники. Тут никого не было, кто сулил бы провести нас по пещере за исключением нашего извозчика, который уже нередко бывал там. Мы вошли в пещеру в половину 10 часа пополудни и очень часто плутали, иногда даже ползли на четвереньках. Когда мы не смогли идти дальше, то расположились у деревянного креста,

установленного в пещере жителями здешних краев, который как будто бы был самым почитаемым местом пещеры, и покушали творога с хлебом. Нам рассказали, что прежде эта пещера была обитаема русскими, которые спасались в ней во время нападения башкир. Мы приказали нашему ямщику найти хорошую дорогу назад и вернуться за нами. Но он не являлся слишком долго, и хотя мы кричали в полную силу, он не соизволил отозваться, а мы подумали, что тем самым он пошутил над нами. Поэтому мы решили искать обратный путь самостоятельно. В половину третьего часа после полудня выбрались из пещеры, еще извели, что возница из нее не вышел. На следующий день вечером он пришел к нам на квартиру и рассказал, как он только что вместе со своим сыном 14 лет вышел из пещеры. Факела у них погасли и они блуждали в темноте и не смогли найти дорогу..." [1, с. 42-46].

В XIX веке "дорога в пещеру" становится открытой для многих любознательных путешественников и относительно безопасной, поскольку в это время в среде местных крестьян формируется община проводников, специализирующихся на сопровождении посетителей пещеры. Однако не все любопытствующие пользовались их услугами. Журналист и путешественник Г. Н. Ухов так описывает свое путешествие в пещеру в 1898 году: "В проводники я пригласил деревенского парня Ануфрия, который никогда не бывал в пещере и согласился идти со мною "для любопытства". Мы запаслись свечами, веревками, шнурами, нитками, которые предполагали разматывать по мере углубления в пещеру. Утро было прекрасное, медленно расплывались полные торжественности звуки колокола. Мы идем по самому берегу реки Сылвы, нет ни малейшего ветерка, на берегу несколько мальчишек ловят на удочку пескарей, другие бродят по воде, отыскивая под камнями раков. Народу на улицах немного, по мере удаления от города встречных все меньше. За городом у крайних избышек поднимается массивная возвышенность, известная в Кунгуре под названием Ледяной горы, скат возвышенности, обращенный к городу, покрыт травой, другой, обращенный к реке, – обнажен. Чтобы не следовать всем изгибам реки, идя по берегу, мы поднялись на возвышенность и пересекли часть старинной березовой рощи, служащей у кунгуряков любимым местом прогулок. День такой светлый и теплый, что невозможно себе представить, что, может быть, в нескольких сажнях от нас царит вечный холод и беспросветный мрак.

Мы поднялись на холмик и прямо перед нами, как глаз какого-то чудовища, мрачно чернело отверстие, уходящее вглубь горы. В сердце невольно вкрадывается робость, идут мысли об опасностях, о возможности заблудиться без проводников. По мере продвижения по лазу льда встречается все больше и больше, на пути попадает множество следов, обрывки бумаги, кто-то, телеграфист, должно быть, из боязни заблудиться захватил с собой телеграфную ленту и разматывал ее по мере углубления в пещеру – остатки ленты мы встречали по всей пещере.

Не хочется говорить полным голосом, боишься нарушить эту тишину и покой. Начинают встречаться надписи на стенах и своде, сделанные карандашом, выцарапанные твердым камнем, копотью свеч. Через несколько шагов, поднявшись, мы остановились, пораженные чудным сказочным зрелищем. В первый момент мы не могли понять, где находимся; свет наших свечей вдруг удесят�ерился и глаз не сразу свыкся с миллионами блестящих, играющих цветами

радуги искр, которые, казалось, сыпались на нас со стен и свода. Стены покрыты нежной белизны шелком, украшены причудливой беломраморной резьбой.

О редких и оригинальных ощущениях, которыми пещера подавляет посетителей, о тех величественных картинах, которые она показывает в своих недрах, если бы кто пожелал видеть и почувствовать это во всей полноте, могу дать краткий совет: приходите и смотрите" [5, с. 75-94].

В XX веке "дорога к пещере" стала широко известной и популярной благодаря деятельности А. Т. Хлебникова. На протяжении полувека он неустанно заботился о превращении пещеры в крупный экскурсионный центр. И сегодня пещера открыта для всех, кого привлекает романтика и философия дороги. Старинный Кунгур, стоящий на перекрестке путей и дорог, на границе Европы и Азии, по-прежнему ждет гостей. Посещение города и Кунгурской Ледяной пещеры непременно оставит след в душе каждого путешественника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гмелин, И.Г. О Кунгурской подземной пещере: Рукопись 1734 г. [Текст]: перевод / И.Г. Гмелин // Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. Вып. 20. Ч. II. – 1958.
2. Иванов, А.В. Чердынь – Нягиня гор [Текст] / А.В. Иванов. – Пермь: кн. изд-во, 2003.
3. Киттары, М.Я. Ледяная пещера в окрестностях Кунгура [Текст] / М.Я. Киттары // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 22. – СПб., 1848.
4. Полевая, Ю.В. Культовые пещеры как объект повторной мифологизации [Текст] / Ю.В. Полевая // Самарский спелеовестник. – Самара, 2007.
5. Ухов, К.Т. Ледяная пещера [Текст] / К.Т. Ухов // Природа и охота. Кн. 2. – 1898.
6. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX веков [Текст] / Т.Б. Щепанская. – М.: Индрик, 2003.

ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С эпохи заселения территория Пермского края выступала как регион миграций и аккультурационных процессов. Ярким свидетельством культурных взаимодействий выступает пермский звериный стиль.

Неслучайно одним из первых вопросов, который ставился в связи с исследованием пермского звериного стиля, был вопрос о культурной принадлежности предметов культового литья. В дореволюционный период наиболее популярной была точка зрения об иноземном происхождении культового литья Прикамья. Это во многом объяснимо распространенной в XIX в. теорией "чистого искусства" относительно явлений искусства, объясняющей происхождение и эволюцию искусства из самого феномена эстетического творчества, никак не связывая данное явление с развитием общества, культуры и т. д. Поэтому и пермский звериный стиль для многих исследователей выступал либо в качестве заимствованного от других, "цивилизованных" народов (Китай, Греция, Индия, Персия и др.), либо как результат фантазии и творчества отдельных гениальных художников. Кроме того, русская археология и этнография испытывали на себе и влияние диффузионизма, что тоже влияло на изучение культового литья Прикамья, именно в аспекте теории заимствования основных сюжетов мифологии и искусства от одних народов к другим.

Однако уже в дореволюционный период многими исследователями стала осознаваться взаимосвязь между древним искусством Прикамья и той средой, в которой оно возникает. Одним из первых, кто подчеркивал не случайный характер сюжетов и образов пермского звериного стиля, а связанный с религиозными представлениями народа его породившего, был Ф. А. Теплоухов. В дальнейшем, такими исследователями, как А. А. Спицын, А. В. Шмидт не отрицалось влияние иноземных культур и народов на искусство Прикамья, но понималась более глубоко внутренняя потребность в заимствовании именно такого содержания, которое соответствовало внутреннему духу культуры.

Ф. А. Теплоухов относил предметы культового

литья к легендарной Чуди, называя их "чудскими идолами", и считал их принадлежностью религиозных культов древнего населения Прикамья.

Вслед за предыдущими исследователями Д. Н. Анучин называл предметы пермского звериного стиля чудскими "образками" и считал их характерной чертой "северного Приуралья, или точнее, Пермско-Тобольского края с прилегающими к нему районами. Здесь эти изделия были находимы большей частью случайно в земле, очень редко в могилах, чаще в местах, бывших очевидно жертвенными или моленными" [1, с. 126].

В конце XIX-начале XX вв. возникает огромный интерес к исследованию шаманизма, что отразилось и на изучении предметов пермского звериного стиля. Ярче всего взаимосвязь между культовыми изображениями и шаманизмом была показана в свое время А. А. Спицыным. Продолжая дело собирания, издания и изучения культового литья, А. А. Спицын составляет к 1906 г. подробный каталог всех известных предметов пермского звериного стиля (приводится 496 изображений) под общим названием "Шаманские изображения".

А. А. Спицын употреблял в отношении предметов культового литья Урала и Сибири термин "шаманские древности", считая их "поделками явно религиозного характера, в широком смысле этого слова. Т. к. религия инородцев урал-алтайского мира есть шаманизм, то вполне удобно и законно такие поделки называть шаманскими" [6, с. 1].

В конце XIX-начале XX вв. в научных кругах поднимается дискуссия по поводу теории "звериного стиля". Рассматривая "звериный стиль" как определенную ступень в развитии искусства древних народов, исследователи, тем не менее, искали родину этого явления:

"В элементах "звериный" стиль, очевидно, общ всем народам; им, видимо, даже характеризуется известная стадия культурного развития человечества, когда этот стиль представляет выражение религиозных чувств и когда его образы скрывают за собою религиозно-символическое содержание" [8, с. 34-35].

Научную дискуссию, посвященную истокам

звериного стиля, описывают в 1890 г. И. Толстой и Н. Кондаков в знаменитой работе "Русские древности в памятниках искусства". Для одной части авторов возникновение звериного стиля было связано с "естественными" причинами: "предполагали, что мастера сначала придавали предмету или его части полный вид животного или птицы, затем, идя путем схематизации, сокращали, отнимали ноги, торс, оставляли только голову, наконец один только глаз и т. д." [7, с. 9].

Другая часть исследователей распространение звериного стиля связывала с заимствованием, и, соответственно, главной задачей становилось определение родины этого явления. И. Толстой и Н. Кондаков высказывают гипотезу о миграции звериного стиля из "глубины Азии через южную Россию и по течению Дуная до краев Европы" [7, с. 10]. Пермские древности, с точки зрения авторов, занимают особое место в раскрытии тайны происхождения звериного стиля в силу того, что звериный стиль существовал более длительное время, чем на других территориях.

Характер заимствований мог быть разным, с точки зрения исследователей, так, например, Я. Аппельгрэн-Кивало вообще отказывал в осмысленном религиозном содержании образов пермского литья, назвав его "скифо-пермский стиль".

С точки зрения В. А. Городцова, культовое литье Приуралья в своем развитии испытывало влияние со стороны различных народов. В первый период это влияние скифов и сарматов, затем – Римской империи и одновременно Индо-Парфянского царства, "из них последнее могло сообщить обитателям Пермского края религиозные символы в виде ящера (индийского крокодила), птицы Гаруды и др., оказавшие глубокое влияние на идеологию туземцев" [5, с. 141]. С начала IV в. главным источником влияния на Приуралье, по мнению автора, становится сасанидское искусство.

С 80-х гг. XX в. новым явлением является стремление исследователей рассмотреть пермский звериный стиль в контексте более широкого круга источников, а именно, культового литья Урала и Западной Сибири. Еще в 1941 г. В. Н. Чернецов поставил вопрос об объединении в единый комплекс уральских и западно-сибирских предметов культового литья, он отказался от термина "звериный стиль" и употреблял понятие "фигурное литье". В 1980-е гг. формируются две точки зрения на проблему урало-сибирского культового литья.

С одной стороны, развивается идея о наличии нескольких звериных стилей на территории

Урала и Западной Сибири. Первым представляет эту точку зрения Г. М. Буров, развив идею о существовании трех "звериных" стилей на Европейском северо-востоке: пермского, печорского и западносибирского [4, с. 32]. Каждый из трех стилей, по мнению автора, отличается как набором сюжетов, так и, в случае их совпадения, трактовкой. Сравнивая между собой все три стиля, Г. М. Буров приходит к выводу, что западносибирский и печорский стили связаны низким художественным уровнем и отсутствием сложных композиций, что и является характерным для пермского звериного стиля [4, с. 42].

Другая позиция представлена Л. В. Чижовой. С ее точки зрения, нет необходимости в выделении в самостоятельную группу предметов культового литья Прикамья: "Ареал распространения столь своеобразных находок довольно велик, хотя и строго ограничен лесной зоной Евразии, где находки достаточно одинаковы, чтобы отнести их к одной категории вещей и анализировать в совокупности. Следовательно, неправомерно вводить ограниченно географический термин, типа "пермский", поскольку он сужает понятие и не соответствует действительности" [9, с. 7-8].

Данная научная дискуссия по поводу необходимости выделения в самостоятельную группу предметов пермского звериного стиля и, соответственно, уместности самого названия, или же определения его частью урало-сибирского культового литья, является незаконченной. Одной из последних работ, посвященных данному вопросу, является работа А.М. Белавина, в которой автор поддерживает позицию тех исследователей, которые рассматривают пермский звериный стиль в единстве с "региональным" урало-сибирским звериным стилем, как некий его вариант [3, с. 15]. С точки зрения исследователя, "звериные стили...маркируют угорские территории на Востоке Европы и Западе Азии" [3, с. 20].

Шверин фон Крозигк в 1999 г. в Берлине опубликовала статью, посвященную пермскому звериному стилю под названием "Zum Aussagewert zweier Bronzeblecharbeiten im Permer Tierstil unter den Votiven der Lomovatovo-Kultur an der Kama im Uralvorland im 6-9 Jahrhundert". Автор стоит на позиции культурного заимствования в отношении пермского звериного стиля, таким источником заимствования для пермского культового литья она видит китайское искусство. Так, прообразом ящера пермского звериного стиля Шверин фон Крозигк видит дракона древнекитайской мифологии. В част-

ности, она считает, что на культовых пластинах из Ныргынды и Ухты изображены крылатые всадники на драконах – распространенный мотив древнекитайской мифологии. Сам ящер, по ее мнению, является посредником между миром богов и людей и выполняет функцию партнера

богов и гениев [10, с. 594].

Таким образом, можно отметить, что практически все исследователи соглашались с идеей о влиянии заимствований и миграций в развитии пермского звериного стиля, но степень воздействия определялась по-разному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анучин, Д.Н. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифологических крылатых существ [Текст] / Д.Н. Анучин // Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. – М., 1899.
2. Аппельгрэн-Кивало, Я. Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля [Текст] / Я. Аппельгрэн-Кивало // Труды XV Археологического съезда. Т. 1. – М., 1914. – С. 481-492.
3. Белавин, А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля [Текст] / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 1 – 2. – Пермь, 2001.
4. Буров, Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском северо-востоке [Текст] / Г.М. Буров // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 32 – 46.
5. Городцов, В.А. Подчеремской клад [Текст] / В.А. Городцов // Советская археология. – 1937. – № 2.
6. Спицын, А.А. Шаманские изображения [Текст] / А.А. Спицын // ЗОРСА. Т. 8. Вып. 1. – М., 1906.
7. Толстой, И.И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. [Текст] / И.И. Толстой, Н.П. Кондаков. – СПб., 1890.
8. Фармаковский, Б.В. Архаический период в России [Текст] / Б.В. Фармаковский // МАР. – 1913. – № 34. – С. 33-78.
9. Чижова, Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири: По материалам культового литья: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Л.В. Чижова. – Л., 1983.
10. Schwerin von Krosigk. Zum Aussagewert zweier Bronzeblecharbieten im Permer Tierstil unter den votiven der Lomovatovo-Kultur an der Kama im Uralvorland im 6 – 9 Jahrhundert [Текст] / Schwerin von Krosigk // EURASIA ANTIQUA, 5. – Berlin, 1999.

ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ СВЯТОЙ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Человек окружающую его среду всегда стремился множеством способов наполнить системой зримых и незримых символов. Вместе взятые, они и образовывали сакральное пространство. В моделировании его главную роль играли храмы и их наименования, священные и памятные участки, а также установленные престольные праздники и крестные ходы, если их начальное посвящение не менялось.

Историю сакрального пространства Пермской земли пытались осмыслить многие исследователи и священнослужители. Но до реконструкции его как целенаправленного замысла никто не дошел. Приоритет отдавался анализу храмов как памятников архитектуры и не более этого, в частности, без выяснения сакральной топографии поселения именно как взаимосвязанной системы.

Напрямую связывать историю и сакральное пространство Пермской земли удастся на примере почитания образа святой Параскевы Пятницы. Информационной базой служат мифологизированные представления о святой, праздники и престолы, посвященные ей в храмах, системы служб и религиозных процессий. В основу данной реконструкции легли материалы публикаций, воспоминания очевидцев ритуалов и личные наблюдения автора.

* * *

Как известно, в народе было распространено поучение о 12 пятницах (пятого дня недели) – "дванадцатницах" [7, с. 47; 9, с. 196-198] – перед Рождеством Христовым, Богоявлением, в первую неделю Великого поста, накануне Благовещения, на Вербной неделе, перед Вознесением, Троицей, Иваном Купалой, пророком Ильей, Успением Богородицы, святыми Архистратигом Михаилом, Кузьмой и Демьяном. Пятницы представлялись девицами, и почитание их должно было принести благополучие. Поэтому устраивались обеты ради тех потребностей, в которых нуждался человек. Почитали пятницы и постом. Следуя традиции, и в наше время в ночь на пятницу благоприятным считается гадание и сновидение¹.

Образ Пятницы в народном представлении соотносился со святой Параскевой (Парасковеей): по наблюдению очевидцев, крестьяне нередко говорили, что "св. Пятница бывает на св. Параскеву" [22, с. 197-198]. В церковном календаре святая Параскева Пятница почиталась три дня: 14 октября (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) – Параскева-мучельница (грязнуха, порошиха, трепальница) (беременные женщины избирали этот день обетным), 28 октября – Параскева-льняница (этот день избирали обетным замужние женщины и девушки, которые молились о хороших женихах) и в девятую пятницу по Пасхе – девятая пятница.

Святую Параскеву называли грязнухой по ут-вердившейся примете: если 14 октября стоит "полная грязь", то до зимы оставалось четыре недели. Льняницей Параскева стала за то, что в этот день женщины устраивали смотрины льнов, и это считалось лучшим приношением святой [27, с. 57]. Высказано мнение, что святая Параскева в обрядах заведовала льном и коноплей, что воспринималось идеей жизни и судьбы [2, с. 218].

* * *

В древних городах Чердыни, Соликамске, Кунгуре и в ряде сел святая Параскева Пятница почиталась в храмах, посвященных ей. Исключительную роль в этом сыграло признание ее роли как защитницы городов и покровительницы городской торговли. Ориентация на это была генетически присуща целому ряду древнерусских городов. Складывается впечатление, что города развивались как важные экономические и культурные центры вокруг образа святой Параскевы Пятницы.

Схема устройства приходов и их духовный статус в Чердыни и Соликамске были отработаны в XVI-начале XVII в., хотя корни этой системы уходят во вторую половину XV в., когда состоялось первое крещение жителей Перми Великой.

Первые сведения о времени существования в Чердыни церкви, посвященной святой Параскеве Пятнице, относятся к 1614 г. Она названа "Пятницкой" в числе 8 приходских церквей в "приходной и расходной книге земским ден-

гам... на ружейную² дачу духовенству городских церквей" [3, с. 658].

К 1624 г. в Чердыни появился новый храм в честь Климента папы Римского с приделом "Пятницким". В нем ключевое место занимал "образ нарицаемые Пятницы", который был "обложен серебром басменным золоченым" и украшен "венцом сканым с камешками плохими, да шестью гривнами серебряными, басменными, золочеными, осьмерыми серьгами серебряными с камнем плохим" [10]. Кроме того, "образ Парасковьи нарицаемые Пятницы на красках" находился в притворе храма. Он тоже выделялся прикладом – "венцом да гривной басменной", которые были "серебряны и золочены" [10]. Важность этих описаний для понимания почитания святой Параскевы Пятницы в Чердыни не подлежит сомнению.

Престольный праздник в честь святой Параскевы Пятницы сложился в погосте Салтаново Чердынского уезда. Здесь Параскеевская церковь была построена между 1647 и 1678 гг. в связи с преобразованием деревни Шайтаново в погост Салтаново³ [23, л. 113]. В 1833-1838 гг. деревянную церковь заменили каменной, которая сохранилась до нашего времени. Недалеке от церкви в честь святой Параскевы Пятницы освящался родник⁴.

Почиталась святая Параскева Пятница в с. Салтаново не только во время службы в храме. В девятую пятницу жители с. Покча и близлежащих деревень шли крестным ходом в с. Салтаново. Они участвовали в церковной службе, водосвятии на роднике, посещали родных и близких людей. Традиция паломничества в с. Салтаново сохранялась до конца 1920-х гг.

* * *

В Соликамске храм в честь святой Параскевы Пятницы существовал в XVI в. В описании города 1624 г. сообщается уже не о храме, а о приделе, посвященном ей в Успенской Богородицкой церкви. Известно, что позднее вновь появилась Параскеевская церковь. Но, когда она сгорела, на ее месте в 1752 г. была построена каменная Воскресенская церковь с приделом в честь Параскевы Пятницы. Святыней города была чудотворная икона святой, которая постоянно пребывала в Воскресенской церкви.

День чествования святой Параскевы Пятницы в Соликамске приходился на девятую пятницу по Пасхе. Он совпадал с межсезоньем в хозяйственном календаре и поэтому ежегодно привлекал множество паломников и торговцев.

Многие священнослужители и исследователи пытались установить время и причину столь

большого почитания святой Параскевы Пятницы, но точных данных по поводу этого никто не обнаружил. Ясно лишь, как считал священник А. М. Луканин и с ним стали соглашаться все другие авторы, предпочтение нужно отдавать исторической памяти "о положивших живот свой за веру и отчизну" [8, с. 76]. Летописцы указывали на параллели между защитниками Соликамска и "островом спасения православия", каковым им виделся сам город.

Опустошительные набеги на город сибирских татар и вогул в XVI в. породили (и возродили) всплеск интереса к героическим событиям, которые не забываются до нашего времени. Естественно, в истории они приобрели мифологизированные образы, освященные образом святой Параскевы Пятницы. Можно считать, что крестный ход в Соликамске стал проводиться по инициативе местного духовенства после третьего, последнего сожжения города в 1581 г. сибирским отрядом во главе с пелымским князем Кихеком. "Хождение с крестом по Соликамску" благословлял епископ Вологодский и Великопермский, под покровительством которого пребывала Пермь Великая с 1585 г.

Накануне праздника, в четверг, в Соликамск из чердынского села Нырб приносили чудотворный образ Святителя Николая, а из пригородного села Городище – образ Знамения Божией Матери. Принесение и поклонение икон было событием исключительной духовной значимости. Подробности этих церемоний заботливо сохранены в летописных повествованиях.

В четверг перед вечерней службой духовенство выходило на окраину Соликамска для встречи икон. Их приносили в Свято-Троицкий собор, и начиналось Всеношное бдение – богослужение, состоящее из вечерни, утрени и первого часа. Оно длилось целую ночь, и поэтому названо Всеношным бдением или бодрствованием. Здесь перед местночтимой чудотворной иконой святой Параскевы Пятницы, принесенной из Воскресенской церкви, проходил молебен в честь Параскевы Пятницы.

Утром в девятую пятницу проводили литургическую службу и с выноса икон начинали крестный ход по городу. Процессия подходила к каждой церкви города, останавливалась у алтаря для литийного (общего, усиленного) богослужения с чтением Евангелия в честь храма и после осенения города крестом и освящения его водой следовала к другой церкви. При окончании крестного хода обязательно исполнялась стихира святой Параскеве Пятнице.

Завершался крестный ход у Свято-Троицко-

го собора благодарственным молебном Господу Богу за спасение города от вражеских нашествий. И хотя процессия не приближалась к могилам защитников города, как это было в других шествиях, темой из истории города крестный ход заканчивался. По времени проведения, массовости и по выражению благодарности Богу его можно отнести к категории празднично-благодарственных крестных ходов.

Проводам икон посвящалась литургическая служба в Воскресенской церкви перед чудотворным образом святой Параскевы Пятницы. Ежегодное празднование девятой пятницы и почитание святой Параскевы Пятницы, что сопровождалось приносными иконами, усиливало значение событий героического прошлого в истории города. Воспоминания о святой Параскеве Пятнице сливались с событиями вражеских нападений на город и его защитниками. Очевидно, что эти события были близкими в церковном календаре. В этом следует видеть родство и взаимовлияние важных сакральных событий из ранней истории города и православия, а в итоге – собенности сакральной топографии Соликамска.

* * *

В Кунгуре церковь во имя "святой великомученицы Параскевы, нарицаемой Пятница" была освящена в 1675 г. Причем это была первая церковь в городе. Необходимость в ней вызывалась тем, что в Кунгуре почитание защитников города изначально приурочивалось ко дню святой Параскевы Пятницы. Праздник в ее честь в девятую пятницу стал у кунгуряков историческим воспоминанием.

Судя по описанию, относящемуся к 1704 г., церковь была рубленой, "клетской", с колокольной, на которой висело 8 колоколов весом от 1,5 до 10 фунтов. В резном иконостасе, окрашенном зеленой краской и позолотой, иконы расставлялись в 4 яруса. В первом ярусе находились иконы с серебряными венцами, из них две иконы – Божией Матери Тихвинской и Параскевы Пятницы – с серебряными цатами [24, л. 6 об.].

Когда церковь святой Параскевы Пятницы обветшала, на ее месте в 1740 г. построили каменный Богоявленский собор, посвятив в нем придел Параскеве Пятнице.

В Кунгуре самым значительным являлся крестный ход в честь святой Параскевы Пятницы, установленный в 1774 г. в память избавления города от пугачевских войск [6]. Принято было ходить по обету на поклонение в те храмы, где находилась икона "нареченная Параскевой Пятницей". К ней обращались с молитвенными

просьбами о содействии по разным обстоятельствам: молили избавление от неприятелей и исполнение желаний семейного благополучия.

Накануне праздника в Кунгур стекалось множество людей, причем не только из ближней округи. Церемония проведения крестного хода включала несколько статей. В богослужении под статьями понимались службы и каноны, которые исполнялись в честь святого или праздника.

В четверг перед вечерней службой под колокольный звон собиралось духовенство на Соборной площади, чтобы идти за р. Ирень встречать приносимые в город иконы – из с. Кыласово святителя Николая чудотворца, из с. Стефаново (ныне с. Ленск) Иоанна Предтечи и Тихвинскую Божию Матерь. По преданию, записанному в церковной летописи, икона святителя Николая чудотворца защитила Кунгур и Спасский монастырь от нашествия татар. На месте встречи икон, которое издавна обозначалось часовней во имя Николая чудотворца, служился молебен. Затем процессия направлялась в город.

О духовной среде Кунгура в момент "первоначального перезвона", созывающего православных людей идти навстречу иконам, летописец и священник Е. Д. Золотов засвидетельствовал так: "Как бы слышится в звуках тысячного соборного колокола незримый зычный призыв к гражданам кунгурским и всем прибывшим на это церковное торжество: "Придите, православные, на поклонение св. Угодникам Божиим и Пречистой Его Матери! Придите, дабы увидеть: крепка ли еще вера на св. Руси! Есть ли ревнители и поборники православной веры! Есть ли чтители св. Угодников Божиих и Пречистой его Матери!" И вот, когда после молебствия пойдут обратно с крестным ходом, то при виде многотысячной массы народа, шествующего при знаменах православной веры, в сопровождении св. чудотворных икон, в радостном звоне на всех городских церквях, как бы слышится и ответ в звучных переливах колоколов: "Крепка еще вера на св. Руси! Есть ревнители и поборники православной веры, подъемлющие труд прийти из-за сотен и тысяч верст почтить святыню, облобызать святые иконы и излить благодарность Господу Богу за ниспослаемые житейские невзгоды с упованием на милосердие Божие!" [6].

Иконы приносили в Благовещенский собор. Сюда же крестным ходом из Тихвинского храма доставляли главную святыню Кунгура – чудотворную икону Тихвинской Божией Матери, которая, как известно, отстояла город от захвата

войсками Е. Пугачева. Начиналось Всеношное бдение. Прихожане городских и сельских приходов стремились не пропустить молебны в честь Параскевы Пятницы, Тихвинской Божией Матери, Николая чудотворца, Иоанна Предтечи. Как пишет летописец, во время богослужения "церковь наполняется поклонниками до тесноты", и если бы Благовещенский собор "был просторнее втрое или вчетверо, то и тогда все молящиеся не могли поместиться в нем". Часть прихожан переходила в Богоявленский храм, где тоже шла служба.

В девятую пятницу под благовестный звон прихожане вновь собирались на службу. Сначала обходили Благовещенский собор крестным ходом, а затем служили молебен с акафистом святой Параскеве Пятнице. После шла литургическая служба с участием всего духовенства города.

* * *

Праздник в честь святой Параскевы Пятницы сложился на севере Чердынского края в старинных селах Искоре и Ныробе, но особым местом почитания явилось городище (его называют Искорским и Мысагортским) древних коми-пермяков между селами, где возник один из первых городков Перми Великой – Искор. Древний Искор был в 1472 г. взят дружиной, посланной из Москвы для закрепления московских князей в Перми Великой. Вскоре древний Искор становится не только оборонительным, но и важным христианским центром Перми Великой, традиции которого, несмотря на запреты в советские годы, сохраняются и в наше время [26, с. 97-98].

В XVII в. в Ныробском храме появилась скульптура святой Параскевы Пятницы с предстоящими Екатериной (справа) и Варварой (слева)⁵ (ил.1). По рассказам Е.А. Дьяковой, 1889 г. р., еще в начале 1920-х гг., до изъятия скульптуры из храма, в день Параскевы-льняницы, "заповедовали старый порядок: не трепали куделю, не пряли и не ткали" [13]. Женщины приходили в храм и "украшали Параскеву холщовыми лентами, цветами, вешали на нее кресты, цепочки, серьги, кольца, платки, полотенца, а иногда перевязывали ноги и руки нитками и лентами" [17]. При этом, кстати, А.В. Носова, 1890 г. р., вспоминала: "Когда украсят Параскеву, молились и просили ее – кому здоровье послать, кому скотину сохранить, кому детей родить и хорошо их вырастить, а девушкам жениха поскорее найти" [12].

Сохранилась фотография 1913 г., на которой уникальный скульптурный образ святой Параскевы Пятницы предстает украшенным особо:

медным венцом по верх старого венца, цатой, длинной цепочкой, крестом, лентами [5, л. 29]. Венец (нимб) и цата вокруг лица служили знаками святости Параскевы Пятницы. Возможно, их приложили для того, чтобы приблизить древний чтимый образ современникам. Украшение образа имело молитвенное значение, характер народного благочестия.

Известны случаи, когда в храм приходили бездетные супруги по обету ради чадородия. По воспоминаниям жительницы с. Корепино А. И. Собяниной, 1909 г. р., "муж и жена долго не имели детей, тогда родители заставили их сходить в Ныроб, помолиться Параскеве, положить ей подарок – льняное полотенце. Так они и поступили. Скоро у них и родились дети" [20].

Особый вариант обрядового почитания святой Параскевы Пятницы проходил у новобрачных. По окончании свадебного венчания они подходили к скульптуре за благословением: молились и целовали образ, клали поклоны⁶. Примеры эти, которые вспоминали многие старожилов, не были случайными. Параскева, а вместе с ней и святые Екатерина и Варвара, включенные как предстоящие в ныробскую скульптурную композицию, оставались в глазах народа ипостасями Богородицы, дарующей благо.

В связи с этим следует отметить, что в рассказах старожилов делается акцент на обетные полотенца, которыми покрывали скульптурный образ святой Параскевы Пятницы: полотенца вешали для избавления от бедствия и получения защиты, как часто поступали в день Покрова Богородицы. Этот пример особенно выделяла К. П. Антонова, 1899 г. р.: "Ну вот к Параскеве Пятнице шли с полотенцем, им накрывали голову и плечи. Иногда придешь в церковь и лица не видно, вся она закрыта полотенцами" [18]. Вспоминалось известное среди прихожан представление о том, что полотенца, укрывавшие Параскеву, приобретали целительную силу [11]. Их приносили в дом, вешали на стены, ими утирались во время свадьбы, рождения и крещения детей. Поиск ответа на эти примеры ведет к пониманию того, что полотенца, находившиеся на скульптуре – это не что иное, как воплощение души Параскевы, ее живительной силы и благодати.

Особо следует остановиться на своеобразном внешнем облике скульптурного образа святой Параскевы Пятницы. В образе воплощено христианское представление о достойном облике женщины. Параскева до того покрыта платом, что не видно волос под тканью. Отступление от этого обычая – черта языческая. Поэто-

му справедливо требовал московский митрополит Симон, направляя в 1501 г. послание духовенству и мирянам Перми Великой, "чтобы жены не ходили простовласы, непокровенными главами" [1, с. 168].

Выразительна скульптура святой Параскевы Пятницы орнаментальным богатством одежды, пышным венцом на голове и строгим целомудренным взглядом⁷. На белом плате, укрывающем голову, и белом оплечье нанесены красной краской узоры в виде сетчатых квадратов, ромбов, кругов, квадратов с продолжающимися сторонами, завитков и др. Но это, по мнению этнографа и фольклориста Л. А. Тульцевой, по всей видимости, не узоры, а идеограммы⁸, с помощью которых были зашифрованы заговоры на брак, здоровье, плодородие и жизнь [25, с. 51]. Кстати, в пользу этого заключения говорит тот факт, что узоры не повторяются, они все индивидуальны. Указанные особенности узорочья плата заставляют задуматься о связи святой Параскевы Пятницы со сверхъестественным миром, благодаря которым ей доступны тайные, скрытые для обычных людей знания. Этот же пример, на наш взгляд, позволяет предполагать о давней традиции, когда святая Параскева Пятница, облачившись в узорочный плат, сливалась с духом (божеством) и выступала от его имени.

Из этих примеров видно, что святая Параскева Пятница для чердынских крестьян считалась покровительницей домашнего очага, семьи, женских работ.

В церкви с. Искор издавна славилась явленная икона святой Параскевы Пятницы. Явленной она стала по ее чудесному нахождению. По преданию, записанному священником В.Е. Поповым в 1880-е гг. от старожилов с. Искор, "на том месте, где был древний городок Искор (в 7 км. на северо-восток от с. Искор. – Г.Ч.), явилась на старом березовом пне, из-под которого бежал ручеек, икона св. великомученицы Параскевы. Узнав об этом, искорцы "стар и млад" пошли на городище, помолились пред явившейся иконой, дали обет построить на месте явления часовню и носить в нее св. икону для служения молебнов два раза в год, а затем торжественно перенесли икону в церковь" [21, с. 81]. "Рассказывают, – пишет В. Е. Попов, – что икона несколько раз скрывалась из церкви и являлась на прежнем месте. Это происходило будто бы до тех пор, пока на месте явления не устроили часовню" [21, с. 81].

Далее предание сообщает, что после построения часовни на городище от явленного образа были чудеса. Сюда шли паломники за со-

ветом и помощью. Постепенно установилась традиция приходить по обету. Из разных приходов приносили иконы в храм с. Искор, и оттуда крестным ходом с искорским явленным образом Параскевы направлялись на городище. По окончании службы возвращались в с. Искор и на следующий день все приносимые иконы торжественно провожали в свои храмы. Предание сохранило память о "двенадцати соборах", т.е. об иконах 12 храмов – Ныробском, Вильгортском, Цыдвенском, Янидорском и др. В конце XIX в., по наблюдению священника В. Е. Попова, крестный ход на городище совершался только с иконами из храмов и часовен искорского прихода – из деревень Большое Поле, Демино, Оралово. Первоначально с иконами на городище для почитания святой Параскевы Пятницы ходили два раза в год – в петровское заговенье в честь явления иконы Параскевы Пятницы и в девятую пятницу по Пасхе в честь перенесения иконы с городища, т. е. с места явления в с. Искор. Наибольшее число богомольцев стекалось в девятую пятницу, впоследствии только в этот день чтилась Параскева.

Крестные ходы с иконой святой Параскевы Пятницы были для крестьян Чердынского края значительными праздниками. На городище стекалось большое количество богомольцев из близких и дальних сел и деревень. Во время праздника местные торговцы устраивали базар. Икона святой Параскевы Пятницы была не просто местной достопримечательностью, а всечердынским достоянием. Кто бы и откуда ни приезжал в Искор, каждый считал своим долгом помолиться и приложиться к явленному образу.

В с. Искор святой Параскеве Пятнице посвящался придел Христорождественского храма, возведенный в первом варианте в 1804 г. В конце XIX в. придел расширили, и он стал более вместительным, чем основной храм. Здесь перед левым клиросом, на особо оборудованном месте находилась главная святыня Искора – явленный образ святой Параскевы Пятницы. Икона хранилась до закрытия церкви в 1961 г. После закрытия она исчезла. К сожалению, никто из современников не оставил подробного описания явленной иконы. Краткие сведения о ней запечатлены лишь в церковной описи 1947г.: "Икона св. великомученицы Параскевы Пятницы, а на ней две ризы – одна в середине на самой иконе, вторая вокруг ее страдания написанных, металл серебряный" [4, л. 3].

Обобщая почитание святой Параскевы Пятницы в Чердынском крае, следует рассказать о крестном ходе, устраиваемом в девятую пятни-

цу из с. Искор на городище – на место явления иконы Параскевы Пятницы. К сожалению, каких-либо исторических описаний по этому поводу не сохранилось.

Старожилы с. Искор, которые участвовали в крестных ходах, запечатлели такие сюжеты. "Утром в церкви Параскевы Пятницы собиралось 30-40 человек. Перед выносом иконы священник проводил небольшую службу. Покрытую полотенцем икону выносил сам священник и передавал ее мужикам. Как только выходили из церкви, на колокольне начинали звонить колокола праздничным звоном. Звонили до тех пор, пока процессия не покидала село. Икону несли два мужика спереди и два сзади. Икона была то впереди толпы людей, то в середине ее. Священник всегда ходил в богатой ризе. Больше запомнился о. Харитон" (Е. И. Антонова, 1940 г. р.) [16]. "Из села шли на восток, через поле Козьгорт. По Суседковой тропке подходили к р. Бурье и переходили ее. А дальше шли по Мельничной дороге, к мельнице у северной стороны горы с часовней" (Г. П. Пешехонов, 1938 г. р.) [19].

Старожилы помнят, что в какие-то старые времена крестный ход проходил еще одним путем. "Сначала шли по дороге, ведущей на поле Бастарыб⁹, а оттуда по лесной дороге, переходили через р. Бурья (Черная)¹⁰, шли к северному пологому склону городища, спускающемуся к р. Люнва" (Б. Д. Чебин, 1940 г. р.) [16]. О духовном настроении во время крестного хода так вспоминал председатель церковного совета 1940-х гг. В. М. Антонов, 1889 г. р.: "Казалось, что идешь с живой Параскевой, что великомученица очищает нашу землю, дает нам светлую жизнь" [15].

Когда процессия поднималась на верхнюю площадку городища, на колокольне, устроенной невдалеке от часовни на столбах¹¹, звонили колокола, звонили до тех пор, пока процессия не останавливалась перед часовней. Священник торжественно заносил икону Параскевы Пятницы в часовню и ставил ее на аналойный столик. Перед иконой затепливали лампадку, зажигали свечи. На стол клали книги для богослужения. В каждый угол часовни ставили березки с листьями.

Следующий порядок был такой. Священник служил в часовне молебен святой Параскеве Пятнице. По окончании службы богомольцы выстраивались в ряд справа от входной двери (т.е. у южной стороны) и медленно входили в часовню. Сначала прикладывались и припадали под икону Параскевы Пятницы, а затем проходили в правый угол и вытирали лицо и глаза

полотенцем, висевшим на стене в углу справа от иконостаса. Считалось, что полотенце принадлежало Параскеве Пятнице, и оно в присутствии образа Параскевы Пятницы обладало большой целительной силой. Затем проходили вдоль иконостаса справа налево (с юга на север) и прикладывались к иконам. Выходили из часовни возле северной стороны входной двери. Перед выходом кланялись иконе Параскевы Пятницы. Во время прохождения по часовне люди вели себя чинно, не позволяли разговаривать. А. В. Пономарев, 1910 г. р., отмечал, что "народ очень любил службы в часовне, относился к ним серьезнее, чем к службам в церкви" [14].

По прошествии по часовне многие богомольцы уходили за часовню и прикладывались к старой березе, растущей у ее восточной стены: "грызли ее для избавления от зубной боли"¹².

Затем крестный ход отправлялся по местам, которые в преданиях связывались с пребыванием Параскевы в древнем городке Искоре. Параскева защищала городок от ногайских татар. Когда силы были неравными, жители покидали городок, уходили в леса, оставляя городок под защитой Параскевы. Случалось, что татары брали ее в плен, пытали, заставляли ходить босой по городку, лесам и скалам, чтобы она показала места укрытия людей. Когда пленение заканчивалось, Параскева шла к озеру, расположенному у западного подножия городища, совершала омовение, отдыхала.

В народных преданиях Параскева предстает совсем иной, чем в церковном скульптурном образе. Она высокая, худощавая, со сбитыми босыми ногами. Этот акцент любопытен тем, что неприглядный облик Параскевы вызывал еще большие чувства жалости и уважения к ней. Зная о страданиях, народ называл ее "великомученицей", "городка нашего заступницей"¹³.

Один из моментов защиты городка Искора от ногайских татар изображен на западной стороне свода часовни. Предстает картина поистине древнепермская: татары подступили к городку, пытаются взойти в него, но сверху на них летят стрелы, камни, бревна.

Из часовни икону святой Параскевы Пятницы выносили под колокольный звон и шли с ней по местам священных воспоминаний о страданиях великомученицы Параскевы. Спускались медленно по северному пологому склону, у его подножия поворачивали налево и направлялись к озеру, в котором Параскева совершала омовение. Икону ставили на коврик, богомольцы снимали обувь и по колению заходили в воду. Священник совершал водосвятный молебен. По

убеждению верующих, в этот момент всем присутствующим святая великомученица Параскева Пятница посылает свою благодать.

Затем процессия направлялась к скале, расположенной южнее городища. В народе она называется "Узкая улочка". Желающие поднимались по узкой расщелине и прикладывались к иконе Параскевы Пятницы (копия явленного образа), которая постоянно находилась в деревянном киоте, укрепленном на столбе. От иконы спускались по другой расщелине, более широкой и удобной для прохода. Хождением по скалам почиталась Параскева Пятница и, согласно преданию, богомольцы избавлялись от грехов.

По окончании восхождения на скалы богомольцы еще раз припадали к явленному образу. После этого икону торжественно несли в церковь с. Искор, на место ее постоянного пребывания.

Завершающая часть крестного хода, так же как сражение за городок, запечатлена во фресковой росписи на южной стороне свода часовни. Живописец подписал историческую картину так: "Перенесение явленной иконы великомученицы Параскевы с городища в село Искор". Роспись сохранилась до нашего времени. Мы видим в ней не случайный, а реальный подбор примеров: икону несет священник, на людях традиционная одежда, процессия направляется к деревянному храму Искора, что подчеркивает давность происходящего события. Устные повествования и реальную картину почитания великомученицы Параскевы Пятницы живописец объединил в законченное историческое повествование. Появление картины крестного хода в часовне, построенной в 1891 г., является показателем активной религиозной жизни населения Чердынского края и важности запечатленного события¹⁴.

Крестный ход с почитаемым образом давал людям возможность участвовать в соборной молитве. Проходил он, как видно, и с неустав-

ными элементами, что явно показывает характер народного благочестия.

Рассмотренные формы почитания Параскевы Пятницы в Ныробе, Искоре, на городище являлись очень значимой частью религиозного сознания населения. Отношение к образу традиционно выражалось в молитве перед ним, молебных чтениях, поклонах, целовании, омовении, возжжении свечей, приношении украшений.

Существовавшее почитание святой Параскевы Пятницы сохранилось до нашего времени. Подтверждением живой народной веры служат примеры посещения древнего Искора в девятую пятницу, акафистное чтение и песнопение перед часовней Параскевы Пятницы, обетное стояние в озере, в котором, согласно преданию, происходило омовение Параскевы Пятницы¹⁵.

Люди идут на городище, чтобы через прикосновение к местам Параскевы Пятницы получить назидательный смысл евангельских заповедей, осуществить через молитву мистическое восхождение к единству Церкви земной и небесной, избавиться от болезней. В наше время обетными приношениями остаются монеты, которые паломники закапывают в землю возле часовни и у скалы "Узкая улочка", бросают в озеро. Как и прежде, народ продолжает называть Параскеву Пятницу не только святой, но и великомученицей.

Посещением древнего Искора, обращением к святой Параскеве Пятнице паломники и сегодня подтверждают историческую действительность Перми Великой, что, без сомнения, является устойчивой и содержательной составляющей духовной культуры населения Чердынского края.

Все, что мы рассказали о почитании святой Параскевы Пятницы, это только один из примеров, показывающих возможности реконструкции сакрального пространства Пермской земли и осмысление его современниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этой связи, в частности, продолжают напоминать старожилы с. Редикор Чердынского р-на и с. Губдор Красновишерского р-на.
2. Ружейная дача – от слова руга. В Русском государстве IX – XVI вв. ругой называлось царское жалованье духовенству, выдававшееся хлебом, иногда деньгами.
3. В переписной книге Чердынского уезда 1678 г. священник погоста Салтаново назван по церкви "пятницким".
4. Родник святой Параскевы Пятницы в с. Салтаново восстановлен и освящен в 2002 г.
5. Скульптура в сентябре 1923 г. была вывезена в Пермскую художественную галерею, где она и находится в наше время.

6. Первыми, кто обратил наше внимание на данный ритуал, были родители автора статьи – Н.И. и М.П. Чагины (1902 и 1904 г. р.), которые венчались в Ныробском храме в январе 1923 г.
7. Скульптура святой Параскевы Пятницы неоднократно воспроизводилась в различных изданиях, но крупным планом в кн. "Пермская деревянная скульптура", Пермь, 1985. С. 48-51.
8. Идеограмма – письменный знак, условное изображение или рисунок, соответствующие не звуку речи, а целому слову или части слова.
9. В наше время поле Бастарыб (кстати, это слово произносится еще как Быстарыб) называют Малым Искором. Здесь еще в 1960-е гг. находился хутор с официальным названием Малый Искор.
10. Речка Бурья (ее второе название Черная) – левый приток р. Люнга.
11. Колокольня имела упрощенный вид – четыре столба, перекладины под крышей, на перекладинах колокола. В конце 1920-х гг., предвидя наступления на церковь, житель с. Искор Д.И. Пешехонов снял два колокола и спрятал в сарае. В конце 1940-х гг. колокола были подняты на колокольню Христорождественской церкви с. Искор.
12. В 1950-е гг. от березы оставался только пень.
13. Это мнение сохраняется в памяти и нынешних людей.
14. Каменная часовня построена по проекту пермского архитектора А.Б. Турчевича, фрески на ее сводах написаны иконописцами мастерской Федосеевых из с. Покча Чердынского уезда.
15. Посещение древнего Искура (городища) происходит не только в организованной форме, в день девятой пятницы. В древний Искор приходят в любое время года, но чаще летом. Многие люди заходят в озеро и подолгу стоят в нем, чтобы получить благодать великомученицы Параскевы Пятницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею [Текст]. – СПб., 1841.
2. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А.К. Байбурин. – М., 1993.
3. Викторов, А. Описание земских книг и бумаг старинных дворцовых приказов: 1613 – 1725 гг. [Текст]: Вып. 2 / А. Викторов. – М., 1883.
4. Государственный архив Пермской области. Ф. Р – 1619. Оп. 1. Д. 94.
5. Государственный архив Пермской области. Ф. Р – 1327. Оп. 1. Д. 142.
6. Золотов, Е.Д. Девятая пятница в г. Кунгуре [Текст] / Е.Д. Золотов // Русский паломник. – 1890. – № 21.
7. Калинин, И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877.
8. Луканин, А. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска [Текст] / А. Луканин. – Пермь, 1882.
9. Львовский, Л. Пятница в жизни русского народа [Текст] / Л. Львовский // Живописная Россия. Т. 2. – 1902.
10. Описание г. Чердыни – писца Кайсарова 1623 – 1624 гг. [Текст]// Пермские губернские ведомости. – 1865. – № 55.
11. Полев. материалы, собр. автором в д. Большое Поле Черд. р-на в 1969 г.
12. Полев. материалы, собр. автором в д. Томилово Черд. р-на в 1964 г.
13. Полевые материалы, собр. автором в п. Ныроб Черд. р-на в 1965 г.
14. Полевые материалы, собр. автором в п. Ныроб Черд. р-на в 1970 г.
15. Полевые материалы, собр. автором в с. Искор Черд. р-на в 1961 г.
16. Полевые материалы, собр. автором в с. Искор Черд. р-на в 2009 г.
17. Полевые материалы, собр. автором в с. Искор Черд. р-на в 1969 г.
18. Полевые материалы, собр. автором в с. Искор Черд. р-на в 1972 г.
19. Полевые материалы, собр. автором в с. Искор Черд. р-на в 2008 г.

20. Полевые материалы, собр. автором в с. Корепино Черд. р-на в 1982 г.
21. Попов, В. Древнейшие города Перми Великой Искор и Покча [Текст] / В. Попов // Сборник материалов, для ознакомления с Пермской губернией. Вып. 3. – Пермь, 1891.
22. Почитание среды и пятницы в древнем русском народе [Текст] // Православный собеседник. Ч. I. -1859.
23. Российский государственный архив деловых актов. Ф. 1206. Кн. 352.
24. Российский государственный архив деловых актов. Ф. 214. Оп. 5. Д. 743.
25. Тульцева, Л.А. "Умилно на пучок зари..." (К реконструкции одного из пушкинских образов милой старины) [Текст] / Л.А. Тульцева // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 3.
26. Чагин, Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века [Текст] / Г.Н. Чагин. – Пермь, 1999.
27. Чичеров, В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI – XIX веков: Очерки по истории народных верований [Текст] / В.И. Чичеров. – М., 1957.

© Г. Н. Чагин, 2009

Л. Ф. Коржавкина

КРЕСТ – МОЩЕВИК ИЗ МОСКОВСКОЙ ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ БАРОНА ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СТРОГАНОВА И ИКОНЫ БЕЛОГОРСКИХ ИКОНОПИСЦЕВ НАЧАЛА XX ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ БРЕЗНИКОВСКОГО МУЗЕЯ И ЧАСТНОМ СОБРАНИИ

Одним из самых замечательных архитектурных сооружений заповедного Усолья является церковь Св. Николая Чудотворца, возведенная "в воспоминание избавления от нашествия галлов"¹. Она была создана усердием известного русского дипломата барона Григория Александровича Строганова (двоюродного дяди Н. Н. Гончаровой, жены А. С. Пушкина) как памятник в честь победы русского народа над Наполеоном. Известно, что этот необыкновенный храм, построенный в 1813-1820 гг., был освещен на 63 года раньше московского храма Христа Спасителя, посвященного тому же историческому событию, воздвигнутого по обету государя императора Александра I. "Устройство этой церкви, вместе с колокольней, стоило владельцу до 25 тыс. серебром, не считая ценности в утвари, колоколах и многих других церковных принадлежностях, на его же счет приобретенных" [5, с. 591]. Среди церковного инвентаря, присланного для обустройства хра-

ма были и заказанные бароном Г. А. Строгановым в Санкт-Петербурге академику живописи Я. А. Васильеву для алтарных врат образы Архангела Гавриила и Богоматери ("Благовещение"), являющиеся репликами икон главного иконостаса столичного Казанского собора, ставшего к тому времени усыпальницей светлейшего князя, спасителя Отечества Михаила Илларионовича Кутузова. А в год освящения Николаевской церкви (25 января 1820 г.) в алтарь ее был помещен Крест с нетленными частицами мощей Святых Подвижников. В церковной описи храма можно прочесть: "[Крест напрестольный] (выделено – К. Л.) серебряный под золотом со многими Святыми мощами, весом один фунт шестнадцать с половиной золотников (479, 901г)" [4]. История этой христианской реликвии уходит корнями в XVIII век. Как сообщает отец Владимир (Борисов), священник Николаевского храма в 10-х гг. XX века, в своей небольшой книге "Краткое описание жития Свя-

тых Угодников Божиих, частицы мощей коих вложены в икону, находящуюся в Николаевской церкви с. Усолья": "Крест до 1790 года находился в Московской домово́й церкви барона Г. А. Строганова, а с 1790 до 1820 гг. хранился у его домоправителя. Спустя 90 лет с того времени, как он был помещен в алтарь Николаевского храма, Крест был вынесен на всеобщее поклонение. В связи с этим была заказана икона, в которую 30 октября 1911 года в церкви Пермского Белогорского Подворья начальником Серафимовского Белогорского скита, отцом иеромонахом Серафимом и священником усольской Николаевской церкви, отцом Владимиром Борисовым, был и вложен драгоценный Крест. С благословения Его Преосвященства Палладия, Епископа Пермского и Соликамского, драгоценная икона торжественно, в сопровождении массы народа была со ст. Шиши открыто перенесена в с. Усолье. Здесь Св. реликвию встретил с крестным ходом из всех усольских церквей и в сопровождении всего усольского духовенства настоятель Соликамского мужского монастыря архимандрит Хрисанф" [1]. Отец Владимир же сообщает, что во встрече иконы со Святой реликвией приняло участие около трех тысяч человек: такое стечение народа небывалое для местного края того времени. Крест и икона, так же как и сам Николаевский храм, пережили времена гонения на церковь. В 1932 г. храм был варварски закрыт². Краеведом и директором музея И. Ф. Коноваловым были спасены некоторые образы и произведения христианской деревянной культовой пластики, украшавшие иконостас церкви. Однако и музей пережил реорганизации в связи административно-территориальными переменами, а затем и переезд на левый берег в г. Березники. И Крест-мощевик, помещенный в икону, мог бы утратить исторические свидетельства о нем, если бы не понимание священника отца Владимира (Борисова) необходимости увековечить их. Благодаря этому, к счастью, сохранившемуся малотиражному изданию, и определена была христианская реликвия в собрании березниковского музея (ил. 2) Так как в Книге поступлений в Березниковский музей она была записана следующим образом: "Икона "Крест Господень". Дерево, сохранность средняя. Поступила от Усольского музея по акту от 15 июня 1955 года"³ [3]. "Краткое описание Жития Святых..." отца Владимира возвратили Святыне и Образу родословие. Так икона "Избранные Святые" с Крестом-мощевиком, помещенным в лицевую часть образа⁴, получила документальное подтвержде-

ние ее датировки – 1911 год. Однако была ли икона написана именно мастерами Свято-Николаевского мужского монастыря? Известно, что при монастыре в период его расцвета (а именно тогда была создана икона) была и иконописная мастерская [2, с. 300]. Местные иконники писали в традициях византийского ("греческого письма"), во "фряжском" стиле, а также под "строгановское письмо". В мастерских монастыря делалась различная церковная утварь, ризы на иконы, переплеты для книг из кожи, бархата, сафьяна. Соответствует этим историческим сведениям и косвенное свидетельство о помещении Креста-мощевика в икону в церкви Пермского Белогорского Подворья. Икона напоминает по характеру живописи те образы, которые еще в 80-е гг. XIX в. заказывались усольскими храмами в Свято-Пантелеймоновском монастыре на Афоне. Образы Святых написаны в традициях "греческого" плоскостного письма на золоченом по левкасу и тисненном фоне, поля имитируют драгоценный оклад с финифтью. Лишенный оклада деревянный Крест с драгоценными частицами нетленных мощей занимает центральную часть композиции иконы. Справа и слева от него в пяти рядах на зеленом поле и золотом фоне расположены образы тридцати четырех христианских подвижников. Над Крестом, в облачном секторе неба, – образ "Троицы Новозаветной" ("Отечество"), который уравнивает написанная в нижней части иконы маленькая фигурка 35-го Святого – углического Димитрия-царевича. Среди Святых – образ Св. Евангелиста Марка и отцов церкви – Св.Св. Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, а также первого из двенадцати апостолов Андрея Первозванного, донесшего проповедь о Спасителе до славянских земель, ученика Оригена Григория Неокесарийского, и Иоанна Дамаскина, Св.Св. мучеников – архидиакона Стефана, целителя Пантелеймона, Варвары, Св. Св. воинов – Федора Стратилата и Федора Тирона, Св. Николая Чудотворца, а также подвижников, просиявших на русской земле. В числе которых печальник русский Св. Сергей Радонежский, милосердный Пафнутий Боровский, Святые Герман, Гурий и Варсонофий Казанские, северные русские Святые – Антоний Римлянин и Александр Свирский. Соответствие стиля иконы белогорской иконописной традиции в значительной мере подтверждает подписная и датированная икона "Св. мученика Александра", хранящаяся в частном собрании березниковского художника и коллекционера Юрия Баранова. Особый инте-

рес представляет надпись, выполненная на обороте иконы: "Первая работа юного живописца Александра Иродова. Сия Святая икона да будет благим началом ему святого дела, а небесный его покровитель Св. Мученик Александр да дарует ему разумение и ревность изучать искусство иконописи и живописи в полном совершенстве на благо и честь обители: Господь да Укрепит и благословит дальнейший труд и учение. Настоятель Белогорского монастыря Игумен <...> 29 декабря 1909 года". Образ Св. Мученика Александра написан на фоне, богато разработанном резным узором по левкасу, с использованием флоральных элементов. По полям также цветочный орнамент. В наугольниках – имитация драгоценного оклада с цветными эмальями. Нимб

Святого имеет эффектные графические разделки, обрамлен флоральным орнаментом. Личное написано вохрением светлым по темному санкирю. Хитон зеленого цвета с драгоценным поясом разделан светлыми пробелами и золотыми узорами. Парчовый ворот и поручи украшены изображением драгоценных камней и жемчугов. Перекинутый через левое плечо алый плащ сияет золотым ассистом. Образ Св. Александра создан почти в то же время, что и икона "Избранные Святые" с Крестом-мощевиком из домового церкви барона Г. А. Строганова, т.е. в период расцвета Белогорского Свято-Николаевского монастыря. Обе иконы несут информацию о характере образов, создаваемых в иконописных мастерских пермского Афона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так свидетельствует текст на плите, отлитой из бронзы, позолоченной, изготовленной в литейных мастерских Академии художеств, установленной в алтаре церкви. Ныне хранится в Березниковском историко-художественном музее им. И.Ф. Коновалова.
2. По свидетельству бывшего в ту пору директором Березниковского районного историко-краеведческого музея (размещался в строгановских палатах Усолья) Ивана Федоровича Коновалова: "Созданную комиссию по закрытию церкви возглавил некто Новиков. И.Ф. Коновалову (представителю музея) сказали, что комиссия соберется в 12 часов дня, а они (члены комиссии) пришли раньше. Выкатили из церковного подвала бочку кагора и начали "угощаться". Повеселев, стали снимать иконы, разбивать их об пол, ломать иконостас, уничтожать архив... Ивану Федоровичу удалось вывести этих партизан из церкви". (Запись воспоминаний сделана художником-краеведом В.А. Седеговым в 1976 г.)
3. Акт о передаче иконы не сохранен.
4. Дерево, левкас, темпера. 89 x 70,5. Как видно из Книги поступлений, крест утратил драгоценный оклад, вероятно, во времена изъятия церковных ценностей (золота и серебра) в начале 20-х гг. Однако гвоздевые отверстия, следы оклада, сохранились вокруг святыни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Борисов, В. Краткое описание жития Святых Угодников Божиих, частицы мощей коих вложены в икону, находящуюся в Николаевской церкви, с. Усолья, Соликамского уезда, Пермской губернии [Текст] / В. Борисов. – Усолье: Типография И.И. Тарасова, 1912.
2. Уральская икона [Текст] / Гончаров, Ю.А., Гончарова Н.А., Губкин О.П., Казаринова Н.В., Рунева Т.А. // Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. – Екатеринбург, 1998.
3. Книга поступлений БИХМ [Текст]: 730.
4. Опись церковного имущества и утвари Николаевского храма села Новое Усолье [Текст]. – БИХМ. Церковный архив. – П., 1829.
5. Словцов, И. Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда [Текст] / И. Словцов / Пермские Епархиальные Ведомости. – Пермь, 1875.

ДРАГОЦЕННЫЙ СКЛАДЕНЬ XIX ВЕКА П. С. СТРОГАНОВА

В 1928 г. в собрание Музеев Московского Кремля из ризницы Троице-Сергиевой Лавры поступил на хранение серебряный золоченый трехстворчатый складень, сооруженный, согласно надписи на нем, в 1863 г. Он украшен жемчугом, драгоценными камнями и выполнен с нарядным оглавием и резными изображениями образов Спаса и Богородицы на створках (ил. 3,4). Складень являлся ковчегом для части Животворящего креста: в его срединной створке помещен топазовый крест, под которым находятся частицы священной реликвии. Драгоценный ковчег был вложен П. С. Строгановым в Троице-Сергиеву Лавру (год пожертвования точно неизвестен). Памятник поступил в собрание Оружейной палаты в сложное время, когда в советских музеях создавались списки произведений искусства для передачи их на продажу в объединение "Антиквариат". В "черные списки" предметов, изымавшихся из музейных коллекций, часто попадали мемориальные вещи из частных фамильных сокровищниц и культовые произведения. Видимо, руководство Музеев Московского Кремля и прежде всего его директор Д. Д. Иванов уже тогда понимали уникальность этой вещи и сумели сохранить складень в музейном собрании.

В наши дни небольшой драгоценный складень (длина с оглавием – 12 см, ширина – 7 см, вес – 304,5 грамм) [13] хранится в коллекции Оружейной палаты (инвентарный номер – 19750/1 – 2 – охр. МР – 841/1 – 2). Он представляет несомненную художественную и историческую ценность как образец творчества московских ювелиров середины XIX в. и как памятник, рассказывающий о судьбе своего заказчика – известного в России мецената и благотворителя графа П. С. Строганова. Поэтому в данной статье речь пойдет не только о складне, но и о личности самого графа и возможных причинах столь роскошного вклада семьи Строгановых в Троице-Сергиеву Лавру.

Небольшие двух или трех створчатые иконы-складни, предназначенные для путешествий, издавна существовали в Византии, на Руси. В Византии они выполнялись без оглавия, т.е. имели лишь нить для подвешивания. Старин-

ные русские складни с килевидным завершением украшали нарядным оглавием, сквозь которое продевалась цепочка для ношения на груди. Они могли иметь форму ковчега с дверками на шарнирах, на внутренних сторонах которых выполняли образы святых, а в средней глубокой части помещали особенно почитаемый образ или в очень редких случаях частицу Животворящего древа. Складни служили оберегами, их брали с собой в далекие опасные путешествия и военные походы. Этот обычай был засвидетельствован Павлом Алеппским, сопровождавшим в Россию антиохского патриарха Макария в середине XVII века: "У всех ратников без исключения непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстаётся, и где бы ни остановился, ставит его на видном месте и поклоняется ему" [1, с. 136]. Часто владельцы складней заказывали мастеру определенные изображения. Молитва, обращенная к богу, приобретала вид маленькой драгоценной иконы, которая хранила и сопровождала ее заказчика в трудные минуты жизни.

Павел Сергеевич Строганов и его супруга Анна Дмитриевна жертвуют в Троице-Сергиев монастырь драгоценный складень с частицей Животворящего древа, заказанный ими в марте 1863 г. Надпись на оборотной стороне складня точно датирует его сооружение и полностью называет имена заказчиков: "Устоил ковчег сей для части животворящего Древа граф П. С. Строганов и супруга его графиня А. Д. Строганова, рожденная Бутурлина 23 марта 1863 года". Роскошь и изящество складня, изображение фамильных гербов и соименных святых вкладчиков позволяют предположить, что сооружение ковчега-мощевика для почитаемой святыни имело для четы Строгановых глубокий смысл.

Вероятно, складень был специально заказан для вклада в Троице-Сергиев монастырь и создавался московским мастером. Во второй половине XIX века в Москве и Петербурге, с оживлением храмового строительства, возросла потребность в драгоценной церковной утвари. Появились мастерские с десятками рабочих, которые специализировались на создании пред-

метов церковного обихода, а источником вдохновения и подражания часто служили древние образцы искусной работы. В этом направлении больше работали ювелиры древней столицы. Наряду с известными фирмами П. А. Овчинникова, И. П. Хлебникова, П. И. Оловянишникова, которые выпускали драгоценную продукцию в "русском стиле" и разнообразную церковную утварь по заказам крупных монастырей и храмов, в Москве существовало множество более мелких предприятий. Они пользовались значительной художественной свободой и чаще выполняли частные заказы, чем массовую продукцию. Можно предположить, что исполнителем складня был мастер из древней столицы, где были столь живы примеры старины, а в храмовых ризницах еще сохранялись шедевры допетровского времени.

Складень, заказанный четой Строгановых, представляет собой небольшой трехстворчатый ковчег с помещенным в углубленном среднике топазовым крестом и резной надписью: "Часть древа креста господа нашего Иисуса Христа". Форма креста подчеркнута небольшими сияющими бриллиантами, а более крупные камни в высоких золоченых кастах – рубины, изумруды, жемчуг и желтый бриллиант – создают его роскошную рамку. Обрамляет средник ряд мелких и ровных жемчужин. Роскошь исполнения центральной части складня, красивые и крупные самоцветы в массивных кастах напоминают работы старых мастеров. Здесь смело сочетаются яркие драгоценные камни, а высокие золотые касты подчеркивают их природную красоту и цвет. Среди самоцветов есть розовые альмандины, два гиацинта, разной формы изумруды, сапфир и сияющие бриллианты. Петербургские ювелиры уже с XVIII века предпочитали использовать в обрамлении "короля камней" – бриллианта – нейтральное серебро и избегали массивных оправ. В Строгановском складне все самоцветы и бриллианты имеют золотые касты, которые выделяют уникальность каждого камня.

Ковчег был специально устроен для хранения частицы главной христианской святыни – Животворящего древа, о чем гласит вкладная надпись. Принадлежность частицы Креста семейству Строгановых – это необычное явление, несмотря на их известность и богатство. Можно только предполагать, где и когда реликвия была обретаема Строгановыми. Возможно, частица Животворящего креста, как фамильная святыня, передавалась в семье по наследству и перешла к Павлу Сергеевичу из рода его матери

Наталии Павловны Строгановой дочери известного на рубеже XVIII – XIX вв. государственного деятеля и коллекционера Павла Александровича Строганова. Видимо, этот факт (присутствие редкой и очень почитаемой реликвии в ковчеге) объясняет необыкновенную роскошь складня, изобилие разных драгоценных камней и его стилизации в духе старинных допетровских культовых вещей. Для редкой святыни заказывается уникальное и достойное обрамление.

Животворящий крест – олицетворение вечной жизни в христианской культуре. С Древом жизни могло быть связано упование на рождение наследника у четы Строгановых. Через 12 лет после свадьбы детей в семье не было, но супруги еще были молоды и могли надеяться на появление наследника или наследницы. Вероятно, ковчег с частью Животворящего креста создавался как своего рода молитва о даровании жизненной силы и здоровья, исполненная в виде драгоценной, сияющей самоцветами и жемчугом складной иконы.

На внутренних боковых створках складня в технике резьбы выполнены образы Богоматери и Спаса Нерукотворного, а также святого Павла и святой Анны – тезоименных святых заказчиков складня. На левой створке изображена Богоматерь с Младенцем и начертаны слова молитвы: "Все упование мое на тебя возлагаю Матерь божья, сохрани меня покровом твоим". Тема покровительства и заступничества Богоматери часто присутствовала в личных и семейных иконах. Моление Богородицы и благотворная сила Животворящего креста оберегали вкладчиков драгоценного ковчега и поддерживали их в непростом земном пути. Древняя традиция заказывать маленькие складные иконы обереги от бед и болезней ожила в этой удивительно красивой и изысканной вещи XIX века.

Можно отметить, великолепное исполнение мастером образа Спаса Нерукотворного и одежд Богоматери. Тонким резцом тщательно прорисован выразительный лик Спасителя и крылья Серафима, помещенного в верхней части створки. Светотеневая моделировка лика и эмоциональная выразительность образа Спаса напоминает графические работы живописцев. В облике Богородицы главный художественный акцент сделан на изображении ее широких свободных одежд, благодаря светотеневой моделировке они кажутся объемными. Не исключено, что, создавая эти миниатюрные образы, мастер опирался на старинные работы, которых так много сохранилось в Москве. Они вдохновляли новых художников и служили их безмолвными учителями.

лями в трудном деле ювелирного мастерства.

Почитаемый в России образ Спаса Нерукотворного мог иметь особое значение для супругов Строгановых. Такой вывод можно сделать, имея в виду, что домовый храм в их дворце на Сергиевской улице был посвящен именно Спасу Нерукотворному. Его построили в 1882 г. по разрешению Синода. Графиня Анна Дмитриевна много болела и не могла посещать приходскую церковь. Устройством храма занимался архитектор М. С. Месмахер, в ноябре 1882 г. храм освятили. Построенный в византийском стиле, он имел дубовый иконостас и хоры для певчих. Современники называли убранство храма роскошным, там совершались пышные богослужения, на которых по воскресеньям бывал П. П. Победоносцев [11, с. 123].

О заказчиках складня напоминают не только образы их соименных святых, но и исполнение родовых гербов на оборотной стороне золотого ковчега. Над вкладной надписью изображены гербы двух знатных и богатых семейств России – Строгановых и Бутурлиных. Гербы помещены под короной, правый щит – герб Бутурлиных – держат два "венгерца", левый – герб Строгановых – черные соболи. На гербе рода Строгановых в центре на щитке изображены российский двуглавый орел и графская корона. Внешние створки дверцы складня украшены накладными золотыми цветками, сердцевинами-жемчужинками и запираются изящной застежкой с рубином и бриллиантом.

Созданный как семейная реликвия, драгоценный складень мог сопровождать владельцев в путешествиях или находиться в личных комнатах. Нарядное оглавление, с двух сторон украшенное драгоценными камнями, завершается короткой серебряной золоченой цепью. В XIX в. складные иконы уже не использовали в качестве нагрудного образа. Складень мог существовать как подвесная святыня в домашней божнице, которую брали с собой в путешествие. Однако нам он известен как вклад четы Строгановых в Троице-Сергиеву Лавру. Изображение родовых гербов подчеркивало, что дорогая и изысканная вещь, работы первоклассного мастера, передавалась представителями известной фамилии как пожертвование. Но нельзя утверждать, что вклад поступил в том же 1863 г., так как вкладная книга монастыря за 1863 г. не фиксирует его или какой-либо другой вклад Строгановых. В реестре пожертвований разных благотворителей церкви ризнице и ко гробу преподобного Сергия перечислены десятки драгоценных вещей (всего на сумму 1151

рубль), но среди них нет ни одного складня [15]. Акт поступления группы драгоценных предметов из Сергиевского историко-художественного музея (Троице-Сергиевой Лавры) в Музеи Московского Кремля от 22 ноября 1928 г. содержит два описания переданных памятников. Описания вещей из ризницы Лавры были сделаны в 1908 г. и ранее. Ни в одном из них нет описания складня, что позволяет предположить, что ковчег-мощевик Строгановых мог быть пожертвован в Троице-Сергиеву Лавру на помин души Павла Сергеевича, умершего в 1911 г. Анна Дмитриевна умерла несколькими годами раньше в 1906 г. Супруги были погребены в некрополе Троице-Сергиевой Лавры напротив алтарной апсиды Успенского собора. Анна Дмитриевна – в мае 1907 г., а Павел Сергеевич – в декабре 1911 г. Их захоронения существовали в Лавре примерно до 1927 г. [17]. Графиня умерла в Знаменском в ноябре 1906 г. По воспоминаниям прислуги из усадьбы Знаменское-Кориан, записанным уже в 70-е гг. научными сотрудниками Тамбовского краеведческого музея, тело Анны Дмитриевны везли для погребения вначале в Петербург. Судя по тому, что она была погребена в Лавре спустя полгода после смерти, не сразу решился вопрос о месте захоронения. Возможно, пожертвование в Троице-Сергиеву Лавру драгоценного складня как семейной святыни было связано со смертью его владельца. У четы Строгановых не было наследников, и по их завещанию семейная реликвия могла быть вложена в ризницу Лавры или в 1907 г. или позднее после погребения там самого Павла Сергеевича.

Серебряный золоченый складень, вложенный в Лавру, привлекает внимание к личности самого вкладчика – обер-шенка императорского двора, коллекционера и благотворителя, графа П. С. Строганова, служившего нескольким российским императорам. Он был сыном графа Сергея Григорьевича и графини Натальи Павловны Строгановых. Барон Сергей Григорьевич Строганов получил право на графский титул благодаря браку с дальней родственницей Натальей Строгановой – главной наследницей титула и богатств графа П. А. Строганова.

Сыновья четы Строгановых – Александр, Павел, Григорий и Николай, получив прекрасное домашнее и университетское образование, находились на государственной службе, имели придворные звания и, как и все Строгановы, были щедрыми меценатами и благотворителями. Павел Сергеевич, герой нашей статьи, родился в Петербурге в 1823 г. Его отец, Сергей

Григорьевич Строганов, сыграл выдающуюся роль в развитии образования, просвещения и русской культуры. Большую часть жизни он провел в Москве и оказал большое влияние на научную жизнь старой столицы. Одним из первых заметных деяний графа было основание в 1825 г. частично платной школы технического рисования – будущего Строгановского художественного училища. Он вложил немало личных средств в обустройство и оснащение этого учебного заведения, в создание при училище собственного музея произведений искусства. Факт открытия Строгановым художественной школы не в Петербурге, а в "белокаменной", в старой российской столице, подчеркнул предпочтение, которое он оказывал ей по сравнению с городом Петра. Сергей Григорьевич, примыкая к славянофилам в понимании русской истории, опирался на ценности прошлого, их олицетворяла древняя Москва. Безусловно, его взгляды сыграли роль в воспитании всех детей, но, пожалуй, в наибольшей степени отразились в характере и мировоззрении второго сына – Павла Сергеевича.

Строгановы удивительно сочетали в своей натуре тягу к духовным ценностям и коммерческий талант. Ни один из представителей рода, несмотря на обширные поместья, роскошные дворцы и замечательные коллекции произведений искусства, не разорился. С. Г. Строганов не только не растратил впустую унаследованные богатства, но и приумножил их. Состояние графа включало 4 каменных дома в Петербурге, 6 железоделательных заводов и 2 чугуноплавильных, золотые прииски в Перми, 12 соляных варниц. Он выплатил братьям по 1 млн. руб. отступных и присоединил к своей вотчине около 800 000 десятин земли [16]. Многие люди, знавшие его, отмечали аккуратность графа в хозяйственных и денежных делах. Сергей Григорьевич не имел в обществе репутацию щедрого на любые расходы человека, но когда нужно было купить картину знаменитого мастера, монету или помочь бедному ученому – он не был скуп. А. И. Герцен считал его одним из самых благородных русских магнатов. Такое поведение вполне соответствовало настроению русского общества середины XIX века, когда гражданский долг и общественная польза были престижнее, чем слава устроителя веселых и роскошных пиров, которыми был так богат XVIII век.

Образование своих детей Сергей Григорьевич доверил Ф. И. Буслаеву – личному секретарю, филологу, историку искусства, собирателю рукописей и гравюр. Он разделял увлече-

ние Строганова древнерусской литературой и преподавал двум его сыновьям Павлу и Григорию и дочерям графа русскую грамматику и словесность. В 1839–40-х годах Буслаев сопровождал Строгановых в их путешествии по Германии и Италии. Этот семейный вояж сыграл большую роль в жизни Павла Сергеевича. Его художественный вкус, любовь к европейской, особенно итальянской, живописи были воспитаны юношескими впечатлениями о солнечной Италии. Ф. Буслаев писал: "...над умами и сердцами господствовал тогда мечтательный романтизм с безотчетной верой во все возможное и невозможное... Обетованной землей для восторженных душ была Италия" [2, с. 157]. "Нет оснований считать эту поездку Строгановых коллекционерской. Ее маршрут и характер позволяют думать, что главной целью графа было использование целебного климата Италии для поправки здоровья детей" [7, с. 248]. Так на о. Искья семья жила некоторое время на уединенной вилле, где Павел Сергеевич принимал минеральные ванны. В образовательном смысле европейское паломничество не прошло бесследно. Павел и его брат Григорий многое запомнили в Италии и позднее очень серьезно подошли к составлению своих коллекций.

Вернувшись из европейского путешествия в Россию в 1841 г., Павел Сергеевич поступил в Московский Университет, где прошел курс юридических наук. С 1847 г. начинается служба молодого графа в министерстве иностранных дел. Как секретарь посольства он несколько лет жил в Италии и Австрии, сопровождал во время революционных событий папу Пия IX в Гаэту. В августе 1856 г. вышел указ императора Александра II "о пожаловании нашему надворному советнику состоящему при нашем посольстве в Риме в звании камер-юнкера П. С. Строганова в воздаяние усердной службы орденом св. Станислава 2-ой степени".

В 1851 году граф Строганов женился на Анне Дмитриевне Бутурлиной. Ее отец, Дмитрий Петрович Бутурлин, был известным военным историком и директором Императорской Публичной библиотеки. Мать, Елизавета Михайловна, урожденная Комбурлей, по словам современников, "очень красивая, любезная и естественная", хорошо танцевала и на балах была любимой партнершей императора Николая I. В своем петербургском доме Бутурлины устраивали вечера и балы, на которых бывал цвет высшего общества. В списке лиц, извещенных о помолвке П. С. Строганова с А. Д. Бутурлиной, значились представители титулованной и финан-

совой аристократии, в том числе кн. Гагарины, Одоевские, Долгоруковы, генерал-майор П. П. Ланской и Н. Н. Ланская-Пушкина, известный финансист барон А. Штиглиц, родственница Строгановых И. Г. Полетика с супругом. Свадьба состоялась 7 января 1851 года. Молодых венчали в Домовой церкви семьи Комбурлей на Почтамской улице Петербурга [14].

Не оставляя министерскую службу, молодой Строганов начинает строительство собственного дома в Северной столице на Сергиевской улице. Особняк строит выпускник Школы технического рисования в Москве – архитектор И. А. Монигетти – в 1857-58 гг. Граф украшает свой новый дом художественными коллекциями: он собирает итальянские примитивы, картины голландских мастеров, этрусские расписные вазы, бронзовые статуэтки, китайское искусство. "Все Строгановы были собирателями, каждый представитель рода стремился оставить память о себе в виде коллекций. Павел подражал жизни аристократа предыдущего столетия. Он собрал, находясь в Риме, и перевез в Россию 83 картины европейских мастеров" [6].

Основанием для богатого вклада в Троице-Сергиеву Лавру могло быть не только семейное несчастье – отсутствие детей. Жизнь графа Строганова П. С. была связана со старой столицей, где он жил и учился в молодости. Павел Сергеевич хорошо знал и уважал московского митрополита Филарета, бывал неоднократно с семьей в Лавре и глубоко интересовался вопросами веры. Все Строгановы в течение нескольких столетий передавали в почитаемые обители богатые вклады и заботились об украшении домашних и приходских церквей. Предметом их особой заботы был Сольвычегодский Благовещенский собор, не оставляли они своим вниманием и древнюю Троице-Сергиеву Лавру. Вклады представителей рода Строгановых в монастырь в XVI-XVII вв. – денежные суммы и богослужебные облачения, в основном делались по умершим родственникам [9, с. 14].

С 1821 по 1867 гг. монастырь возглавлял святитель Филарет (Дроздов). Этот выдающийся церковный деятель принимал участие во всех значительных событиях своего времени и пользовался всенародной любовью. Филарета называли церковным ученым универсальных интересов. Отец Павла Сергеевича, Сергей Григорьевич Строганов, много лет живший в Москве и коллекционировавший русские иконы, хорошо знал митрополита. Знакомство с ним младшего Строганова оказало определенное влияние на его мировоззрение. По мнению петер-

бургского исследователя Кузнецова С. О., существовали семейные связи между Строгановыми и митрополитом Филаретом. Павел Сергеевич Строганов живо интересовался богословскими вопросами. В его личном архиве хранится анонимное письмо "О значении вселенских соборов", автором которого, возможно, является Филарет (письмо было опубликовано в одном из богословских журналов и датируется 1 мая 1856 года) [7, с. 250]. Это письмо-полемика, ответ на вопросы, которые Павел Сергеевич мог задавать митрополиту в устной беседе, начинается словами: "Вы изъявили желание, любезный граф, узнать мое мнение о вселенских соборах...". Благодаря документам личного архива Павла Сергеевича, известно, что в журнал "Христианское чтение" была отправлена его статья, и редакция журнала уведомляла графа, что она не останется без внимания. В свою очередь, редакция ожидала его замечаний на посланную ему статью "Новый римский догмат о зачатии Девы Марии без первородного греха".

Наконец, известно, что Павел Сергеевич тесно общался и очень симпатизировал А. Н. Муравьеву – известному церковному деятелю и религиозному писателю. Он служил при обер-прокуроре Синода, критиковал синодальный бюрократизм, поддерживал восстановление патриаршества и был, по словам С. Д. Шереметева, "своеобразной и замечательной личностью". В архиве Павла Сергеевича хранится письмо от А. Муравьева, датированное 5 января 1865 года "о богослужении в сочельник" [7, с. 250]. Тон и содержание письма говорят о том, что граф Строганов серьезно интересовался церковной службой и не только воспринимал ее внешнюю красоту, но и желал постичь глубокий смысл богослужения. Драгоценный складень был не только семейным пожертвованием четы Строгановых, но и выражением личного внимания и глубокого уважения графа и его супруги к древней Лавре, ее главе митрополиту Филарету. Это свидетельство искреннего интереса к вопросам православной веры, которая в семье Строгановых имела значение духовной опоры и мерила жизненных ценностей.

В начале 60-х гг., когда граф находился в Петербурге, он устраивал новый дом на Сергиевской улице и, путешествуя по Франции и Италии, покупал художественные предметы для своих коллекций. П.С. Строганов приобретает, как и все представители семейства, славу знатока искусства. Его успехи в коллекционировании были отмечены в сентябре 1861 г. дипломом Императорской академии художеств: "Вла-

стью ей от самодержца данной Академия художеств признает и почитает графа П. С. Строганова своим почетным членом" [14].

Свои сокровища граф размещал не только в Петербурге, но и в тамбовском имении Знаменское-Кариан. Там собирается особая картинная галерея. Именно там, в тамбовской усадьбе, хранился портрет Павла Сергеевича работы К. Брюллова, который в наши дни находится в собрании Тамбовского Художественного музея. Сама усадьба была любима супругами и к концу XIX века превратилась в первоклассно устроенное хозяйство. Большую часть лета Анна Дмитриевна и Павел Сергеевич проводили в Тамбовском имении. Оно включало обширные земельные угодья, где выращивали рожь и пшеницу, скотную ферму, конный завод, фруктовые сады. На выставке в 1889 году хозяйство получило большую бронзовую медаль за семена от Императорского вольного экономического общества" [3, с. 3-12].

В Тамбовском краеведческом музее сохранились уникальные фотографии рубежа XIX-XX века, где можно увидеть усадебный дом (он частично сохранился), самих владельцев имения, их гостей и прислугу. По некоторым фото можно судить об увлечениях хозяев и их образе жизни "в деревнях". Там редко устраивались пышные приемы, главным удовольствием и развлечением хозяев была забота об имении и его благоустройстве. На приемах у Строгановых (они усаивались на веранде с пальмами) бывал тамбовский губернатор с супругой и родственники, семейный врач и управляющий имением. Анна Дмитриевна много времени проводила за вышивкой в своем кабинете, а любимым развлечением хозяйки были ежедневные утренние прогулки в лес на ослике.

Глубокий интерес к православию, благотворительность, интерес к истокам русской культуры можно признать семейными чертами Строгановых. Большое внимание Павел Сергеевич уделял благотворительности. На средства владельца имения содержалась аптека и приемный покой с доктором и фельдшером. Как почетный блюститель Тамбовского женского епархиального училища, Строганов неоднократно выделял крупные средства на его обустройство и построил бесплатную больницу при училище, пожертвовав 20000 рублей [11, с. 43-44].

В XIX в. благотворительность стала делом престижа и признаком хорошего тона. В императорской России существовала система поощрения благотворительных поступков. Павел Сергеевич был награжден за заслуги в ревностном

попечении Тамбовского епархиального училища в апреле 1890 года орденом св. Станислава 1-ой степени.

В Петербурге благотворительная деятельность Строгановых сосредоточилась в Сергиевском православном братстве, целью которого была помощь бедным и воспитание детей-сирот. Ежегодно чета Строгановых передавала в приют при Сергиевском братстве около 900 рублей [11, с. 75-76].

Щедрая благотворительность Строгановых и материальная поддержка молодых художников (именные денежные премии для победителей художественного конкурса) соответствовали настроению русского общества того времени и мировоззрению самого Павла Сергеевича. Вероятно, он знал, как ценил благотворительность его духовный наставник – митрополит Филарет. Однажды на вопрос одного филантропа, как обрести вечную жизнь, митрополит ответил: "Платком своим утри слезы вдов беззащитных, к сердцу прими воздыхания сирот безродных" [4, с. 243].

На протяжении всей своей жизни к графу П. С. Строганову благоволила императорская семья, хотя он уделял государственным делам меньше времени, чем его знаменитый отец. Придворные должности и ордена ему жаловали три последних российских императора. Первый орден, св. Станислава, Павел Сергеевич получил указом Александра II "в воздаяние усердной службы" в 1856 году, а в апреле 1862 года пожалован кавалером ордена святой Анны 2-ой степени. В дальнейшем граф награждался орденами св. Владимира, Белого орла и коронационными медалями для ношения в петлице на Андреевской ленте. Император Александр II удостоил графа Строганова звания камергера Двора, в 1874 году он возвел его в должность гофмейстера. Александр III подтвердил это назначение, а в 1894 году пожаловал Павла Сергеевича в обер-шенки [14] – придворный чин 2-го класса, который давали очень редко. За весь XVIII век насчитывалось 5 обер-шенков, а к 1915 году один человек.

Анна Дмитриевна Строганова, еще будучи Бутурлиной, имела звание фрейлины Двора, позднее статс-дамы. В 1888 году она получила высшее придворное звание для дам – стала обер-гофмейстериной (обер-гофмейстерина заведовала придворным дамским штатом и канцелярией императрицы). Назначение Анны Дмитриевны на столь высокую должность всколыхнуло столицу, об этом событии много говорили. Как писал в своем дневнике гос. секретарь А. А. Половцев: "Город занят назначением обер-

гофмейстериной Строгановой. Она и ее муж Павел Сергеевич очень скромные и пользующиеся уважением люди, уже около 10-ти лет удалившиеся от света и уединенно живущие в своем роскошном доме на углу Сергиевской и Моховой, ими построенном. Одни говорят, что сама императрица возымела мысль о подобном назначении, другие утверждают, что и этому не чужд П. Победоносцев" [5, с. 194]. Высокие придворные звания позволяли чете Строгановых регулярно появляться при Дворе. Они часто бывали в Гатчине на приемах во дворце в правление Александра III. Так в 1890 году по случаю назначения цесаревича Николая членом Государственного совета в Арсенальном зале был дан завтрак за круглыми столами на 10 персон, на которых присутствовало, по словам Половцева, много знатных дам, в том числе гофмейстерина А. Д. Строганова.

Люди, знавшие супругов, отмечали их сдержанность и некоторую холодность в общении, которую считали семейной чертой Строгановых. По складу характера Павел Сергеевич и Анна Дмитриевна не были светскими людьми, они жили достаточно уединенно и принимали только самых близких друзей, хотя всегда очень ценили внимание со стороны императорской семьи. У Строгановых были свои почитатели и свои противники. С. Д. Шереметев писал о них в мемуарах: "На углу Сергиевской в красивом доме среди артистической обстановки жила чета Строгановых. Жили они особняком в тесном кругу, любили искусство и редко показывались в свете. Хозяин – человек добродушный и добрый, хозяйка держалась сдержанно и не отличалась общительностью. Постоянное опасение уронить свое достоинство необыкновенно утомительно" [18, с. 49].

В январе 1901 г. чета Строгановых отмечала 50-летие свадьбы. В домовый церкви Спаса Нерукотворного состоялось праздничное богослужение. На золотую свадьбу супруги получили в подарок икону-складень, в поднесении которой участвовали родственники семейства, кн. Щербатовы, гр. Толстые и другие представители петербургской аристократии. В архиве графа П. С. Строганова сохранились поздравитель-

ные телеграммы на юбилей от членов императорской семьи. Они свидетельствуют об искреннем уважении и симпатии августейшего двора к этой семейной паре. Это телеграмма от императора Николая II: "Ее величество и я приветствуем Вас и Вашего мужа с знаменательным днем пятидесятилетия Вашей свадьбы. Да пошлет Вам обоим Господь многие лета счастья и здоровья. Искренне сожалеем, что не смогли лично поздравить в этот день. Николай", а также поздравление от великого князя Михаила Александровича: "Сердечно поздравляю Вас и графиню с знаменательным днем, желаю на многие годы здоровья и счастья. Михаил" [14].

Граф Павел Сергеевич Строганов прожил долгую жизнь. Он умер в 1911 г., отпевали графа в домовый церкви Спаса Нерукотворного. На печальной церемонии присутствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна и ее августейшие дочери. "Петербургская газета" писала о Строганове: "Покойный граф считался владельцем одного из самых крупных состояний в России, занимал весьма видное место в высших придворных кругах, но не имел прямого влияния на ход государственных дел, сторонах политики и не принимал в ней никакого участия" [12, с. 125]. Э. Липгарт в своей статье, опубликованной в журнале "Старые годы" назвал Павла Сергеевича "одним из выдающихся русских коллекционеров". "Не могу не отметить, – писал Липгарт, – бесконечной красоты этой тонкой и аристократической души, отблеск которой мы находим в его предсмертных распоряжениях" [8, с. 45]. По завещанию графа в собрание Эрмитажа были переданы картины ранних итальянских мастеров из его коллекции.

В наши дни личность Павла Сергеевича Строганова вызывает заслуженный интерес. Один из самых богатых людей своего времени, он находил нравственное удовольствие в благотворительности и покровительстве искусству. Драгоценный складень из собрания Оружейной палаты, связанный с его именем, позволяет открыть новые страницы в изучении фамилии Строгановых и жизни одного из представителей этого знатного рода – мецената и коллекционера графа Павла Сергеевича Строганова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ С СОКРАЩЕНИЯМИ

1. Алеппский, П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в XVII веке [Текст]: Вып. III / П. Алеппский. – М., 1898.
2. Буслаев, Ф.И. Мои воспоминания [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1897.
3. Величко, П. Имение П.С. Строганова Знаменское-Кариан [Текст] / П. Величко.
4. Власов, П.В. Благотворительность и милосердие в России [Текст] / П.В. Власов. – М., 2001.
5. Дневник гос. секретаря А.А. Половцева [Текст]. – М., 2004.

6. Кузнецов, С.О. Собрание живописи дома Строгановых у Полицейского моста [Текст] / С.О. Кузнецов // Каталог выставки "Строгановы – коллекционеры и меценаты" в Гос. Эрмитаже, 2003.
7. Кузнецов, С.О. Строгановские fond/s d/or [Текст] / С.О. Кузнецов // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. – СПб., 2001.
8. Липгарт, Э. Дар графа П.С. Строганова Императорскому Эрмитажу [Текст] / Э. Липгарт // Старые годы. – 1912. – Апрель.
9. Манушкина, Т.Н. Вклады в Троице-Сергиев монастырь [Текст] / Т.Н. Манушкина // Троице-Сергиева Лавра и русские государи. – М., 2000.
10. Муравьева, Е.Н. Благотворительная деятельность П.С. Строганова в Петербурге [Текст] / Е.Н. Муравьева // Конференция посвященная итогам научно-исследовательской работы Русского музея за 1999 г. – СПб., 2001.
11. Муравьева, Е.Н. Благотворительная деятельность П.С. Строганова (по материалам тамбовской периодической печати) [Текст] / Е.Н. Муравьева // Герценовские чтения 2000 г. – СПб., 2000.
12. Муравьева, Е.Н. Граф П.С. Строганов – петербургский коллекционер и меценат [Текст] / Е.Н. Муравьева. – Клио, 2000.
13. ОРПГФ 1927 – 30 гг. Ф. 1, оп. 3, д. 19.
14. Российский государственный архив деловых актов. Ф. 1278, оп. 1, д. 211, 266 – 267.
15. Российский государственный архив деловых актов. Ф. 1204, оп. 1, ч. 6, д. 9798.
16. Строгановы – коллекционеры и меценаты [Текст] // Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, 2003.
17. Ткаченко, В.А. Некрополь Троице-Сергиевой Лавры конца XIV – XX вв. [Текст] / В.А. Ткаченко. (В печати).
18. Шереметев, С.Д. Мемуары [Текст] / С.Д. Шереметев. – М, 2001.

© Ю. Н. Уварова, 2009

Ч. В. Казаринова

ИКОНА "СВЯТОЙ НИФОНТ С ЖИТИЕМ", ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК "ПОВЕСТЬ О СВЯТОМ НИФОНТЕ" И ВРЕМЯ – "ВЕК ПОТЕРЯННОГО РАВНОВЕСИЯ" (ИКОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКА)

"Повесть о святом Нифонте" – сюжетная основа иконы

Икона "Святой Нифонт с житием" – один из раритетов коллекции иконописи Пермской художественной галереи. Датируется она концом XVII века, временем переломным и крайне сложным для России, ее духовной и культурной жизни, церковного искусства (ил.5,6,7).

Первое, на что обращается внимание – нео-

бычный выбор сюжета. Изображение святого Нифонта, епископа г. Констанции с острова Крит, встречается не часто, житийной иконе пермского собрания аналогов пока не обнаружено¹. По мнению известного исследователя Н. Костомарова, "Повесть о Нифонте" известна на Руси с XIII века, возможно, это старинный перевод с греческого² [10, с. 263-292].

В Повести рассказывается о Нифонте, кото-

рый происходил из семьи знаменитого человека Агапита, жившего в Плагиионе (северная часть Малой Азии). Нифонт стал вести праздную жизнь, ходил на скоморошьи увеселения, "утопал в скверных делах". Через истинное покаяние из "сосуда греха" он стал "сосудом святого духа". Нифонт оставил свою греховную жизнь, удалился от мира и стал иноком. Нифонт, не переставая, трудился, умерщвляя плоть и поработавшая ее духу. Во время молитвы бес являлся ему то в виде прыгающей птицы, то черной собаки, чтобы его испугать. Когда он чувствовал голод, бес приносил ему рыбной и мясной пищи, вкусных кушаний. Нифонт отказывался: "Пища не приблизит нас к Богу". Когда дьявол наводил на Нифонта сон, подвижник брал палку и бил себя; если чувствовал плотское вождление, то неделю не брал в рот хлеба и т.д. Дьявол не выдержал: "Ты победил меня, Нифонт". Тогда Бог решил испытать Нифонта, повредив его рассудок. Это продолжалось четыре года. Дьявол призывал отказаться от Христа, но Нифонт был тверд, он боролся с бесом, принуждая себя к молитве. И на Нифонта сошла благодать Божия.

Нифонт постоянно беседует "о пользе души" и вспоминает некоего Василия – "художеством певец, нравом зол, сквернитель, строптив и скоморох, погубляя все время свое в играх и грехах плотских нечистых". Блаженный видел беса, который вязал всех, кто вместе с "сопельниками" плясал и пел и "удицами за сердце их оцепивши влекли" к себе.

Литературный памятник и его актуальность в XVII веке

Повесть о Нифонте не входила в круг церковных сочинений, но бытовала в народном чтении. В изданиях апокрифических книг нередко помещалась и она. Некоторые места повести настолько ярки и образны, что с различными изменениями вошли во многие сборники последующего времени, принадлежали к чтению, любимому народом, и были достаточно широко распространены. Особое значение имеют те страницы повести, в которых раскрываются видения бесов, побуждавших людей к светским удовольствиям, играм и песням. В Повести описывается, как бес украл из кармана скомороха монету и понес ее к сатане. Эти страницы вошли во многие рукописные и печатные сборники под названием "Слово Нифонта о русалиях". О популярности этих отрывков говорит и рукописный сборник "Измарагд" второй половины XVII века, принадлежавший некогда мещанину г. Чердыни³ Пермской губернии. Подобный эпизод имеется и в другом популярном издании – "Златоуст".

И. Костомаров пишет о распространении литературного "Жития" в XVI веке, оно вышло отдельным изданием. В сокращении Дмитрия Ростовского житие имеется в Четких минеях. Повесть о Нифонте своей назидательностью, вероучительством стала актуальной в переломном XVII веке и имела определенное влияние на сложение народных представлений, верований, убеждений. Не случайно она и стала сюжетом для иконы. Икона представляет наглядную параллель "Повести о святом Нифонте".

Дидактический, нравоучительный сюжет и влияние церкви на духовную жизнь

Иконописец делает упор на борьбу Нифонта с бесами и со скоморохами, которые суть переодетые дьяволы, вот почему они с бесовскими черными крыльями. На нижнем поле иконы помещена надпись – своеобразный манифест: "Проклять тотъ человекъ иже оставитъ церковь Божию ипойдетъ кскомрахомаъ тако истъ игра бесовска отсамого сатаны акто христиане даеъ скомрахомаъ темъ имена написующе беси ксатане посылаху глаголюще иже христиане причасницы твои иснами будутъ вовеки мучитися".

В среднике изображен святой Нифонт Кипрский в монашеской одежде. В левой руке его – церковь Божия и свиток с текстом "Проклять тотъ человекъ...", повторяющим текст на поле иконы. Для житийной иконы это традиционно. В 8 клеймах изображены сцены жития святого и его духовные подвиги:

1. Нифонт в учении и молитвах, честно хранивший заповеди;
2. Нифонт с двумя ангелами проповедует о происках дьявола;
3. Нифонт призывает войти в лоно церкви;
4. Испытание Нифонта дьяволом, но тот взял веревку и избил бесов: Нифонт попирает дьявола как траву и тростник и помогает ему ангел с орудиями страстей Христовых;
5. "Умысли сатана како отвратити христиан от церкви...". Проповедь против скоморохов-переодетых дьяволов, которые пришли к людям смущать их: они бьют в барабаны, в козицы играют, а люди им потворствуют;
6. Люди, не слышавшие Нифонта, попадают к бесам. Нифонт скорбит о том, что черти хватают христиан, отрекшихся от церкви и пришедших к скоморохам, удицами их зацепивши, тянут к себе;
7. Нифонт пришел в церковь и "плакашися и вопрошали его от печали, он же отвечал: слышите, братия, вы любите игру бесовскую, поэтому попадете прямо к бесам в ад";
8. Последнее наставление Нифонта – "к

скомрахомъ не ходити" и смерть Нифонта.

Каждое из клейм имеет обширные надписи, полустертые и плохо читаемые, близкие следующим текстам "Повести о святом Нифонте" и "Слову Нифонта о русалиях".

В отличие от многих житийных икон здесь нравоучительная, вероучительная функция преобладает. Именно те места повести и отражаются в клеймах иконы. Автор избегает изображений Нифонта "во грехе". Его же "учительству" посвящены пять из восьми клейм. Три из них – борьба с бесами и скоморохами, которые и есть переодетые бесы. Икона – своеобразное противостояние духовных сил и демонических. Автор ратует за чистоту духовного бытия.

Можно предположить, что вероучительная икона "Святой Нифонт с житием" не предназначалась для молитвы. Да и грозная подпись на поле иконы "проклят тот человек..." скорее способствовала научению, просвещению, понятию греховности игр, танцев, светской музыки и других мирских светских развлечений. Церковный взгляд на музыку и танцы как на грех сохранялся вплоть до конца XIX века. Не случайно в "Памятной книжке", составленной для духовенства пермским священником и историком Я. Шестаковым в 1896 г., в исповедальнике есть вопрос: "Не плясал ли? Не пел ли худые песни?".

"Вместо радости духовной..."

Время создания иконы, по образному выражению протоиерея Г. Флоровского, – "век потерянного равновесия". Он начался смутой и закончился петровской ломкой. Кризис государственный, династический, социальный сопровождался народными бунтами.

Вторая половина XVII века характеризуется целым рядом восстаний: "псковский бунт" 1641 г., большая "Московская смута" 1648 г., "медный бунт" 1662 г., башкирский бунт 1662 – 1665 гг., донское восстание 1666 г., движение С. Разина 1660-х гг. С 1650 г. – старообрядческое движение, раскол русского общества, а с 1690-х гг. – стрелецкое движение.

Все это не могло не наложить отпечаток и на духовную, и на нравственную жизнь русского общества. Новые веяния ярче проявлялись в среде городского населения. Именно в городах увеличивается число людей, которых перестали удовлетворять однообразные долгие церковные службы, нормы поведения, установленные церковью. Церковь, в свою очередь, пыталась удерживать свои позиции во всех сферах жизни. Церковный раскол последней трети XVII века выявил несовпадение политических интересов церкви и царской власти. Назрели пере-

мены, которые бы усилили идеологическое влияние церкви, но она оказалась неспособной осуществить какие-либо перемены. Как результат – рост религиозного индифферентизма. Многие указы и грамоты этого времени отмечают, что миряне пропускают службы, бесчинствуют, "ходят через всю церковь невозбранно со всяким безстрашием и нечистою...", "в церквях великая смута и мятеж, иногда дерутся в церквях и бранятся...". И даже дети попов "во время святой службы в олтаре бесчинствуют" [4, с. 169]. Нижегородские попы жалуются государю, что люди "вместо радости духовной, и возделание творят радости бесовской, многими ...еллинскими и бесовскими играми дни сие проводят" [4, с. 170]. Иными словами, документы отражают некоторое падение влияния церкви на народные массы. "Нестроения" коснулись и самой церковной жизни, а церковная власть была неспособна, в частности, унифицировать богословскую систему и церковно-обрядовую практику. Неудовлетворенность службами и обрядами способствовала росту влияния на духовную жизнь древних народных обрядов, скоморошества, развлечений, которые церковь объявляла несовместимыми с православной верой. На почве духовного индифферентизма рождались духовные поиски, которые выражались в различного рода ересьях.

Западные влияния, новации и традиции в стилистике иконы "Святой Нифонт.."

Нестабильность, смута и кризис ускорили процесс европеизации русской культуры по всем направлениям. Усиливается влияние западной культуры на духовную жизнь русского народа, особенно во второй половине XVII века. На Русь широкой волной хлынули произведения западного религиозного искусства, копии, прориси и гравюры с западных оригиналов. Русские мастера используют всю "новину", иногда заимствуют целые композиции. Большой популярностью пользовалась Библия Пискаatora, изданная в 1650 г. в Амстердаме. Особенно влияние западного искусства шло через Оружейную палату, где работали вместе с отечественными мастерами и итальянские, голландские, польские живописцы. Все новшества приводили к болезненному разрыву с традицией. Искусство традиционное, православное из столицы отодвигается в провинциальные центры. Разрыв с традицией неслучайно "расцерковленная" культура западного типа и "расцерковленное" искусство.

Все противоречия времени: нестабильность церкви, утрата влияния на народную жизнь и стремление удержать это влияние, расцерков-

ление искусства и требование следовать традициям – вместил в себя памятник XVII века – икона "Святой Нифонт с житием".

Автор иконы – сын своего противоречивого века, в его творении совместились традиции и новшества – западные влияния, которые пришли в церковное искусство, и не могли не повлиять и на иконописца.

Кажется, что икона "впустила" в свое пространство мирскую жизнь, мирские заботы, и социальный опыт художника, соединенный с его верой. В искусстве XVII века, по точному замечанию исследователя древнерусского искусства Г. Филимонова, не осталось незатронутой ни одной более или менее выдающейся идеи поэтического мировоззрения христианства, ни одного церковного песнопения, ни одного псалма без попытки переложить в лица, без олицетворения в живописи [21, с. 131].

Сюжет иконы – нетрадиционный. Он потребовал наполнить иконописное пространство не только святыми, но изобразить простых мирян, с которыми беседует, которых наставляет святой Нифонт.

Иконография – также нетрадиционная, достаточно свободная, плод авторского сочинения на тему литературного текста. К этому добавляется виденное в западных гравюрах и переведенное на понятный иконописцу привычный язык иконописи. Западные влияния подчинены языку иконописи. Так изображена архитектура, представляющая слияние архитектурных форм западных гравюр с отечественными архитектурными формами. Нифонт в среднике предстоит, как в традиционных житийных иконах. В остальных клеймах он почти нигде не является центром композиций: он где-то в стороне, видит, смотрит, ведет проповеди. В 7 он плачется, в 8 его усение и наказ – не ходить к скоморохам. Скорее бессилие Нифонта противостоять скоморохам и их играм. Зато надпись как итог, как смысл, как идея всего изображения – запретительный манифест.

В изображении сюжетных композиций в клеймах происходит постоянное смешение прямой и обратной перспектив. В некоторых событиях происходят не в условно обозначенном пространстве, а явно – на пригорке, на улице, вне здания, у церкви. В изображении престола использована обратная перспектива, в последнем, смертном ложе написано в прямой перспективе. Некоторые детали иконного изображения сопоставимы с жизненными реалиями: архитектура, земля не с условными иконными горками, а деревьями, напоминающими реальные, как в

гравюрах, и травами. Изображение пространства "разомкнуто", как в гравюрах, и может быть продолженным вправо и влево. Это уже противоречит иконному пространству.

Особенно явно прослеживается знание западной гравюры, где изображены скоморохи. На первом плане смехотворцы "взяты" более крупным планом, второй и третий планы – с перспективным сокращением. В одних частях язык иконы переложен на реалии действительности, в других фрагментах жизненные реалии выражены в традиционно иконных формах.

Черты иноземных влияний сказываются в изображении костюмов скоморохов. Их одежда представляет сложное соединение русских и иноземных форм и деталей. Русская шапочка – невысокая, отороченная мехом. В какой-то мере костюмы их напоминают одежду русских крестьян – короткая рубашка с длинными рукавами. Поверх рубашки – кафтан с короткими рукавами, круглым вырезом вокруг шеи. На некоторых вместо кафтанов надеты подобия кольчуги с затейливым орнаментом, плащи. Нечто похожее – в иконах строгановских писем на воинах. Узкие обтягивающие чулки – наряд иноземный. Его носили в Западной Европе в XIV, XV вв. Изображает этот наряд иконописец довольно вольно, иногда пририсовывая к нему русские обмотки. Чертами иноземства отмечены и изображения музыкальных инструментов. В центре слева – скоморох, играющий на барабане. Н. Финдейзен относит появление барабана в России к XVII веку. Вначале этот инструмент появился в войсковых частях, затем в придворных оркестрах. От скоморохов барабаны перешли в народный быт [22]. У музыканта в центре – ручная арфа, у скомороха справа от него – волынка. По краям у "веселых" слева – разновидность горна, справа – инструмент типа крумгорна. Первые три инструмента нарисованы довольно точно, возможно, скопированы с каких-то образцов, два последних – скорее домысел художника: у первого инструмента – неверный поворот раструба, у левого – совершенно неправдоподобное число и расположение игровых отверстий на стволе, при которых игра практически невозможна. За скоморохами – миряне, которые им "потворствуют": слушают, смотрят, "руками плещут". На втором плане слева – часть церкви и Нифонт, уходящий от "игр прелестников".

Клеймо с изображением скоморохов в иконе – самое яркое; много красного, праздничного цвета. В какой-то мере "дух" народной праздничности, который, вероятно, сопутствовал ско-

морозным игрищам, прорывается сквозь назидательную и вероучительную суть иконописного изображения. Икона "Святой Нифонт..." находится в многочисленном ряду памятников назидательно-дидактического характера, которые создавались в это время мастерами Оружейной палаты, ярославскими иконописцами и др.

Таким образом, двойственные тенденции: старое и новое, иконописные традиции и западные влияния, борьба греховного и духовного – сосуществуют в памятнике и доносят живое дыхание времени.

Скоморохи и отношение к ним официальной церкви и народа

Имя святого Нифонта вошло в литературные тексты и в иконное изображение в связи с борьбой со скоморохами. Памятники литературы и документальные источники называют их "прелестниками", глумотворцами, смехотворцами, весельниками, прелестниками, "людьми веселыми", плясунами. Скомороха-музыканта, в зависимости от профессионального умения называли "дудец", "плясец", "органник", "сопельник", "гусельник", "скрыпочник" и т. д.

По мнению многих ученых, а одним из первых этот взгляд на скоморохов высказал И. Барщевский [2, с. 3-4], скоморохи – представители древних народных языческих культов. Языческие обряды сопровождались музыкой, плясками. Музыка у славян всегда пользовалась любовью. После принятия христианства, служители языческих обрядов стали ненужными. Они сделали песни, пляски, музыку своей профессией. Они вносили в народную среду развлечения и смех, но "как знатоки древне народных культов, оставшихся еще с языческих времен, их обрядовой стороны, их песен под музыку и их символических игр имели значение народных наставников" [2, с. 3-4].

"Смехотворцы, глумотворцы и органники" заменяли русскому крестьянину на протяжении ряда веков и театр, и музыку, и литературу.

Отношение к ним на протяжении веков было двойственным. С одной стороны – наказание "Страшным судом", другое отношение отражают народные пословицы: "что за свадьба без скомороха", "скоморохова пляска всегда весела". Поучение – "Не люби игры да не обрящешься с бесовскими слугами". Слова из былины: "Ай да мала скоморошина! За игру твою за великую, за утехи твои за нежные без мерушки наливай зелено вино, без расчета получай золоту казну!" [19, с. 136].

"Умысли сатана, яко отврати людей от церкви и собрал бесы преобрази в человеки... и

все бяху в бубны, друзии в козицы и в свирели... Мнози же оставиши церковь и на позоры бесов течаху" – можно прочесть в полустертой надписи на иконе "Святой Нифонт". В былине "Вавило-скоморох" главный герой – олицетворение доброго начала. От игры скомороха сгорело царство царя Собака, "сгорело в краю до краю" Скоморохов былина называет людьми "не простыми, а святыми".

Двойственность отношения всегда сопутствовала скоморохам, отражая отношение к ним официальной церкви и народа. Неприятие их церковью было связано, прежде всего, с языческими корнями скоморошества. Несмотря на многовековое существование христианства в сознании народа, и в XXI веке живы элементы религиозного дохристианского сознания. "Новое не вытесняет старое, а наслаивается на него, добавляется к старому. Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но они остаются ощутимы почти до наших дней", – писал академик Б. А. Рыбаков [18, с. 4].

Увлечение скоморохами – один из пережитков языческих верований. Так в "Повести временных лет" есть слова: "Но этими и иными способами вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Когда же приходит время молитвы, мало людей оказывается в церкви. Поэтому и казни всяческие принимаем от бога" [15, с. 314].

Церковь всегда боролась с пережитками язычества, не принимая и народные обычаи: различные игрища, увеселения, т.к. они противостояли церковным. Не случайно и в грамотах 1648 г. подчеркивалось, что скоморохи отвлекают людей от церкви, а церкви пусты стоят. До половины XVI века скоморохи существовали легально. Они передвигались по стране, государство регулировало их передвижение, обозначив лишь запрещенные зоны для их пребывания. В XVII веке проповеди против скоморошества усиливаются, церковь требовала его искоренения. Церковный Собор 1551 г. предаст скоморохов проклятию. Гонения на скоморохов усиливаются, видимо, они становятся опасными и для правительства. И как итог этой борьбы – указ царя Алексея Михайловича 1648 года о запрещении скоморошества. Их велено было сослать "в Укравские городы за опалу", а инструменты сжечь. Но ушли скоморохи из народной жизни не ад-

министративным путем. И после запретительно-го указа, в документальных источниках встречаются упоминания о скоморохах.

**Скоморохи и народная обрядовость.
Скоморохи и народная смеховая культура**

По мнению многих исследователей, и в частности В. Я. Проппа, одна из сфер скоморохов – обряды, связанные с ритуальным смехом. Способность смеха вызывать жизнь – представления, которые идут еще с греко-египетских времен, о чем говорят древние трактаты о сотворении мира. Смех имел ритуальное, религиозное, совершенно особое значение. Так исследователь смеховой культуры Х. Узенер считал, что смех освобождает от горя, другой автор, С. Рейнак, считал смех "жизнедателем". Смех играл огромную роль при совершении различных языческих обрядов, смехом заклинали смерть [16, с. 220-224]. Народные русские обряды: семик, святки, масленица – сопровождалась различными потехами и увеселениями.

В христианстве понимание смеха претерпевает изменения. Смеется смерть, дьявол, хохочут русалки. Смех – примета беса. Народные пословицы запечатлели эти представления: "Смехи да хахи введут во грехи", "Где грех, там и смех", "В чем живет смех, в том и грех" и др. Христианское божество никогда не смеется. Веселости земных удовольствий, пороков и страстей противопоставлялась жизнь, угодная божеству, исполненная самоотречения, горя, сокрушения. Жизнь, примером которой служит житие аскета, праведника святого Нифонта, – это исполненное восхождению к духу.

Исследуя народную смеховую культуру средневековья, М. М. Бахтин замечал, что смеховые формы создавали "подчеркнуто неофициальный, внецерковный и в негосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений" [3, с. 8]. На игрищах человек освобождался не только от повседневной жизни, но он забывал и бога, и царя, и все, что внушала церковь. Возможно, отсюда еще одна причина непримиримости официальной церкви к народным празднествам.

**Народная демонология как факт двоеверия.
Борьба церкви с бесовством как отражение борьбы с ересями**

Веселье и смех – "игра от самого сатаны" – поучает автор "Повести о святом Нифонте", а вслед за ним и иконописец. В трех клеймах из восьми изображены бесы. Во втором – Нифонт проповедует о том, что слабые духом попадают в логово к бесам, и в подтверждение – над людьми, которые слушают аскета и праведника,

изображение беса с сетью. В четвертом клейме Нифонт лупит веревкой искушающих его дьяволов. В пятом – святой видит, как тех, кто ходил к скоморохам, дьяволы крючьями цепляют и тянут к себе. Бесы изображены антропоморфно, в облике полчеловека, полуживотного. Головы их вытянуты, у некоторых на головах растрепанные, стоящие торчком волосы, что является характерным для особей "нечистой силы", за спинами – черные крылья, небольшой хвост и гусиные пятки. Такой образ "нечистой силы" преобладает в книжном (городском, литературном) представлении. От функции ее зависит и образ, так как демонология относится к духовной стороне народной культуры. Вспомним, что скоморохи, по церковному представлению, – это слуги дьявола. Народная демонология – один из факторов так называемого двоеверия, т.е. симбиоза, сосуществования христианства и язычества, и своеобразная база такого двоеверия. В православии говорится о существовании дьявола как некоего злого начала, противоположного доброму началу, божественному. На смену ранним славянским религиозным представлениям, по которым языческие демоны населяли твердь небесную и земную, пришло новое, христианское, по которому небо принадлежало "силам небесным", а демоны языческие превратились в силу нечистую [20, с. 291, 304, 309].

"Пласты" языческих элементов в сознании, культуре "просвечивают" сквозь идеологию официальной церкви. В иконе эти моменты проявляются наглядно.

Изображение скоморохов в древнерусском искусстве

Скоморохи как наследники языческих культов церковью всегда преследовались. В древнерусском искусстве произведений с изображением скоморохов немного. Во-первых, это фрески Киевской Софии, в которых изображены музыканты, плясуны, шуты и фокусники. У музыкантов видны трубы, сопели, арфа, гитара, сурмы и тарелки. Однако Д.С. Лихачев считает, что это не русские скоморохи, а изображение увеселений императорского двора в Константинополе [13, с. 462-466]. Уникальное изображение скомороха в древнерусской монументальной живописи обнаружено в 1925 г. на стене Успенской церкви села Мелетово (под Псковом), расписанной в 1465 году. Сюжет Мелетовской фрески нравоучительный и восходит к повести о скоморохе⁴, публично издевавшимся над Богородицею, за что был ею наказан отсечением рук и ног. Затем скоморох раскаялся,

получил исцеление и был удостоен высшей благодати. Исследователь Л. В. Бетин полагает, что композиция поучала скоморохов, направляла их в русло христианского учения [5, с. 333]. Очевидно, и в XV веке скоморохи отличались вольнодумством и представляли опасность для церкви. По крайней мере, скоморох, хулящий Богоматерь и жестоко наказанный, – факт примечательный.

Изображения гуслей, гусяров, игроков, плясунов и скоморохов впервые появляются в рисовке инициалов рукописных книг. Иногда художник (переписчик) искусно вплетает в заглавную буквицу текста стилизованного скомороха в шутовском наряде с бубенчиками, гудком или гусями [17, с. 87, 93]. В иконе изображение скоморохов беспрецедентно. Хотя следует отметить, что в иконах "Страшный суд" изображали муки плясунов, скоморохов, повешенных под адским пламенем за пуп или лежащих на гвоздях, или чертей-трубачей, дующих огонь в уши грешников, любящих слушать музыку. Правда, встречается упоминание о том, что на Севере существовала икона святого скомороха [14], может быть, своеобразным отражением былины "Вавило-скоморох" или народных представлений о скоморохах, как о людях не простых, а святых. Исследователям же эта икона неизвестна. И естественно, больше всего изображений скоморохов находим в народных лубочных картинках. В отличие от народных картинок с изображением скомороха, в иконе праздничность угадывается в ярких костюмах игроков. Если в народной картинке смысл ее и значение проявляются только вместе с текстом, то в иконе тексты с устрашающим проклятием совсем не соотносятся с изображением смехотворцев. Скорее входит в противоречие с надписью "Проклят тот человек...". Тема надписи и жития Нифонта не развертывается в изображении, существуют параллельно.

Икона пермского собрания как отражение последнего этапа скоморошьяго бытия

В иконе пермского собрания сюжет подсказан, с одной стороны, борьбой с ересями, западным обездуховлением, а с другой стороны – историческими событиями времени – обострением борьбы со скоморошеством, как явлением, во второй половине XVII века⁵. В иконе, возможно, запечатлен один из последних этапов скоморошества, и не случайно эта икона появилась в Пермском Прикамье.

Как уже отмечалось, указ царя Алексея Михайловича 1648 года упразднил скоморошество и предписывал выслать "в украины города за

опалу" представителей этого искусства. Сибирь, Урал, Север – места их последнего пребывания. Вслед за государевым указом, который был разослан во многие города, в 1649 г. на Урале появляется документ, почти дословно повторяющий указ: "Память Верхотурского воеводы Всеволожского прикащику Ирбитской слободы Григорию Барыбину. Ведомо де что в Сибири, в Тобольску и в иных Сибирских городах... умножилось в людях во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми... многие люди... тем прелестникам скоморохам последуют, на бесчинное их прельщение сходятся по вечерам на позорища, и на улицах, и на полях богомерзких их и скверных песней всяких бесовских игр слушают... сходятся многие люди мужского и женского полу по зорям и в ночи чародействуют, с солнычного схода первого дня луны смотрят и в громное громление на реках и в озерах купаются, чают себе от этого здравие и с серебра умываются, и медведи водят, и с собачками пляшут, и зернью, и карты и шахматы и лодыгами играют, и чинят безчинное скакание и плясание и поют бесовские песни... чтобы всех чинов люди... скоморохов с домрами и гусями и волынками и со всякими играми... в дом к себе не призывали..." Предписывалось участникам скоморошьяго забав наказывать кнутом. "А где объявятся домры и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные сосуды, и тебе б то велеть выимать их и, изломав, те бесовские игры велеть жечь..." – предписывал верхотурский воевода прикащику Ирбитской слободы [1, с. 124-126]. Не случайно грамота была послана в Ирбит, небольшой город, но с 1643 г. в Ирбите проходили ярмарки, которые стали главным местом закупки хлеба и других товаров, идущих в Сибирь. На ярмарки съезжалось множество разного люда, здесь, видимо, появлялись и скоморохи.

О том, что скоморохи на Урале и в Пермском Прикамье пребывали, находим много свидетельств. Показательна сказка "Куда глаза глядят", записанная уральским фольклористом В. П. Бирюковым: "Жил в одной деревне скоморох. Женился скоморох. Накопил семью... совсем плясать забыл" [12, с. 26]. В 1920-х гг. П. Богословский на берегах р. Вильвы записал обряд крестьянской свадьбы, а в Ольховском районе Курганской области записана песня – "Уточка моховая, где ты ночешь ночевала? – Подмостом, под мосточком, под крутым бережочком, шли прошли скоморошки, высекли по пруточку, сделали по гудочку: "Вы, гудки, не гудите,

уточку не будите" [6, с. 3-117].

В топонимике Прикамья встречается название улиц "Веселая", есть деревня Веселковая, жители которой отличаются склонностью к играм. Нередкая фамилия – Скомороховы. Народная игра "Скоморох" сохранялась в Соликамске, Лысьве, Новом Усолье и в XIX веке.

На Урале скоморохи появились, вероятно, еще в XVI веке. XVII век – время постепенного промышленного освоения уральских богатств, скапливания здесь значительного количества рабочей силы. Вслед за основной массой переселенцев-ремесленников из центральной части России, с Севера потянулись сюда и ватаги скоморохов, особенно после царского указа.

Пермская фольклорная традиция и скоморохи

Местный фольклор обогащали ссыльные скоморохи, воспетые во многих лирических, игровых и шуточных песнях Урала.

И. Крашениников приводит отрывок песни, записанной на Южном Урале, близкой быeline "Вавило-скоморох": "Скоморохи люди вежливые, господа они очестливые..." [11]. Возможно, песня "Сергей хорош" из Сборника Кирши Данилова – одна из импровизаций уральских скоморохов: "А живал Сергей на Уфе реке..." В 1928 г. П. Богословский убедительно доказал, что песня "Усы, удалые молодцы" из Сборника Кирши Данилова возникла на Урале, среди "Камской вольницы" [6, с. 3-117].

Пермская фольклорная традиция сохранила редчайшие произведения народной поэзии – скоморошины⁶. Обычно к скоморошинам относят пародии, песни о веселых происшествиях, юмористических поступках. Например, повествование о том, как зарезали необыкновенно большого быка и веселый скоморох сделал из бычьего пузыря музыкальный инструмент. В Прикамье записан местный вариант скоморошины: "Скоморох идет по улице,/ Скоморох идет по широкой./ Он и стучается, колотится,/ Ночевать спать просится:/ – Вы пустите/ скомороха ночевать,/ Вы пустите молодого постоять...".

Скоморошья забавы не отличались безобидностью. Нередко они провоцировали на бунт, разыгрывая фарс расправы с лихоимцами-обидчиками. Почва для недовольства рабочего населения и крестьянства была, так как и здесь шел процесс закрепощения.

XVII век – время волнений прикамского и уральского населения, связанных с общими выступлениями в это время и особенно после бунта под предводительством С. Разина. К местным бунтарям присоединялись и "гулящие люди". Архивные источники приводят свидетель-

ства "о разбойных действиях со стороны пришедших и местных людей". Неблагодарным было отношение и к служителям культа.

В Пермском Прикамье записаны такие скоморошины о монахах и попах: "Как во этой во келейке/ Что монах спасается,/ По три раза в день/ Напивается./ Как к обедне зазвонят,/ Вот идет чернец в кабак/ Свою рясу пропивать,/ Клобук закладывает"; "Дьякон из собора/ Напился кагора./ Стоит у забора/ Наклонительно,/ Наклонительно,/ Наклонительно!"; "Мы, попы, народ/ Колпачили, мы колпачили,/ Дурачили мы крестами/ И иконами, мы постами и/ Поклонами/ Поясными и коленными/ И останками нетленными".

Как призыв к расправе звучат слова другой скоморошины: "Мужик Вавила идет,/ Он дубину несет,/ Большую дубину/ На поповскую спину" [9, с. 13].

К вопросу об авторстве и заказчике иконы

Икона "Святой Нифонт с житием" с уникальным сюжетом связана происхождением и бытованием с Пермским Прикамьем. Литературный памятник, легший в сюжетную основу иконы, был распространен в народном чтении повсеместно.

Но только в Прикамье появился иконописный аналог популярной литературной повести, своего рода церковный манифест с проклятием скоморохов, их греховных бесовских игр. Тексты-подписи к иконе и изображение скоморохов-переодетых бесов должны были, вслед за царскими грамотами и указами, укрепить людей "в твердости", чтобы они "скоморохов з домрами, и гусями... в дом к себе не призывали" и "скверных песен не пели, и сами не плясали, и в ладоши не били...". Для скоморохов же и их хлопотного искусства "украины города", в том числе и города Прикамья и Урала, явились последним прибежищем их беспокойного ремесла. Икона вбирает в себя мирские заботы, и жизненный опыт и фантазию автора. Рамки чисто религиозного искусства раздвинуты, вмещающая события современности.

Икона со столь необычным сюжетом происходит из Воскресенской Рождественской церкви г. Соликамска, одного из древнейших городов Пермского Прикамья⁷.

Мы, скорее всего, никогда не узнаем ни имени заказчика иконы, ни имени мастера. Во всяком случае, нам неизвестно имя иконника второй половины XVII века, который работал бы в Соликамске или другом древнем городе Пермского Прикамья и который бы мог написать икону такого качества. Но Соликамск в те времена

был крупным экономическим и административным центром, важным транзитным и перевалочным пунктом на пути в Сибирь. К началу XVIII века Соликамск был настоящей "солеварней" России, давал более половины всей реализуемой в стране соли и, естественно, многими нитями был связан с центральной Россией, помимо экономических связей, культурными. Специальный царский указ повелевал посылать в различные отдаленные города "добрых иконописцев" для развития местного иконописного дела. Родом из Соликамска один из замечательных мастеров Оружейной палаты – Федор Зубов (1610/1615 – 1689). Отец его, Евтихий Зубов, был дьяконом Стефановской церкви. Возможно, он сам писал иконы, что было нередким явлением среди служителей церкви. Два его сына Федор и Осип стали иконописцами. Федор стал известным иконописцем, работал в Устюге Великом, а с 1662 года – в Оружейной палате Московского Кремля. Он не терял корней с родиной, свои иконы часто подписывал "иконописец Усоля Камского" или просто – "Усолец".

Икона могла быть заказана мастерам Оружейной палаты, где были объединены "добрые иконники" из Ярославля, Костромы и других городов. Гипотетически, в последние годы жизни, икону мог написать Федор Зубов. Но письмо Зубова более тонкое, изящное, нежели у автора иконы "Святой Нифонт". Однако необычный сюжет иконы, письмо "не по переводу", нетрадиционная иконография, иконографическое и композиционное решение выдают мастера искусного, образованного и начитанного, художника столичного, который, вслед за заказчиком, выступает духовным наставником и вероучителем в "век потерянного равновесия".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В каталогах древнерусского искусства ГТГ, просмотренных альбомах, доступных изданиях по русской иконе не встретилось житийной иконы, посвященной Святому Нифонту.
2. Костомаров считает, что рукописная повесть, написанная в XIII веке, хранилась в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры. Это произведение, по его мнению, из Ростово-Суздальской эпохи, времени книжной образованности. Неизвестно, была ли она переведена или только переписана. В Повести о Нифонте речь идет о времени Константина Великого, но, по мнению Костомарова, в повести имеется ряд неточностей. Упоминаются отцы церкви, которые жили позднее, в IV и V вв. Очевидно, что повесть сочинена позже и автором, который не твердо знал подробности церковной истории.
3. "Измарагд", рукописный сборник второй половины XVII века из собрания Пермского областного краеведческого музея, принадлежал ранее мещанину г. Чердыни и привезен экспедицией Губмузея в 1920-х гг. "Измарагд" – самый популярный сборник в старой России после "Златоуста". Он состоял из поучений, сказаний и притч главным образом византийских и русских авторов. Это материал для внецерковного чтения. Появился на Руси, возможно в XIV веке. В этот сборник включены "Слово Нифонта об искушении" и "Слово Нифонта о русалиях".
4. Повесть из древнерусского литературного сборника "Лимониса".
5. Наиболее полно и всесторонне история скоморошества проанализирована в кн. Белкина А.А. "Русские скоморохи" (М., Наука, 1975). В своем исследовании автор опирается на предыдущих авторов XIX – XX вв., приводит многочисленные научные версии о происхождении скоморошества, привлекает обширный документальный материал. Одно из последних исследований о скоморохах – кн. З.И. Власовой "Скоморохи и фольклор" (СПб, 2001).
6. Собирателем народной поэзии в Пермском Прикамье был И.И. Зырянов. В его записи и редакции в 1970 – 90-х гг. Пермское книжное издательство выпустило уникальный цикл, не имеющий аналогов – "Чердынская свадьба", "Прикамские посиделки", "Камская вольница", "Уральские хороводы", "Скоморошины".
7. Церковь стала известна с 1624 – 25 гг. Вначале – деревянная с отдельной при ней теплой церковью, которая называлась Софии-премудрости Слова Божия или Софийской и церковью Успения Пресвятой Богородицы. По отдельному при ней теплому храму стала называться церковью во имя Рождества Христова или Рождественской. Придел при ней – святой Параскевы. Неизвестны основатели церкви. Предположительно,

новгородцы. Они стали первыми появляться в Пермском Прикамье. По крайней мере, эти же названия храмов были в Новгороде. Но в то же время и в середине XIX века в этом церковном приходе встречаются фамилии Турунтаевых, Шемякиных, Черкасовых. Не от Московских ли князей Черкаских, Турунтая-Пронского, Шемякина произошли эти фамилии? См. Пермские губернские ведомости 1865 г. (№№ 28, 32, 41), 1866 г. (№ 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные археологическою комиссиею [Текст]: Т. IV. – СПб., 1842.
2. Барщевский, И. Несколько слов из истории искусства скоморохов [Текст] / Барщевский. – Ростов, 1914.
3. Бахтин, М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1990.
4. Белкин, А.А. Русские скоморохи [Текст] / А.А. Белкин. – М., 1975.
5. Бетин, Л.В. Композиция на тему повести об Анте скоморохе в росписи церкви Успения в с. Мелетове [Текст] / Л.В. Бетин // Византия. Южные славяне. Древняя Русь. Западная Европа. – М., 1973.
6. Богословский, П.С. Песни об Усах из сборника Кириши Данилова и Камская вольница [Текст] / П.С. Богословский // Пермский краеведческий сборник. Вып. IV. – Пермь, 1928.
7. Дмитрий Ростовский. Жития святых [Текст]: Т. 2. // Собр. старопечатных книг Пермской художественной галереи. – Киев: Типогр. Печерской Лавры, 1695.
8. Златоуст. Слово на память всех святых како достоин надо почитать [Текст] // Собр. старопечатных и рукописных книг Пермской художественной галереи. – Виленская типогр., 1798 г.
9. Зырянов, И.И. Скоморошины [Текст] / И.И. Зырянов. – Пермь, 1983.
10. Костомаров, Н. Исторические монографии и исследования [Текст]: Т. 1. / Н. Костомаров. – СПб., 1872.
11. Крашеников, И. Хороводные и плясовые песни казачьего поселка Сосновка Челябинского района [Текст] / И. Крашеников // Этнографическое обозрение. – М. – 1904. – Кн. XXI. – № 2.
12. Курочкин, Ю. Из театрального прошлого Урала [Текст] / Ю. Курочкин. – Свердловск, 1957.
13. Лихачев, Д.С. Древнейшее русское изображение скомороха и его значение для истории скоморошества [Текст] / Д.С. Лихачев // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию В.М. Жирмунского. – М.-Л., 1964.
14. Озаровская, О.А. Пятиречье [Текст] / О.А. Озаровская. – Л., 1931.
15. Повесть временных лет [Текст]: Ч.1. – М.-Л., 1950.
16. Пропп, В.Я. Ритуальный смех в фольклоре [Текст] / В.Я. Пропп // Собр. трудов. Т. 7. – М., 1999.
17. Розов, Н.Н. Еще раз об изображении скомороха на фреске в Мелетове. К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом [Текст] / Н.Н. Розов // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. – М., 1968.
18. Рыбаков, Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья [Текст] / Б.А. Рыбаков / Вопросы истории. – 1974. – №1.
19. Рыбников, П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым [Текст]: Ч. 1 – 4 / П.Н. Рыбников // Народные былины, старины и побывальщины. – М., 1861. – 518 с.
20. Толстой, Н. Из заметок по славянской демонологии. Каков облик дьявольский? [Текст] / Н. Толстой // Народная гравюра и фольклор в России XVII – XIX вв. Материалы научной конференции ГМИИ им. А.С. Пушкина. – М., 1976.
21. Филимонов, Г. Очерки русской христианской иконографии [Текст] / Г. Филимонов // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. – М., 1876.
22. Финдейзен, Н. Очерки по истории музыки в России [Текст] / Н. Финдейзен. – Л., 1928.
23. Шишонко, П.Л. Пермская летопись. III период [Текст] / П.Л. Шишонко. – Пермь, 1884.

ИКОННЫЕ ЛИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТНОЕ СХОДСТВО: К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ

Почему вновь стал актуален вопрос об историчности ликов Святых, которых мы изображаем на религиозных картинах и иконах? Я занимаюсь росписью православных храмов и станковой иконой, поэтому буду говорить об историчности портретных ликов для этих жанров.

Мы не испытываем никаких неудобств, когда молимся на старинные иконы, где и ликов часто не разглядишь, как следует. Скорее догадываемся о деталях, по цветовым пятнышкам определяем, где глаза, где губы. После реставрации нос, глаза и губы бывают обозначены более четко, но если отойти на расстояние, будет видно лишь охряное пятно. Когда речь идет о современной иконе, использующей прориси с хороших образцов, часто молимся (не говорю уже о созерцании) не благодаря, а вопреки написанному образу.

Данный эффект возникает из-за одного загадочного, но вполне реального феномена, известного всем, кто глубоко занимается вопросами иконографии и восприятия иконных изображений. Речь идет о способности нашего сознания "аккумулировать" опыт, накопленный предыдущими поколениями, для наполнения этих охряных пятен смыслом и объемом. Другими словами, люди часто видят не то, что есть, а то, что лишь подразумевается, "достраивают" изображение уже в собственном сознании. Качество наполнения, зависит от развитости конкретного человека, его "подключенности" к коллективному (соборному, согласно церковной лексике) опыту.

Исторически икона и выполняет роль "аккумулятора" этого соборного сознания. Паттерны визуального восприятия могут иметь разный масштаб: быть либо общехристианскими (как например, тип изображения Иоанна Предтечи), либо ограничиваться национальной памятью (русская православная манера изображать Николая Чудотворца) или даже родовым восприятием (когда происходит ориентация на чтимые

в семье, в деревне образы). При этом личное озарение, равно как и талант иконописца, не исключается, а интегрируется сознанием некой социальной структуры (поместной церкви, княжества, епархии, монастыря, прихода, села и т.д.).

Когда человек смотрит на икону, происходит взаимодействие с образом, возникает некая точка схода. Эта точка буквально находится на пересечении двух миров: психологического опыта человека и изобразительного пространства иконы. И.К. Языкова замечает по этому поводу в своей монографии "Богословие иконы": "Процесс созерцания аналогичен перетеканию песка в песочных часах. Чем более целостен человек, созерцающий икону, тем больше он открывает для себя в ней. И наоборот: чем больше человеку открывается в иконе, тем глубже изменения в нем самом..." [5].

Однако при созерцании новых икон подобный эффект возникает чрезвычайно редко.

Причины, думается, следующие:

1) хотя икона новая, ее смысловая "незаполненность" может быть старой. Проще говоря, мы не обладаем визуальным ресурсом, чтобы "узнать" икону;

2) распространенное сегодня в православной среде увлечение темноликими иконами, интерес к мрачной эстетике потемневших образов, свидетельствует о потере евангельской и святоотеческой традиции, является на самом деле не приверженностью историческому канону, а своеобразным "романтизмом", псевдотрадиционной мечтательностью. Между тем, средоточием света является лик, а на лике – глаза ("светильник для тела есть око" Мф 6:22). "Классическая икона всегда радостна... Само слово "Евангелие" переводится, как Благая, т.е. радостная весть... "Крестом радость прииде всему миру" – поется в церковном песнопении" (И. К. Языкова);

3) если допущена ошибка в прориси, т.е. недостаточно осмыслена каждая линия, каждый штрих, это неизбежно приведет к ошибке. Ра-

нее мы говорили о влиянии визуального опыта, накопленного раньше, на наших современников. Однако эта визуальная память прошлого преломляется через современное сознание, что особенно проявляется, когда человек не просто воспринимает уже готовую икону, а пытается написать ее сам. Современный человек не обладает ментальностью предыдущих поколений, тем более не имеет ментальности великих иконописцев прошлого. Самое печальное, когда истолкование иконописи производится людьми, не обладающими комплексной погруженностью в культуру прошлого.

Современные иконописцы в редких случаях занимаются синтезом атрибутов и черт внешности святого, известных по иконам, принадлежащим к разным эпохам и стилям. Обычно избирается какой-то один образец, который воспроизводится с незначительными вариациями. Такой отказ происходит исключительно из-за неуверенности, неумения встраивать разнообразную информацию в свою работу.

В то же время именно нам, нынешним поколениям художников и иконописцев, дана возможность выйти на новый уровень в создании образов. В противном случае следует признать, что церковное искусство умерло, так как не развивается процесс творчества (точнее, сотворчества, т.к. церковное творчество по определению не индивидуалистично). Существенным моментом в практике церковного живописца являются также пожелания заказчика. В зависимости от мастерства художника, они могут либо способствовать, либо мешать воплощению образа.

Как достигается на практике историческая достоверность в изображении святых? Сначала определяется стиль написания, который, как правило, связан с архитектурой храма (XVI, XVII, XVIII века) или пожеланиями заказчика, если храм современный. Затем собирается вся информация о святом, которого надо изобразить. Например, до недавнего времени не было известно, что великий князь Владимир не носил бороды, а носил только усы (согласно обычаю славянских князей и варяжских конунгов), это стало известно из археологических находок – монет с его изображением.

Чтобы сделать этот кропотливый процесс более наглядным, я приведу примеры из собственной художественной практики, постараюсь раскрыть изнутри, как происходит выявление исторических черт. По причинам, которые частично будут раскрыты ниже, я не буду ограничиваться церковным искусством Восточной Цер-

кви, но там, где это уместно, представлю также изображения католических картин, религиозной живописи XX века.

ГОСПОДЬ ИИСУС ХРИСТОС (СПАСИТЕЛЬ)

Удивительное дело: несмотря на то, что иконопись на Руси была достаточно плоскостной, символичной, с древних икон на зрителя смотрит живой Спаситель. Почему именно тип Спаса Нерукотворного наиболее любим русскими?

Причина может крыться в религиозном сознании христиан Древней Руси. По сообщению новгородской летописи в начале XIII в. (в 1204 году), воевода Добрыня Ядрейкович (будущий архиепископ Великого Новгорода Антоний) привез на Русь Гроб Господень. Так принято было называть одну из главных реликвий христианства, мраморную плиту красного цвета, хранившуюся вначале в Палестине, а затем в Византии. Если совершается столь дерзкое предприятие (напомним, что за обладание этой святыней боролись крестоносцы Запада), в этом верующие люди усматривали проявление божественной воли. Появление святыни не могло не привести к скачку духовной экзальтации. Поскольку прижизненный портрет Спасителя. по преданию, отпечатался на плате, то, изображая живого Христа, опирались, прежде всего, на тип Спаса Нерукотворного. Другими словами, начиная именно с этого периода, художники Руси предпочитали изображать Христа живым, с чертами портретного сходства, а не символическим и плоским. К тому же, на Руси уже были известны древнейшие византийские образы Христа.

Парадоксальным является факт, что, несмотря на взлет европейского искусства в эпоху Возрождения, именно образ живого Христа (в отличие от образа Божией Матери) удается лишь немногим живописцам. Как будто вместе с реликвией Гроба Господня от них ушел и образ живого Спасителя. Зато осталась Туринская плащаница, которая несет на себе следы страданий Христа. Поэтому наиболее удачные сюжетные образы западных живописцев: Снятие с Креста, Оплакивание, Положение во Гроб. Наиболее близкие русской религиозной ментальности образы живого Христа имеются у Леонардо да Винчи и Андреа Мантеньи. Так, картина "Искупитель" (1493) была написана Андреа Мантеньей для христианского братства, куда, вероятно, входил и сам художник. Во время собрания она висела справа от сидящих, так, что они могли видеть ее под углом 35-40°. Из этого ракурса она даже виделась отчасти объемной (голографической). Со времен обучения в Падуе, интересовавшийся образцами византийского

искусства, Мантенья, скорее всего, ориентировался здесь на какую-то икону, сегодня уже утраченную.

Вот как описывает преподобный Максим Грек образ Христа, опираясь на предание живых свидетелей бытия Спасителя, которое хранилось на Горе Афон, откуда он пришел на Русь: "Бяше же лицом красен зело, возрастом же бяше и высоты тело шести стоп совершен русыми власы, не велми густыми, паче добре предивно, брови имущи не велми наклоны, очи же его русы и веселы, яко же образ сказается праотца Давида глаголю, чермен добрыми ноздрями, брадою рус, наконец на два космаха раздвоилася, долги имея власы, николиже бо стрижен и възде рука человеческая на святую главу его, токмо рука Матере его во младенстве. Мало наклонней выи его, не велми прост распостерт, имея возраст телесный, не велми рус, округло лице его якоже и Матери его, мало сходящее елико являет, и что разумное нравом и кротостию и по всему безгневен, и по малу того приобщашеся подобию".

Религиозные живописцы России не потеряли связь с Древней Русью именно благодаря образу Христа, которого продолжали дерзновенно писать живым. До сих пор мы можем встретить у наших художников замечательные иконы, портреты Спасителя, связывающие нас с реликвиями и религиозным опытом средневековой Руси (ил. 9).

Из моих образов Спасителя здесь представлена венчальная икона и фрагменты сюжета Знамения Божией Матери Иезекиилу из храма Благовещения Павловской Слободы (ил. 10). Поскольку храм XVII века, стиль живописи соответствует эпохе

БОГОМАТЕРЬ. Иконография Божией Матери, ее наиболее древние образы служат предметом постоянных исследований в мировой византистике. Наиболее древними изображениями Богородицы с Младенцем является образ, (или образы), написанные по преданию евангелистом Лукой, кальки с него и сюжет с Поклоном Волхвов. Их дополняют апокрифические описания внешности Богородицы. Одно из таких описаний приводит преп. Максим Грек, транслируя, как мы указывали выше, афонское предание: "Образ Пресвятыя Богородицы, возраста бяше средняго, средня руса желты власы, очима черными благозрачна, черны брови, долги руже, кругловатым лицем, долги персты ручныя, име нос покляп, устне же пренепорочныя червленые червленою красотою побагрены".

Хочу обратить внимание, что предание, опи-

сывающее внешность Богородицы, передает цвет волос. Это значит, что допускалось их полное или частичное изображение. Художники Возрождения, еще ориентировавшиеся на иконографическое предание, закрывали главу Девы Марии прозрачными покрывалами. В православной иконографии также существуют изображения Божией Матери без покрывала. Это, к примеру, икона "В родах вспоможение". Изображение Богородицы в этих случаях напоминает изображения Дев-Сивилл.

Черты портретного сходства в иконографии Богородицы сосредоточены в нескольких сюжетах, поскольку она изображается в разные периоды жизни: до своего материнства и после.

В монографии Н.П. Кондакова "Иконография Богородицы" показана связь первых образов Божией Матери с эллинистической культурой, в которой, с одной стороны, не всегда важен был сам образ, но выделялись атрибуты, отличающие одно божество от другого. Из типов образов Божией Матери это наиболее характерно для Панагии или Оранты, где важна динамика и поза молящейся Марии. От образа Оранты происходит и другое, чрезвычайно популярное в Древней Руси, изображение Божией Матери Знамение. Иконография Знамения восходит к пророчествам Ветхого Завета о том, что Дева произведет на свет Мессию.

Я бы хотела отделить сюжеты со Знамением и Благовещением от других образов Богородицы по смыслу, т.к. Богородица в этих сюжетах еще не родила младенца и соответственно, на тот момент, Матерью еще не стала. Хотя, разумеется, мы понимаем условность этого разделения.

В отличие от Благовещения и Знамения, образ Божией Матери с младенцем больше всего напоминает собственно портрет, в котором исключительная близость Марии к Богу должна передаваться через черты ее лица. В этих образах Богородица намеренно приближена к зрителю, ракурс чаще всего оплечный, реже – поясной. Ее можно подробно рассмотреть. В основе всех типов Богородицы с младенцем лежит портрет, написанный по преданию Евангелистом Лукой. В чем их общие черты, в чем различие?

Первая черта. Божия Мать показывается не в динамике. Она пребывает в Покое.

Вторая черта – одежда. Даже если есть различия, то небольшие. Такие исключения из правил, когда Богородица показана с непокрытой головой, очень редки, но мы всегда безошибочно узнаем, что перед нами образ Боготе-

ри, даже если это картина, а не икона, написанная живописцем эпохи Возрождения. Кроме одежды, есть иные признаки сходства и узнавания: поза, соотношение с младенцем и т.д.

Третья черта – изображения с младенцем. Даже если младенец отсутствует, мы все равно узнаем Богородицу по наклону головы, по смиренному виду, по омофору. Пример – образ Умиления, перед которым молился св. Серафим Саровский.

Различия возникают тогда, когда присутствует минимальное количество сходных признаков, достаточных для узнавания.

Примеры:

1) Казанская икона Божией Матери. Спаситель не младенец, а отрок. Но, в остальном, все узнаваемо.

2) Собственно лицо Богородицы, к которому мы привыкли на православных иконах, отличается от католических изображений, включая религиозные картины. В православных храмах мы чаще всего встречаем андрогинный тип лица. Это обосновано богословским подходом к лику Божией Матери. Но отсутствие вековых живописных школ на Руси (неумение рисовать), не дает возможности изобразить при этом Деву, молодую и красивую, как нам известно из апокрифического описания, приведенного выше. Скорее образ Девства реализуется через монашеский тип мудрой, строгой Старицы. Католические художники, напротив, сумели как-то чудом научиться изображать и Деву, и Мать в одном лице. В отечественной иконописи эти направления пытался совмещать Симон Ушаков. При этом на еще более ранней Синайской иконе, несмотря на отсутствие утонченности, нарушения пропорций в росте предстоящих, поражает тот факт, что оба направления там присутствуют. Это лишний раз свидетельствует, что данная традиция восходит к непосредственному иконе-портрету Богоматери, созданному евангелистом Лукой, т.к. Синайская икона к нему ближе всех по времени.

Как мне кажется, современный православный иконописец при работе над образом Божией Матери должен за отправную точку брать образы Ушакова. Поскольку у нас есть опыт предыдущих поколений, мы можем осмыслить его и увидеть всю мозаику проделанной духовной работы иконописцами прошлого.

ПРОРОКИ. Изображение пророков является довольно трудным делом, так как мы не знаем точно, кто из них как выглядел. Слишком давно они жили, а в Древнем Израиле не принято было изображать людей. Осталось лишь

свидетельство Библии о пророке Данииле, что он был необыкновенно красив. Но какие лица считались красивыми пару тысяч с лишним лет назад, когда при вавилонском дворе считалось нормой оскоплять красивых юношей? Судя по всему, Даниил обладал нежным лицом с высоким лбом, свидетельствующим о его родовитости. В "Подлиннике иконописном" указано: "Даниил пророк аки Георгий мученик, на главе колпак киноварь, заломцы белы, риза киноварь, испод празелень...".

Проще разобраться с одеждой. В "Руководстве" академика В. Д. Фартусова сказано: "...одежды на них – богатые, длинные туники без рукавов и плащи, на ногах сапоги, на Данииле же багряница и золотая цепь на шее". По описанию – типичный парадный вавилонский наряд, правда, цвет вряд ли соответствует историческим реалиям: скорее он нагружен символическим смыслом. Сегодня археологией достаточно хорошо изучена одежда вавилонян, поэтому лучше обратиться к историческим реконструкциям и материалам раскопок.

Об остальных пророках можно с большой степенью вероятности сказать, что все они обладали восточными типами лиц, т.е. были большеглазыми, с выразительной мимикой, аскетичного из-за постов вида. Многие, как например, Исайя, принадлежали к знатным родам. Судя по описываемым в Библии событиям, мы можем составить себе мнение об Илие: силен (заклал множество жрецов Ваала); легко переносил физические нагрузки (длительный переход к горе Хориву) и прочее.

Кроме того, существуют Пролог, сложившийся из предания, описания "Подлинника иконописного". Однако это не дошедшие до нас образы, а только их типически-приблизительное описание. Некоторые гипотезы можно составить, обращаясь к самим текстам пророчеств, к их стилю, из чего можно сделать заключения о темпераменте, предположительном психотипе того или иного пророка. Принятое в античности и оттуда перешедшее в средневековье, учение медика Галена о четырех темпераментах, может быть выражено через акцент на превалировании той или иной стихии (воздуха, огня, воды, земли).

Чтобы прочувствовать образ каждого из пророков и то, как они могут быть изображены в сюжете, необходимо обратиться к текстам, принадлежащих им пророчеств. Ритмика текста с помощью визуальных аналогий позы, направления взгляда, местоположения в композиции и др. может быть переведена на художествен-

ный, изобразительный язык.

В появлении сюжетов с пророками, которые тем или иным способом говорят о воплощении Спасителя через Деву Марию, немалую роль сыграла иконография "Похвалы Богоматери", появившаяся в конце XIV века, где пророки, воздавая хвалу восседающей на престоле Марии, протягивают Ей свитки с текстами своих изречений. При этом рядом с каждым из них помещены прообразовательные символы Марии: закрытые врата, скрижали Завета, лестница, цветущий жезл, руно, горящая купина, ковчег, клещи, звезда и гора. Сама же иконография "Похвалы" представляет визуализацию образов Акафиста Богородице. Другим, родственным "Похвале" сюжетом, часто использовавшимся в монументальной живописи, является "Древо Иесеево".¹

МУЧЕНИЦЫ. Образ великомученицы Екатерины часто встречается в иконографии как православного, так и католического мира, а также в религиозной картине. Для демонстрации целей нашего исследования этот образ представляется наиболее удобным. Поэтому здесь мы подробно рассмотрим, как можно подготовиться к написанию образа святой (святого), выбрать нужный стиль, технику и т.п.

Почему образ св. Екатерины столь популярен? Как найти твердые ориентиры для достижения портретного сходства иконы великомученицы с ее историческим прототипом?

Давайте посмотрим, что говорится о св. Екатерине в "Иконописном подлиннике" по изданию В. Д. Фартусова: "Святая великомученица Екатерина: типом египтянка, по имени же – гречанка; молода, 18 лет, умна, собой очень красива, высокого роста, волосы локонами; вся одежда узорчатая: туника до пят, с узкими рукавами и нарукавниками, вторая одежда немного ниже колен с широкими рукавами и подпоясана по талии, – поверх длинная мантия, на голове, как у царской дочери, венец, на руке дорогой перстень".

Очень красивое литературное описание, но как изобразить на иконе высокую девушку, да еще и умную? Есть разные способы. При плоскостной стилистике иконы, в которой акцентирован символизм, используется изменение пропорций, чтобы тело выглядело удлинненным. Но вот выразительно изобразить девические черты в плоскостном стиле не удастся. Для этого изображение должно иметь хотя бы отдельные реалистические включения.

Обратимся теперь к "подлиннику иконописному", составленному по списку Строгановского: "Святая великомученица Екатерина, на гла-

ве венец царский, власы просты, аки у девицы, риза лазорь, испод киноварь, барми царские до подола, и на плечах и на рукавах, рукава широки, в правой руке крест, а в левой свиток". Лик оставлен на усмотрение иконописца, все внимание сосредоточено на царских регалиях. Ценной чертой описания являются указания на цвет и форму одежды, которые желательнее сопоставить с приведенным выше описанием и другими доступными описаниями. В так называемой Афонской книге образцов XV века Екатерина изображена в короне, под которой оранжевый плат, плотно охватывающий голову. Эта деталь убора "точно повторяет изображение святой в критских произведениях".

Неоценимую услугу может оказать анализ иконографии ввц. Екатерины, начиная с наиболее древних икон. Особое внимание стоит уделять наиболее выдающимся, оригинальным по каким-либо параметрам. Так, очень характерны Синайские образы св. Екатерины из одноименного монастыря. При анализе ренессансных образов необходимо помнить, что у католиков всегда различались религиозные картины и иконы. Хотя иконы писались с реалистичными изображениями святых, цвет одежд брался из подлинников, поскольку образы могли быть использованы в богослужении (для алтаря).

Необходимо учитывать и католическую иконографию. Екатерина – общехристианская святая, а следовательно, Западная церковь могла сохранить достоверные черты ее исторического облика. К тому же (как отмечалось в связи с иконографией Богоматери) мастера эпохи Возрождения научились совмещать в одном лице Мудрость, Девственность и Красоту. В древнерусских же иконах, чтобы показать мудрость в плоскостной стилистике, приходилось вместо дев изображать "старух". Безусловно, важным является знакомство с различными версиями жития.

Атрибутами, встречающимися практически на всех изображениях св. Екатерины, являются колесо – орудие пытки – и царская корона. На многих изображениях великомученица с перстнем, который ей подарил во время видения Младенец Иисус Христос. Везде иконописцы стараются придать лику св. Екатерины черты красоты. На Синайских иконах, помимо колеса, символически изображаются другие атрибуты, относящиеся к Житию. Это книги, различные астрономические инструменты, измерительные приборы. На заднем плане Ангелы переносят главу св. Екатерины на Синай. На более поздней греческой иконе XVIII века используются житий-

ные клейма. На иконах, в том числе католических, на голове Екатерины под короной – плат-фата. Книги образцов помогают выбрать цвет одежд, католические изображения – фактуру ткани.

Может показаться, что эти атрибуты не несут никакой информации относительно внешности реальной св. Екатерины. Но они, напротив, являются дополнительным кодом, уточняющим ее портретные черты. Так, роскошные царские одежды Екатерины несут сразу несколько смыслов:

- а) изобразительно показывают происхождение;
- б) подчеркивают, что именно царским положением св. Екатерина жертвует ради Истины и Христа;
- в) позволяют богатым людям (которым спастись труднее, чем пролезть "в верблюжье ухо");
- г) указывают девицам на правильный выбор между удовольствиями и мудростью;
- д) служат объяснением, почему с ней вступили в спор философы, что было вряд ли возможно, не будь она царского происхождения.

К написанию образа святой Марии Голиндухи, я подходила по схеме, аналогичной с описанием работы над иконой св. Екатерины. В "Подлиннике иконописном" про св. Марию сказано: "Клобук бел на главе, риза киноварь, испод лазорь, в руце крест, а в другой свиток..." В "Руководстве" В. Д. Фартусова: "Святая мученица Голиндуха, во святом крещении Мария: типа персидского, средних лет, лицом красива, но худа; в тунике, епанче; на голове по повязке покрывало". Иконы с изображением этой святой встречаются не столь уж часто, зато имеется большое житие в Четых-Минеях свт. Дмитрия Ростовского, где образ святой раскрыт очень хорошо.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ МИРЛИКИЙСКИЙ.

Образ святого Николая Чудотворца для русскоязычных православных христиан является едва ли не родным. Его узнают даже неверующие россияне, а у верующих и невоцерковленных есть образки с его изображением в машинах, в автобусах, магазинчиках. Он словно любящий отец, к которому можно бежать со всеми бедами и просьбами. Так же, как образы Богоматери и Спасителя, мы узнаем св. Николая сразу, даже если взглянем на католическую икону св. Николая, например, кисти Карло Кривели или на серебряную сокровищницу в виде статуэтки св. Николая.

Почему? Откуда такая уверенность, как будто его видели живым, если не мы сами, то наши бабушки? Можно отметить наличие признаков внешности, которые легко узнаются, даже если св. Николай написан в разных стилях. Что же это за признаки?

Прежде всего, мощи св. Николая сохранились, их можно было рассмотреть. Кроме того, с большой долей уверенности можно предположить наличие прижизненных описаний святителя, поскольку уже при жизни он был чрезвычайно популярен в народе, у своей паствы. В 1950-е годы в городе Бари были произведены замеры основных телесных характеристик св. Николая. Эти исследования выявили, к примеру, что у святителя был сломан нос (ил. 11).

Попробуем перечислить черты внешности и атрибуты: лысина с небольшой челкой (возможно, это тонзура, выбритая по тогдашним обычаям Церкви), митрополичьи одежды (исключением являются изображения святого в житийных эпизодах, где он по возрасту еще не рукоположен в митрополита), огромный череп с выдающимися лобными буграми, большими глазами. Выражение лица св. Николая можно сравнить с выражением лица духовника, создается впечатление, что святитель – наш духовный наставник. Лицо может быть как строгим, так и участливым. Прослеживаются глубокие складки на лбу и между бровями, в лике всегда присутствует динамика. Чтобы подчеркнуть это, лицо часто изображается асимметричным, что создает впечатление живого общения. Чаще всего с Евангелием в руке. Седой. Митрополичьи одежды всегда нарядные. Есть также частные изображения св. Николая, которые являются весьма почитаемыми, где не идет речь о портретном сходстве (Можайский и Зарайский образы), но их рассмотрение выходит за рамки поставленной нами задачи.

Продуктивно сравнивать близкие к нам по времени изображения св. Николая с наиболее древними. Можно наглядно убедиться, что за века иконография не претерпела сильных изменений. Так, можно сравнить киевскую фреску XII века с образом, который написал архиерей Михаил Потапов во 2-й пол. XX века. Следующее положение доказать довольно трудно, но я возьмусь утверждать, что абсолютное большинство образов св. Николая написаны с необыкновенной любовью.

Наиболее подробно иконография св. Николая была разработана мной в храме-часовне св. Николая города Зубцова Тверской области. На северной стене размещено "Чудо Киевское о спасении утопшего детища" (ил.12), на южной – "Чудо о трех девицах", на западной – "чудо о трех стратилатах". Сюжета "Изгнание беса из отрока святителем Николаем" из храма св. Николая в трапезной города Бари к сожалению, ныне уже не существует.

СВЯТЫЕ (на примерах преподобного Иосифа Волоцкого и Пафнутия Боровского). В "Руководстве" о преп. Иосифе говорится: "...старец русского типа, 75 лет, лицом худой, с недлинными волосами и небольшой кругловатой седой бородой, в убогих монашеских одеждах, епитрахили и схиме". В "Подлиннике иконописном": "...сед, не плешив, аки Сергей [Радонежский], брада сергиевой поменьши, пошире и потупя, а в житии его пишет: бе же святой возрастом умерен и лицеем благообразен, браду же имея окружну, должиною мерну, прежде руссу, а встарости же седиными сияющу, риза преподобническая, схима на плечах, ряска вохряна". Из этого описания видно, что главным ориентиром выступает его житие. Сохранились также собственные труды преп. Иосифа, которые расширяют представление об образе этого святого, о его характере. Существуют иконы преподобного Иосифа Волоцкого.

Мне требовалось написать эпизод жития с построением св. Иосифом Успенского монастыря. Сюжет описывает события, происходившие в разное время жизни святого, поэтому признаки его внешности в разных частях композиции не одинаковы (появляется постепенно седина и т.д.).

По ходу нужно было изобразить и духовного отца св. Иосифа – преподобного Пафнутия Боровского. В "Подлиннике иконописном" о нем можно найти следующую информацию: "сед, брада помене [Иоанна] Богослова, разохата, в схиме, ризы преподобнические". В "Руководстве": "глубокий старец 80 лет, типа татарского; низок, сгорблен; с большою, седою, на конце раздвоенною и широкою бородою; одежды монашеские, убогия; в епитрахили; на голове схима". Существуют старинные иконы с его образом, в котором прослеживаются следы влияния прижизненных описаний, имеется подробное житие. Благодаря этому, воссоздание облика святого значительно облегчается.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЦА. На иконах и фресках могут быть изображаемы не только канонизированные святые, но и чтимые праведники или исторические лица, которые также должны обладать чертами портретной узнаваемости. С

подобным сюжетом мне пришлось столкнуться при росписи крыльца храма Благовещения в Павловской Слободе. Сюжет появился в теме, объединяющей рассказы о близлежащих монастырях и помощи Божией Матери в их благоустройстве (Иосифо-Волоколамский, Саввино-Сторожевский, Новоиерусалимский монастыри). Нижеприведенный сюжет повествует о сретении иконы Божией Матери Троиручицы с Афона крестным ходом в Новоиерусалимском монастыре. По ходу сюжета следовало изобразить два исторических лица: патриарха Никона и царя Феодора Алексеевича.

Поскольку патриарх Никон пока не канонизирован Церковью, существуют только его жизнеописания, но не жития, где были бы акцентированы черты его внешности, важные для его образа как святого. Соответственно, нет и икон. С другой стороны, поскольку патриарх Никон был значимой личностью в истории, сохранились его прижизненные портреты, прорисы, описания современников. Часть работы по сбору материалов была проделана современным историческим живописцем Ю. Г. Шмелевым. Он создал замечательный портрет Патриарха Никона.

Второй важный для данного сюжета персонаж – царь Феодор Алексеевич. Сведений о нем и прижизненных портретов царя мало. Тем не менее известно, что именно он, а не император Петр I начал серьезные реформы. Феодор не носил бороды, вовсе не в силу возраста, а принципиально. Поскольку царь прожил недолго, то многих планов просто не успел реализовать.

РЕЗЮМЕ

Выход на новый уровень можно осуществить, используя накопленный опыт предыдущих поколений, равно как и современные научные открытия в области истории, археологии, культурологии. Нельзя также забывать правило: все новое, хорошо забытое старое. Другими словами, необходимо постоянно возвращаться к истокам, древним восточным – и западнохристианским образам, византийским иконам, мозаикам. Использование хороших образцов, прорисей является только небольшой частью технологического процесса для написания иконы или сюжета на стене.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впоследствии символичность усугубилась, а сами пророки исчезли с иконописного поля. Остались соответствующие атрибутам разных пророков образы Богородицы: "Неувядаемый Цвет" (Пророчество Аарона), "Гора Нерукосечная" (Пророчества Даниила и Иакова в одной иконе), "Непроходимая дверь" (Пророчество Иезекииля), "Знамение Богородицы" в мандорле (Пророчество Исая), "Неопалимая купина" (Пророчество Моисея).

1. Евсеева, Л.М. Афонская Книга образцов XV века: О методе работы и моделях средневекового художника [Текст] / Л.М. Евсеева. – М., 1998.
2. Кондаков, Н.П. Иконография Богоматери [Текст]: Ч. 1 – 3 / Н.П. Кондаков. – М., 1998.
3. Подлинник иконописный [Текст] / под ред. А.И. Успенского. – М., 1998.
4. Фартусов, В.Д. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года [Текст]: опыт пособия для иконописцев / В.Д. Фартусов. – М., 1910.
5. Языкова, И.К. Богословие иконы [Текст] / И.К. Языкова. – М., 1995.

© О.Н. Аннушкина, 2009

Р. В. Багдасаров

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ДЕИСИСА В ПРОЕКТЕ "DEISIS/ПРЕДСТОЯНИЕ" (2000–2009)

С октября 2008 по март 2009 года синтетический проект "deisis/ПРЕДСТОЯНИЕ" экспонировался в музеях и выставочных залах Пермского края. Этот тур не только привлек внимание десятков тысяч зрителей, но и выявил новый потенциал самого проекта, существующего с 2000 года и впервые представленного публике в 2004 году в Государственной Третьяковской галерее.

1. Краткая история проекта

Деисис (от греч. δεῖσις "моление") – традиционная для иконографии композиция, когда центральному персонажу предстоят другие, расположенные по бокам. Проект "Deisis" – синтетическое, многомерное произведение современного изобразительного искусства, посвященное реконструкции священных образов христианства.

Его идея принадлежит коллекционеру иконописи и современного искусства Виктору Бондаренко. В качестве инструментов при создании "Deisis" художником Константином Худяковым использовались новейшие цифровые технологии и фототехника высокого разрешения. На основе собранных религиоведом и культурологом Романом Багдасаровым письменных источников, а также тщательного анализа многочисленной иконографии, Константин Худяков осуществил художественную реконструкцию конкретных персонажей библейской истории.

Работа началась в 2000-м и, в основном, закончилась в 2004 году. 7 октября – 7 ноября проект был показан в Государственной Третьяковской Галерее. В дальнейшем фрагменты его выставлялись в Швейцарии, Германии и США.

Сейчас "Deisis" включает в себя около 100 произведений, психологических портретов-реконструкций лиц священной истории (т.е. истории, основанной на авторитете религиозного предания и священных текстов), созданных при помощи электронных программ. Священные лики собирались художником Константином Худяковым из фрагментов лиц наших современников. Это не только портреты-реконструкции, но и инсталляция "ПРЕДСТОЯНИЕ/двойники", серия "Скрижали", цикл "Тайная Вечеря", видеоинсталляции "deisis/Антропология", "Не верю!" и др.

Воскресшая традиция отечественной религиозной картины XIX-нач.XX вв., проект представляется уникальным в плане современного мирового искусства. Это попытка осмыслить священную историю в контексте постинформационного общества. "Deisis" включает визуальную и вербальную части. Выставка в ГТГ и выпуск альбома вызвали волну зрительского интереса, средств массовой информации, благоприятные отзывы деятелей Русской Православной Церкви и разноречивую реакцию арт-критики.

В существующем виде проект находится вне

сферы богослужения и храма. Современное общество, где сосуществуют люди с самыми разными убеждениями, принадлежащие к разным конфессиям, нуждается в позитивном примере личностного отношения к христианской вере, опирающегося, тем не менее, на объективные исторические факты. Авторы безусловно, учитывают религиозные ценности, стремясь при помощи истории и психологии дешифровать символический код христианства, показать безграничные возможности христианского искусства.

"Deisis" – многоуровневая работа, она построена на использовании огромного числа источников, прежде всего Библии, памятников письменности Древнего Востока, известных и новооткрытых апокрифов, гимнографии, богословских и философских сочинений, научных трудов, произведений изобразительного искусства. Авторы стараются увидеть в лицах священной истории как конкретных личностей, так и социально-психологические типы, культурных героев, что является сложнейшей художественно-методологической задачей.

Инсталляции "Deisis" ориентированы на образцы традиционного искусства: русский высокий иконостас, деисус, распятие, многофигурные иконы. Композициям присущ принцип универсальной общительности, отражающийся в сетевой структуре – символе современного мирового сообщества.

2. "ПРЕДСТОЯНИЕ/deisis" в Государственной Третьяковской Галерее (7.10-7.11.2004)

Инсталляция имела три четко выраженных горизонтальных сечения. Они скреплялись одним центральным изображением Христа. Верхняя треть объединяла исторических предшественников христианства (прародителей, пророков, философов), чье духовное влияние не ослабело и в наши дни: Енох, Ной и его сыновья, Моисей, Царица Савская, Заратуштра, Гиппократ, Александр Македонский. Этот регистр соответствует праотеческому и пророческому чинам в традиционной схеме русского иконостаса. Среднюю треть занимают изображения увеличенных запястий Иисуса, пробитых гвоздями, что соответствует Распятию. Фрагменты по одну сторону от Христа несут символическую картографию Святой Земли. По другую сторону расположены места жизни и смерти персонажей сакральной истории (Ойкумена). Справа и слева – портреты прародителей современного человечества Адама и Евы, что отвечает схеме деисуса на иконе "Страшный Суд". В центре нижнего регистра находится классическая двойца деисуса: Дева Мария и Иоанн Предтеча. Ближайшие

позиции к Иисусу занимают апостолы Петр и Павел, равноапостольная Мария Магдалина. Далее располагаются представители христианских святых: Николай Чудотворец, Георгий Победоносец, Серафим Саровский. Замыкают границы христиане-самодержцы: равноапостольный Константин и царь-мученик Николай. Вот поярусное перечисление священных персон в основной инсталляции (ил. 13.)

Слева направо:

I ярус. ПРАРОДИТЕЛИ: 1) ИАФЕТ (1556 – после 1657 от Сотворения Мира). Родоначальник трети человечества – "яфетидов", куда включались персы, греки, римляне, армяне, иберы, скифы, пеласги, мидийцы, киммерийцы, мосхи, германцы, славяне, балты, скандинавы, угрофинны, индоарии, хетты. Олицетворение воина; 2) ХАМ <1557-1558> – после 1657 от Сотворения Мира. Родоначальник трети человечества – "хамитов", куда включались хананеи, филистимляне, кушиты, протохалдеи, нубийцы, египтяне, сабеи-хамиты, эфиопы. Олицетворение мастера; 3) СИМ <1557-1558> – 2158 от Сотворения Мира. Родоначальник трети человечества – "семитов", куда включались эламиты, арамейцы, евреи, арабы, ассирийцы, мидяне, сабеи-семиты, халдеи, болгары, татары, монголы, китайцы, японцы, корейцы. Олицетворение жреца; 4) НОЙ (1056 – 2006 от Сотворения Мира). Патриарх, избранный к спасению от всемирной катастрофы. Ут-Напишти в шумеро-аккадской мифологии, создатель системы каст; изобретатель виноделия; 5) ЕНОХ (622 – 987 от Сотворения Мира). Эталон высокой нравственности и религиозного благочестия. Учение о высших мирах, проводником к которым считался Енох, упорядочивало отношения человеческого и божественного; ПРОВОДНИКИ: 6) МОИСЕЙ (ок. 1482 – 1362 до н.э.; по др. версии: сер. XIV-сер. XIII века до н.э.). Пророк единобожия, основатель монотеистической религии, объединитель Израиля; 7) ЦАРИЦА САВСКАЯ (2 пол. X-кон. X века до н.э.). Олицетворение женской мудрости, сивилла (пророчица); 8) ЗАРАТУШТРА (XVII или XIII век до н.э.). Основатель монотеистической "благой веры". Сделал выбор между добром и злом центральной проблемой этики; 9) ГИППОКРАТ (460 – <375-351> до н.э.). Врач, основоположник современной медицинской науки и гигиены; 10) АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (356 – 323 до н.э.). Основоположник глобальной цивилизации (ойкумены); гениальный военачальник. Идеал правителя в христианстве и исламе.

II Ярус. РАСПЯТИЕ: 11) АДАМ (1 – 930 от Сотворения Мира). Праотец. Воплощает единство

рода человеческого. Олицетворение мужского начала; 12) СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ: места земной жизни Иисуса Христа; 13) ИИСУС ХРИСТОС (7 до н.э. – 26 н.э.). Мессия, основатель христианства – религии любви. Учил о воплощении божественного духа, трансформации. Высший идеал человека; 14) ОЙКУМЕНА ("обитаемая вселенная"): место распространения мировой цивилизации, впервые объединена Александром Македонским; 15) ЕВА (1 – 940 от Сотворения Мира). Праматерь. Женское начало. Роль, которую играет женщина в культурно-историческом процессе. Адам и Ева образуют ячейку семьи, порождающую все последующие поколения.

III Ярус. СВЯТЫЕ И ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КРУГ: 16) КОНСТАНТИН (272 – 337). Создатель государственной доктрины христианства и православной веры (по его инициативе для утверждения догматов был созван I Вселенский Собор). Первый самодержец-христианин; 17) НИКОЛАЙ ЧУДОВОРЕЦ (ок. 260 – 335). Наиболее почитаемый святой, идеал христианина; 18) МАГДАЛИНА (кон. I века до н.э./ нач. I века – 2-я пол. I века н.э.). Женщина-апостол, первый свидетель Воскресения Христа; 19) ПЕТР (до 7 до н.э. – 67 н.э.). Апостол Христа, основатель Церкви; 20) МАРИЯ (22 до н.э. – 50 н.э.). Соединение идеалов девы и матери. Олицетворяет высшее предназначение женщины; 21) ИОАНН (7 до н.э. – 25 н.э.). Пророк, сделавший Новый Завет общедоступным. Аскет. Олицетворяет высшее предназначение мужчины; 22) ПАВЕЛ (15 – 67). Апостол Вселенской Церкви, учитель христианской этики; 23) ГЕОРГИЙ (ок. 270 – 303). Образец победы высшего начала в человеке над низшим. Мученик; 24) СЕРАФИМ (1758 – 1833). Наиболее почитаемый подвижник в Русской Православной Церкви. Сформулировал цель христианской жизни, открыл неимущим женщинам доступ к духовному пути; 25) НИКОЛАЙ II (1868 – 1918). Реформатор государственной доктрины христианства. Последний самодержец-христианин, миротворец (по его инициативе были созваны 1 и 2 Гаагские мирные конференции, послужившие образцом для деятельности Лиги Наций и ООН).

Вербальная часть представлена биографиями и эссе, напечатанными в альбоме "ПРЕДСТОЯНИЕ. ДЕИСИС" (М.: "Военный парад", 2004).

Авторы поставили уникальную задачу проинтерпретировать сакральные образы христианства в параметрах сегодняшнего восприятия, т.е. одновременно с художественной, философской, исторической и богословской точек зрения. Это не растворение традиционной образ-

ности, а расширение поля аналогий, что по-своему реализуется как на изобразительном, так и на вербальном уровнях. Поскольку "ПРЕДСТОЯНИЕ" при всей сопряженности с религиозной традицией, является частью светской культуры, в нем использованы актуальные модели для личностно-психологического восприятия сакральных тем. Для обсуждения тематики, связанной с проектом был создан интерактивный сайт www.deisis.ru.

В инсталляцию вошло 39 холстов, размер каждого из которых 160x110 см. Общие габариты произведения 5x15,3 м. На подготовительном этапе было оцифровано около 350 фото-моделей (физиогномические фрагменты наших современников-лиц различных национальностей), в результате чего создан банк данных – более 60 000 изображений.

3. Технология и художественный метод

Это обеспечило полноценное синтезирование практически любого образа путем множества операций по цифровому клонированию, трансформациям и другим обработкам. Сверхзадачей авторов проекта являлась интерпретация священного в параметрах мировосприятия начала XXI века. Цепочка: фотокамера > компьютерная обработка > цифровая пластика и создание виртуального образа > вывод на холст > обработка аэрографом, – все это дало новое качество, не существовавшее ранее в изобразительном искусстве.

Все мельчайшие элементы реконструкций Константина Худякова (а их тысячи слоев) являются цифровыми аналогами реальной "плоти и крови", подвергнутых многоходовому компьютерному клонированию. Образы святых вобрали в себя бесчисленные документальные мгновения человеческих лиц и программные операции. Начинаясь с неопределенного множества цифровых снимков, образ священной персоны становится в итоге ячейкой той или иной экспозиции "Предстояния".

Еще одним принципиальным условием стала ортогональная проекция, исключившая перспективные искажения. Любая из деталей портрета имеет отдельную точку фотосъемки и, как следствие, – точку наблюдения для зрителя. В связи с этим каждый участок изображения освещен автономным лучом, что создает эффект тотальной дискретности, практически недостижимый в традиционной живописи, графике, скульптуре или фотографии. Фрагменты, по которым скользит взгляд зрителя, воспринимаются словно из бесконечно удаленного пункта, так же, как и объект в целом. Сложносоставное

отражение можно в данном случае назвать сетевым. Автономные источники света проявляют люминофорную сеть на всей плоскости изображения.

Опознание священного в другом идет рука об руку с его узнаванием в себе. В каждом сакральном персонаже есть частицы "обычных" людей и каждый "обычный" человек становится носителем священного смысла. Ведь краеугольной метафорой Нового Завета о Теле Христовом являются слова апостола Павла: "...вы – тело Христова, а порознь – члены" (1 Кор 12:27); "...ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело..." (Рим 12:4-5).

4. ПЕРМСКИЙ ТУР ПРОЕКТА "deisis/ПРЕДСТОЯНИЕ" (2008-2009)

4.1. Усольский историко-архитектурный музей "Палаты Строгановых" (19.09-26.10.2008)

Впервые через четыре года после ГТГ основной состав "Deisis" экспонируется в Усольском историко-архитектурном музее "Палаты Строгановых". Инсталляция в Третьяковской галерее, принявшая форму иконостаса, в Палатах Строгановых обретает третье измерение (ил. 14). Структура иконостаса осмыслена как объемное пространство.

Показ "ПРЕДСТОЯНИЯ" в южной палате комплекса глубоко символичен. Как отмечал профессор А.И. Морозов, представлявший проект в стенах Третьяковки, работы Худякова продолжают традицию русского психологического реализма XIX столетия, "они сродни и "Христу в пустыне" Ивана Крамского, и Христу евангельского цикла Николая Ге". Другой своей стороной "ПРЕДСТОЯНИЕ" восходит к церковному искусству, иконе и монументальной живописи. Именно эта сторона проявила свой новый потенциал в усольской выставке.

Палаты Усоля – одно из последних зданий древнерусского зодчества, возведенное современными Строгановыми в пику насаждавшейся из Санкт-Петербурга иностранной архитектуре. Палата, храмина – это, безусловно, не храм. Тем не менее, она выстроена по той же модели мироздания, что и традиционная форма церкви, чем образует особое сакральное пространство.

Все работы делятся на 8 тематических секторов: "Мужчина и Женщина: Вечные Начала" (Адам и Ева), "Творцы глобальной цивилизации" (Иафет, Александр Македонский), "Патриархи" (Енох, Ной, Хам, Сим, Матрица), "Духовные Вожди" (Земля Обетованная, Заратуштра, Моисей, Царица Савская, Гиппократ), "Круг Евангелия" (Иисус, Мария, Предтеча), "Свидетели Воскресения" (Магдалина, Петр, Павел), "Чтимые Свя-

тые" (Николай Чудотворец, Георгий, Серафим Саровский), "Христианские Государи" (Константин, Николай II).

В экспозицию вошло 22 портрета-реконструкции, 3 символично-географические композиции "Ойкумена", "Земля Обетованная" и "Святая Земля". Изображения увеличенных запястий Иисуса, пробитых гвоздями, символизируют Распятие, простирающееся надо всей землей. Картография "Святой Земли" группируется вокруг Вифлеема. Места жизни и смерти лиц сакральной истории – "Ойкумена" – сгруппированы вокруг Иерусалима. Композиция "Матрица" обобщенно представляет фотомодели проекта.

Картины можно было наблюдать с восьми точек обзора (ил.15). Из этих точек просматривалось восемь деисисов. В русском высоком иконостасе, как правило, можно наблюдать 3 или 4 деисиса. В трехмерном пространстве, которое смоделировано в Палатах Строгановых, число деисисов возросло на порядок.

Показ сопровождался прослушиванием музыкальной композиции "Реквием", написанной композиторами Владимиром Хлоповским и Ильей Трусовским в 2004 году. На экране периодически демонстрировалась видеoinсталляция "deisis/АНТРОПОЛОГИЯ".

4.2. Органный зал Пермской краевой филармонии (30.10-30.11.2008)

К дню открытия этой экспозиции Константином Худяковым был реконструирован образ великомученицы Параскевы-Пятницы (ил.8), хозяйки сакрального пространства Пермской земли. Замысел выставки являлся попыткой воссоздать атмосферу часовни Св. мученицы Параскевы-Пятницы, где ощущается живое присутствие небесных покровителей. По окончании выставки художник оставил портрет Параскевы в дар Пермскому краевому музею.

Экспозиция делилась на пары, состоящие из "нижнего" и "верхнего" регистров: "Мужчина и Женщина: Вечные Начала" (Адам и Ева), "Творцы глобальной цивилизации" (Иафет и Александр Македонский), "Духовные Вожди" (Енох и Царица Савская, Заратуштра и Моисей), "Деисис Евангелия" (Иоанн и Мария), "Свидетели Воскресения" (Петр и Павел, Магдалина и Николай Чудотворец), "Чтимые Святые" (Георгий и Серафим Саровский), "Христианские Государи" (Константин и Николай II). Все эти пары являются частью одного большого деисиса, где они предстоят Христу. Сам же он образует с Параскевой пару Жениха и Невесты ("невестами Христовыми" называли себя мученицы периода гонений, впоследствии эта аллегория была пе-

ренята монахинями). Итого 20 портретов-реконструкций и 2 символично-географические композиции "Ойкумена" и "Святая Земля" (ил.18).

На вернисаже прошла презентация DVD-версии "deisis/АНТРОПОЛОГИЯ", включающей хронологию проекта, исторические справки-эссе, фотоальбом, и одноименную видеоинсталляцию. "deisis/АНТРОПОЛОГИЯ" демонстрирует портреты персонажей священной истории, подвергнутые компьютерному "морфированию" – неожиданной для зрителя трехмерной трансформации одного образа в другой, начиная от библейских прародителей и заканчивая Николаем II. Так, по замыслу художника К. Худякова, показывается антропологическое и духовное родство людей как парадоксальный план Творца. Видеоинсталляция реализована при помощи мультимедийных программ, сопровождается синхронизированной аудиозаписью фрагментов Посланий апостола Павла и оригинальными музыкальными композициями (α-версия В. Хлоповского и И. Трусовского, β-версия Т. Шарова).

4.3. Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей (5.12.2008-15.01.2009)

Здание музея в Кунгуре расположено почти в самом центре города и является памятником архитектуры XIX века (купеческой усадьбой). Небольшие по площади выставочные помещения занимают два этажа, поэтому было принято решение разместить в нижнем – портреты ветхозаветных персонажей, а в верхнем – евангельский круг и святых. Тематические сектора, которые в усольской версии экспозиции могли сообщаться друг с другом с помощью деисисных точек обзора, здесь разделены стенами и лишь дверные проемы (порталы) служат узкой переходной зоной между ними).

I этаж (Ветхий Завет). 1 зал (Прародители): Адам, Ева, Енох, Ной; 2 зал (Проводники): Моисей, Заратуштра, Царица Савская, Гиппократ; 3 зал (Творцы Ойкумены): Иафет, Хам, Сим и Алек-

сандр Македонский; входной портал между залами ("альфа" и "омега" Самодержавия): Константин и Николай II.

II этаж (Новый Завет). Коридор: Матрица, Эпиграф; зал: Рублев (Созерцатель), Магдалина (Слушающая), Земля Обетованная, Мария, Иисус, Иоанн (Евангельский деисис), Святая Земля, Ойкумена, Петр, Павел (Свидетели); 2 коридор (Святые): Георгий, Николай, Серафим.

В Кунгуре в составе проекта был впервые представлен портрет Андрея Рублева.

4.4. Чайковская картинная галерея (17.01.2009-13.03.2009)

В экспозиции "Deisis" в Чайковском, исходя из специфики выставочного зала, были совмещены принципы порядности и диалога портретов (Пермь) с организацией тематических секторов в рамках всеобщей экспозиционной площади (Усолье, Кунгур).

В день закрытия выставки 13.03.2009 состоялась пресс-конференция, где были подведены итоги Пермского тура "deisis/ПРЕДСТОЯНИЕ". Директор Усольского историко-архитектурного музея "Палаты Строгановых" (курировавшего тур) С. В. Хоробрых заявил, что за этот период выставку посетило более 22 тысяч зрителей. Опыт экспонирования проекта поделится Д. А. Антипов, под чьим руководством происходил монтаж выставки в каждом из четырех залов края.

5. Заключение

Иконографический принцип деисиса, лежащий в основе экспозиционной структуры проекта, продемонстрировал свою конвертируемость в разные типы пространств. Каждое из них, при условии фиксации главных элементов предстояния, получало характер сакрального. Чем больше линий сообщаемости возникает между работами в экспозиционном пространстве, тем более глубокие смыслы священной истории готовы проявиться через его структуру.

А. К. Флорковская

О ПРОЕКТЕ "DEISIS"

Проект "Deisis" в современном искусстве – явление, безусловно, масштабное. Подобно камню, брошенному в стоячую воду, он еще будет и будет давать круги.

"Deisis" объединяет визуальное и словесное: изобразительная часть в нем тесно связана с богословским эссе. Авторы выбрали смелый ход, таящий опасность иллюстративности в решении изобразительного ряда и одновременно рискованный свести богословские рассуждения к "объяснению картинок". Ни того, ни другого не произошло. Обе части проекта рождались на протяжении трех лет в непосредственной близости. В зрительском восприятии, однако, "шов" между ними остается. Факт этот скорее указывает на специфику проекта, чем говорит о его внутренней неслаженности: каждая из частей в итоге оказалась самодостаточной.

Авторы предлагают, в общем-то, заданную ситуацию: зритель "предстоит", созерцая моление deisis. Хотя пространственно-изобразительная и содержательная заданность здесь вроде бы только подразумеваются (как и во всяком художественном проекте), в данном случае мы действительно включаемся в задуманное динамическое сопряжение с пространством искусства.

Выведенные в технике ультрахромовой печати на холсты цифровые фотоизображения поначалу рождают почти неосознанный поток ассоциаций с фотографиями из глянцевого журналов и рекламными роликами. Но на смену первому впечатлению приходит понимание того, что визуальная структура изображения необыкновенно сложна, а каждый отдельный фрагмент не менее активен, чем целое. Зритель оказывается не столько втянут в виртуальный мир, сколько атакуем изображением, вторгающимся в реальность.

На восприятие влияют несколько факторов: мгновенно действует крупный формат и макроформа, приближая изображения к зрителю. Чуть позже мы открываем для себя ломку визуальных и пространственных масштабов. Образы "Deisis" даны не только крупноформатно, но и с высоким разрешением, предельно детализировано. Такое "двойное увеличение" моделирует особое восприятие пространства и активного визуального ряда. Зритель чувствует

себя так, словно не он, а его созерцают в непривычном по геометрии и масштабности, ином, нереальном мире, из которого он может в любой момент "вынырнуть" и усилием сознания вернуться в обыденное пространство экспозиционного зала.

В основе "Deisis" – опыт создания произведения современного религиозного искусства. Конечно, "Предстояние" – не иконостас в церковном понимании, а его части – не иконы, хотя апеллируют к их формам и сути. Это искусство светское, экспериментальное, но слово и зрительный образ здесь призваны, как в иконе, дополнять друг друга, а традиционный канон творчески претворен современными технологиями.

В итоге перед нами большая, развернутая форма, объединяющая в целое части, лишь условно и по аналогии сравнимые с иконами. Нужно сказать, что иконостас, образующий несколько последовательных рядов, – так называемый "высокий иконостас" – сугубо русская художественно-богословская форма. Он сложился в России к XV веку. По мысли Павла Флоренского, иконостас, отгораживая алтарь от основного пространства церкви, где находятся молящиеся, вовсе не скрывает, а делает зримым то, что совершается в алтаре: само богослужение и его мистических участников (Христа, Богородицу, апостолов, святых). На этих образах максимально сфокусирован и взгляд художника-автора "Deisis" – Константина Худякова.

Иконостас всегда есть зримое воплощение Слова, Христа, его Благовестия – Евангелия. В этом смысле проект следует форме центральной части иконостаса – Деисуса, хотя само название – "Deisis" – призвано увести зрителя от прямых аналогий.

Этот проект одновременно принадлежит и религиозному направлению искусства и непосредственно соприкасается со всем современным искусством. Константин Худяков, автор изобразительной части проекта, был непосредственно связан с неофициальным искусством: в 1970 – 1980-х годах он участвовал в выставках живописной секции Горкома графиков. В начале 1990-х увлекся цифровой фотографией и новыми компьютерными технологиями.

В проект "Deisis" вошел весь опыт Худякова-

художника: архитектора, автора музейных экспозиций, живописца и создателя нескольких дигитальных циклов. Метод Худякова можно назвать поли-инструментальным: он использует все возможные на сегодняшний день средства создания визуального образа – от традиционных изобразительных, где движение руки художника становится определяющим, до дигитальных, где присутствие автора можно прочесть где угодно, кроме вибраций визуальной формы. Выразительные возможности, существующие порознь в живописи, фотографии, киноискусстве и видео-арте, инсталляции, архитектурном и дизайнерском проектировании, Худяков попробовал собрать и синтезировать в "Deisis".

Внимание художника концентрируется на самой важной части изображения – на лице, он отказывается от фигуры. Худяков выявляет через внешний облик каждого из участников "Предстояния" внутреннее, символическое значение его жизненного пути и характера. Сама идея "ряда" здесь намекает на "местоположение" героя в общем рисунке человеческой истории, являющейся реализацией божественного замысла.

Во время работы над проектом иногда случалось, что сложившиеся за века христианства иконографические образы (на которые в процессе работы по преимуществу опирался Худяков) противоречили друг другу. Тогда он искал собственный образ, возникающий по исторической канве, опирающийся и на документальный материал, и на то, как сам художник понимал своего героя, подчас узнавая его в людях, с которыми общался в магазине, в метро, в такси... К некоторым Худяков подходил, предлагал съемку, поэтому каждый образ здесь – результат "спекания" тысяч слоев фотоизображения.

Худякову нужен был "анализ плоти" на очень глубоком уровне, но не менее важен и психологический статус своих героев. Художник начинает с материального наполнения образа: с черепа, с крови, которые затем будут покрыты кожными и волосными покровами, но неви-

димые зрителю они обеспечивают и формальную, и метафизическую глубину образа. А завершается образ разработкой психологических аспектов личности героя. Причем Худяков работает в очень ограниченном пластическом диапазоне: сохраняя иератичность, а значит статичность лика, он оперирует мельчайшей мимикой лицевых мышц, пропорциями лица.

Резкая и острая конфликтность изобразительной ткани, характерная для проекта, думается, плодотворна: ее двойственность, сотканная из неподвижности и движения, буквальности и претворенности, намеренно акцентирована художником.

Проект вызывает сложные чувства: несомненно, есть в нем как будто что-то непривычное и пугающее, и это касается визуальной подачи: подчеркнутая физиологичность оборачивается искусственностью и, в конце концов, отрицанием плоти, опадающей словно осенняя листва, но и притягивающей глаз своими зрительными эффектами. Конечно, это мало похоже на икону, где преображение плоти уже состоялось. Однако в "Deisis" сделана попытка следовать, так сказать, не только "духу", но и "букве" церковного искусства, обратившись к той формальной (а по сути, концентрированной до предела) структуре как иконостас, в котором с необыкновенной полнотой выражает себя церковный канон. Это, безусловно, показательный шаг. В какую сторону – определит время, но сегодня проект попадает в "яблочко" проблем современного искусства.

В России линия религиозного искусства и по сей день критикой скорее нащупана, чем ясно прочерчена, и будь степень его изученности большей, определеннее понималось бы значение проекта "Deisis", как в смысле новаторства, так и в смысле преемственности.

Сила проекта в его опоре на многотысячелетние культурные коды, их актуализацию и зримое осмысление тех дилемм и реалий, которыми живет настоящее. Значение – в том рывке, который он совершает в будущее.

Я. Ю. Мукосеева

ВЛИЯНИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ ПРИКАМСКИХ ГОРОДОВ В XVI—XVII ВВ

Жизнь и деятельность человека проходит в городах и в сельской местности, где человек стремится к общению с другими людьми и стремится жить в сообществе с другими. Городская жизнь притягивает к себе большие группы людей, потому что город может предоставить и раскрыть возможности для личности как центр промышленного развития, торговли, управления, культуры. Сегодня город стал ведущим фактором развития цивилизации и общества. Но этого бы не произошло, если бы не развивались коммуникации, торговые пути, не прокладывались дороги.

Город на Руси появляется в эпоху Киевской Руси, хотя "Повесть временных лет" не помнит, когда появились города, но рассказывает о том, что их появление и развитие связано с торговыми путями. Это приводило к росту экономического могущества городов. Города возникали по берегам рек как сборные торговые пункты для обмена, которые становились погостами, где позднее ставили церкви. Местные рынки стали тяготеть к более крупным рынкам, что приводило к появлению городской области и торгового округа, объединяющего рынки. Поэтому важную роль в возникновении городов сыграла торговля и торговые пути, по которым шли торговые караваны. Как известно, особую роль во времена Киевской Руси сыграл торговый путь "из варяг в греки" [3, с. 140].

В Прикамье до начала интенсивного процесса освоения этой земли существовали свои городки: Анфаловский (с XIV в., по имени двинского воеводы Анфала Никитина), Искор, Урус и другие. Во 2-й половине XII в. в эти земли начинают проникать новгородцы и начинают собирать дань с местных племен. Так, они устанавливают довольно тесные отношения с Прикамскими землями. Новгородцы первыми открывают эти земли и устанавливают торговые пути на Урал и в Сибирь. В XVI в. начинается массовое освоение Урала. С точки зрения В.А. Оборина, оно стало частью общерусского процесса освоения новых, неизведанных территорий [5, с. 73]. В этом процессе приняли активное участие различные группы населения, прежде всего, крестьянство из Поволжья, Поморья, рай-

она Северной Двины, центральных районов государства. С XVI в. активную роль в развитии промышленности, ремесла и торговли стали играть города: Соликамск, Чердынь, Кайгородок. Именно через эти города проходят торговые маршруты, это обстоятельство привело к бурному экономическому взлету и развитию городов. Прикамье становится, по сути, транзитной территорией, через которую проходят торговые караваны в Сибирь.

Основные коммуникации того времени были речными, поэтому Волго-Камский путь играл важную и заметную роль в процессе освоения новых земель и развития хозяйственной жизни Московского государства. Северная речная дорога "через Камень", как называли Урал в то время, начиналась в районе реки Печоры: купцы и промышленники поднимались по ее правому притоку Усе, оттуда шли в Сось, из Соби в Елец. Далее купцы шли волоком, минуя семь озер, переваливали через Уральские горы, входили в другую Сось, впадающую в Обь. Но этим маршрутом ходили только в летнее время, так как зимой реки замерзали, а санный путь был затруднителен. Купцы и промышленники называли этот путь Печорским "черезкаменным" путем. Еще один путь, которым пользовались новгородцы с XIV в., проходил по притоку Печоры – Шугору. Он шел через Шугор по рекам Киртасу, Щокурью и Сосье (Ляпину). Затем они попадали в Северную Сосьву и выходили в Обь. Эта дорога в старину называлась Зырянской, так как первыми ее узнали коми-зыряне, русские ее называли Русским тесом, потому что они ориентировались по затесам на деревьях [2, с. 57].

Волго-Камский путь шел на север через земли коми-пермяков к верховьям Камы, а уже оттуда начинался Вишерский путь, который шел через город Чердынь. Именно Вишерский путь способствовал торговому росту и значению Чердыни в XVI в. Эта дорога шла по Вишере, через Урал, в Лозьву, затем вниз, в Тавду, еще ниже, до Тобола и Иртыша [7, с. 46]. В Сибирь можно было попасть по рекам Чусовой и Сылве, через Тюменский волок. В конце XVI в. житель Соликамского уезда Артемий Бабинов сумел узнать более короткий путь в Сибирь. Начав свой путь

от Соликамска, Бабинов довел ее до города Верхотурье, минуя Чердынь, сократив, таким образом, в семь-восемь раз дорогу в Сибирь. С этого момента Чердынь теряет значение административного центра Прикамья, уступая его Соликамску [6, с. 15]. После строительства дороги А. Бабинов перешел на государственную службу и основал ямы (станции для ямщиков) вдоль дороги: Верх-Яйва, Чикман, Молчан, Верхняя Косьва.

Так как Московское правительство понимало важность и необходимость уральских, особенно Прикамских, коммуникаций, оно стремилось закрепиться на этих землях, используя для этого процессы развития промышленности, торговли и инфраструктуры Прикамья.

Развивающиеся торговые пути оказывали влияние на экономику Прикамских городов, в особенности, на развитие Чердыни и Соликамска. Эти процессы способствовали развитию миграционных процессов, увеличению количества населения как на Урале, так и в Сибири. Так, численность посадского населения городов выросла за счет торгово-промышленных людей, которые переехали в Прикамье из Поморья и Поволжья. Именно они смогли установить контроль за наиболее прибыльными и доходными отраслями уральской и сибирской промышленности и торговли (особенно, торговлей солью и мехами). Эти земли становятся экономически привлекательными для холмогорцев, устюжан, шенкурцев, двинцев и других представителей Поморья. Если в XVI в. Чердынь была крупным экономически развитым центром Прикамья, то в XVII в. она уступает роль экономического центра Соликамску. Это привело к началу бурного развития города как промышленно-торгового центра. В Соликамске был построен порт, была собственная таможня, соляные варницы, лавки, склады, амбары, мельницы. Купцы, которые приезжали в город, были обязаны платить 5 рублей сборов в казну города [8 (12)]. Постепенно город превращается в крупный перевалочный и транзитный центр Уральских и Сибирских земель. Экономический и промышленный

рост городской жизни напрямую был связан с открытием Бабиновской дороги. Кроме этого, в городе начинается регулярная торговля, были открыты новые рынки, лавки, которые дополнили местные небольшие рынки. В городе торговали 26 лавок, которые платили в казну по 1 рублю 30 алтын (по 5 алтын с лавки) [4, с. 535]. Город становится центром внешней торговли. Так, в город привозили атлас, вино, бархат, золото, жемчуг, лекарства, письменные принадлежности. Город вывозил продукты местных промыслов: соль, рыбу, меха, мед, ягоды [1, с. 51]. Основным видом деятельности в Прикамье были промыслы, где на первом месте была добыча соли. Так, Соликамские варницы добывали до 7 млн. пудов в год и объем производства увеличивался на протяжении всего XVII в. Государство проявляло заботу о дорогах и коммуникациях, понимая всю важность связи с отдаленными районами. Это способствовало увеличению государственной казны за счет косвенных налогов, которые шли на содержание дорог в надлежащем состоянии. Их взимали с новостроек, бань, мельниц, рыбных ловель. Например, с новостроек и домов взимали 1 рубль 32 алтына, с бань – 26 рублей 6 алтын [8 (4)].

Итак, Волго-Камский торговый путь сыграл важную роль в развитии городов Прикамских земель. Желание людей узнать больше о разных землях, привело к развитию новых магистралей и путей в эти новые земли. Новгородцы одними из первых провели новые дороги в Сибирь через Урал. Так, были известны Северная речная дорога, или Печорский "черезкаменный" путь, Зырянская дорога, Бабиновская дорога, Волго-Камский путь. Именно Волго-Камская дорога способствовала развитию экономики, промышленности, ремесла и торговли, развитию миграции населения городов. Благодаря заботе о процветании торговых путей и коммуникаций, Урал и Сибирь становятся развитыми районами государства, которые постепенно приближаются к центральным районам и перестают быть окраиной государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Богословский, П.С. Г. Соликамск на рубеже XVI – XVII вв. (Историко-экономический очерк) [Текст] / П.С. Богословский // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. – Пермь: Изд-во кружка по изучению Северного края при Пермск. Университете, 1926. – 184 с.
2. История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10 – 11-х кл. общеобразоват. учреждений [Текст] / Под общ. ред. И.С. Огоновской, Н.Н. Попова. – Екатеринбург, 2004. – 496 с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения в IX тт. [Текст]: Т. 1 / В.О. Ключевский // Курс русской истории. – М., 1987. – 430 с.

4. Луканин, А.Г. Соликамск в историческом и археологическом отношении [Текст] / А.Г. Луканин // Пермский губернский вестник. – 1858. – № 49.
5. Оборин, В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII вв. [Текст] / В.А. Оборин. – Иркутск, 1990. – 166 с.
6. Платонов, С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время [Текст] / С.Ф. Платонов. – М., 1937. – 498 с.
7. Преображенский, А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII вв. [Текст] / А. А. Преображенский. – М., 1956. – 392 с.
8. Сметные и пометные списки денежных сборов г. Соликамска (1710 г.). Российский государственный архив деловых актов. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Д. 1991. Л. 20

© Я. Ю. Мукосеева, 2009

В.А. Цыпуштанов

НА ПЕРЕПУТЬЕ ДВУХ ДОРОГ

Издrevле главными дорогами России были водные магистрали. Таковыми являлись в Пермском крае реки Кама, Вишера, Чусовая и другие, иногда не совсем большие реки, в весенний разлив позволявшие далеко по руслу заплывать крупным баржам, стругам. Но дальние пути, например, в Сибирь требовали устройства волоков, перевалочных пунктов и, как следствие, довольно длинных грунтовых дорог. После присоединения Перми Великой к русскому государству значение грунтовых дорог резко возросло. Стихийно возникшие ранее пути через Вишеру, Чердынь, Лозьву и Уральский хребет уже не могли устроить путешественников не только своей протяженностью, неустроенностью, но и многочисленными опасностями, связанными с непогодой и сложностью рельефа.

С проведением в 1597-1599 гг. новой Бабиновской дороги через Верхотурье многие беды старой Государевой дороги были устранены; она была шире, обеспечивала круглогодичное движение и, что немаловажно, способствовала заселению прежде диких мест на всем своем протяжении. Как любой тракт, Бабиновская дорога имела множество ответвлений, связывавших ее с важнейшими промышленными пунктами.

Одним из таких ответвлений являлся Чусовской – Романовский – Веретийский тракт, ходивший через с. Ленва и г. Дедюхин на Соликамск. Исторически сложилось так, что важнейшие населенные пункты, стоявшие на этом тракте и существовавшие до середины XX в. частично или полностью погибли, утратив при этом свои главные достопримечательности.

Мы почему-то привыкли видеть значительное далеко от своего дома и упорно не замечаем вещи по-настоящему ценные у себя под боком. Если говорят о творениях зодчества, то чаще всего апеллируют хрестоматийными памятниками центральных областей, но никак не хотят замечать не менее ценные здания, давно заброшенные и достойные занять подобающее место в антологии русской архитектуры.

Местом трех гигантских катаклизмов мятежного XX в. стал уникальный памятник пермской земли – церковь Святой и Живоначальной Троицы в селе Ленва, соединяющая жилую постройку XVII в. и храм с неповторимым изразцовым декором, памятник истории, живое свидетельство нашумевшего в 80-х гг. XVII в. "строгановского раздела". К деятельности рода Строгановых в силу политических обстоятельств отношение историков резко менялось, и, несмот-

ря на различные оценки, нельзя не признать и отрицательные моменты в истории промышленного освоения Пермского края.

Объект, стоящий в списке памятников Министерства культуры России по Пермскому краю под номером один, – церковь в с. Ленва – в 1953-1956 гг. стал жертвой монстра XX в. – Камской ГЭС, оказавшись в зоне затопления. Церковь осталась на месте уничтоженного села сиротой, но выстояла. Вторая волна подкатила в 1963 г. в связи с известным хрущевским указом о закрытии церквей. В нашем регионе тогда пострадали древнейшие храмы с уникальнейшими иконостасами и архивами. Через год от закрытой второпях церкви остались только стены. Иконостасы, кровли погибли от гигантского пожара, устроенного на Пасху в 1964 г.

Третья катастрофа – создание в 1970-х гг., вопреки здравому рассудку, в нескольких десятках метров от памятника гигантского отстойника химических отходов содового завода. Подумал ли кто-то, какую землю отдавали на растерзание, какое сокровище превращали в прах?

Строительство первых каменных зданий на территории Перми Великой в XVII в. началось с приходом по наряду крупных промышленников – Никитниковых, Шустовых, Строгановых, соликамских воевод, "подмастерьев каменных дел" из центральных областей России. На загляденье возводятся богатые "дворы" и храмы в Соликамске, Орле-городке, Пыскорском монастыре. До недавнего времени считали единственно уцелевшим гражданским зданием XVII в. Воеводский дом в Соликамске (1688 г.) и Воздвиженскую церковь в с. Верх-Боровском (1687 г.). Случаен ли приоритет в пользу Ленвинского храма в списке памятников?

На наш взгляд, вполне справедливо право первенства должно отдать памятнику, о котором идет речь, – церкви в Ленве.

Соляной промысел при устье речки Ленвы был возведен Ивашкой Соколовым предположительно в 1610 г. В 1670-е годы его приобрели московские гости Филатьевы и Шустовы. В 1687 г., когда началось строительство церкви, село Ленва Строгановым не принадлежало, но появление по соседству с их "столицей" – Новым Усольем – крупного соляного конкурента пришлось не по душе предприимчивому и наделенному почестями Григорию Дмитриевичу Строганову; он решил любым способом захватить ленвинские промыслы. Для осуществления своего замысла он обратился в Новгородский приказ с челобитной о "возврате" им земель по речке Ленва, якобы насильственно захваченных мос-

ковскими гостями Филатьевыми и Шустовыми.

Приказ потребовал от обеих сторон межевые карты с указанием спорных границ. Строганов бесцеремонно включил в представленную им карту и ленвинские промыслы. Тяжба длилась полтора года и решилась в пользу Строгановых; владельцы промыслов вынуждены были покинуть Ленву, уплатив при этом крупную сумму за "незаконное пользование землей".

История эта имеет некоторое отношение и к постройке Ленвинского храма. При промыслах Филатьевых и Шустовых находились два двора – каменные палаты на подклетах. Двор Шустовых, как известно из старой описи села, находился между речкой Ленвой и Чашкинским истоком, недалеко от их впадения в Каму, на ее левом берегу в трех верстах выше Нового Усоляя. Он-то и был в 1687 – 1688 г. перестроен в церковь.

"Построена и освящена сия церковь во имя Святой Живоначальной и Нераздельной Троицы во дни благочестивейших великих государех царех и великих князех Иоанне, Алексеевиче и Петре Алексеевиче всея Великия Малыя и Белья России Самодержцех... Иоакиме Патриархе Московском и всея России при преосвященном архиепископе Ионе Вятском и Великопермском в Усольском уезде... у соляного варничного промысла гостей Василья Григория и Никиты Федоровых гостей Шустовых по обещанию. А соляной сей промысел заводил их человек польской породы Михаил Карпов он же и Федоров" – высечено на блоке белого камня у южного крыльца церкви.

В документах XVII в. встречается упоминание о каменных дворах гостей Филатьевых и Шустовых у речки Ленвы. Местонахождение Филатьевского двора могли бы установить археологические исследования. Известно, что в свое время описал этот двор Д. Дефо в лице знаменитого Робинзона Крузо во второй книге приключений. А другой двор – Шустовых – был в 1687-1688 гг. переделан в церковь. Значительная часть дома сохранилась без значительных перестроек в составе церкви и представляет собой квадратное в плане помещение – палаты на подклетах. Палата была приспособлена под трапезную, а подклет – под церковный подвал. Зодчие, перестраивавшие дом в церковь, решили сложную задачу, соединив вновь отстроенную храмовую часть, колокольню и алтарное помещение с древним жилым домом, достигнув при этом архитектурную законченность; фасады палат были сохранены. Оконные наличники с тончайшей неповторимой кирпичной

резьбой по-новому заиграли в объемах вновь возводимого здания. Специально были изготовлены прямоугольные изразцы с растительным орнаментом – ими набраны многочисленные фризы основной храмовой части здания, барабана главы, алтаря, колокольни. Изразцы с изображением птиц от разобранных печей вкраплены в ширинки под колокольней и на фасадах северного придела.

Страдая от пожаров, церковь неоднократно перестраивалась. Например, в 70-е гг. XIX в. была частично разобрана и надстроена, прежде шатровая, колокольня. Высокий шпиль ее стал виден со всех концов огромного села. Не сохранились прежние главы, покрытые зеленой черепицей – лемехом. Утрачены западное и южное крыльцо, арки прежде существовавшей северной галереи превращены в обычные оконные проемы.

Многолетнее исследование автора позволило увидеть памятник освобожденным от позднейших наслоений, переделок.

Процесс активного разрушения памятника, на-

чавшийся еще в 1960-е гг., продолжается. Особенно пострадала древнейшая часть здания – палаты. В начале 1980-х гг. рухнул свод. В 1992 г. упала колокольня, расколов южный фасад палат.

Учитывая необычайную ценность объекта как памятника истории, гражданской и культовой архитектуры, здания чрезвычайно значимого для г. Березники, почти полностью утратившего постройки досоветского периода, беспощадно уничтожаемого в 30-60-е гг. XX в., надо бы поспешить с проведением тщательнейшей его реставрации, обратив особое внимание на реконструкцию древнейших частей здания – палат с подклетом, колокольни в ее прежнем виде, крылец, воссоздания кирпичного и изразцового декора.

Состояние памятника подсказывает путь поэтапной реставрации с закрепления, консервации сохранившихся частей здания, расчистки завалов. Мы еще до конца не осознаем грядущую полную утрату Ленвы как уникального исторического центра. Спасение еще существующей церкви с ее охранной зоной – единственный путь реабилитации силою судеб содеянного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский, А.А. Дом Строгановых в XVI – XVII вв. [Текст] / А.А. Введенский. – М., 1962.
2. Дмитриев, А.А. Пермская старина [Текст]: Вып. IV / А.А. Дмитриев. – Пермь, 1890.
3. Канторович, Г.Д. Необходимость реставрации Свято-Троицкой церкви в селе Ленва (основание ценности) [Текст] / Г.Д. Канторович // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. -Березники, 1994.
4. Оборин, В.А. Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XVI – XVII вв. [Текст] / В.А. Оборин. – Пермь, 1970.
5. Терехин, А.С. Архитектура Прикамья XV – XIX вв. [Текст] / А.С. Терехин. – Пермь, 1970.
6. Тиц, А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII в. [Текст] / А.А. Тиц. – М., 1966.
7. Устюгов, Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. [Текст] / Н.В. Устюгов. – М., 1957.
8. Цыпуштанов, В.А. Памятник номер Один. К вопросу о реставрации Свято-Троицкой церкви в Ленве [Текст] / В.А. Цыпуштанов // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. – Березники, 1994.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Данная работа посвящена истории археологических и этнографических исследований путей сообщения Омского Прииртышья.

Первые описания путей сообщения региона мы находим на картах С.У. Ремезова конца XVII – начала XVIII в. в материалах Академических экспедиций XVIII в., в дневниках путешественников, проезжавших по этому региону в XIX в. Собственно, в этих работах дороги не являлись объектом специального исследования, а были одной из составляющих описания ландшафта. Этот период можно закончить путешествиями по Сибири В.В. Радлова, который во второй половине XIX в., проезжая по Прииртышью и Барабе, достаточно подробно описал дороги и народы, на них проживающие.

Первые описания водных и сухопутных путей сообщения с оценкой их использования, времени прохождения, транспортных средств мы находим в дневниках высокопоставленного государственного чиновника А.Н. Куломзина, который в рамках государственной программы генерального межевания земель в 1896 г. посетил северные районы Омского Прииртышья. К сожалению, только небольшой фрагмент материалов А.Н. Куломзина опубликован [7, с. 87-101].

В 1920-е гг. Омский север продолжал являться колонизационным фондом, который изучало районное переселенческое управление Сибири. В 1926 г. сотрудник управления Т.П. Белоногов на основании опроса промысловиков Тарского округа подготовил работу "О Тарском Васюганье и переходах через него" [3, с. 99-114], на основании которой осенью 1926 г. для исследования Демьяно-Иртышского водораздела была отправлена экспедиция. Опубликованные материалы экспедиции содержат описания путей, этнографические наблюдения за жизнью русских промысловиков и аборигенного населения [2, с. 1-15; 37, с. 99-120].

В 1950-1960-е гг. тема "история путей-дорог края" стала объектом научного интереса директора Омского областного краеведческого музея – А. Ф. Палашенкова. В 1952 г. он обследовал

полотно Сибирского (Казенного) тракта на территории современных Большереченского, Муромцевского и Нижне-Омского районов [27]; в 1957-1962 гг. – участок Сибирского (Казенного) тракта на территории современного Большееуковского района Омской области [29, с. 197]. В 1964 г. после поездки из г. Омска на Тянь-Шань А. Ф. Палашенков опубликовал работу, в которой уделил внимание истории Семипалатинского тракта [28, с. 89-112]. Во второй половине 1960-х гг. исследователь продолжал изучение истории Семипалатинского, Каинского, Петропавловского, Коммерческого (Тюкалинского) трактов, уточнял их местопрохождение, искал места переправ, почтовых станций, тюремных этапов XVIII-XIX вв. К сожалению, материалы этих исследований не были опубликованы Андреем Федоровичем при жизни. Только благодаря работе омского историка А. В. Ремезова, они частично были введены в научный оборот [32, с. 42-51]. Одним из эпизодов исследований А. Ф. Палашенкова стало обращение к истории легендарной "воровской дороги" XVIII – XIX вв., маршрут которой он реконструировал на основании этнографических сведений на территории Омского района Омской области. Так, А. Ф. Палашенков впервые среди историков края поставил вопрос об изучении нетрактовых и исторически более ранних путей сообщения региона.

В 1968 г. краевед В. С. Аношин на страницах своей книги об истории населения современного Большереченского района Омской области обозначил места прохождения маршрутов Сибирского тракта, описал сохранившийся участок тракта близ д. Копьево и на основании этнографических сведений рассказал о ямском промысле земляков [1, с. 152].

В 1988 г. сотрудник историко-краеведческой лаборатории Омского государственного педагогического института Е. П. Зензин провел полевые изыскания остатков земляного полотна Сибирского (Казенного) тракта на протяжении от д. Избушки (Аевский волок) до д. Чаунино Большеуковского района Омской области. Здесь исследователь реконструировал маршрут трак-

та, осуществил фотофиксацию и замеры профилей дороги на разных участках [Зензин 1992: 238-245]. В 1990 г. Е. П. Зензин провел аналогичные работы в Большереченском районе на протяжении от д. Секменево до д. Новологиново. Благодаря работам исследователя, 2 участка Казенного тракта были объявлены памятниками истории и культуры [30; 31]. В 2000-2006 гг. на территории Большееуковского района директором районного историко-краеведческого музея Е. П. Зензиным были проведены работы по музеефикации участков Сибирского (Казенного тракта). В результате невероятных усилий Евгению Петровичу удалось создать в р.ц. Большие Уки "Музей истории Московско-Сибирского тракта", на площадях которого он ведет пропаганду этого уникального памятника истории и культуры. Ежегодно Е. П. Зензин проводит школьные экспедиции по изучению Московско-Сибирского тракта.

В 1990-х гг. группа омских археологов и этнографов – научных сотрудников Омского государственного университета (далее ОмГУ) и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (далее ОФ ОИФФ СО РАН) в составе Б. В. Мельникова, М. А. Корусенко, С. Ф. Татаурова, С. С. Тихонова – проводила комплексные исследования путей сообщения на отдельно взятой территории северо-востока Омского Прииртышья – в Муромцевском и Тарском районах Омской области.

В 1990-1992 гг. археологи Б. В. Мельников, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов в режиме археологической разведки пешком прошли ряд маршрутов вдоль рек Иртыш, Тара, Бергамак и установили наиболее оптимальные места для передвижения, зафиксировали наличие археологических памятников на этих маршрутах. По результатам полевых работ они опубликовали статью "Пути и возможности миграций в условиях таежной зоны" [26, с. 104-112], в которой впервые на территории Омского Прииртышья применили для локализации исторических маршрутов комплекс этнографических, археологических, топонимических и картографических материалов, указав тем самым на результативность такого подхода для изучения элементов системы дорог от позднего средневековья до нового времени.

В 1993-1997 гг. изучением путей сообщения Нижнего Притарья занимался омский археолог С. Ф. Татауров. Для сбора информации он совместно с этнографом М. А. Корусенко разработал вопросник "Землепользование и пути со-

общения" [5]. В 1993 г. по этому вопроснику отряд Западно-Сибирской комплексной этнографо-археологической экспедиции ОФ ОИФФ СО РАН на территории Муромцевского района Омской области собрал сведения о путях сообщения и специфике их использования, рассмотрел строение дорог, отдельных переходов через водные преграды, водоотводов. В районе Бергамакского археологического комплекса С. Ф. Татауровым была осуществлена предварительная реконструкция маршрута одного из средневековых путей. В 1994 г. сотрудники этой же экспедиции изучали участки дорог в урочище Темеряк Муромцевского района Омской области, выявляли особенности гужевых, волоковых, конноверховых и пешеходных маршрутов, собрали уникальные сведения об устройстве мостов, паромов, транспортных средств, проезжей части дорог, использовавшихся населением в конце XIX-XX вв. [33, с. 99-100].

В 1995 г. впервые в Омском Прииртышье С. Ф. Татауровым и С. С. Тихоновым в районе д. Бергамак Муромцевского района Омской области было проведено археологическое изучение земляного полотна дороги "д. Бергамак – пристань Гомана" начала XX в. [35, с. 106-112].

В 1997 г. С. Ф. Татауров и М. А. Корусенко реконструировали процесс развития сети дорог в низовьях р. Тары на протяжении XVIII – XX вв., выделили и описали шесть транзитных древних и средневековых маршрутов, возможно проходивших через территорию района. В завершении своей статьи соавторы классифицировали пути сообщения изучаемого региона, сделали ряд заключений о механизме сложения различных типов дорог [6, с. 118-158]. Результаты работ 1993-1997 гг. легли в основу кандидатской диссертации С. Ф. Татаурова "Заселение и хозяйственное освоение низовьев Тары по данным археологии и этнографии" [33].

В целом, результаты работ М. А. Корусенко, Б. В. Мельникова, С. Ф. Татаурова, С. С. Тихонова показали эффективность выработанного исследователями комплексного подхода и, таким образом, определили использование последнего для дальнейшей разработки темы "пути сообщения".

В 1996 г. под руководством С. С. Тихонова работы по изучению путей сообщения Омского Прииртышья начал А. В. Матвеев. В 1996 – 1997 гг. он занимался разработкой темы "Методика поиска древних путей сообщения". В ходе работ стала очевидной необходимость понимания устройства и законов развития такого явления, как "дорога". На основе методологии системно-

го подхода А. В. Матвеевым была предложена оригинальная гипотеза процесса развития системы дорог на территории Евразии [16, с. 58-62].

В 1999-2001 гг. А. В. Матвеев проводил археологический поиск остатков форпостов, крепостей и укрепленных слобод Иртышской, Ишимской и Новоишимской линий XVIII в., справедливо полагая их узловыми пунктами главных дорог региона. По результатам полевых работ были определены места традиционных переправ через р. Иртыш, установлена сеть дорог верхнего и среднего Приишья в XVII – XVIII вв. [15, с.52-54; 8, с. 82-88].

В 1999 г. А. В. Матвеев начал работы по изучению традиционной культуры путешествия населения региона. В 2000 г. увидела свет авторская методическая программа по сбору полевого материала, на основании которой в 11 районах Омской области в 2000 – 2003 гг. были проведены работы. По результатам исследований были опубликованы статьи о традиционной культуре путешествия русского [21, с. 119-123; 11, с. 39-43], казахского [22, с. 117-125, 23, с. 138-143] и татарского населения Омского Прииртышья в конце XIX-XX вв. [14, с. 100-119].

В 2002 г. сотрудники Омского государственного историко-краеведческого музея (далее ОГИКМ) Ю. В. Трофимов и А. В. Матвеев при содействии Е. П. Зензина провели изучение состояния земляного полотна Казенного тракта на территории Большеуковского района Омской области. В ходе работ были проведены фиксации на местности, составление планов и чертежей полотна дороги и его профилей [36, с. 128 – 138]. В этом же году А. В. Матвеев и Ю. В. Трофимов в составе авторской группы сотрудников ОГИКМ создали Интернет-каталог "Пути сообщения и традиционная культура путешествия в Сибири, Казахстане и Средней Азии в XVIII – начале XX вв.", размещенный по адресу: http://www/sibmuseum.omsk.com/ways_and_roads/.

В 2003 г. А. В. Матвеев, обобщив результаты своих исследований, защитил кандидатскую диссертацию "Сухопутные коммуникации и традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XVIII-XX вв. (по данным этнографии и археологии)" [17]. В 2003-2006 гг. он частично представил ее в серии статей, рассказывающих об истории развития сети путей сообщения на территории Омского Прииртышья в XVII – первой трети XX в. [18, с. 163-169; 10, с. 155-158; 19, с. 167-178].

В 2004 г. А. В. Матвеев опубликовал вопросник по теме "Традиционная культура путеше-

ствия" и методические указания к нему [20, с. 49-62]. В 2004-2005 гг. на основании опросов студентов ОмГУ, Омского гуманитарного института была подготовлена работа, посвященная изучению современной культуры путешествия населения г. Омска [25].

В 2004 г. сотрудники ОГИКМ А.В. Матвеев и Ю. В. Трофимов в режиме археолого-этнографической разведки провели поиск "Угуйского волока" – участка маршрута "г. Тара – г. Томск" XVIII в. на территории Омской и Новосибирской областей [25]. А. В. Матвеев при содействии С. Ф. Татаурова осуществил археологические раскопки участка взвоза у городища Надеждинка VII XIV-XVI вв. в Муромцевском районе Омской области [12].

В 2005 г. А. В. Матвеев в отдельной статье обобщил данные о дорожных искусственных сооружениях Среднего Прииртышья XIX-XX вв. [9].

В 2006 г. на основании анализа археологических материалов региона была проведена попытка локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути [13].

В октябре 2008 г. на XVI международном симпозиуме "Интеграция археологических и этнографических исследований" А. В. Матвеевым и С. Ф. Татауровым будет озвучен доклад "Дороги сибирских ханств. К постановке вопроса", который подготовлен на основании анализа письменных источников, результатов археологических и этнографических работ соавторов.

В настоящее время А. В. Матвеев готовит к публикации рукопись монографии "Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XIX-первой трети XX вв."

Таким образом, на территории Омского Прииртышья изучение путей сообщения с помощью данных или методов археологии, этнографии имеет давнюю историю. Начало и первый этап этой работы связаны с работой сотрудников переселенческого управления, деятельностью омских краеведов. Специальные научно-исследовательские работы с привлечением комплекса разнообразных методов археологии, этнографии для выявления, реконструкции маршрутов средневековых путей сообщения и дорог нового времени были инициированы в 1990-х гг. исследователями ОмГУ, ОФ ОИИФФ СО РАН, ОГИКМ и продолжаются до настоящего времени. Вместе с тем необходим поиск новых методических подходов, позволяющих изучать историю развития и функционирования сухопутных коммуникаций, традиционную и современную культуру путешествия населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Аношин, В.С. Где шумит Артынский бор [Текст] / В.С. Аношин. – Омск: Зап-Сиб. кн. изд-во. Омское отделение, 1968. – 152 с.
2. Баранов, В.И. Почвы и растительность Демьян-Иртышского водораздела в бассейне рр. Урны и Утугаса [Текст] / В.И. Баранов // Материалы по изучению Тарского Васюганья. – Новосибирск, 1928.
3. Белоногов, Т.П. О Тарском Васюганье и переходах через него [Текст] / Т.П. Белоногов // Материалы по изучению Тарского Васюганья. – Новосибирск, 1928.
4. Зензин, Е.П. Старый Московско-Сибирский тракт на территории Омской области [Текст] / Е.П. Зензин // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М., 1992.
5. Корусенко, М.А., Татауров С.Ф. Вопросник по теме "Землепользование и пути сообщения" [Текст] / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск: Омск. ун-т, 1994. – 10 с.
6. Корусенко, М.А., Татауров, С.Ф. Система земле- и природопользования у населения низовьев Тары в XIX – начале XX в. [Текст] / М.А. Корусенко, С.Ф. Татауров // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 2. – Новосибирск, 1997.
7. Куломзин, А.Н. Воля только здесь [Текст] / А.Н. Куломзин // Омская старина. – Омск, 1994.
8. Матвеев, А.В. Дороги верхнего и среднего Приишья в XVII – XVIII вв. (попытка исторической реконструкции) [Текст] / А.В. Матвеев // Культура русских в археологических исследованиях: Сборник научных трудов. – Омск, 2002.
9. Матвеев, А.В. Дорожные искусственные сооружения Среднего Прииртышья XVIII – начала XX в. по данным письменных источников и этнографии [Текст] / А.В. Матвеев // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: Сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005.
10. Матвеев, А.В. Изменение сети сухопутных коммуникаций Омского Прииртышья во второй трети XVIII – начале XIX в. [Текст] / А.В. Матвеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Т. 11. – Омск: ОГИК музей, 2005.
11. Матвеев, А.В. Некоторые нормы поведения русских Среднего Прииртышья во время путешествия (XIX – первая треть XX в.) [Текст] / А.В. Матвеев // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. научн. тр. Ч. II. – Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004.
12. Матвеев, А.В. Опыт археологического изучения взвозов у городища Надеждинка VII в Муромцевском районе Омской области [Текст] / А.В. Матвеев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Одесса, Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007.
13. Матвеев, А.В. Опыт локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути [Текст] / А.В. Матвеев // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. – Казань, 2007.
14. Матвеев, А.В. Основные элементы традиционной культуры путешествия сибирских татар Омского Прииртышья в XIX – первой трети XX в. [Текст] / А.В. Матвеев // Культурологические исследования в Сибири. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2005. – № 2.
15. Матвеев, А.В. Переправы через р. Иртыш в свете изучения Сибирских оборонительных линий XVIII в. [Текст] / А.В. Матвеев // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001.
16. Матвеев, А.В. Развитие системы дорог в древности [Текст] / А.В. Матвеев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002.
17. Матвеев, А.В. Сухопутные коммуникации и традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XVIII – первой трети XX в. (по данным этнографии и археологии): автореф. дисс. ...канд. ист. наук / А.В. Матвеев. – Омск, 2003. – 19 с.
18. Матвеев, А.В. Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII – первой трети XVIII в. по данным письменных, картографических источников и этнографии [Текст] / А.В. Матвеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Т. 10. – Омск: ОГИК музей, 2003.
19. Матвеев, А.В. Сухопутные маршруты Среднего Прииртышья в XIX – первой трети XX вв.

- [Текст] / А.В. Матвеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Т. 12 – Омск: ОГИК музей, 2006.
20. Матвеев, А.В. Традиционная культура путешествия (вопросник по теме и методические указания к нему) [Текст] / А.В. Матвеев // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 8. – Омск: ООО "Издательский дом "Наука", 2004.
 21. Матвеев, А.В. Традиционная культура путешествия русских Омского Прииртышья в XIX – первой трети XX.: начало путешествия [Текст] / А.В. Матвеев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной науч.-практ. конф. Вып. 5. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003.
 22. Матвеев, А.В., Михалева, Т.В. Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). "Дорога в хаосе", "возвращение" [Текст] / А.В. Матвеев, Т.В. Михалева // Культурологические исследования в Сибири. – Омск: Издательство ОмГПУ. – 2001. – № 2.
 23. Матвеев, А.В., Михалева, Т.В. Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). Отправление в дорогу [Текст] / А.В. Матвеев, Т.В. Михалева // Культурологические исследования в Сибири. Омск: Издательство ОмГПУ. – 2001. – № 1.
 24. Матвеев, А.В., Трофимов, Ю.В. Культура путешествия в начале XXI в. К постановке вопроса [Текст] / А.В. Матвеев, Ю.В. Трофимов // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы науч. практ. конф. Вып. 6. – Барнаул, 2005.
 25. Матвеев, А.В., Трофимов, Ю.В. Поиск "Угуйского волока" – одной из главных широтных магистралей северо-западной Барабы XVII – первой половины XVIII вв. [Текст] / А.В. Матвеев, Ю.В. Трофимов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Омск: Издательский дом "Наука", 2005.
 26. Мельников, Б.В., Татауров, С.Ф., Тихонов, С.С. Пути и возможности миграций в условиях таежной зоны [Текст] / Б.В. Мельников, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов // Экспериментальная археология. Вып. 2. – Тобольск, 1992.
 27. Омский государственный историко-краеведческий музей. Фотофонд. ОМК. 6634 / 1, 2.
 28. Палашенков, А.Ф. От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы (примечательные места) [Текст] / А.Ф. Палашенков // Известия Омского отдела ГО СССР. Вып. 6. (13). – Омск, 1964.
 29. Палашенков, А.Ф., Лаптев, С.Р. Поездки по Омской области в 1957 – 1962 гг. [Текст] / А.Ф. Палашенков, С.Р. Лаптев // Известия Омского отдела ГО СССР. Вып. 5 (12). – Омск, 1963.
 30. Паспорт на памятники истории и культуры СССР № 2.3-1.36.2.
 31. Паспорт на памятники истории и культуры СССР № 2.1.3-1.36.1.
 32. Ремизов, А.В. Пути-дороги Омской области (из краеведческой копилки А.Ф. Палашенкова) [Текст] / А.В. Ремизов // Глубинка. Вып. 1. – Омск, 1995.
 33. Татауров, С.Ф. Заселение и хозяйственное освоение низовьев Тары по данным археологии и этнографии [Текст]: дисс. канд. ист. наук (рукопись) / С.Ф. Татауров. – Омск, 1996. – 170 с.
 34. Татауров, С.Ф. Система путей сообщения в низовьях Тары XIX – первой половины XX вв. [Текст] / С.Ф. Татауров // История и культура Сибири: Материалы отчетной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. – Омск, 1996.
 35. Татауров, С.Ф., Тихонов, С.С. Система путей сообщения в низовьях р. Тары [Текст] / С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 1. – Новосибирск, 1996.
 36. Трофимов, Ю.В. Археологические работы в Большеуковском районе Омской области летом 2002 года [Текст] / Ю.В. Трофимов // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск. – 2003. – № 10.
 37. Шухов, И.Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел [Текст] / И.Н. Шухов // Известия государственного Западно-Сибирского музея. – Омск, 1928.

Е. Д. Харитонова

ЭВОЛЮЦИЯ СОЛЕВАРЕННОГО ХОЗЯЙСТВА СТРОГАНОВЫХ

Еще в старом родовом гнезде – Сольвычегодске – Строгановы поняли, что добыча соли может стать серьезным источником обогащения. Вся дальнейшая история формирования их вотчинного хозяйства в XVI-XVIII вв. на пожалованных им прикамских землях подтвердила, что ставка на солеварение была верна. XVII век – время окончательного утверждения Строгановых в Прикамье, благодаря успеху в конкурентной борьбе с прежними давними владельцами соляных варниц – Пыскорским монастырем, соликамскими и кунгурскими посадскими людьми и купцами.

Уже в начале XVII в. в составе соляных владений Строгановых появляется промысел в Новом Усолье, хотя центр управления солеваренным хозяйством до 40-х гг. XVII в. находился в Орле, первой Строгановской "столице" Прикамья.

К концу XVII-началу XVIII в. правнук Аники Федоровича Строганова – Григорий Дмитриевич сосредоточил в своих руках все вотчинные земли с крупным солеваренным хозяйством (80 варниц, 44 рассольные трубы, 44 амбара, мельницы с 16 приписными деревнями и 18 починками). В первое десятилетие XVIII в. число варниц выросло до 162, за счет присоединения Зырянских(44) и в Ленве. Главным промыслом считалось Новое Усолье, где в 1700-ом г. на 60 варницах вываривалось 2160 тысяч пудов соли.

Прибыль Строгановых от солеварения на рубеже XVII-XVIII вв. составила около половины всей суммы прихода. Это даже заставило внести коррективы в экономическую политику российского правительства, которое с 1705 г. ввело казенную монополию на продажу соли, как выгодный источник дохода. В 1-ой половине XVIII в. соль с промыслов Н. Усолья и Ленвы, по свидетельству Соляной Конторы, доставлялась в количестве 3-3,7 млн. пудов в год. В 1-ой половине XVIII в. "пермянкой" питались 91 город и 7 губерний России, а с 1781г. – 12 губерний. Действительный соляной доход России только со строгановских промыслов составлял огромную прибыль – 600 тысяч рублей.

По выражению историка А.А. Дмитриева, солеваренное хозяйство было "самой существенной частью отцовского наследия" (в 1715 г. Г.Д.

Строганов умер), несмотря на некоторое сокращение его объема по причине обветшания части варниц и труб в 1720-е годы.

Важной вехой в эволюции солеваренного хозяйства Строгановых была середина XVIII в. С одной стороны, это связано с "соляным разделом" 1749 г., завершением общего вотчинного раздела имения Строгановых по уравнительному принципу: по 1/3 части каждому из трех братьев. Несмотря на то, что в итоговом документе было подчеркнуто значение солеваренного комплекса, в этом огромном феодальном хозяйстве, раздел сыграл отрицательную роль в дальнейшем развитии солеварения Строгановых. Забегая вперед, можно сказать, что это положило начало распаду этой их отрасли хозяйства (хотя Строгановы продолжали сохранять лидерство в прикамском солеварении). С другой стороны, дальнейшее вмешательство правительства в ход добычи и распределения соли, и именно – сокращение выварки соли на пермских промыслах из-за якобы выгодной добычи соли на озерах Эльтон и Баскунчак по "высочайшему указу" 1750 г. привело в 50-60-е гг. XVIII в. к тяжелым последствиям (нарушение процесса солеварения, прекращения работы ряда варниц, выход из строя целых промыслов в Ленве, Нижне-Чусовском городке и Зырянских – в 60-е гг.). За почти пять лет промыслового затишья объем солеваренного производства у Строгановых сократился вдвое (а на промысле А. С. Строганова даже в 3 раза). Былое могущество их сильно пошатнулось. И это все происходит на фоне дальнейшего дробления владений, процесса, который остановить уже было невозможно, так как после смерти А. Г. Строганова, старшего сына Г. Д. Строганова, собравшего воедино все владения, с 1757 г. началось отчуждение Строгановских имений в пользу других фамилий. В руки князей М. М. Голицына и Б. Г. Шаховского (в результате замужества Строгановских дочерей) переходят ряд промыслов, а позже (к 1770-м годам) начинается сдача их в аренду вместе с заводами и продажа. За долги продается в 1771 г. И. Л. Лазареву значительная часть бывшего имения А. С. Строганова, где, благодаря вложению ка-

питалов, усовершенствованию техники, к началу XIX в. налаживается одно из крупнейших солеваренных хозяйств. От наследников С. Н. Строганова в 1773 г. часть промыслов Нового Усоля и Ленвы переходит в руки В. А. Всеволожского. Правда, позже они снова переходят к Строгановской фамилии (за 1 млн. 600 тыс. рублей ассигнациями).

К концу 1770-х годов кончается упадок солеварения Прикамья и происходит новый поворот в экономической политике России, что связано с выходом нового Соляного Устава 1781 г. и указом от 3 июля 1782 г. об увеличении выварки Пермской соли. К этому времени процветали лишь Новоусольские и Ленвенские промыслы, которые находились в руках шести владельцев. Крупнейшим из них был промысел А. С. Строганова (18 варниц и 17 рассололименных труб из общего количества – 95 варниц и 52 трубы). Именно здесь к концу XVIII- началу XIX в. появились усовершенствованные варницы нового типа, так называемые "белые". В начале XIX в. их было 80 из 129 солеварен, остальные были деревянные.

Итак, лишь на рубеже XVIII-XIX вв. объем солеваренного хозяйства Прикамья возрос (по числу объектов) до уровня середины XVIII в. К тому же на лицо был рост производительности варниц. Все это свидетельствовало о новом подъеме, характерном в целом для горнозаводского Урала. Только главный солеваренный комплекс (Новое Усолье, Ленва) давал ежегодно примерно 3090000 до 3700000 и более пудов соли, что составляло почти 67,3% от общего количества выварки соли на всех пермских промыслах – до 5500000 пудов в год.

Необходимо сказать и о причинах метаморфоз некогда единого цельного солеваренного комплекса соляных магнатов Строгановых, бывшего могущества коего возродить было нельзя.

В первую очередь, обратим внимание на то, что на их солеваренном хозяйстве отразились общие социально-экономические процессы развития России в XVIII в. – в экономике на первое место выходит металлургическая промышленность. Казенная монополия на продажу соли, отнимавшая значительную часть доходов от солепромышленников, привела к их зависимости от государства. Строгановым пришлось расходовать немало сил на получение льгот и привилегий от Главной Соляной Конторы вплоть до

середины XVIII в. Сказывались и естественные факторы: сокращение природных ресурсов, а именно – постепенное истощение рассолов, все большее удаление промыслов от лесов из-за хищнической вырубki, что привело к росту цен на дрова, необходимые для выварки соли. Наконец, реализация сбыта соли осложнилась ростом стоимости рабочей силы, т. к. для перевозки соли в центр России требовалось огромное количество рук на соляные караваны по Каме и Волге.

В течение XVIII столетия в солеварении Строгановых можно проследить 4 этапа. Корни первого лежат еще в конце XVI-XVII вв., когда началось возникновение и складывание большого вотчинного хозяйства, объединение промыслов в единое целое и достижение максимальное количественного роста варниц. Крайняя граница этапа – 1715-1720 гг.

На втором этапе 1730-начало 1750-х годов на первый план выходит установление связей Строгановых с возникшим государственным аппаратом, регулирующим продажу соли в свою пользу, т.е. производство соли попало под контроль государства. В результате борьбы за получение льгот и привилегий Строгановы укрепляют их монопольное положение в прикамском солеварении. В конце этапа начинается территориальный распад единого солеваренного комплекса.

Третий период (50-е-70-е гг. XVIII в.) – упадок солеваренных промыслов под воздействием неудачного проекта Соляной Конторы, сделавшей ставку на использование якобы дешевой самосадочной астраханской соли. Сосредоточение солеваренного хозяйства лишь в Новом Усолье и Ленве. Появление новых владельцев Строгановских промыслов из посторонних людей – титулованных вельмож и разбогатевших предпринимателей.

На четвертом этапе (80-90-е гг. XVIII в.), начавшемся с реформы административного управления солеваренной промышленностью, наблюдается вновь подъем солеваренного производства. Это связано также и с усовершенствованием техники, внедрением новых методов выварки соли, строительством новых объектов. Происходит ломка старых феодальных форм ведения хозяйства, развиваются капиталистические отношения, повлиявшие и на древнейшую отрасль промышленности Прикамья – солеварение.

СОЛЕВАРЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ СОЛИКАМСКА В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Казалось бы, о солеваренных промыслах Соликамска написано достаточно много. Существует фундаментальное исследование Устюгова Н. В. [26], существует несколько работ и диссертация на соискание степени кандидата исторических наук Харитоновой Е. Д., посвященных солеваренной промышленности Прикамья в XVIII веке [28], ряд других работ в той или иной степени затрагивают эту тему. Но положение солеваренных промыслов Соликамска в начале и середине XIX века остается темным пятном в исследованиях по данной теме. В этом случае характерна ошибка авторов альбома-буклета "Усть-Боровской солеваренный завод: вчера, сегодня, завтра", которые полагают, что пик кризиса солеварения в Прикамье приходится на 20-е гг. XIX века [8, с. 9]. Действительно, отметим, что в первые два десятилетия солеварение в Соликамске практически прекратилось. Как отмечает Попов: "Сколь обширны описанные заводы в Дедюхине, Новом Усолье и на Ленве, сколько маловажные соленные промыслы, находящиеся в городе Соликамске, которых считается там два" [11, с. 271]. Как пишет Попов, в Соликамске эти предприятия принадлежали Турчаниновым и Рукавишникову. У Турчаниновых действовало три варницы и столько же недействующих; 5 рассолоподъемных труб с содержанием рассола от 7 до 12 градусов; труб стоявших без действия – 58. На реке Усолке, при промыслах, существовала лесопилка ("пильная мельница"), пиломатериал с которой использовался как на промыслах, так и шел на продажу жителям города [11, с. 271]. Соляные промыслы Рукавишникова находились на краю города. В них было три варницы недействующие и одна "неспособная" к солеварению; пять труб давали рассол от 7 до 12 градусов и четыре требовали ремонта [11, с. 272]. Но, если у автора "Хозяйственного описания..." данные по действующему производству полные, то вот сколько же всего сооружений, относящихся к соляным промыслам в городе Соликамске, он представление не дает. На этот вопрос могут ответить документы Соликамской городской думы, хранящиеся в архиве Соликамского краеведческого музея. Так, в 1799 году были описаны все соляные промыслы, находящиеся на город-

ской земле, из дела № 6 фонда 28 видно, что в Соликамске тогда были [17, л. 43 об.]:

Сооружения	Наследники Турчанинова	Рукавишников	Вдова Ростовщикова	Всего
варницы	19	4	6	29
рассоло-подъемные трубы	13	7	7	27
соляные лари	-	1	-	1
коноводные машины	2	1	-	3
соляные амбары	14	-	9	23
лесопильные мельницы	1	-	-	1

Как видим, несмотря на то, что в Соликамске в начале XIX века было достаточно много варниц, но в основном они бездействовали, выварка производилась только на трех турчаниновских, при этом одна из них была построена совсем недавно [16, л. 43].

Но кризис соликамского солеварения продолжался. В 1812 году, у наследников Турчанинова, действуют только две варницы, причиной были споры между детьми Алексея Федоровича Турчанинова за наследство [25, л. 45 – 49]. Берх, будучи в Соликамске, отмечает: "Кончина известного Алексея Федоровича Турчанинова и раздробление имения на многия части, причиною упадка упомянутых заведений" [1, с. 5]. Некоторое время спустя солеварение в Соликамске вообще прекращается. Но уже в 1818 году была пущена в действие варница Ивана Ивановича Дубровина, уездного судьи. На ней за год было выварено 14.491 пуд соли [1, с. 6]. В 1817 году жена уездного судьи титулярного советника, Дубровина Любовь Васильевна, и наследники Фарофоновых (мужа – обер-бергмейстера¹ [10, с. 24] и его жены Александры Львовой, урожденной Черкасовой) покупают у Ростовщикова Сергея и его жены Анастасии соляные промыслы [18, л. 24]. Несколько позже, 7 февраля 1821 года, Соликамское городское общество передает в аренду "лежащие в пусте", бывшие до этого у надворного советника Рукавишникова варницы купчихе Лапиной-Ентальцевой. Указ на дозволение производить

выварку соли пришел в 1824 году, с этого времени Лапина-Ентальцева со своим компаньоном, губернским секретарем Плотниковым начинают строительство промыслов [20, л. 25 об.]. При этом Лапина-Ентальцева платила с каждого вываренного пуда соли 0,5 копейки первые двенадцать лет, в последующее же время – по 1 копейке, что составляло в льготный период оброка 1191 рубль 10 копеек. Тогда как Дубровина и наследники Фарафоновых выплачивали городу только 600 рублей, несмотря на то, что их производство было крупнее. То есть те выплаты, которые еще в начале XVIII века за право вываривать на городских землях осуществлял Ростовщиков [20, л. 25 об.], были гораздо меньше (почти в два раза), чем у Лапиной-Ентальцевой и Плотникова. Отметим еще одно преимущество Дубровина и наследников Фарафоновой: первые три года после пуска солепромыслов они не платили акциза с проданной соли [22, л. 58 об.], который в то время составлял 60 копеек ассигнациями. В этом видно, что положение соликамских солепромышленников было иным, чем у других частных владельцев солеварен в Прикамье (Новое Усолье и Ленва). В 1705 году в России вводится казенная монополия на продажу соли, в результате чего все частные производители должны были сдавать полученную соль государству, которое впоследствии само или реализовывало ее в розницу или перепродавало соль мелкооптовым торговцам. Но с 1812 года [7, с. 112] по указу императора владельцам Нового Усожья и Ленвы (Строгановым и другим собственникам, являющимся главными производителями соли в Прикамье) было разрешено по поставке в казенные запасные магазины 5.050.000 пудов, вываренную сверх этого количества соль продавать с уплатой акциза. Но ни Строгановы, ни другие промышленники не воспользовались этим. Соликамцам же предоставили возможность "вольной" продажи соли.

Если Дубровина и наследники Фарафоновой на своем предприятии вываривали соль достаточно долгое время, то вот у Лапиной-Ентальцевой и Плотникова совместное производство не заладилось. Уже в 1826 году Плотников в одиночку занимается вываркой соли на бывшем промысле Рукавишникова [23, л. 59]. Именно в этом году, при проходке новой рассолоподъемной трубы, Плотников впервые в Прикамье открывает каменную соль [6, с. 24]. На следующий год Лапина-Ентальцева начинает производство, но уже отдельно от Плотникова, хотя и на том же участке [23, л. 59]. Солеварением Лапина-Ентальцева и Плотников занимались недолго: их промысел переходит к чердынским купцам

– Удникову Николаю Радионову и Юрганову Егору Тимофееву, сведения о них появляются в документах городской думы от 1835 года. Они платят подать по 150 рублей за свидетельство купцов 3-й гильдии, с объявленного капитала 8000 рублей [24, л. 131 об.]. Варницами чердынцы владели около двадцати лет, до начала 60-х годов XIX века. Так, если Мозель в "Материалах для географии и статистики России...", описывая Пермскую губернию в пореформенное время, упоминает чердынских купцов [9, с. 335], то вот в документе из Пермского архива "О соляных промыслах в Пермской губернии" от 1863 года об Удникове и Юрганове сведений нет [3].

Дело же Дубровиной и наследников Фарафоновых если не процветало, то было стабильным. Их промыслы работали постоянно и не переходили из рук в руки. Но существование хозяев варниц было не таким уж безоблачным. На протяжении многих десятилетий они вели судебные тяжбы с городским обществом по поводу сборов взимаемых с их заведения в пользу города. Город настаивал на выплатах по 1 копейке с пуда соли, тогда как Дубровина и наследники Фарафоновой придерживались мнения, что они должны выплачивать по 600 рублей, речь шла о той сумме, которую когда-то, еще в XVIII веке, платили Ростовщикоу за право вываривать соль на городских землях. Спор выиграло городское общество [19, л. 24-27 об.; 21, л. 41-52 об.].

Но это отнюдь не единственная тяжба Дубровиной и наследников Фарафоновых, гораздо более длительным и, видимо, более дорогостоящим было судебное дело за право владения островами на реке Кама напротив Григоровской курьи и села Григорового с крестьянами Григоровской волости. Тяжба длилась с 1824 [29, с. 595] по 1875 [29, с. 631] год. В это дело о спорных землях попытались ввязаться и владельцы Нового Усожья. Так как по грамотам 1697 и 1701 годов "сельцо Григоровское с крестьянами, землями, лесами и прочими угодьями" находились в их владении. Но в 1723 году его забирают в казну и приписывают к восстанавливаемому Пыскорскому медеплавильному заводу, потому что рядом с селом располагались медные руды. Взамен же бароны Строгановы получают участок земли в Чердынском уезде – деревню Лекмартово [29, с. 599]. В конечном счете, Строгановы остались ни с чем, а острова у Григоровской курьи в 1875 году признают владением Дубровина А. И.

В 1829 году Дубровина и наследники Фарафоновых попытались на Варничном острове возродить бывшее когда-то там солеварение.

Они начали разработку рассолоподъемной трубы. Но вскоре строительство из-за тяжбы с григоровскими крестьянами и владельцами Нового Усолья прекратилось [29, с. 607]. Видимо, примерно в это же время наследники Фарафоновых пытаются организовать солеваренное производство по реке Лысьве. Здесь также установили рассолоподъемную трубу, но и в этом случае выварка соли не началась из-за споров за земельный участок, где предполагалось начать производство соли [2, л. 60].

В 50-х годах XIX века Троицким солеваренным промыслом в Соликамске владеет только наследник Любви Васильевны Дубровиной – ее сын, отставной штабс-ротмистр Дубровин А.И. [9, с. 335]. Фарафоновы в это время владельцами уже не значатся.

Предоставить сведения об объемах выварки соли в Соликамске за первую половину XIX века не представляется возможным, есть только 50-е годы, указанные у Мозеля. Они не представлены в отчетах, вероятно, вследствие своей незначительности по сравнению с производством на других промыслах Прикамья. На это указывает Положение, выданное Пермской Гражданской палатой, о разрешении Дубровиной и наследникам Фарафоновых на выварку соли: "...вываренную на оных промыслах соль, как для казны не нужную, обращать в продажу" [29, с. 614]. Необходимо также отметить, что производство соли в Соликамске было весьма нестабильным, сокращение выварки бывало более чем на 50 %. За предреформенное десятилетие в Соликамске выварено всего 2.221.692 пуда соли. По годам производство соли распределяется следующим образом:

Годы	1851	1852	1853	1854	1855
Пуды	318000	314127	337640	167968	203149
Годы	1856	1857	1858	1859	1860
Пуды	224000	201089	151795	119203	164421

В это время в Соликамске действовало 6 варниц [9, с.336-338].

При испытании рассолов в 50-х гг. XIX века использовали ареометр (рассоломер) конструкции отставного штабс-ротмистра Дубровина А.И. [4, л. 1], до этого употребляли усовершенствованный ареометр Ламберти [5, л. 37]. Этот факт говорит о том, что владелец Троицкого солеваренного промысла – Дубровин – получил образование и был сведущ в горных науках. Т. е. для Соликамска середины XIX века это была незаурядная личность. О его разносторонних интересах говорит и тот факт, что во второй половине XIX века у него на Варничном острове действовал стекольный заводик.

В конце XIX века у наследников Дубровина А. И. имелось два солеваренных предприятия: Троицкий-Соликамский и Рождественский – на Варничном острове, отсуженный от григоровских крестьян [13]. В 1895 году эти промыслы отходят одной из его дочерей – Садовской Юлии Александровне [14], в 1897 году соликамские варницы уже у Лаврова И. П., а островные – покупает Касаткин Г. М. [15].

Во второй половине XIX века соликамское купечество начинает активно включаться в производственную деятельность, в городе и близлежащих территориях строятся новые промыслы. Прологом этой активности явилась аренда Дедюхинских солеваренных промыслов, с 1863 года все казенные соляные источники передавались в частное содержание. Арендаторами явились купцы: пермский – Любимов И. И., соликамские – Рязанцев, Касаткин и Мичурин, которые после первого опыта производства соли, начали строить или выкупать солеваренные промыслы.

Если рассматривать солеваренную промышленность Соликамска за первую половину XIX века, то можно увидеть следующее.

В первые два десятилетия XIX века солеваренная промышленность Соликамска находилась в кризисе – выварка соли практически прекратилась. Но уже в 1818 году Дубровиной и наследниками Фарафоновых пускается в действие первая варница на Троицком промысле, а в 20-х годах появляется промысел Лапиной-Ентальцевой и Плотникова-Георгиевский. Дубровины и наследники Фарафоновых пытались начать производство соли и рядом с Соликамском – на Варничном острове и у реки Лысьва. Но закончить строительство не удалось из-за споров за земельные участки на устраиваемое производство. Соль, которая производилась в Соликамске в XIX веке, не сдавалась в казну, а продавалась "вольно" с уплатой акциза. Промыслы работали успешно, но нестабильно. Выварка соли в зависимости от года могла колебаться от 119.203 (1859 г.) до 337.640 пудов (1853 г.). Если Дубровины владели своим предприятием до конца XIX века, то вот Григоровский промысел постоянно менял своих хозяев. После Лапиной-Ентальцевой и Плотникова – это чердынские купцы Юрганов и Удников. Отличительная особенность соликамской солеваренной промышленности в том, что местное крупное купечество не вкладывает в нее свои капиталы, и только после отмены крепостного права они пробуют себя в этой отрасли промышленности. Если же характеризовать рассматриваемый нами период, то его можно обозначить следующим образом – это было накопление сил, потенциала перед достаточно бурным развитием в последней четверти XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фарафонов служил управляющим в Дедюхине с 1814 по 1818 год, отстраняют его от службы по доносу, в том же году после увольнения он умирает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ С СОКРАЩЕНИЯМИ

1. Берх, В. Путешествия в города Чердынъ и Соликамск, для изыскания исторических древностей [Текст] / В. Берх. – СПб., 1821.
2. БИХМ. НВ № 608 (Историческое описание города Соликамска).
3. Государственный архив Пермской области. Ф. 111. Д. 91.
4. Государственный архив Пермской области. Ф. 672. Д. 188.
5. Государственный архив Пермской области. Ф. 672. Д. 128.
6. Глушков, И.Н. О необходимости исследования пермских отложений каменной соли проведением новых или углублением старых существующих скважин [Текст] / И.Н. Глушков // Уральский техник. – Екатеринбург. – 1911. – № 4-5.
7. Голубев, П.А. Историческо-статистические таблицы по Пермской губернии (составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств) [Текст] / П.А. Голубев. – Пермь, 1904.
8. Логунов, Е., Перминова, Л., Шкерин, В. Усть-Боровской солеваренный завод: вчера, сегодня, завтра [Текст] / Е. Логунов, Л. Перминова, В. Шкерин // Банк культурной информации. – Екатеринбург, 1995.
9. Мозель, Ж. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба [Текст] / Ж. Мозель // Пермская губерния. Ч. II. – СПб., 1864.
10. Петухов, Д. Горный город Дедюхин и окольные местности / Д. Петухов. – СПб., 1864.
11. Попов, Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, к многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству сочиненное [Текст]: Ч. 1 / Н.С. Попов. – СПб., 1811.
12. Сапоговская, Л.В. Изменение социального состава солепромышленников Прикамья в 1861 – 1917 годах [Текст] / Л.В. Сапоговская // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономика. – Березники, 1992.
13. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1893 год. – СПб., 1895.
14. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1895 год. – СПб., 1896.
15. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1897 год. – СПб.
16. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 6.
17. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 6.
18. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 48.
19. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 48.
20. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 48.
21. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 48.
22. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 48.
23. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 60.
24. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Д. 73.
25. Соликамский краеведческий музей. Ф. 3303.
26. Устюгов, Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке [Текст] / Н.В. Устюгов. – М., 1957.
27. Харитоновна, Е.Д. История солеваренного хозяйства Сторгановых в XVIII веке [Текст] / Е.Д. Харитоновна // "Строгановы и Пермский край". Материалы научной конференции 1992 г. – Пермь, 1993.
28. Харитоновна, Е.Д. История солеваренных хозяйств Прикамья в XVIII веке [Текст] / Е.Д. Харитоновна // Материалы научно-практической конференции "Соль и освоение края". – Соликамск, 1986.
29. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 годы. Период III с 1645 по 1676 годы [Текст] / В.Н. Шишонко. – Пермь, 1884.

Ч. В. Чорина, А. С. Южанин, Л. Ч. Лаптев

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ МЕТАНА И ВОДОРОДА С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАЛИЙНЫХ РУДНИКОВ

Верхнекамское месторождение солей является единственной сырьевой базой калийной промышленности России. Благодаря масштабам и практическому значению, рассматриваемое месторождение всегда привлекало внимание исследователей. За 75 лет после его открытия опубликовано более девятисот работ, освещающих геологическое строение и генезис этого месторождения. В монографиях, вышедших в 1932 г. (А. А. Иванов) и 1975 г. (А. А. Иванов, М. Л. Воронова) под одним названием – "Верхнекамское месторождение калийных солей" представлены обобщения частных закономерностей геологического строения месторождения, выявленных в период его исследования.

Верхнекамское месторождение солей находится в пределах Пермской области на левобережье р. Камы (рис.1). Месторождение комплек-

сное: на его базе ведется добыча сильвинитов (сырье для производства калийных удобрений), карналлита (получение искусственного карналлита для магниевой промышленности), каменной соли (технической, кормовой, пищевой) и рассолов (сырье для производства соды). Геологические запасы месторождения огромны и оцениваются по карналлитовой породе в 96,4 млрд. т, по сильвинитам – 113,2 млрд. т, по каменной соли – 4650 млрд. т.

Калийные пласты распространены на площади около 3,6 тыс. км² и располагаются внутри соляной толщи площадью 6,5 тыс. км². Адекватное понимание геологического строения и генезиса Верхнекамского месторождения имеет огромное практическое значение, главным образом, для обеспечения безопасности ведения подземных горных работ. Месторождение обладает далеко не лучшей совокупностью горно-геологических условий разработки. Оно характеризуется обводненностью надсолевого комплекса пород, относительно малой мощностью водозащитной толщи (ВЗТ), интенсивной внутрисолевой складчатостью, развитием на многих участках открытых трещин, сильной латеральной изменчивостью минерального состава продуктивных горизонтов, слабой устойчивостью кровли рабочих пластов, относительно высокой газоносностью солей и др.

Многие десятилетия основным горно-геологическим фактором, определяющим возможность и безопасность отработки того или иного участка месторождения, считалась мощность ВЗТ. Однако прорыв воды и последующее затопление рудника БПКРУ-3 в 1986 г. на участке едва ли не с самой большой мощностью ВЗТ (около 135 м) показали ошибочность такого мнения. Это вызвало необходимость пересмотра геомеханических критериев безопасной подработки ВЗТ и оценки влияния других элементов геологического строения месторождения на напряженно-деформированное состояние подработанного массива. Вполне понятно, что оценка степени опасности подработки ВЗТ на участках с аномальным геологическим строением не может быть проведена интуитивно, так как требует учета большого числа факторов (размер и

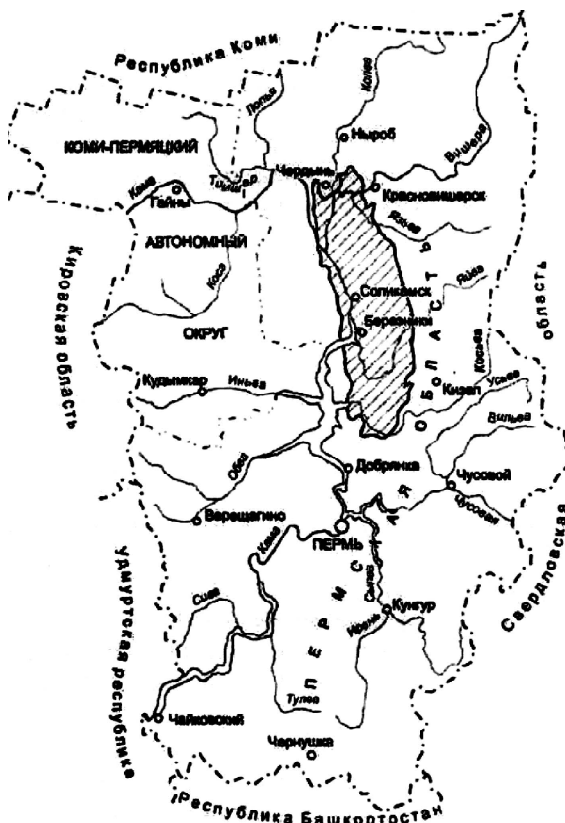

Рис. 1. Географическое положение ВКСМ (штриховкой отмечена площадь развития соляной залежи)

характер аномалии, ее геометрия и положение в пространстве, физико-механические свойства пород, горнотехническая ситуация и др.). Обеспечение безопасности калийных рудников является трудоемким и наукоемким процессом, требующим как большого количества достоверных исходных геологических данных, так и глубоких теоретических знаний.

Месторождение приурочено к галогенной формации Соликамской впадины Предуральс-

кого краевого прогиба. В соляной толще выделяются снизу вверх: подстилающая каменная соль мощностью от 50 до 515 м, сильвинитовая зона средней мощностью 21 м, сильвинито-карналлитовая зона мощностью от 21 до 115 м, в среднем 60-70 м и покровная каменная соль средней мощностью 22 м.

Промышленными являются сильвинитовые пласты Кр. III, Кр. II, А, Б, В и карналлитовый пласт В, сведения о которых приведены в таблице 1.

Таблица 1

Средние мощности сильвинитовых пластов и междупластий в контуре шахтных полей рудников ОАО "Уралкалий" и ОАО "Сильвинит"

Шахтное поле	Средние мощности, м						
	В	БВ	АБ	КрII-A	КрII	КрIII ^а -КрII	КрIII ^а + соль + КрIII
СКРУ-1,2	4,7	2,6	4,3	6,8	5,2	2,1	3,0
СКРУ-3	4,4	2,2	4,1	5,3	5,0	1,3	2,7
БКРУ-1	4,1	2,8	4,3	7,0	6,4	2,3	4,1
БКРУ-2	-	1,7	2,5	4,4	4,6	1,6	3,3
БКРУ-3	-	1,7	3,7	5,2	5,5	1,6	5,5
БКЗ-4	2,6	2,0	3,2	4,8	5,0	1,7	3,3

В настоящее время основное промышленное значение на месторождении имеют сильвинитовые пласты АБ и Кр II, характеристика которого приведена в табл. 2. Балансовые запасы пласта Кр II составляют более 70% от запасов сильвинитовых пластов на действу-

ющих рудниках. Пласт АБ на значительной части месторождения сложен из смешанных сильвинито-карналлитовых пород и на ряде площадей не отрабатывается, ввиду отсутствия промышленной технологии переработки смешанных руд.

Таблица 2

Глубина залегания промышленных пластов в пределах шахтных полей рудников ОАО "Уралкалий" и ОАО "Сильвинит"

Шахтное поле	Глубина залегания промышленных пластов, м											
	В			АБ			Кр. II			Кр. III		
	от	до	Сред.	от	до	Сред.	от	до	Сред.	от	до	Сред.
СКРУ-1,2	175	385	273	190	395	280	192	405	291	-	-	-
СКРУ-3	140	400	242	145	412	253	158	419	262	-	-	-
БКРУ-1	160	320	266	176	330	276	192	350	287	-	-	-
БКРУ-2	198	363	358	210	369	362	222	376	369	-	-	-
БКРУ-3	308	441	370	314	451	376	321	461	385	329	468	392
БКЗ-4	198	277	292	210	382	300	218	388	308	-	-	-

Разрабатываемые пласты и вмещающие породы Верхнекамского месторождения газоносны. В состав природных газов входят метан, углеводороды метанового ряда, водород, сероводород, азот и др.

Разработка калийных пластов рудников Верхнекамского месторождения калийных солей сопровождается выделением в рудничную атмосферу горючих: метана, водорода и токсичных газов: сероводорода, оксидов углерода и азота, что представляет значительную опасность при ведении горных работ. Выделение горючих газов в выработанные пространства рудников приводят к образованию взрывоопасных концентраций, которые могут привести к серии взрывов

и воспламенения газа в слое. Несмотря на низкую газоносность пластов и газообильность выработок, создаваемую обыкновенными газовыделениями, именно они представляют наибольшую опасность на рудниках и служат причиной всех аварийных ситуаций, создаваемых газовыделениями. Это объясняется кажущейся безопасностью обычных газовыделений, отсутствием надлежащего газового контроля и средств автоматической регистрации метано-водородной газовой среды в рудничной атмосфере. Отмечено, что за период с 1977 по 1981 г. на Верхнекамских рудниках при плановых отборах проб воздуха было обнаружено 130 скопления горючих газов, с 1955 по 1982 г. на рудниках про-

изошло 18 вспышек, загораний и взрывов метано-водородной смеси, шесть из них произошло на пласте В, семь – на пласте АБ и пять – на пласте Кр II. Десять случаев произошло – в очистных забоях и два – выработанном пространстве при производстве закладочных работ. В процессе добычи руды в шахтах, происходит изменение состава рудничного воздуха. Содержащие в нем горючие газы представляют значительную опасность при проведении горных работ, поэтому установлены значения предельно-допустимых концентраций и организован постоянный контроль за их составом с помощью современных методов. Определение концентраций взрывоопасных газов позволит разрабатывать мероприятия по безопасному ведению горных работ, для этого необходимо получение точных значений концентраций взрывоопасных газов.

Основной, наиболее эффективной, мерой по предупреждению образования взрывоопасных скоплений газа является проветривание всех действующих выработок. Из-за малоэффективного эпизодического контроля на калийных рудниках, анализы рудничного воздуха на содержание горючих компонентов выполняют в аналитических лабораториях, для этого пробы доставляют из шахты на поверхность.

В специализированных аналитических лабораториях, осуществляющих контроль за взры-

воопасными газами, постоянно проводится работа по усовершенствованию методов их измерений путем внедрения новых методик и приборов. Так, при внедрении газового хроматографа "Хромос ГХ 1000" для контроля взрывоопасных газов, сократится время проведения их анализа с 15 до 3 мин., увеличится количество проводимых исследований, погрешность определяемых концентраций составит не более 10%. Прибор оснащен программным обеспечением "Хромос", которое позволяет минимизировать действия оператора для получения результатов измерений, чему способствует "интуитивно" понятый интерфейс с пользователем. Программа не только обрабатывает выдаваемые хроматографические пики, но и осуществляет управление всеми параметрами прибора в режиме реального времени. Контроль за состоянием прибора осуществляется дистанционно по локальной сети. Использование современного аналитического прибора позволит во время возникновения аварийных ситуаций быстро и качественно проводить анализ взрывоопасных газов в рудничном воздухе, для предотвращения взрывов и отравлений в рабочей зоне персонала.

Внедрение современных приборов в систему контроля за взрывоопасными газами значительно повысит безопасность в производстве горнодобывающей промышленности.

© Н. В. Норина, А. С. Южанин, Л. Н. Лаптев, 2009

Н. В. Норина, А. С. Южанин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ МЕТАНА И ВОДОРОДА В РУДНИЧНОМ ВОЗДУХЕ

Разработка калийных пластов рудников Верхнекамского месторождения калийных солей сопровождается выделением в рудничную атмосферу горючих и токсичных газов, что представляет значительную опасность при ведении горных работ, поэтому точное определение их концентраций позволит разработать мероприятия по безопасному ведению горных работ.

Для определения качественного и количе-

ственного состава в лаборатории АиТ апробированы методики определения метана, водорода, кислорода, оксида и диоксида углерода, азота, углеводородов метанового ряда на хроматографе "Хромос ГХ 1000", который снабжен универсальным испарителем, работающим в комплекте с насадочной колонкой и пламенно-ионизационным детектором. В частности пробу воздуха вводят в хроматографическую колонку и анализируют при следующих условиях: тем-

пература детекторов ПИД – 1500 С, ДТП – 1000 С термостата колонок – 500 С, расход газа-носителя аргон составляет 55 см³/мин, водорода – 30 см³/мин, воздуха – 100 см³/мин., регулирование расходов газов, используемых при измерении, осуществляется с помощью цифровых электронных регуляторов. Время удерживания метана составляет 2 минуты, водорода – 50 сек. Изменения, внесенные в методику, обеспечивают погрешность определения концентраций не более 10 %, нижний предел обнаружения метана составит 0,0001 мкг, водорода – 0,0025 мкг., а измеряемые концентрации метана 0,2 – 200,0 мг/м³, водорода 0,5 – 200 мг/м³.

Хроматограф работает с программным обеспечением "Хромос", которое позволяет минимизировать действия оператора для получения необходимого результатов измерений, этому способствует "интуитивно" понятый интерфейс

с пользователем. Программа работает одновременно с несколькими газовыми хроматографами напрямую или через АПЦ. Сбор данных осуществляется с помощью АПЦ, либо с помощью хроматографов, поддерживающих обмен данными с компьютером. Программа "Хромос" не только обрабатывает полученные хроматографические данные, но и производит управление всеми параметрами прибора в режиме реального времени. Контроль за состоянием прибора осуществляется дистанционно по локальной сети. Хроматограммы определения содержания метана, водорода, кислорода, азота, оксида и диоксида углерода в пробах рудничного воздуха представлены на рис.1, 2.

Разработка и совершенствование методов контроля горючих газов позволит разработать мероприятия по безопасному ведению работ, связанных с добычей и переработкой калийных солей.

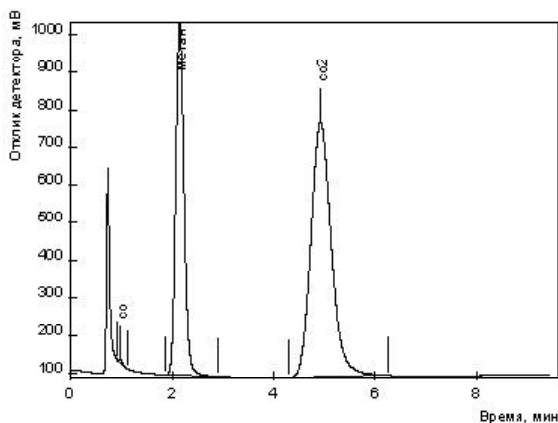

Рис. 1. Отчет по хроматограмме.
Отчет сгенерирован программой "Хромос"

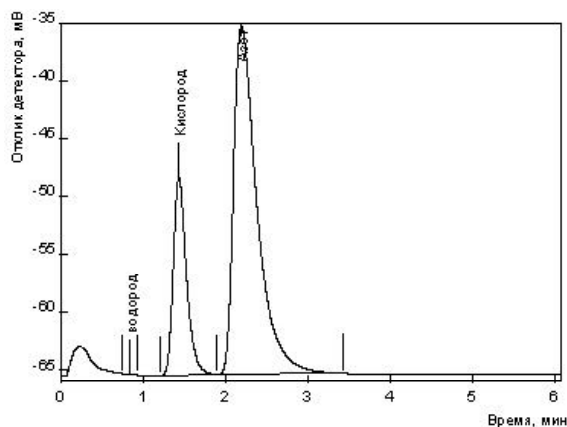

Рис. 2. Отчет по хроматограмме.
Отчет сгенерирован программой "Хромос".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Другов, Ю.С. Газохроматографическая идентификация загрязнений воздуха, воды, почвы [Текст] / Ю. С. Другов, А. А. Родин. – СПб.: Теза, 1999.

Е. Ч. Баннова, Е. А. Вшивкова, С. Т. Козлов, Ч. В. Чорина

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ВОД ВЕРХНЕКАМЬЯ

На Урале в числе многих областей России наблюдается повышенный уровень заболеваний щитовидной железы, связанный с недостаточностью в организме йода. Общая заболеваемость населения городов Березники, Соликамск и Усьолье превышает среднюю по России.

Вместе с тем, в природе широко распространены минеральные воды, характеризующиеся повышенным содержанием биологически активных минеральных (реже органических) компонентов и обладающие специфическими физико-химическими свойствами (радиоактивностью, кислотностью или щелочностью и т.д.), на чем основано их лечебно-профилактическое применение.

Минеральные воды лечебного значения и лечебно-столовые воды с минерализацией до 8 г/л разнообразного состава вскрывались поисковыми и разведочными скважинами на нефть, гидрогеологическими и разведочными скважинами на месторождениях калийно-магниевого руд. В районе г. Березники и Усьольском районе сульфидные рассолы вскрывались у пос. Орел и в Березниковской опорной скважине, а йодно-бромные рассолы – на территории Дуринского прогиба, на Унвинской площадке. Начиная с 1995 г., сотрудниками научно-производ-

ственного центра "Технология" проводятся исследования химического состава подземных вод пригородной зоны г. Березники и Усьольского района.

Установлено, что согласно существующей классификации вода является крепкой рассольной хлоридно-натриевой, бром-йодной слабокислой. Предварительно проведенный сравнительный анализ с йодно-бромными рассолами курорта Усть-Качка позволили сделать вывод, что по компонентному составу рассолы также богаты по содержанию таких химических элементов, как магний и кальций, а также по количеству хлоридов, брома, йода, сульфатов, гидрокарбонатов. Проведенные исследования позволили утверждать, что на экологически чистых участках Усьольского района возможно расположение скважин с природными рассолами, содержащих в своем составе полезные микроэлементы. В рамках проекта "Целебная вода" проведено изучение истории использования Усьольских вод, исследование скважин подземных вод в поселке Огурдино с отбором природных вод с различных глубин на химический анализ. Органолептические свойства воды и результаты концентраций основных химических компонентов, входящих в состав природных вод приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Органолептические свойства воды

Дата отбора, № пробы	Глубина отбора, м	Привкус	Мутность	рН	Плотность, кг/м ³	Запах, балл
02.11.08 г. № 1	80	горько-соленый	без осадка	7,6	1,1	2
02.11.08 г. № 2	150	горько-соленый	без осадка	7,6	1,1	2

Результаты концентраций основных химических компонентов

№	Наименования компонента	Обозначения	Единицы измерения	Результаты исследований	
				Проба № 1	Проба № 2
1	Нитраты	NO ₃ ⁻	мг/дм ³	≤ 0,5	2,5 ± 0,38
2	Сульфаты	SO ₄ ⁻²	мг/дм ³	146 ± 15	432 ± 43
3	Хлориды	Cl ⁻	мг/дм ³	1989 ± 298	8534 ± 1280
4	Кальций	Ca ⁺²	мг/дм ³	8,42 ± 1,26	14,73 ± 2,21
5	Магний	Mg ⁺²	мг/дм ³	26,61 ± 4,02	94,48 ± 14,17
6	Железо общее	Fe ⁺³	мг/дм ³	0,18 ± 0,05	7,14 ± 1,79
8	Йодиды	I ⁻	мг/дм ³	0,65 ± 0,16	0,78 ± 0,2
9	Бромиды	Br ⁻	мг/дм ³	28,2 ± 11,28	20,08 ± 8,03
10	Нитриты	NO ₂ ⁻	мг/дм ³	0,007 ± 0,002	0,004 ± 0,001
11	Аммоний	NH ₄ ⁺	мг/дм ³	0,75 ± 0,19	2,68 ± 0,67

Жесткость общая (проба № 1) – 2,63 мм/дм³.

Жесткость общая (проба № 2) – 9,45 мм/дм³.

По результатам проведенных исследований появляется возможность использования природных йодобромных вод для профилактики и лечения многих заболеваний, на основе новых методик лечения с использованием новейшего оборудования.

Близость поселка Огурдино к промышленным центрам Березников и Соликамска даст возможность оздоровления и лечения трудящихся в условиях привычного климата, без затраты сил, времени и средств на утомительные дальние поездки, что особенно важно для людей пожи-

лого возраста, с отрицательными реакциями на смену климата и др.

Проведенные мероприятия позволят существенно снизить заболеваемость жителей района и подготовить материалы для открытия в перспективе санатория "Соляные ванны" на Усольской земле, где могут быть размещены ванныцы, организованы такие виды процедур, как ингаляции, орошения и другие.

Результаты проведенных исследований позволяют использовать природную воду в лечебных и бальнеологических целях в физиотерапевтических отделениях больницах города Березники.

© Е. Н. Баннова, Е. А. Вшивкова, С. Г. Козлов, Н. В. Норина 2009

Н. В. Норина

МОНИТОРИНГ РЕКИ КАМА В ЗОНЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРОДА БЕРЕЗНИКИ

Экологическая ситуация на территории города Березники формируется под воздействием крупных промышленных предприятий. В результате сброса сточных вод, промышленных газовых выбросов загрязняются основные компоненты окружающей природной среды – поверхностные и подземные воды, почвы, растительность. Для составления

прогнозов изменения природной среды, обоснования предельно-допустимых нагрузок, создания схемы ее рационального использования и эффективной охраны необходимо создание мониторинга как системы долговременных наблюдений за естественными и техногенными изменениями. Получение такой информации является задачей мониторинга, т.е. системы на-

блюдений, оценки и прогноза состояния объектов природной среды, испытывающих воздействие антропогенных загрязнений.

Кама – крупнейший левый приток Волги, главная река Западного Урала и Пермского края, символ Прикамья. Пройдя около 500 км от истоков через Кировскую область, она вступает в пределы края уже достаточно большой рекой. С притоками Весляной и Косой общая длина р. Кама составляла 2032 км. В настоящее время в результате спрямления излучин камскими водохранилищами, а подпора ее устья – Куйбышевским водохранилищем на р. Волга, длина ее сократилась до 1805 км. Загрязнение р. Кама ограничивает возможность использования ее для спорта и отдыха, нарушает общение человека с природой, становится источником инфекционных заболеваний. Город Березники, расположенный на северо-востоке Пермского края, является индустриальным, научным и культурным центром Западного Урала. Он раскинулся

на берегу Камского водохранилища в зоне таежных лесов, на территории богатейшего в мире месторождения минеральных ресурсов. Такие крупные предприятия, как ОАО "Азот", ООО "Сода-хлорат" и ОАО "БСЗ" размещены на берегу Камского водохранилища. Основными источниками загрязнения камской воды являются поступающие из промышленной зоны сточные воды, смешанные при их транзите по русловой сети и перед выпуском с водным стоком реки Толыч. В формировании загрязнения участвуют и высокоминерализованные подземные воды, дренируемые затопленным руслом Камы. Объемы, сбрасываемых сточных вод в Каму, представлены на рисунке 1, в составе этих вод содержится большое количество вредных веществ (таблица 1). На диаграмме видно, что общий объем сточных вод в 2004 году увеличился на 2,0 млн. куб. м3, в 2006 г. произошло снижение объемов сточных вод до уровня 2003 года.

Таблица 1

Объемы сточных вод, сбрасываемые предприятиями г. Березники

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Сброшено сточных вод, млн. ³ м	117,8	119,6	118,36	117,46
Из них загрязненных, млн. ³ м	80,2	75,7	69,11	68,82
Нормативно-очищенных, млн. ³ м	0,28	0,29	6,39	4,84

Таблица 2

Количество загрязняющих веществ, сбрасываемых в поверхностные водоемы, тонн

п/п	Ингредиент	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	Изменение
1	БПК п	232	240	490	340	-150
2	Нефтепродукт	12	10	10	10	0
3	Взвешенные в-ва	2647	1630	1340	2780	1440
4	Сухой остаток	828270	883820	482100	482950	850
5	Сульфаты	13759	13740	10480	15810	5330
6	Хлориды	469982	495180	275400	245180	-30220
7	Фосфор общий	59,49	59,77	13,46	7,94	-5,52
8	Азот общий	1952,15	1927,58	1802,24	2894,43	1092,19
9	Азот аммонийн.	1027,27	1006,5	776,7	1981,43	1204,73
10	Фенолы	0,017	0,003	0,1	0,04	-0,06
11	СПАВ	20,55	14,77	14,26	20,29	6,03
12	Железо	45,10	13,22	16,28	29,64	13,36
13	Медь	0,47	0,33	0,06	0,41	0,35
14	Цинк	1,35	0,54	1,32	0,61	-0,71
15	Никель	0,257	0,12	0,55	0,43	-0,12
16	Алюминий	0,53	0,25	0	0	0
17	Анилин	0,048	0,02	0,07	0,28	0,21
18	Ванадий	0,003	0,03	0,11	0,21	0,1
19	Свинец	0,651	0,26	0,01	0,38	0,37
20	Сероуглерод	0,64	0,36	0	0	0
21	Карбамид	318,80	208,39	292,20	214,88	-77,32
22	Магний	5055,90	5219,57	4740,91	5238,31	497,4
23	Марганец	6,71	5,1	2,4	0,33	-2,07
24	Калий	62239	68360	41940	32,75	-41907
25	Кальций	111100	117420	47690	50,85	-47639
26	Натрий	128895	143390	94450	108780	14330
27	ХПК	3295	4170	4940	3810	-1130

Для оценки состояния воды реки Кама в г. Березники организована система наблюдений, проводимых каждый квартал в течение 2005 – 2006 гг. С целью получения информации о химическом составе речной воды и оценке влияния предприятий на степень загрязнения реки производится отбор проб речной воды: в реке Кама выше города, в районе автомобильного моста, ниже города, в 1,5 км ниже устья транспортного канала, в реке Толыч, в транспортном канале. Обобщенная характеристика качества воды в реке Кама проводится по показателю "индекс загрязнения воды" (ИЗВ), который вычисляется по формуле:

$$\text{ИЗВ} = \sum(C_i/\text{ПДК}_i)/n \quad (1)$$

где C_i – концентрация i -го ингредиента, ПДК_i – предельно допустимая концентрация i -го ингредиента, n – количество ингредиентов.

Таблица 3

Изменение индекса загрязнения воды р. Кама в районе города за годы наблюдений

Годы наблюдений	Величина индекса загрязнения воды (ИЗВ)	
	Вода у моста (фон)	Ниже города
2000	1,42	2,19
2001	1,07	1,38
2002	0,90	1,25
2003	1,25	1,60
2005	0,80	1,13
2006	0,99	1,31

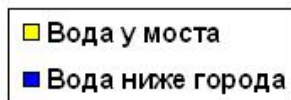
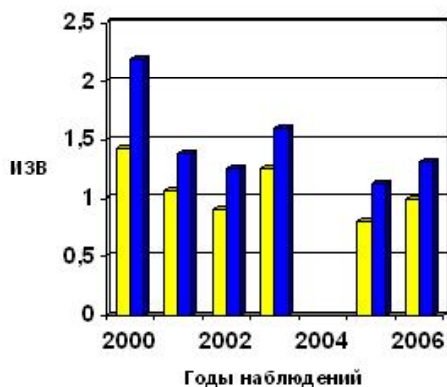

Рисунок 1.
Индекс загрязнения воды в р.Кама

Из рисунка 1 видно, что содержание загрязняющих веществ в контролируемых створах сохраняется приблизительно на одном уровне, начиная с 2000 года по 2006 год. Качество воды в 2006 г. существенно не изменилось по сравнению с 2005 г., значения индекса загрязнения (ИЗВ) составили 0,99 выше города и 1,31 – ниже города.

Таблица 4

Индекс загрязнения воды в транспортном канале в 2006 г.

№ квартала	Величина индекса загрязнения воды (ИЗВ)
1 квартал	7,52
2 квартал	1,20
3 квартал	1,17
4 квартал	1,82

Среднее за год – 2,93.

Таблица 5

Индекс загрязнения воды в транспортном канале в 2006 г.

№ квартала	Величина индекса загрязнения воды (ИЗВ)
1 квартал	12,22
2 квартал	2,38
3 квартал	3,38
4 квартал	4,58

Среднее за год – 5,75.

По результатам, представленным в таблице 5, можно сделать вывод, что величина ИЗВ в транспортном канале в 2006 г. составляет 2,93 условных единиц и качество воды соответствует 4 классу – вода "загрязненная". Величина ИЗВ в р. Толыч в 2006 г. составляет 5,8 и вода в р. Толыч соответствует 5 классу ("грязная") качества воды. Кроме этого, в реке сохраняется превышение ПДК по анилину, железу, марганцу и меди. Река Толыч является одним из наиболее загрязненных стоков города, превышение концентраций над контрольными нормативами достигает очень больших величин, таких как 30 ПДК по марганцу, 14 ПДК по железу, 9 ПДК по анилину, 13 ПДК по меди, 8 ПДК по азоту аммонийному. В транспортном канале сохраняется превышение загрязняющих веществ по железу (5 ПДК), марганцу (3 ПДК), меди (9 ПДК) и нефтепродуктам (1,4 ПДК).

Для улучшения состояния водных ресурсов на предприятиях в 2005 – 2006 гг. были выполнены мероприятия по охране вод: на предприятии ОАО "АВИСМА" произведена реконструкция очистных сооружений промышленных сточных вод, выполнено строительство цеха механического обезвреживания осадка, произведена очистка промышленного канала, в результате чего снижено его заиливание взвешенными веществами; на предприятии ОАО "Азот" проведена реконструкция установки нейтрализации стоков 1-го отделения цеха химводоподготовки, за счет чего произошло сокращение сброса стоков и уменьшение рН с 6,5 до 8,5, установ-

лен расходомер для уточнения объемов сброса сточных вод предприятия, разработан проект очистки сточных вод в производстве карбамида, в результате чего произошло сокращение сброса NH₄ на 12,5 т.

На предприятии ОАО "АВИСМА" в 2006 г. продолжена реконструкция очистных сооружений промышленных сточных вод, выполнено строительство цеха механического обезвоживания осадка. Произведена очистка промышленного канала, в результате чего снижено его заилива-

ние взвешенными веществами. С целью улучшения экологической обстановки около города Березники необходимо продолжить работу по изучению влияния поверхностных сточных потоков на качество воды, обеспечить проведение паразитологического, санитарно-химического исследования почвы активно используемой береговой линии реки Кама, продолжить работу по очистке реки Толыч и транспортного канала, урегулировать деятельность хозяйственных объектов, расположенных в водоохраных зонах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Методические указания по формализованной комплексной оценке качества поверхностных и морских вод по гидрохимическим показателям [Текст]. – М.: Госкомгидромет, 1988.
2. Методы исследования качества воды водоемов [Текст] / Под ред. академика А.П. Шицковой. – М.: Химия, 1990.
3. Порядин, А.Ф., Хованский, А.Д. Оценка и регулирование качества окружающей природной среды [Текст]: учебное пособие для инженера-эколога / А.Ф. Порядин, А.Д. Хованский. – М.: НУМЦ Минприроды России, Издательский дом "Прибой", 1996.
4. Результаты химических анализов в воде реки Кама за 2005 – 2006 гг. Химико-аналитическая лаборатория ОАО "Ритм" (Российский институт титана и магния).
5. Состояние и охрана окружающей среды г. Березники [Текст]. – Березники: Соликамская типография, 2006.

© Е. Н. В. Норина, 2009

М. В. Тюшева

СТРОГАНОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ – НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ КУПРОС

В 1700-1702 гг. по указу Петра I земли на р. Обве, Иньве и Косьве перешли во владение Григория Дмитриевича Строганова, и дальнейшая история Иньвенского края, места коренного проживания коми-пермяков, связана с деятельностью землевладельцев, промышленников и меценатов Строгановых.

По указу Берг-коллегии от 23.03.1754 г. Николай Григорьевич Строганов на р. Пожва основал чугунолитейный и железоделательный завод [7, с. 340].

В 1852 г. близ починка Щукино на р. Кува было начато сооружение плотины и строительство чугунолитейного завода графа Сергея Григорьевича Строганова. Завод действовал с 1856 г. по 1909 г. [4, с. 16-17].

В с. Кудымкарское на средства Александра Сергеевича Строганова заложена в 1795 г. (строительство окончено в 1800 г.) каменная Кудымкарская Никольская церковь [8, л. 1-3].

Взгляд жителей и гостей Коми-Пермяцкого округа, проезжающих по автотрассе Кудымкар

– Пожва у с. Купрос, привлекает силуэт разрушающейся церкви. При въезде в село открывается панорама величественного храма, построенного мастерами деревянного зодчества.

В каком году был основан первый Купросский храм, на сегодня не установлено, но в переписной книге князя Ф. Бельского за 1678 г. уже упоминается погост Купросский, а в нем – деревянная Никольская церковь [6].

В "Переписной книге именитого человека Григория Дмитриевича Строганова Соликамского уезда переписи дьяка Сибирского приказа Алексия Аникеева" на 1711 г. запись: "Вотчина егож именитого человека господина Григория Дмитриевича Строганова погост Купрос на речке на Иньве и на речке на Купроске а в нем церковь во имя Николая Чудотворца да к ней предел святого пророка Ильи деревянные".

В 1768 г., за 27 лет до начала строительства каменного Кудымкарского Никольского храма, "тщанием" Александра Николаевича Строганова в с. Купрос построен новый храм – деревянный, на каменном фундаменте с колокольной, снаружи обшитый тесом, выкрашенный желтой краской и покрытый железом, а внутри "штукатуренный". Храм имел 3 престола: холодный – Никольский, в теплом северном пределе – святого пророка Ильи, в теплом южном пределе – преподобной чудотворицы Елизаветы. Дата строительства храма, отметившего в 2008 году 240-летний юбилей, указана в адрес-календаре Пермской Епархии за 1909 г., составленном диаконом Петром Ершовым [3, с. 97.], и подтверждена архивными материалами Государственного архива Пермской области [1, л. 68 – 79] и Коми-Пермяцкого окружного государственного архива [9, л. 1 – 2].

В начале XIX в. к приходу Купросской Никольской церкви относились 109 деревень и 6 починок, в которых проживало 1431 мужчина и 1555 женщин. К 1862 году количество прихожан почти удвоилось и превысило 5 тысяч человек.

По описи церковного имущества в 1834 году всего числилось в храме 188 предметов. Из ценных вещей опись упоминает дарохранительницу стоимостью 465 руб. 80 копеек, приложенную графом Строгановым в 1829 году, Евангелие 1786 года "все в серебре" (стоимость неизвестна), приложенное управляющим Иваном Седовым в 1790 г., Евангелия 1677, 1722 и 1812 г. В церкви также имелись вещи, переданные из Усольской Николаевской церкви. На колокольне насчитывалось 7 колоколов, общий вес которых составлял 52 пуда 29 фунтов [10].

В XIX веке с. Купрос становится хозяйствен-

ным, православно-просветительским центром левобережья р. Иньва. По данным МУК "Ильинский районный краеведческий музей" в первой половине XIX в. только в самом селе насчитывалось 5 часовен.

С 1790 г. до 1860 г. в с. Купрос находился конный завод Строгановых, на котором выращивали породистых лошадей обнинской породы, смешанной с нердвинской, "кроме двух (Купросского и Каташинского) в Соликамском уезде конских заводов не было" [11, с. 607].

На основании Указа Святого Синода от 29.10.1836 г. об искоренении раскола в селах Коми-Пермяцкого края, в имении графа Строганова в 1840 г. в с. Купрос открывается концессиональное православное училище. В 1853 – 1854 учебном году в училище обучалось 53 ученика. В середине XIX века Купросское православное училище являлось лучшим в имении Строгановых среди 15 учебных заведений духовного ведомства.

К концу XIX в. в приходе Никольской церкви имелись 3 церковно-приходские школы и 2 – земские. С 1897 г. при церкви имелось церковно-приходское попечительство, а в 1911 г. при церкви утверждено Общество трезвости.

В 1918 году в с. Купрос устанавливается Советская власть. Весной 1919 г. село неоднократно переходило то к красным, то к белым, бои сопровождались массовыми расстрелами пленных. На колокольне Никольской церкви размещалась огневая точка, но храм сохранился. Летом 1919 г. советская власть в Купросской волости устанавливается окончательно. В 1929 г. создан колхоз "Новая деревня", а в январе 1930 г. на собрании жителей с. Купрос единогласно постановили: "Учитывая нужду в строениях под культурные учреждения и то, что в Купроскую церковь, кроме 10-15 старух, никто не ходит, передать ее под культурное учреждение "Клуб". [12, с. 16].

В 1938 г. храм лишился и колоколов. По словам очевидцев: "Прощальный звон колоколов на несколько километров стоял. Даже в с. Аксеново слышали" (Бычкова Александра Лаврентьевна, с. Купрос, 1916 г. р.).

Несмотря на решение Коми-Пермяцкого окрисполкома о передаче Николаевской церкви под клуб, здание церкви пустовало до 70 годов XX века. Впоследствии в здании церкви был открыт промышленный склад, но пятиярусный иконостас с иконами и престолы были сохранены. В 1987 г. 27 икон Николаевской церкви с. Купрос переданы Пермскому краеведческому музею, часть икон и церковная утварь еще в

50-е годы были переданы в Свято-Троицкую церковь с. Пожва. После закрытия склада здание церкви стало разрушаться: просел купол холодного храма, но внутри до настоящего времени сохранилась роспись (лики святых апостолов Марка, Матвея, Луки, Иоанна Богослова, святого равноапостольского князя Владимира, святого праведного Симеона Верхотурского). В начале XXI в. разрушение ускорили "заезжие туристы" (вскрыты полы, обшивка, стойки, перекопана земля), ищущие клад адмирала Колчака. А еще 5 лет назад по селу слух прошел: под куполом церкви захоронен с золотым крестом и Евангелием старец, чей лик причислен к святым. Могила вскрыта, но прихожанами при участии отца Владимира (Церковь Богоявления, с. Майкор) были обнаружены только белые кости, произведено захоронение. Таких захоронений на территории Коми-Пермяцкого округа было два (в с. В-Иньва не сохранилось), и совершались они только по решению Владыки.

Многие тайны Купросской Никольской церкви еще предстоит открыть:

- чье захоронение находится под куполом храма: иконописца, строителя храма или священ-

нослужителя, и каковы его заслуги в служении?

- кто автор проекта строительства деревянного рубленного храма, высота которого в храмовой части превышает 23 м?

- кто расписывал храм? Может быть, это творение мастеров Строгановской иконописной школы?

К сожалению, до настоящего времени Никольская церковь с. Купрос не отнесена к памятникам истории и архитектуры, не было и профессиональной научно-исследовательской работы. В 2008 г. в г. Кудымкар создана инициативная группа по сохранению и восстановлению Купросской Никольской церкви как памятника культурного наследия и духовного центра, имеющего многовековую историю. Как член инициативной группы предлагаю участникам научно-практической конференции "Камский путь" обратиться в Министерство культуры Пермского края, Центр охраны памятников Пермского края о скорейшем решении вопроса по отнесению Николаевской церкви с. Купрос к памятникам культурного наследия Пермского края и принятии мер по предотвращению его дальнейшего разрушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Пермской области. Ф. 540. Оп. 1. Д. 44.
2. Головчанский, Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села [Текст] / Г.П. Головчанский. – Пермь, 2005.
3. Ершов, П. Адрес-календарь Пермской Епархии на 1909 г. [Текст] / П. Ершов. – Пермь, 1908.
4. Зубов, Ю.П. и др. Кудымкар: от истоков до наших дней [Текст] / Ю.П. Зубов. – Пермь, 1998.
5. Зубов, Ю.П. Коми-Пермяцкий округ: век XX [Текст] / Ю.П. Зубов. – Пермь, 2001. – С. 248.
6. Ильинский районный краеведческий музей. Осн. ф. 1966/87 Копия переписной книги князя Ф. Бельского на 1678 г.
7. Казанцев, Д. Список горных и металлургических заводов Урала и Предуралья [Текст] / Д. Казанцев // История пролетариата СССР. – 1933. – № 1 – 2, 13 – 14.
8. Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. Ф. 5. Историческая справка.
9. Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. Ф. 10. Историческая справка.
10. Рябова, В.А. Историческая справка МУК "Ильинский районный краеведческий музей" [Текст] / В.А. Рябова. – 2006.
11. Шишонко, В. Пермская летопись. Период 4 [Текст] / В. Шишонко. – Пермь, 1882.
12. Щекина, В.Н. Храмы Юсьвинского района [Текст] / В.Н. Щекина. – Юсьва, 2006.

"УСОЛЬЕ – НА – КАМЕ". РЕГЕНЕРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО – АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Среди исторических городов России, бывших центрами по добыче и выработке соли, исключительное место занимает город Усолье Пермского края. Эта исключительность обусловлена, во-первых, регулярностью и архитектурной ценностью исторической застройки; во-вторых, необычной формой собственности и управления, где со Строгановыми органично соседствовали представители других, знаковых в истории России, фамилий. Наконец, в-третьих, Усолье стало одной из жертв обширного затопления территорий при строительстве КамГЭС, что в данном случае привело к разрушению большей части старого города. В результате, на его месте образовался своеобразный симбиоз сохранившегося на небольшом возвышении фрагмента архитектурного ансамбля центра города, остатков сооружений соляных промыслов и пустынных ныне островов с разделяющими их протоками.

Однако, как говорится, есть время разбрасывать камни и время их собирать. Ныне по инициативе администрации Усольского района начинается возрождение старого города, ведутся научно-исследовательские, проектные и реставрационные работы. Разработаны проекты реставрации ряда храмовых сооружений, в 2007 г. РосНИПИ Урбанистики разработан "Проект зон охраны культурного наследия города". Однако задача сохранения и рационального использования исторического наследия не может быть решена только охранным регламентированием. В повестку дня естественно встал вопрос определения содержания и порядка дальнейших действий в исторической части города. Ответ на этот вопрос должен дать "Проект регенерации и развития историко-архитектурного комплекса", который разработан нами совместно с московским институтом "ИНРЕКОН".

Усолье является историческим городским поселением, в границах его территории расположены объекты культурного наследия, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную и соци-

ально-культурную ценность. В соответствии с этим государственной охране подлежат все исторически ценные элементы старого города: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие.

Современное понимание проблем сохранения культурного наследия базируется на "средовом" подходе и ориентируется как на охрану отдельных памятников и ансамблей, так и на сохранение культурных ландшафтов, охватывающих целые исторические территории различной величины. При этом историческая среда рассматривается как совокупность памятников истории и культуры, исторической застройки, художественных, бытовых и трудовых традиций жизни населения в единстве с окружающей природой.

Существующее положение, при котором на охране состоят отдельные памятники Усожья, не может обеспечить комплексной охраны всей совокупности сохранившихся объектов культурного наследия и ландшафта "Усожья-на-Каме". Необходимо введение четкой определенности в правовое положение сохранившейся части исторического Усожья, придание ему такого юридического статуса, который предусматривал бы сохранение территориальной целостности всего культурного наследия и ландшафта, обязывал бы нормой права к установлению особого режима использования территории.

Согласно Федеральному закону "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 28.06.2002 г. № 73 – ФЗ (статья 3.), объекты культурного наследия подразделяются на:

памятники – отдельные постройки, здания, сооружения с исторически сложившимися территориями;

ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений;

достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты...

"Усолье-на-Каме" по совокупности и значимости своего культурного наследия имеет все признаки достопримечательного места. В отношении достопримечательного места, представляющего собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, на основании заключения историко-культурной экспертизы может быть принято решение об отнесении такого места к историко-культурным заповедникам. Границы заповедника могут не совпадать с границами достопримечательного места (ст. 57, п. 1 Закона № 73 – ФЗ).

В соответствии с проведенными исследованиями и историко-архитектурным планом (ФГУП РосНИПИ Урбанистики), в границы Историко-архитектурного комплекса Усожья входит вся группа островов, образовавшихся на месте старой части поселения Новое Усолье, а также узкая прибрежная полоса в материковой части современного города Усолье. Эта территория достаточно обширна, она занимает площадь порядка 300 га. Однако почти вся сохранившаяся застройка старого города и наиболее ценные памятники сосредоточены в его историческом ядре (в Посадской части и ее окружении) на территории около 60 га. Эту территорию и предлагается включить в границы историко-культурного заповедника, который должен получить соответствующий юридический статус и быть включен в государственный реестр.

Для управления заповедником целесообразно создать дирекцию, которая будет обеспечивать социальное развитие территории и сохранение ее культурного наследия. Важной задачей дирекции будет также согласованное взаимодействие с органами власти, архитектуры и охраны памятников, принимающих в соответствии со своей компетенцией решения по землепользованию, застройке и охране памятников Усожья.

Характер использования территории заповедника "Усолье-на-Каме", ограничения на ее использование вносятся в правила застройки и схемы зонирования, которые подлежат согласованию с Росохранкультурой. Зоны охраны отдельных памятников Посадской части, ядра заповедника, объединяются в границах групповой

охранной зоны. Соответственно, режим охранной зоны распространяется на территорию всей застройки старого Посада. Основными видами строительной деятельности здесь будут регенерация и реставрация, компенсационное строительство. Первоочередными объектами реставрации на территории заповедника определены памятники, играющие наиболее активную роль в ландшафтных панорамах, а также памятники, представляющие интерес для организации туризма. К ним относятся, прежде всего, культовые здания: собор, церкви, часовни, колокольни и наиболее сохранившиеся светские строения, в которых можно будет разместить туристов, организовать их первичное обслуживание.

На памятниках, находящихся в неудовлетворительном и аварийном состоянии, намечено проведение специальных работ по укреплению и консервации, предохраняющих их от дальнейшего разрушения. Предусматривается восстановление репрезентативного характера застройки: реставрация, реконструкция, внутренняя модернизация построек с учетом возможного использования их в дальнейшем для размещения предприятий туристского обслуживания: небольших гостиниц, кафе, магазинов, ремесленных лавок-мастерских и т.п. При регенерации обезлюдивших исторических жилых кварталов, при компенсационном строительстве на местах утраченных построек предусмотрено сохранение традиционных принципов и типов застройки усадебных комплексов и пространства улиц.

Важнейшим средством сохранения культурного наследия является его рациональное использование. Учитывая, что весомой отраслью хозяйственного развития "Усожья-на-Каме" становится туризм, намечены меры по возрождению исторической среды, природных ландшафтов, которые и являются достоинствами города, факторами туристской привлекательности.

Широкое развитие в Усолье получают познавательный туризм, событийный туризм (фестивальный, ярмарочный, праздничный), ознакомление с исторической технологией солеварения, обучение ремеслам, лицензионные рыболовство и охота, пешие, конные, велосипедные, лыжные прогулки, водные путешествия на яхтах, катерах, байдарках и т.д. Необходимым условием при этом является формирование позитивного отношения местных жителей к туристам и желание заниматься туристским бизнесом. Каждый восстанавливаемый объект должен иметь пользователя, хозяина, без которого объект обречен на деградацию.

Особое значение имеет организация предприятий этнографического питания, создание лавок-мастерских, сочетающих процесс производства, реализации и показа. Размещение таких объектов, как правило, должно осуществляться на базе исторической застройки.

Очевидно, что потенциал "Усоля-на-Каме" позволит развивать музеи, расширить тематику экскурсионной деятельности, возрождать театральные и праздничные традиции. В соответствии с конкретной дислокацией памятников, экспозиционная зона заповедника подразделена на участки расположения основного ансамбля памятников гражданской архитектуры, группы производственных памятников соледобычи и мест нахождения отдельных сохранившихся церковных зданий, бывших ранее в окружении городской застройки.

Предлагается также выделение зон регенерации жилой и производственной застройки. Часть жилых зданий Посада будет использоваться как небольшие семейные гостиницы и пансионаты, часть – как жилье персонала или предприятия обслуживания. А в производственной зоне Верхних и Нижних промыслов предусматривается создание действующей музейной линии соляного производства, какое существовало в Прикамье издавна.

Если зоны исторической застройки с режимом регенерации расположены преимущественно в пределах историко-культурного заповедника, то зоны и учреждения развития, обеспечивающие эффективное освоение территории в границах всего комплекса, размещаются вне заповедника. В связи с этим предлагается дифференцированное функциональное зонирование территории, учитывающее потребности развития отдыха, туризма, жилой функции.

Так, южнее нижних промыслов размещается спортивно-оздоровительная зона, которая включает территорию конно-туристского клуба, где туристы будут учиться общению с лошадью и навыкам верховой езды для последующих пу-

тешествий по Усолю и его окрестностям. В районе здания бывшей компании "Самолет" организуется водно-спортивная база и яхтклуб, где взрослые и дети могут обучаться основам плавания под парусом. В западной части Низа оборудуется Дом рыбака.

На прибрежной полосе материковой части города, южнее бывшей земской больницы, предлагается организовать комплекс туристской гостиницы и мотеля, первым этапом которого станет приспособление здания бывшей промышленной больницы Абамелек-Лазарева для проживания туристов. К востоку от этого комплекса, на противоположном берегу оз. Подвального, намечено разместить водолечебницу "Соляные ванны". Примерно на этом месте до затопления середины 1950-х годов находился санаторий с тем же названием, который был широко известен не только в Пермской области, но и далеко за ее пределами. На территории пустынных ныне островов располагается ландшафтно-рекреационная зона, где прокладываются велосипедные, конные и пешеходные прогулочные маршруты.

Наконец, на северном и южном "флангах" историко-архитектурного комплекса предлагается разместить кварталы жилой застройки, подобной той, что существовала здесь прежде. Это позволит "оживить" пустые ныне территории, сохранить и рационально использовать еще сохранившиеся здесь памятники.

Подводя итог, отметим, что развитие туризма всегда способствует росту национального самосознания на лучших образцах историко-культурного наследия. Потеря традиций, утрата историко-культурного наследия всегда негативно отражается на этнокультурном, социально-экономическом, демографическом, политическом развитии любого региона. Прерванная историческая преемственность поколений часто приводит к росту противоправного поведения части населения, к вандализму, особенно среди подрастающего поколения.

Л. В. Баньковский

КАМСКИЙ ПУТЬ ЭКИПАЖА "ВОСХОДА-2"

Прошло ровно сорок пять лет с тех пор, как в нашей верхнекамской тайге в почти аварийном режиме опустился спускаемый аппарат космического корабля "Восход-2" с экипажем, в составе которого были космонавты П. И. Беляев и А. А. Леонов. Приземление состоялось у истоков речки Уролки, примерно в 80 километрах от её камского устья. А включись тормозная двигательная установка на десяток секунд позже и "Восход-2" был бы на камском берегу.

О посадке "Восхода-2", последовавшей вслед за первым в истории человечества выходом Леонова в открытое космическое пространство, напоминают сотни и тысячи статей, очерков, заметок, многие километры фото- и киноплёнок, монументальные памятники. Все пишущие, снимающие, выступающие с воспоминаниями и комментариями участники и очевидцы этого события согласны с его небывалыми до тех пор историческими масштабностью, значительностью, величием.

Однако удивительно ещё и то, что до сих пор нет подробного описания всего при этом произошедшего, нет даже опубликованной полной хроники события.

Просто-таки потрясающими выглядят насыщенность памятного космического полёта нестандартными ситуациями и поистине героическими действиями экипажа в этих условиях. По прошествии многих лет с тех пор некоторые из этих ситуаций приподнимаются в историческом сознании людей как особо значительные, а всё событие – не только как рядовой редкий случай в развитии отечественной космонавтики, но и как выдающийся подвиг нашего народа и тех наших земляков в том числе, которые так или иначе участвовали в этой эпопее.

Из космоса к истокам камской Уролки

19 марта 1965 года на заключительном этапе полёта Павел Беляев и Алексей Леонов предпосадочно ориентировали и тормозили космический корабль в режиме ручного управления. Отказ автоматической системы ориентации и посадки на семнадцатом витке полёта привели к переходу корабля на дополнительную – восемнадцатую орбиту и на непредусмотренную регламентом полёта посадочную траекторию, про-

ходящую над Средним Поволжьем и Пермской областью. Поэтому плановая наземная группа поиска и встречи корабля довольно долго оставалась за Уралом, в казахстанском Кустанае, и была неспособна оказать незамедлительную помощь приземлившимся космонавтам.

Ситуация осложнялась тем, что на заключительном участке орбиты и посадочной глиссаде Центр управления полётом не имел прямой связи с экипажем. В распоряжении Центра были лишь данные из Одессы и Саранска о снижении корабля, пеленги на корабль от радиолокаторов "Круги", а также полученные через Алма-Ату телеграфные коды "ВН" от экипажа, что означало "Всё нормально".

В помощь Центру управления полётом, озабоченному категорическим отказом главных систем связи, ракетно-зенитные части Уральского военного округа приняли указание о срочном включении всех своих радиолокационных станций. Вышестоящий командный пункт в Свердловске отдал распоряжение Пермскому соединению ПВО следить за изменениями воздушной обстановки со стороны соседей – Приволжского военного округа.

И вот, на индикаторах пермских локаторщиков появилась яркая отметка космического корабля. В отличие от самолётов за считанные секунды она смещалась в небе на десятки километров. И, наконец, остановилась. Это означало, что на высоте около семи километров над спускаемым аппаратом благополучно раскрылись два парашюта. Тут же были определены время и координаты приземления "Восхода-2": четырнадцать часов две минуты местного времени, посадка в ста восьмидесяти километрах от Перми на северо-запад, в районе непроезжей заснеженной тайги с пересечённым рельефом.

Как вспоминал об этом происшествии очевидец, разработчик космических систем управления, сподвижник Главного конструктора Б. Е. Черток: "Целых четыре часа на командном пункте не было ясности, что случилось в космосе. Королёв вытряхивал душу из Быкова, Каманина и Большого, требуя связи. Прямой связи с кораблём не было, имелись только косвенные данные. Радиолокаторы ПВО засекли факт вхождения корабля в атмосферу и его снижение над Центральной Россией".

На пункте управления полётом ситуацию контролировали члены Государственной комиссии Королёв, Келдыш, Тюлин, три конструктора, Юрий Гагарин. Лучшее из всех о тяжёлых условиях севера Пермской области было осведомлено пермяком Георгием Александровичем Тюлиным.

Председатель Госкомиссии Тюлин

Семья Тюлиных переехала в Пермь из Мстеры и Пензы ещё в 1925 году. Георгий закончил фабзавуч при пермском паровозоремонтном заводе, затем рабфак, потом мехмат Московского госуниверситета и аспирантуру. Проявил особенный интерес к самолётам и ракетам. В декабре 1941 года способного молодого офицера назначили командиром отдельной батареи "катюш". С ними Тюлин прошёл в боях от Подмосковья до Берлина, а кроме того, изучил досконально германскую ракету "Фау-2". Вместе с Королёвым и другими специалистами испытывал эти, подобные им модернизированные и новые ракеты на Нижней Волге, участвовал в создании космической индустрии и первого ракетного щита нашей страны. С 1954 года стал заниматься первым искусственным спутником Земли. В год полёта Гагарина был назначен председателем Госкомиссии по испытаниям и запускам ракетно-космической техники, отправлял на околоземные орбиты Быковского и Терешкову, экипаж Комарова, Феоктистова и Егорова, и, наконец, пришёл черёд провожать в космос Беляева и Леонова. Эта последняя Госкомиссия стала самой сложной, самой ответственной и самой смелой. Королёв ещё за полгода до этого старта подарил Тюлину свою фотографию с надписью "Дорогому Георгию Александровичу Тюлину, председателю самой трудной комиссии", на память о наших традиционных уже заседаниях, таких волнующих, незабываемых, наполненных большим смыслом и являющихся неслучайным прологом к очередному космическому рейсу. С. Королёв. 10 октября 1964 года. "Восход"

Как только на командном пункте получили подтверждение о благополучной посадке "Восхода-2", Тюлин сразу же от имени Госкомиссии обратился в Пермский обком партии с просьбой о помощи. Местные пермские власти хорошо представляли себе район приземления, а также поисковые и спасательные возможности своих вертолетов.

В свою очередь шеф космических исследований и военно-промышленного комплекса, сам неоднократно работавший в Перми, Д. Ф. Устинов приказал обкому партии немедленно организовать своими силами поиски космонавтов. Поисковую группу на вертолёте Ми-4 возглавил

Коноплёв, тогдашний председатель облисполкома. По своей инициативе включился в поиск космонавтов и экипаж вертолёта Ми-1 Добрянской нефтеразведки.

Старшим начальником центральной поисковой группы от военных был назначен генерал Картаков.

Поскольку надёжных средств подъёма космонавтов из сплошной тайги в то время ещё не было, по согласованию с Москвой утвердился лыжный вариант спасения экипажа. Одна из первых поисковых групп сформировалась и в районе Березников. В её составе было два вездехода с военнослужащими. Усольский мост ещё не был построен, и группа в сплошном тумане начала переправу по намороженному ледяному мосту около Содового завода. С правого камского берега она продолжила ночной путь по заваленным снегом лесным дорогам в село Кургановку, от которого до места посадки "Восхода-2" оставалось ещё 15-17 км полного бездорожья. Посадкой "Восхода-2" в уральскую тайгу были взбудоражены также и верхнекамские геологи-нефтяники. Бывший моряк, инженер Берёзовской нефтеразведки Евгений Никулин снарядил три трактора С-100, бульдозер и начал пробивать дорогу к космонавтам со стороны села Берёзовка. Солдаты, нефтеразведчики, лесорубы, лыжники-спортсмены, врачи, журналисты отважно ринулись в тяжёлую глушь навстречу космонавтам.

По настоятельной рекомендации Тюлина и Королёва служба Байконурского полигона выслала в Пермь свою спасательную экспедицию, возглавлявшуюся подполковником Владимиром Сергеевичем Беляевым и мастером завода Юрием Лыгиным. Владимир Беляев последним закрывал люк "Восхода-2" после посадки экипажа в кабину. В состав этой экспедиции были зачислены также В. Волков, В. Шаповалов, С. Артемьев.

Пилоты Берестов, Жунёв, Львов, Тепляков

Прочёсывая в пеленге лесные массивы к западу от Березников, пилоты вертолётов Ми-4 и Ми-1 Берестов и Жунёв сначала обнаружили повисшие на вершинах деревьев оранжевые парашюты спускаемого аппарата, а затем увидели и машущих руками космонавтов. Густая высокорослая тайга, лишённая сколько-нибудь значительных просветов, делала посадку вертолёта около космонавтов совершенно невозможной. Меховые штаны и унты, сброшенные с вертолётов, зацепились за ветки и до земли не долетели.

Экипажи по радиации доложили обстановку на

истребитель-перехватчик Як-25, патрулировавший в роли летающего ретранслятора в районе посадки над сплошной облачностью. Когда сообщения вертолётчиков были услышаны в Перми, в Москве и Байконуре, возникла идея поднять космонавтов в вертолёт по опущенной среди деревьев верёвочной лестнице.

Служба поиска, подчинённая маршалу Руденко, переправила в Байконур такое сообщение:

– Вертолётчики обнаружили на деревьях парашют, внизу корабль и рядом с ним космонавтов. Сесть не могут – густой лес, высота деревьев около тридцати метров.

Руденко запросил дополнительную информацию:

– Что можете сказать о состоянии космонавтов?

– Находятся около корабля, размахивают руками. Холодно.

– Снег глубокий?

– Похоже, да – корабль наполовину утонул.

– У вертолётчиков есть с собой одежда для космонавтов?

– Они сбросили им свою.

– Что вы собираетесь делать?

– Разрешите поднять космонавтов на борт по верёвочной лестнице?

– Запрещаю... Надо как можно скорее высаживать десант и вырубать площадку для посадки вертолёта. А пока главная задача – обеспечить безопасность космонавтов и уберечь их от переохлаждения. Доставьте на место тёплую одежду, провизию, медикаменты. В ближайшее время к вам вылетит группа специалистов по кораблю. Обеспечьте их высадку на место.

Генерального секретаря КПСС Брежнева озадачила невозможность сразу же лично поздравить космонавтов с приземлением. Его постарались убедить, что подъём космонавтов в вертолёт по верёвочной лестнице представляет для их жизни немалую опасность. Брежнев поддержал предложение военных о подготовке по соседству с космонавтами в окрестном лесу посадочной площадки для спасательных вертолётов.

И пермский Ми-4 улетел за помощью в Березники. Там в здании горкома партии собирались в тайгу энтузиасты-лыжники, врачи, а также почувствовавшие свою историческую ответственность журналисты газет, радио и телевидения, жаждавшие первыми увидеть дорогих гостей из космоса. Всему этому шумному народу были предоставлены крытые машины, которые в ночь вышли в Кургановку вслед за поисковой группой военнослужащих ПВО. Оставшийся в городе березниковский народ не расходился с улиц и площадей в надежде на то, что

вот-вот привезут космонавтов.

20 марта ночью в Пермь прилетела спасательная экспедиция из Байконура. Королёв по радио призвал её к немедленной работе:

– Безвыходных положений не бывает. Конечно, риск должен быть минимальным и безопасность экипажа полная, но я требую, чтобы рядом с ними кто-то был из группы поиска. Вам ясно?

Группа сразу же вылетела в тайгу на небольшом вертолете Ми-1 и в девять часов утра была высажена в 2,5 км от места приземления "Восхода-2". С. Артемьев и В. Волков не смогли встать на лыжи: не удалось приладить лыжные крепления к унтам. К экипажу на лыжах вышел один В. В. Беляев. При нем были радиостанция, компас, топор и пила. Жунев сверху показал направление на "Восход-2", а Владимир на своем компасе установил нужный азимут неотступного движения к цели по снежной целине. Остальные участники группы вернулись на место базирования крупных вертолетов.

Пилоты вертолётчиков сделали всё от них зависящее, чтобы всеми возможными способами и как можно быстрее помочь космонавтам. Как вспоминал и шутил по этому поводу Елисей, вертолётчики поделились с Беляевым и Леоновым не только своими куртками, тёплыми штанами, унтами, шапками, шлемофонами, но "достали свои термосы с чаем – и всё это бросили космонавтам. Они бы, похоже, и сами выпрыгнули, если бы вертолёт мог вернуться без них. Такой был порыв души".

Первая встреча с землянином Иваном Федосеевым

Ну а что же космонавты? Казалось бы, вымотавшись окончательно в космосе при ликвидации смертельно опасных нештатных и аварийных ситуаций Беляев и Леонов при встрече с Землёй должны бы вздохнуть свободно. Но и тут суровые испытания продолжались. Слышно было, как шеститонный космический корабль при приземлении сталкивался с какими-то препятствиями, вероятно, ломал деревья. А ожидаемого удара о землю почему-то не ощутили. Зависли что ли на деревьях?

Однако Павел Иванович как будто и не спешил начать жить земной жизнью: всё его внимание было обращено к пульту управления; он отключал одну за другой, как учили, системы корабля. Импульсивный Алексей Архипович попытался "заземлить" внимание командира:

– Ишь как мягко встречает твердь! Будем выбирать?!

Сосредоточенный Беляев чуть кивнул головой. Но люк не отстрелился, а другой люк был

заглушён. Кто бы мог подумать, что выходной люк заклинило обломленным стволом, а сам корабль угнездился в мощной развилке трёх лесин у самой земли.

Чтобы освободиться от непонятных препятствий, Беляев и Леонов попытались раскатать свой космический дом, но из этого ничего не получилось.

Тем не менее удача и в этот раз не отвернулась от космонавтов. Она подросла в лице бредущего по старой лыжне на охотничьих лыжах Ивана Илларионовича Федосеева, лесоруба и охотника из деревни Васькиной. Услышав странные звуки с неба и почувствовав близкий запах расплавленной сосновой смолы, охотник пошёл на запах и остановился, поражённый громадным, покрытым бурой окалиной шаром, внутри которого, несомненно, были люди. Федосеев, коренной житель тайги, сразу же запечатлел в своём сознании наклонённый над небесным пришельцем сломанный ствол сосны, из которого на раскалённую оболочку шара капала-капала и шкворчала живая мартовская смола. Как остались живы люди при такой наружной жаре?

Пустяковое дело разрубить топором подпиравший люк обломок соснового ствола. По впечатлению Федосеева, космонавты как бы вывалились ему навстречу взъерошенные, распаренные в своих оранжевых комбинезонах.

У Федосеева потом выспрашивали: "Космонавты в этот миг были взволнованы?" Охотник улыбался: "Нет, как из бани, головой в снег!" Леонов это мгновение вспоминал так: "Паша вышел из корабля первым и "нырнул" в снег. Картинка как в "Белом солнце пустыни": этакий Саид, закопанный в песке – торчит одна голова. А я сначала застрял, мне ногу зажал, но я выдернул и – к Паше. Мы же 27 часов находились в корабле и теперь на земле только дышали... воздух, ворвавшийся в лёгкие, показался ух каким свежим! Кругом была тишина и деревья высотой в тридцать пять метров".

Очень достойными, знающими себе цену российскими людьми показали себя космонавты в этот первый на Землю шаг. Тут же на морозе сбросили комбинезоны и совершенно мокрые трико, отжали из них ручьи пота, оделись в выжатую одежду и потянулись к разгорающемуся костру. Даже в таком критическом состоянии они не потеряли привычной своей светлой бодрости и непринуждённого чувства юмора. Традиционная этика всю жизнь летающих людей ни при каких обстоятельствах не позволяла задать первому встречающему землянину, казалось бы, сам собой напрашивающийся на язык вопрос: "А где мы сели?!"

У Павла Ивановича получилось очень красиво: "И куда ты, Лёшка-штурман, нас завёл?"

Последний раз с орбиты в иллюминатор через навигационную систему "Взор" смотрел Алексей Архипович. Поэтому Беляев и назвал его штурманом. А "штурман" и не растерялся: "Между Обью и Енисеем сидим, месяца через три за нами на собаках приедут!" – и виновато полез в кабину корабля колдовать с пока ещё не остывшими приборами: "Сели на Урале!"

Немногословный могущественный лесной Федосеев сделал своё главное дело – встретил, развёл костёр, вскипятил чай, подарил острый, как бритва, лесной топор – и исчез с глаз.

Позже Леонов вспоминал: "...В спускаемом аппарате был десятидневный запас воды и еды, но если бы не этот уральский охотник – через час у нас кончился бы воздух..." Примчавшийся в свою деревню Федосеев вместе с молодым лесничим уточнил номер лесного квартала, где приземлился космический корабль, и сообщил по радиации обо всём увиденном по инстанции – в Соликамский лесхоз. А дальше, ещё через нескольких радистов, лесхозовская весть дошла до Перми, Москвы, Байконура.

Помощь с неба. Малый радиомаяк "Комар" непрерывно посылал сигналы для наведения на спускаемый аппарат самолётов и вертолётных группы поиска. Но, за исключением полыхающего костра, всё окружающее белохвойное заиндевевшее и заснеженное пространство пребывало в ожидании весны на редкость спокойно и безмолвно. День так или иначе клонился к вечеру, и нужно было заранее подумать о возможности ночлега в зимней тайге.

Павел Иванович сдвинул брови:

– Замёрзнуть мы не имеем права, давай-ка, Алексей, устраиваться!

Заглянули в аварийный запас – он оказался рассчитанным на приводнение в океан или на приземление в тёплую мартовскую кустанайскую степь. Естественно, что для тёплой одежды места там не нашлось.

Алексей Архипович с высоты макушки спускаемого аппарата потянул на себя стропы парашюта, отрезал от него приличный кусок полотна:

– Держи, Паша, свой тулуп! – Другой такой же "тулуп" припас для себя. Подержав материю у огня, обмотали её вокруг своих подсохших у костра трико, подвязались кусками парашютных строп. Сели у костра на корточки, прижавшись друг к другу плечами. Неизвестно, сколько нужно было ждать группу спасения.

Забрались в корабль. Погрустили немного. Чтобы себя взбодрить, решили открыть оставшийся единственным тубик с кофе. Затянулся

небольшой диалог, какой кофе лучше пить – горячий или холодный. Беляев:

- Ты за какой?
- За холодный.

Леонов:

- А ты за какой?
- За горячий.

Алексей Архипович нехотя вылез из кабины и пристроил тубу с кофе поближе к огню.

Окружающая лесная тишина вдруг нарушилась. Едва-едва слышимый характерный хлопающий звук несущего винта вертолёта, конечно же, сразу насторожил четыре авиационных уха, вполне привычных к таким звукам:

- К нам идёт! Нашли!

В этот момент у костра взорвалась туба с кофе, улетела в сторону и врезалась в ствол дерева...

– Салют в честь вертолётчиков! Ну теперь, Паша, пойдёт самое интересное!

Весёлое предсказание Леонова полностью сбылось. На высоких, совершенно недоступных ветвях повисли сброшенные с вертолёта меховые комбинезоны, куртки, тёплые штаны, пакеты, свёртки... Многие тяжёлые коробки скрылись в окрестных снегах.

Когда прилетел другой вертолёт, космонавты предусмотрительно прижались спинами к стволам деревьев, благополучно пережили второй "артобстрел" и заполучили, наконец, в своё распоряжение несколько прорвавшихся к ним тёплых курток, зимнюю шапку и меховой шлемофон. Поскольку никто из вертолётчиков к костру не пришёл, друзья поняли, что ночёвка в лесу неизбежна. Всю ночь они поддерживали костёр, подрёмывали или у огня, или в своих креслах в кабине спускаемого аппарата. К летающим вокруг вертолётам настолько привыкли, что иногда их и не слышали, и головы к ним не поднимали. И тогда пилоты докладывали по радиации, что космонавты живы и здоровы, серьёзно работой хозяйственной заняты, например, "один рубит дрова, другой подкладывает их в костёр".

Жаль, что не слышно было вертолётчикам, о чём в это время разговаривали между собой космонавты. Леонов с хитровой улыбкой:

- Так ты, Паша, за какой, говоришь, кофе?
- За холодный.
- А ты за какой?
- За горячий.

И вдоволь хохотали.

Утром нового дня – двадцатого марта – космонавты услышали где-то в стороне гудение мотопилы, и Алексей Архипович начал прокладывать по глубокому снегу тропу в сторону почти не прерывающегося, заманчивого звука.

Чувствовалось, что человек, в чьих руках почти не смолкает напряжённо гудящая мотопила, очень сильно увлечён своей работой. Кто же он, такой близкий к космическому лагерю труженик леса?

Лесоруб Василий Наседкин

Василий Ильич Наседкин, рабочий Шемейкинского мехлесхоза, местный умелец, мастер на все руки, накануне вечером отмечал день рождения жены вместе с её родственниками. Лёг он поздно, а утром чуть свет его разбудил мощный рокот низко пролетевшего над домом большого вертолёта. Вертолёты нефтеразведки никогда так низко над землёй не летали.

Когда приготовившийся к очередной срочной работе Василий в валенках, ватных штанах, телогрейке и вчерашними пирожками в кармане подходил к лесхозу, у только что севшего на площади и выключившего мотор вертолёта винты ещё крутились по инерции.

С порога конторы механик призывно махал ему рукой:

– Давай, выручай, Наседкин! Космонавты у нас в лесу сели. Там деревья нужно поспиливать. Вертолёт сесть не может! Вся страна на тебя смотрит!

В конторе Василия ждали люди в зимних лётных куртках и брюках. В одном из ожидавших, по-богатырски сложенных, который был с лампасами, Наседкин угадал генерала. Тот коротко сформулировал задание и приказал выдать в полёт самую лучшую бензопилу.

Около трапа вертолёта второй пилот внимательно оглядел Василия: "Надо пилу привязать на спину, чтобы не мешала, когда прыгать будешь", и подтолкнул в кабину. В два счёта пила была примерена и пристёгнута специальными ремнями с легко открывающейся пряжкой.

Лётчик пояснил ситуацию:

– Мы тебя спускать будем в сетке. Ветер очень сильно кидает. Сосны там метров двадцать высотой. Ты, как только увидишь, что невысоко до земли, сетку разрежешь и падай. Там сугробы глубокие. Деревья в том месте пореже стоят.

Предложил лётчик засунуть в валенок большой солдатский нож для разрезания сетки.

Вертолёт взлетел. Земля с квадратами вырубленных лесов, работающие на полянках лесорубы, ползущий трелёвочный трактор, лесные дороги и тропинки... Всё это с высоты птичьего полёта больше походило на муравейник. Вскоре второй пилот показал большое, колышущееся от ветра оранжевое пятно на вершинах тёмно-зелёных сосен – купола огромных парашютов. Вертолёт завис в воздухе. Вдвоём с пило-

том расстелили сеть на полу. Как только Василий стал на неё, платформа под ногами начала опускаться вниз, и он в сетке повис на тросе над деревьями, раскачиваемыми порывами ветра.

Когда земля приблизилась, Наседкин стал резать сеть и полетел вниз. Чуть не задохнулся в сугробе от рыхлого снега, но быстро вскочил на ноги. В открытую дверь кабины второй пилот очень точно сбросил на землю канистру с бензином. Вертолёт улетел.

Василий решил начать валить лес с ближайшей толстой сосны, потом принялся за другие деревья. Три раза доливал бензин в бачок бензопилы и всё пилил, пилил. Откуда только силы взялись. Наконец, счёл, что теперь-то уж вертолёту приземлиться места хватит и сел на свежеспиленное дерево.

Кто-то неожиданно положил руку на плечо Наседкина. Перед ним стоял Леонов. "Привет, лесоруб! – сказал он. – Лихо ты тут управлялся. Только шум стоял! Я наблюдал... Теперь ты в нашем экипаже. Пойдём, там товарищ мой. Приболел немного. Пойдём".

Около спускаемого аппарата возле лохматой ели полулежал закутанный во что-то Беляев. "Это Павел Иванович Беляев, мой командир. Ты лежи, Паша, мы сейчас с Васей что-нибудь из еды поищем". Василий вспомнил о своём домашнем запасе, достал свёрток. Космонавты переглянулись, Беляев кивнул головой, а Леонов пошутил: "Жалко, к пирожкам ничего нет..." и протянул Наседкину несколько тюбиков космического питания. "Чего ж ты с третьего блюда начал?" – засмеялись космонавты. Василий попросил разрешения "посмотреть шарик". Беляев подумал, приподнялся со своей лежанки: "Алексей, покажи ему нашу берлогу". – "Есть, командир, покажу... что можно показать".

Рядом со спускаемым аппаратом лежали две дверцы от люка, на одной из них было написано: "ОТКРЫВАТЬ ЗДЕСЬ! ВНУТРИ ЛЮДИ!" На Васин вопрос, кто же космонавтам открыл этот люк, Алексей Архипович ответил: "Федосеев – его фамилия. На лыжах к нам пришёл... Не открой он люк..." И Леонов замолчал.

Василий огорчённо взглянул на уходящий в тайгу лыжный след:

– Лесник, говорите. Тогда я не первый? И тут опередили...

– Не огорчайся, Вася! – улыбнулся Леонов, – я же говорю, что ты член нашего экипажа, как и лесник. Жизнью мы вам обязаны. Ты и так в историю попадёшь.

Василий заглянул в кабину, увидел два ложа, похожие на кресла зубных врачей, приборы

кругом:

– А как вы там двое? Тут и одному места мало?

– Мы же там не ходим. Мы лежим, – заметил Леонов.

С другой стороны космического корабля край парашюта опустился низко к земле, и Василий, обходя кабину, не удержался, чтобы не потянуть за стропу:

– А кусок парашюта отрезать можно? Всё равно он там рваный весь.

– Режь. Не жалко, – твёрдо сказал Леонов. – Только отберут его у тебя. Уверен...

– А я как портянку его намотаю, и в валенок. Валенки у меня большие. Во, смотри!

– Ну, давай. Режь. Нож-то есть?

Василий отхватил кусок парашюта, разулся, обернул ногу новой портянкой, сунул в валенок:

– Порядок. Теперь глухо. Никто не найдёт!

От безыскусной внимательности, чуткости и хозяйственности лесоруба космонавтам стало гораздо веселее. Василий с Леоновым наломали побольше еловых ветвей, чтобы Беляеву было повыше и теплее лежать. Нарубили и принесли к костру запас новых дров. В этих заботах не заметили сразу, как из леса к кораблю вышел ещё один заснеженный молодой человек. Это был Владимир Беляев. Он потормошил дремавшего Павла Ивановича. Тот с удивлением обернулся, потрогал пришельца:

– Ты что же, раньше нас здесь оказался? – обнялись, расцеловались. Радостный Алексей Архипович подбежал поприветствовать Владимира.

Замначальника группы поиска

Владимир Ветров

В ночном Пермском аэропорту руководитель Байконурской группы поиска так разъяснял своим подчинённым сложившуюся ситуацию и ставил задачу:

– Через две минуты взлетаем, экипаж корабля обнаружен в ста восьмидесяти километрах отсюда. Непроходимая тайга, глубокий снег. Вертолёты сесть не могут. Десант тоже невозможен. В десяти-пятнадцати километрах от точки есть редколесье. Наша задача: одной группой, которую возглавляю я, мой заместитель Ветров, пробиться к экипажу "Восхода" и обеспечить его эвакуацию до вертолётов. Второй группе – лесорубам – соорудить площадку для посадки тяжёлых машин. Задача ясна?

Вертолёт сел около полуразвалившейся охотничьей избушки. Более двух часов группа преодолевала тяжелейший путь. Поочередно прокладывали не только лыжный след, но и врезались в буреломы, пилили и рубили повален-

ные деревья, очищали узкую тропу, по которой предполагалось эвакуировать космонавтов. Подвернул ногу один из врачей, выдохлись ещё три человека. Пришлось потратить время на сооружение временной базы с палаткой и костром.

За восемь часов группа продвинулась километров на десять. Потребовался ещё один привал. Без привала способен был идти дальше только Владимир Ветров.

Челночные рейсы вертолёт обзначали направление от первоначальной базы на лагерь космонавтов. Владимир двигался из последних сил:

– Джунгли, словно в Африке. Откуда здесь лианы? – Последние двести метров он полз. И, наконец, увидел костёр, а потом склонившееся над ним лицо Леонова:

– Там, в рюкзаке, продукты, лекарства, тёплая одежда... Это всё вам... Спасательная группа скоро подойдёт...

– Это, браток, тебя спасать надо...

Леонов, Беляев и Наседкин понесли смертельно уставшего Ветрова к костру. Ещё через два часа по его следу пришла группа поиска с врачом Михаилом Тумановым. Но ей запретили эвакуировать космонавтов по столь трудному пути. Вскоре на лыжах прибыли военнослужащие со стороны Кургановки, за ними – вездесущие школьники. Затем появились на лыжах лесники и лесорубы с местными жителями из посёлка Шемейный, ими руководил лесничий Николай Кожухов. С вертолёт сбросили в подарок космонавтам банный котёл, а умелые и спорые на дереводельную работу местные люди срубили ладную баню. В этот вечер и ночью долго горели костры. Беляев и Леонов впервые после космического полёта напарились в бане и заночевали в тепле под крышей и с должной охраной.

А 21 марта, когда по всем правилам были оборудованы посадочные площадки, в ещё недавно глухом таёжном урочище впервые приземлились вертолёт. На первом Ми-4 улетели Беляев и Леонов. Вертолёт присел около заброшенной охотничьей избушки, где его поджидал другой вертолёт – Ми 6. Космонавты пересели на него и вскоре оказались в бурно встречавшей их Перми. На втором вертолёте в Пермь, а потом на самолёте в Москву увезли Владимира Ветрова. Переохлаждение на героическом пути в лагерь космонавтов вызвало воспаление лёгких. В день выписки из больницы Владимир подал заявление о зачислении в отряд космонавтов. Через три года Ветров начал готовиться к полётам на новой орбитальной станции "Салют" в группе с Гречко, Иванченковым и другими, ныне всюду известными,

космонавтами.

Один из вертолёт доставил оставшихся на месте приземления "Восхода-2" людей в посёлок лесорубов Шемейный. Василий Наседкин ещё в вертолёте дал своё первое в жизни интервью о встрече с Беляевым и Леоновым девушке-корреспонденту из "Пионерской правды". Там оно и было опубликовано. Впоследствии Василий Наседкин работал директором пионерского лагеря Шемейнского леспромхоза. Беляев и Леонов каждый год на День космонавтики приглашали Василия в Москву, показывали ему посёлок Звёздный и Байконур, ходили вместе на охоту.

Дружеские отношения с космонавтами поддерживает и бывший лесничий леспромхоза, а ныне известный учёный-лесовод Николай Кожухов. Участвовавшие в поисково-спасательных работах пилоты-вертолётчики Тепляков, Жунёв, Берестов, Львов и другие получили в награду фотоаппараты с гравировкой "За отличное выполнение задания от Министерства обороны СССР, 1965". Наседкин получил наручные часы с гравировкой "Василию Наседкину. За выполнение особого государственного задания. Министр обороны СССР Гречко. Апрель 1965 г."

Такова общая канва космических событий, произошедших 19-21 марта 1965 года на Верхнекамской земле. Но история эта, конечно же, не может быть достаточно полно осознана без контекстов ближайших событий – как предшествующих, так и последующих.

С. П. Королёв оценил полёт так: "Перед экипажем корабля "Восход-2" была поставлена труднейшая, качественно иная, чем в предыдущих полётах задача. От её успешного решения зависело дальнейшее развитие космонавтики, пожалуй не в меньшей степени, чем от успеха первого космического полёта... значение этого подвига трудно переоценить: их полёт показал, что человек может жить в свободном космосе, выходить из корабля... он может работать всюду так, как это окажется необходимым. Без такой возможности нельзя было бы думать о прокладывании новых путей в космос".

После полёта Беляева и Леонова сроки аналогичного эксперимента в США отодвинулись. Официально о предстоящем выходе своего астронавта НАСА сообщила 25 мая. 3 июня на орбиту вышел аппарат "Джемини-4", пилотируемый Д. Макдивиттом и Э. Уайтом. Уайт находился за бортом космического корабля 22 минуты. Американцы отказались от шлюзовой камеры и осуществили выход в космическое пространство прямо из кабины корабля.

Памятники Беляеву и Леонову на верхнекамской земле

Через два года после посадки "Восхода-2" в вековой уральской тайге, на площадке, которую за полдня выпилил Василий Наседкин для приёма спасательных вертолётов, работники "Ависмы" поставили памятный обелиск из нержавеющей стали. В марте 1968 года Беляев и Леонов побывали в Перми, стали почётными гражданами города. В их честь среди знаменитых пермских улиц появился проспект Космонавтов, улицы Беляева и Леонова. В июле 1977 года Алексей Архипович приезжал в Пермь и Березники для съёмки отдельных эпизодов многосерийного документального фильма "Это наша с тобой биография". После экскурсии на Мемориал Победы Леонова увезли на вертолёт к обелиску, где он с березниковцами и Василием Наседкиным пил чай у таёжного костра.

Более трёх десятков лет простоял этот памятник, притягивавший к себе внимание гостей города и туристов. И вот он был украден неизвестными до сих пор лицами, которые в погоне за пятьюстами килограммами нержавеющей стали пренебрегли чувством патриотизма и уважения к историческому наследию нашей страны.

Накануне 35-летия космического полёта Беляева и Леонова историко-производственный музей "Ависмы" организовал посвящённую им выставку. Собравшиеся на её открытие гости, друзья и коллеги музейщиков вспомнили немеркнущие страницы замечательной космической истории, осудили произошедшую кражу монумента и создали инициативную группу по возобновлению этого памятника. В число членов инициативной группы был включён и автор настоящего очерка.

В чём состояли основные задачи нашей группы?

Во-первых, нужно было восстановить проект первоначальной космической стелы, найти специалистов для составления нового архитектурно-планировочного задания, разработать соответствующий ему конкурсный проект стелы. Естественно, нужно было организовать конкурс на всю эту работу, провести заседание оценочного жюри, найти финансирование и исполнителей утверждённого проекта. А потом нужно было увезти новую стелу на обновлённую таёжную площадку и там смонтировать весь мемориальный комплекс.

Во-вторых, по настоятельному пожеланию музея "Ависмы", инициативная группа должна была совместно с Западно-Уральским отделением Лиги защиты культуры организовать му-

зейную выставку "Звёзды и мы", экспозиционные материалы которой в значительной мере посвящались первому выходу человека в открытый космос. Выставка "Звёзды и мы" призвана была стимулировать местные художественные силы в воссоздании достойного космического мемориала на нашей земле.

В-третьих, нужно было создать такой памятник героям космоса, который украсть невозможно.

Так началась занявшая четыре года работа по возобновлению утраченного памятника Беляеву и Леонову.

Среди приглашённых в инициативную группу был Вячеслав Исаакович Рабинович, бывший руководитель бюро промышленной эстетики "Ависмы" и главный художник Березников. Он создавал первый памятник и красочно рассказал его историю. Из-за топкого грунта на месте его установки потребовались дополнительные дорогостоящие рейсы грузового вертолёта с железобетонными балками. В результате исчерпались раньше времени выделенные на памятник средства, и он оказался незавершённым. К вершине стелы – символу стартового комплекса – Рабинович предполагал ещё прикрепить выполненный из титана макет стилизованной ракеты-носителя, выводившей "Восход-2" на космическую орбиту. Однако планируемое завершение работы по монументу не состоялось, и стела осталась без ракеты, сама по себе. Возобновить точно такую же стелу, может быть, и было бы правильно с исторической точки зрения, но по возрасту и состоянию здоровья Рабинович не был готов снова возглавить эту работу. Он переадресовал её более молодым своим коллегам – известному березниковскому скульптору Юрию Ивановичу Устинову и бывшему инженеру "Ависмы", заслуженному изобретателю Российской Федерации Владимиру Павловичу Шеке – автору герба и флага Березников.

В скором времени Устинов представил в музей "Ависмы" в экспозицию выставки "Звёзды и мы" новый вариант прежнего памятника с барельефами Беляева и Леонова, но уже на гранитном основании. Позднее скульптор отказался от этого варианта вследствие его камерного характера и предложил совершенно оригинальное монументальное решение изображения космонавтов, глядящих на верхнекамскую землю из спускаемого аппарата. В качестве основного материала памятника использовался чугу́н.

В. П. Шека отвёз эскизный проект памятника в Москву и встретился с А. А. Леоновым, который не только одобрил в целом и в подробностях этот проект, но и удивился его художественной самобытности. Космонавт ставил свой лаконичный от-

звон на одном из листов проекта памятника: "Согласен! Очень хорошая находка. А. Леонов".

Проектные размеры скульптурной группы памятника – четыре на два метра. Вес отливки – более двух с половиной тонн. Это довольно сложная литейная работа. Выполнили её литейщики-профессионалы из литейного цеха "Ависмы".

Памятник оказался настолько монументальным, что на одном из художественных советов приняли решение установить его не на месте приземления космонавтов, а неподалёку от автодорожного моста, ведущего из Березников в Усолье. Смонтировала монумент бригада высококлассных специалистов Березниковского мостоотряда. Стела памятника в пространственном восприятии оказалась как бы продолжением моста, который постепенно поднимается вверх от низкого левого берега к правому высокому. Памятник можно увидеть и разглядеть издали: и с Камы, и со смежных территорий.

В конце июля 2004 года на завершение работ по возведению монумента из Москвы приехал Алексей Архипович Леонов. "Этот памятник, – сказал он, – лучший из тех, что уже существуют.

В нём большой смысл... Только такая гостеприимная земля, на которой живут люди с доброй душой, могла принять так мягко космический корабль, который шёл к Земле со скоростью восемь километров в секунду. Я часто задумываюсь: ну почему здесь?.. До сих пор нет случаев, чтобы за сутки на корабле было семь серьёзных аварий. Всё ведь было впервые, и мы готовились к худшему. Перед полётом на специально составленной карте было помечено несколько точек, где мы могли приземлиться в случае отказа системы управления. И одной из точек была именно ваша Березниковско-Усольская земля... По своей духовности, энергии, внутреннему убеждению, по своей душе вы выше многих центральных областей нашей страны... Вы живёте красивой русской северной жизнью. Спасибо вам за это. Будьте здоровы!"

Алексей Архипович заложил последний камень в постамент памятника и оставил на специально подготовленной цементной поверхности автограф и отпечаток ладони.

... А Усольский мост отныне стал не только земным, но и космическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. А. Путь к звездам [Текст] / А. А. Александров. - М. : Вече, 2006
2. Губарев, В. С. Серебристые облака [Текст] / В. С. Губарев. - М. : Советская Россия, 1982.
3. За порогом - вселенная [Текст] : к 70-летию со дня рождения А. А. Леонова // Исторический архив. - 2004. - № 2. - С. 95-114.
4. Исследования по истории развития авиационной и ракетно-космической науке и технике [Текст] .- Выпуск 4-6. - М. : Наука, 1985-1988.
5. Каманин, Н. П. Летчики и космонавты [Текст] / Н. П. Каманин. - М. : Политиздат, 1972.
6. Качунцев, В. П. К 40-летию первого выхода человека в открытый космос [Текст] : основные итоги и проблемы медицинского обеспечения внекорабельной деятельности космонавтов / В. П. Качунцев, Ю.Ю. Осипов, С. Н. Филимонов // Гагаринский сборник : материалы XXXII общественно-научных чтений, посвященных памяти Ю.А. Гагарина (2005). - Ч.1. М.; Гагарин, 2006. - С 21-29.
7. Когутенко, Т. С. 40 лет спустя [Текст] : некоторые подробности подготовки и летно-космических испытаний космического корабля "Восход-2" / Т. С. Когутенко // Гагаринский сборник : материалы XXXII общественно-научных чтений, посвященных памяти Ю.А. Гагарина (2005). - Ч.1. М.; Гагарин, 2006. - С 86-94.
8. Молодцов, В. В. Из истории проектирования корабля "Восход-2" [Текст] : / В. В. Молодцов // Гагаринский сборник : материалы XXVII общественно-научных чтений, посвященных памяти Ю.А. Гагарина (2000). - Ч.1. М.; Гагарин, 2001. - С 109-126.
9. Петраков, В. М. Закономерность выхода А. А. Леонова и Э. Уайта в открытый космос [Текст] / В. М. Петраков // Научное творчество К. Э. Циолковского и современное развитие его идей : материалы XL научных чтений памяти К. Э. Циолковского. - Калуга, 2005, С. 34-35.
10. Ризниченко, Г. И. Выход в космос разрешаю [Текст] / Г. И. Ризниченко. - М. : ИПЛ, 1978.
11. Черток, Б. Е. Ракеты и люди [Текст] : в 4 т. / Б. Е Черток. - М. : РТСофит, 2006-2007.
12. Шаров, В. Приглашение в космос [Текст] / В. Шаров. - М. : В. Секачев, 2003.

ИНФОРМАЦИОННО–ЭКСКУРСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРИЗМА: СИНТЕЗ НАВЫКОВ

Вузовский курс, название которого вынесено в заголовок статьи, моделирует информационно-аналитическую компетенцию специалиста в области туризма. Проводимая нами работа состоит из трех частей, посвященных, соответственно, Твери и Тверской области, дестинациям России и Белоруссии, туризму в зарубежных странах.

Первая часть проекта преследует цель в максимально сжатой форме предоставить обучаемому как необходимые риторические и презентационные навыки для работы в сфере выездного туризма на территории Тверской области, так и необходимую фактическую информацию по объектам туризма. Хочется полагать, что представленный материал по области побудит к дальнейшему знакомству с краеведческой литературой, разработке новых тем, маршрутов, возникновению новых идей туризма в Тверской области. Обучаемым предложены примерные темы выступлений, рефератов, презентаций по Тверской области (более ста проектов).

Вторая часть проекта преследует своей целью представить фактический и языковой материал по некоторым туристическим дестинациям России и Белоруссии. Наряду с заданиями проектно-творческого характера представлены материалы для обзорного чтения. Полагаем, что материал мотивирует будущих специалистов в области туристики и экономики туризма к более детальному и заинтересованному изучению объектов туризма на территории России и Белоруссии, возможностей использования туристического потенциала наших стран и их культуры. Кроме очевидных учебных задач, первая и вторая части проекта выполняют и воспитательную задачу, заставляя задуматься об уникальном многообразии России. Д.С. Лихачев подчеркивал, что в сфере "путешествующей культуры" уже древней Руси были, несомненно, включены Киев и Новгород, Псков, Владимир Суздальский и Владимир Волынский, Галич, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Суздаль, Ростов, Рязань, Тмутаракань, Гродно, Витебск, Полоцк, Ладога.

Третья часть охватывает информационно-экскурсионное обеспечение выездного туризма.

Приведем два примера обращения к новым для краеведения темам.

1. Иконопись и агиография – часть историко-культурного наследия. Рассмотрение тверских икон для обучающихся – жителей Твери – попытка показать место древнего города в русской истории, бесценный урок краеведения – любви к родному городу. Бывая в музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре в центре Москвы, в Третьяковке, в Русском музее, в музеях России и Европы, видишь иконы тверского письма, тверской школы. С середины XIII века на два с половиной столетия простирается слава Твери в качестве самостоятельного княжества, слава ее городов: Кашина, Вертязина, Зубцова, Холма, Микулина, Кснятина и Опoki. В 1305 году тверской князь именуется уже, как известно, и князем Владимирским. Сохранились свидетельства древних летописей, храм в Городне с фресками. Мы можем судить об уровне тверской культуры по произведениям тверской иконописи. Долгие годы полагали, что это искусство не имеет существенного значения. Первые дошедшие до нас сквозь толщу веков художественные памятники, созданные в Твери, относятся к первой половине XIV века. Это две древнейшие иконы "Борис и Глеб" из Киевского музея русского искусства и "Спас Вседержитель" из Государственной Третьяковской галереи. Тверская икона "Борис и Глеб" (вторая половина XIII века) – начало самобытной тверской школы иконописи. "Христос Вседержитель" (первая половина XIV столетия) – свидетельство о связях Твери с Константинополем.

Третья древнейшая тверская икона, отразившая драматизм истории второй половины XIV века – "Архангел Михаил" (ГТГ). Обращение к этому образу знаменательно. Архангел Михаил был покровителем Тверского княжеского дома, и многие тверские князья носили имя Михаил. Изображение архангела Михаила украшало местные княжеские печати. Икона поражает своей

экспрессией. Михаил Ярославич успешно защищал границы своего княжества от посягательства соседей, будь то литовцы, новгородцы, москвичи или татары. Михаил Ярославич был государственным деятелем, талантливым полководцем. Ведь летописи не зафиксировали ни одного его поражения. Он сохранился в истории как святой и герой, который пожертвовал собой, чтобы защитить "други своя". Духовник Михаила Тверского, настоятель Тверского Отроч Монастыря, свидетель казни Михаила в Орде оставил нам жизнеописание Тверского князя "Житие Михаила Тверского".

Книга "Тверские иконы XIII – XVII столетия"¹ служит задаче положить конец рассмотрению Твери как культурно-исторической периферии средневековой Руси [2]. Она связана с выставкой реставраторов "Искусство древней Твери", прошедшей в семидесятых годах прошлого века в музее древнерусского искусства имени А. Рублева. Выставка продемонстрировала, что Тверь в конце XIII – XV столетия создает произведения не меньшей значимости, чем Москва и Новгород.

Время не сохранило фресок тверского Спасо-Преображенского собора, не пощадило и сам собор, но пощадило художественные и литературные памятники, свидетельствующие о контакте тверитян с Царьградом, Иерусалимом и Сирией. Тверская икона – часть киевской и владимиросудзальской традиции. Известна история основания Федоровского монастыря монахом из Константинополя. В Ватиканской библиотеке есть документы о связях древней Твери и Царьграда. Тверь эпохи Бориса Александровича ориентируется на принципы владимирской иконы.

Икона Михаила Архангела (рубеж XV столетия) – свидетельство особого почитания Михаила в Твери. Это и свидетельство политических времен на дворе того времени (Орда, соперничество с Москвой), свидетельство связей с культурным миром Балкан и выработки собственно тверского почерка письма.

Всматриваясь в лик святой Варвары (начало XV столетия), мы видим, что лицо строгое, аскетичное, писаное согласно классическим канонам – выдает иную манеру письма, нежели рублевская школа. Полагают, что новые эстетические идеалы рождаются в результате контактов тверитян с балканскими странами.

В альбоме представлены иконы села Васильевское, старицкие иконы, иконы церкви из Исаевской слободы, тверской патерик – Арсений, князь Михаил Тверской, Ксения, Аркадий Новоторжский письма Симона Ушакова.

Загадочна судьба икон деисусного, праздни-

ного рядов и ряда пророков из тверского Спасо-Преображенского собора – вершина тверского искусства (вторая четверть XV века). Можно только гадать, как пожар, перемещения заставили их оказаться впоследствии в Кашине.

Позднее в тверской иконе можно проследить консерватизм и архаику, новаторство и переосмысление традиции. Например, в манере близкой к манере Дионисия. Часть тверских икон, находившихся в коллекции Анисимова, находятся ныне в коллекции Третьяковской галереи.

Альбом воскрешает множество сюжетов истории. Вот Паисий – тверской иконописец, связанный с Иосифо-Волоцким монастырем, вот связи школы Дионисия и Твери. Относительно малоизученной остается и позднесредневековая архитектура Тверской земли: Белая Троица, Оршин монастырь, кашинские и калязинские храмы того времени.

Приглашения московских мастеров, опричнина. Новые сюжеты: икона святого Савватия из Твери, святой Савватий перед крестом XVI века, Иван Грозный, разоряющий Тверь в 1570 году. На одной из икон князь Михаил Ярославич и Ксения держат в руках модель тверского Кремля, думают о богоспасаемой Твери, как и мы сегодня.

Древнерусская иконопись – мир, ушедший в русскую историю, мир, живо свидетельствующий нам о ней.

2. Формирование региональной идентичности. Например, на заседаниях тверских краеведов и презентациях книг о нашем городе иногда обсуждается такой вопрос, как "региональный патриотизм". Порой слышишь, что он у нас невозможен: "Регионализм в России, несмотря на существование столь разных регионов с собственными лицами, не проходит, нет чувства региональной гордости. У нас не Бельгия же".

Однако, известна, например, широкая культурная автономия немецких земель. Пример же Франции демонстрирует централизм культуры метрополии ("все лучшее – это Париж").

Существенен значимый опыт формирования представлений о лице тверского региона. Невозможно переоценить значение методики презентации при этом.

Цифровые технологии позволяют проводить виртуальные экскурсии. Сегодня повседневно в школе стали интерактивная доска, лэптоп, новые информационные технологии, презентации в программе Powerpoint. Много говорится о компьютере как средстве обучения, и компьютеризация наконец-таки стала использоваться в учебных целях.

И какие интересные вырисовываются сюжеты, сюжеты тверской истории! Показать поколения русских людей, живущих на нашей земле. Показать город разных веков. Тверь Михаила Ярославича – от той эпохи остались разве что остатки городского вала, что в Городском саду. Вдумаемся, по Волге в этих местах ходили Юрий Долгорукий, Владимир Мономах, Александр Невский. Здесь новоторы-новгородцы разбивали кремль.

Это и возможность показать Тверь эпохи Бориса Александровича – в период расцвета тверского княжества. Безмолвными свидетелями той эпохи являются древние тверские иконы, которые разметало время.

Это и задача совершить увлекательную виртуальную экскурсию тверских школьников в Тверь шестнадцатого века. Жива история знаменитых узников Отроч Монастыря. Это и древнейшее уцелевшее до нас здание Твери – церковь Белая Троица в затымацком посаде, построенная "замышлением боярина Тоушинского" – памятник эпохи ивана Грозного, и строения Оршина монастыря, и, быть может, Старицкий Успенский монастырь.

Можно и должно совершить экскурсии в петровскую Тверь. Благо жива еще усадьба Арефьева, где по преданию останавливался Петр. Постройки Петровской Твери – это Успенский собор Отроч монастыря. Важно показать сохранившиеся постройки К.И. Росси в Твери, для этого придется полистать книгу Тарановского.

Екатерининская Тверь замечательна и обширна, ибо достаточно много сохранилось от той эпохи. И мы мимо этой архитектуры ходим каждый день. И набережная "единою фасадой", и старинные особняки в центре города, и Путевой дворец.

Современники не могут обойти молчанием Тверь девятнадцатого века – классицизм, модерн. Когда мы спрашиваем себя, что есть модерн и эклектика в Твери, то понимаем, что это и Старый мост, и часовня Иоанна Кронштадского, и Романовская, и Карповская школы, и постройки Пролетарки, и Воскресенский собор.

Вырисовываются в ходе виртуальных прогулок по Твери старые координаты: и ремесленное училище, и гимназия, и учительский институт Максимовича, и женское коммерческое училище. Не надо все знать в деталях, но важно представлять ход развития города.

В Твери мало конструктивизма. Однако сохранилась, например, фабрика-кухня на Баррикадной. Ее автор – архитектор Леонидов – сын тверской земли, всемирно известный архитектор-конструктивист. Прекрасно здание киноте-

атра "Звезда", здания архитектора Голубева, известна история создания речного вокзала.

Важно использовать ресурс краеведения. Издана прекрасная литература. Книга "Тверь и тверитяне" Б. А. Ершова и В. Ф. Финкельштейна [1]. Прекрасная книга Г. Н. Лебедевской представляет собой комплексный экскурс в историю тверского искусства. Переизданы дореволюционные книги о Твери В. И. Борзаковского, В. И. Колосова. Появились книги профессора В. Г. Глушковой, которые посвящены путешествиям от Москвы до Твери. Помощь в подготовке к сюжетам тверской истории может оказать книга Б. Н. Ротермеля о главах города Твери о и градоначальниках дореволюционного времени на фоне панорамы времени. Есть интересные отдельные книги по отдельным аспектам: книга об архитектуре Твери в серии "Памятники Твери и Тверской области", интересная реконструкция истории Твери проделана А. Д. Виноградовым. Серия картин-реконструкций средневековой Твери А. Д. Виноградова приобретена краеведческим музеем для самого широкого читателя.

Вспоминается ряд обсуждений заинтересованными тверитянами этих книг. Презентации устраиваются местной библиотекой. Достаточно ли знать только о Твери? Не окажемся ли в гоголевской луже, дальше которой не видим с этим региональным патриотизмом. Ведь нужно стремиться видеть целый мир: Москву, Петербург, города Золотого кольца, Русский Север. Волгу, Сибирь, Урал, Байкал. Рядом с нами Подмосковье – уникальный регион с точки зрения культурно-исторического наследия. Впереди поездки и путешествия по стране. Стоит почитать те мысли, которыми с нами поделился в книгах "Земля родная", "Мысли о России" и в записных книжках Д. С. Лихачев.

Необходимо формировать нацеленность на понимание стилей, историческую любознательность. Недавно одна моя знакомая – знающий, энергичный и предприимчивый организатор российского туризма – оказалась в Москве со своими подопечными туристами – учениками старших классов школы. Утро красило нежным светом стены древнего Кремля. Они вышли к Лобному месту. "Красота-то какая!" – толковала она им. "Боже! Как красиво!" – сказала одна девочка. Ее взгляд был устремлен куда-то в сторону от Кремлевских башен. Моя знакомая – человек любознательный и любопытный – живо заинтересовалась, что так нравится подростку. Оказалось, на здании ГУМа была реклама: с многочисленными видеоэффектами пачка сигарет изве-

стной фирмы плавно сменялась почти объемной бутылкой виски в иной цветовой гамме. "Да нет, красота-то вот там, Иван Великий, соборы". "Это-то что... А вот такая реклама просто дух захватывает!" – сказала как отрезала девочка и вперилась в светящийся щит. Видавшей виды женщине стало и дурно, и жалко девочку.

Недавно одна школьная учительница рассказывала мне о посещении детьми Англии. "Они не хотели уезжать, плакали", – говорила она.

"Чему вы радуетесь?! – сказал ей я. – Дети не хотели ехать на родину! И восторг в Англии, как выясняется, вызвали у них не великие произведения искусства или архитектуры, не шедевры паркового искусства или литературы, а никелированные унитаза".

А пока разработка курса лишь начинается. Тверитяне же передают знание своего города – вручают символические ключи к нему – молодым тверякам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В книге приводится обширная библиография тверского краеведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершов, Б., Филькенштейн, В. Тверь и Тверитине [Текст] / Б. Ершов, В. Филькенштейн. – Тверь, 2006.
2. Тверские иконы XIII-XVII столетия [Текст] / Сост. Г. Попов. – СПб., 2008.

© А. Б. Бушев, 2009

Чл. А. Чернядьева

НОВЕЛЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МУЗЕЕВ – ЗАПОВЕДНИКОВ В РОССИИ

Правовой статус музеев-заповедников – это особенная болевая зона музейных организаций. В 90-е гг. XX века деятельность музеев-заповедников регламентировалась временным Положением "О государственном историко-культурном музее-заповеднике (заповеднике)" [2]. Сейчас этот документ отменен [3]. Действующее законодательство о культуре: Основы законодательства о культуре, Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации" [6], Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" [7]; законодательство о природопользовании: Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон "Об охране окружающей природной среды" [5] – не выделяют правовое положение государственных музеев-заповедников.

Соответственно, можно говорить, что музеи-заповедники в настоящее время не имеют своей правовой базы. Это – музеи, созданные на основе комплексов, ансамблей и отдельных памятников истории и культуры, объявленных, ввиду их особой исторической, научной, художественной ценности, в установленном законом порядке историко-культурными музеями-заповедниками. Музеи-усадьбы, музеи-города имеют (де-факто, но не де-юре) схожие с музеями-заповедниками формы и задачи деятельности. Однако их деятельность также выведена за пределы правового регулирования.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации находятся два законопроекта, посвященных музеям-заповедникам. Первый – в виде самостоятельного закона "О государственных музеях-заповедниках" [4]. Второй законопроект – в виде

изменений в закон "О Музейном Фонде..." [1]. Представляется, что правовое регулирование музеев-заповедников (исторических ансамблей) должно найти свое отражение в действующем законе, посвященном музеям. Нет необходимости в создании специального закона, посвященного отдельному виду музейных организаций. Предмет регулирования этого закона будет излишне узким.

Рассмотрим, какие изменения, посвященные музеям-заповедникам, предлагаются для внесения в закон "О Музейном Фонде..."

Законопроект закрепляет легальную дефиницию музея-заповедника: "музей-заповедник – некоммерческая организация культуры, созданная собственником для сохранения, воссоздания, изучения и публичного представления объектов историко-культурного заповедника и находящихся в них предметов монументального и декоративно-прикладного искусства, музейных предметов и музейных коллекций, а также для использования территории музея-заповедника в природоохранных, просветительских, научных, образовательных, культурных и туристских целях".

При анализе предлагаемой новеллы обращает на себя внимание противоречие организационно-правовых форм музеев-заповедников и традиционных музеев. Согласно букве закона, музей-заповедник может создаваться в любой организационно-правовой форме, предусмотренной для некоммерческих организаций, а традиционный музей – только в форме учреждения. Таким образом, законодатель предоставляет различные возможности по выбору правового статуса для музеев и музеев-заповедников. Думается, что в этом вопросе логичнее установить единые правила создания музейных организаций, разрешить создавать все музеи в формах, предусмотренных для некоммерческих организаций, предоставить право выбора организационно-правовой формы собственнику музея (музея-заповедника). Это бы полностью соответствовало основному принципу российской правовой системы – отсутствие дискриминации, равноправие субъектов правоотношений, осуществляющих деятельность в одной социально-экономической сфере.

В законопроекте впервые определяются цели создания музеев-заповедников. Помимо целей, предусмотренных для традиционных музеев, музеи-заповедники создаются для реализации следующих целей:

- сохранение и воссоздание входящих в состав музеев-заповедников целостных историко-

культурных и природных комплексов;

- охранение, воссоздание, изучение и публикация сведений о входящих в состав музеев-заповедников объектов культурного наследия, их интерьеров, а также входящих в них предметов монументального и декоративно-прикладного искусства;

- создание условий для туризма и отдыха на территориях музеев-заповедников;

- изучение, поддержка и возрождение традиций народной культуры, традиционных форм хозяйствования и природопользования.

Создание музеев-заповедников для иных целей не допускается.

Для любой некоммерческой организации четкое определение целей создания является важным моментом, определяющим пределы правоспособности. Согласно статье 49 Гражданского кодекса РФ юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности и нести связанные с этой деятельностью обязанности. В связи с этим трудно переоценить значение легального определения целей создания музеев-заповедников. Это позволит активно развивать традиционные и новые формы культурной деятельности, создать необходимую для полноценного и комфортного времяпрепровождения инфраструктуру.

Дифференциация целей создания музеев и музеев-заповедников, возможно, станет причиной организационных проблем в музейном секторе. Значительная часть современных музеев-заповедников (музеев под открытым небом) входит в состав более глобальных музейных структур. В случае принятия анализируемых изменений в закон "О Музейном Фонде..." может сложиться ситуация, когда структурно подразделение музея – музей заповедник – будет иметь больше прав, чем вся организация в целом. Для приведения в соответствие с новыми правилами потребуется либо принудительное разделение подобных музейных образований (для обеспечения самостоятельного целевого характера деятельности), либо игнорирование дополнительных прав, предусмотренных для музеев-заповедников. Правовой конфликт мог быть снят, если бы пересмотру подверглись все цели создания музеев. Думается, что цели музеев-заповедников не противоречат общему музейным целям, могут быть установлены для всех музейных организаций.

Важно отметить, что впервые законодатель определил правовые грани взаимодействия музеев-заповедников и туристических организаций: музей-заповедник создает условия для

туризма и отдыха. В рамках традиционного музея подобное взаимодействие невозможно, закон не предоставляет музею таких прав. Партнеры-соинвесторы не имеют нормативных гарантий для долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества: музей не вправе распоряжаться и пользоваться своим имуществом в туристических и рекреационных целях. Поэтому новелла о туристической составляющей деятельности музея-заповедника имеет позитивное значение. Настораживает оторванность данной нормы от существующего правового массива, регулирующего деятельность музея-заповедника. Привлечение в музей-заповедник профессиональных участников туристического и рекреационного рынков создает повышенные риски по музейной безопасности, сохранности музейных ценностей, обеспечению порядка на территории. Необходимо выработать комплекс правил о сотрудничестве и "соседстве" музеев-заповедников и коммерческих организаций, возможно, в виде рекомендательных норм или примерного договора.

Создание рекреационных и туристических недвижимых объектов на территории музея-заповедника, принадлежащих партнерам, а не музею-заповеднику, может стать причиной земельных правовых конфликтов. По действующему гражданскому законодательству собственник недвижимого имущества имеет право на выкуп земельного участка, необходимого для осуществления права собственности на принадлежащий объект. Не исключено, что недобросовестный музейный партнер злоупотребит предоставленными законом возможностями, приватизирует "для необходимой хозяйственной деятельности" существенную часть земельного участка. Будет ли достаточно в этой ситуации и у музея-заповедника правовых, кадровых, финансовых ресурсов для защиты своих прав и интересов? Стоит ли в принципе порождать правовую почву для будущих конфликтов?

Земельный вопрос в музее-заповеднике отягощен еще одним серьезным правовым пробелом. В анализируемом законопроекте, в действующей сейчас нормативно-правовой базе отсутствуют природоохранные зоны как обязательное условие существования музея-заповедника. Законы, призванные разрешить этот вопрос: закон "О Музейном Фонде...", Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ" – имеют перекрестные отсылочные нормы без конкретного регулятивного содержания. Права

и обязанности участников правоотношений, возникающих по поводу природоохранных зон, содержание охранных мероприятий, меры ответственности за нарушения закона почти не установлены. Согласно существующей в России практике, охраняемой зоной повсеместно признается лишь пятно застройки памятника. Органы исполнительной власти, действующие в рамках позитивного (писаного) закона, при принятии решения о площади охранной зоны просят уточнить правовые основания для распространения охранных обязательств на прилегающую к памятнику территорию. Как правило, у музея-заповедника их нет. Логически и исторически обоснованные требования музейной среды по расширению охранной территории не основаны на законе. Поэтому повсеместно застраиваются земли вокруг музеев-заповедников, отчего теряется ландшафтная уникальность; возникают проекты по локальной застройке (между памятниками) туристическими объектами "заповедных" участков. Если в условиях данного правового пробела согласиться с тем, что туристический и рекреационный бизнес будет тесно соседствовать и сотрудничать с музеем-заповедником, то нужно быть готовым к тому, что в музеях-заповедниках, в непосредственной близости от исторических и архитектурных памятников, могут появиться базы отдыха и рекреационные зоны с неизбежными фейерверками, мангалами и т.п. И без того непростая ситуация станет еще более опасной для сохранения отечественного культурного наследия.

Чтобы нарисованная пессимистическая картина не стала частью реальности, возможно, следует разрешить музеям-заповедникам самим быть участниками туристического и рекреационного рынка. Если объекты досуга и туризма будут находиться в собственности у музейной структуры, то цивилизованность и историко-охранная грамотность отношений с туристической сферой будут напрямую зависеть от позиции музея-заповедника. Это решение также позволит заинтересовать музей-заповедник в развитии туристической инфраструктуры на своей территории.

Музей-заповедник должен иметь право организовать собственное бюро путешествий, участвовать в совместных проектах с туристическими организациями, то есть стать полноправным участником отношений в сфере туристического бизнеса, а не находится в качестве материально-технической базы для реализации культурного компонента туристической программы другого субъекта. Для стимулирования

собственной туристической инициативы музея, защиты его интересов в сфере организации туристической работы необходимо закрепить в законе о музеях правило, позволяющее музею участвовать в организации и проведении экскурсионной, туристической деятельности. Музею должны принадлежать исключительные права на данные виды деятельности, осуществляемые на его территории.

В конце хотелось бы отметить, что музей может выступать в качестве ресурса развития территории, вносить неоценимый вклад в формирование позитивного имиджа города и края. Подобное возможно лишь в том случае, если в музее будут созданы условия для аутентичного восприятия музейной информации. Посетители, в основном местные жители, будучи про-

дуктом мегаполисной культуры, достаточно сильно избалованы современным массовым культурным продуктом. Для обеспечения интереса к своим экспозициям музею необходимо выставочное разнообразие, инвестиции и реклама. Если говорить об организации внешнего туризма на территории региона, то необходимым условием его развития является наличие развитой социально-досуговой инфраструктуры. Турист должен быть уверен, что посещение территории будет комфортным, оставит у него приятные разнообразные воспоминания, что в поездке он приобретет новый опыт. Россия обладает мощным потенциалом по организации исторического и экологического туризма. Большую роль в реализации этого направления туризма должны сыграть наши музеи, музеи-заповедники, музеи под открытым небом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Письмо Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации № 15 – 01 – 35 от 28.03.2006 // 05 – ЛН.
2. Положение "О государственном историко-культурном музее-заповеднике (заповеднике)" утв. приказом Минкультуры РФ № 233 от 15.04.1993 // СПП "Консультант-плюс": профессионал.
3. Приказ Минкультуры РФ № 91 от 01.03.2006 "О признании утратившими силу некоторых приказов Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры Российской Федерации" // СПС "Консультант-плюс": профессионал.
4. Проект федерального закона "О государственных музеях-заповедниках" // СПП "Консультант – плюс": комментарии законодательства.
5. Федеральный закон № 7 от 10.02.2002 "Об охране окружающей природной среды" // Собрание законодательства РФ, 14.01.2002, № 2, ст. 133.
6. Федеральный закон № 54 от 26.05.1996 "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 27.05.1996, № 22, ст. 2591.
7. Федеральный закон № 73 от 25.06.2002 "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" // Российская газета. 2002, 29 июня.

РЕШЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО – ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ("СТРОГАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ" – III, "ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА И РЕЧИ" – VII), УСОЛЬЕ, СОЛИКАМСК, ВСЕВОЛОДО – ВИЛЬВА, 19 – 21 СЕНТЯБРЯ 2008 ГОДА

19-21 сентября 2008 года в гг. Усолье, Соликамск, п. Всеволодо-Вильва, Александровского района Пермского края состоялась Всероссийская научно-практическая конференция ("Строгановские чтения" – III, "Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи" – VII). Основной задачей конференции являлось обобщение опыта исследований в области культурных традиций, связанных с заселением Пермского Прикамья, осмысление дороги как культурного артефакта, демонстрации научных интерпретаций концепта пути в русской ментальности, искусстве и языке.

Заслушав и обсудив доклады, Всероссийская научно-практическая конференция постановила следующее:

1. В работе конференции приняли участие более 100 ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Тюмени, Екатеринбург, Кирова, Сыктывкара, Нижневартовска, Тюмени, Пермского края, в том числе молодые исследователи и студенты.

2. Необходимо отметить высокий уровень научных докладов.

3. Конференция отмечает активное участие в ее работе муниципальных образований Усольского, Александровского районов Пермского края, г. Соликамск.

4. Конференция считает необходимым рекомендовать Администрации Пермского края:

- оказать всестороннюю поддержку проекту ИНРЕКОН "Регенерация и развитие Усольского историко-архитектурного комплекса;

- рассмотреть возможность музеефикации солеваренных комплексов г. Соликамск, г. Усолье, а также индустриальных памятников г. Березники;

- рассмотреть возможность консервации с последующим восстановлением Никольского храма с. Купрос Юсьвинского района.

- консолидировать усилия по формированию бренда "Строгановский";

- закрепить место проведения конференции за Усольским историко-архитектурным комплексом – центром организации и проведения Всероссийских научно-практических конференций "Строгановские чтения";

- обеспечить организационно-методическое и научное сопровождение проводимых краевыми и региональными организациями мероприятий, связанных с именем Строгановых, создание банка данных, функционирование соответствующих исследовательских лабораторий, подготовку и публикацию научно-методической литературы, презентационного издания "Строгановы и Пермский край".

5. Создать на базе Усольского историко-архитектурного комплекса и более десяти муниципальных образований (Соликамск, Чермоз, Добрянка, Пермь, Чусовой, Кунгур, и т.д.) единый туристический маршрут, отвечающий критериям отечественного и международного туризма, связанный с определяющими именами Строгановых и Ермака.

Председатель оргкомитета
Всероссийской научно-практической конференции "Камский путь":
("Строгановские чтения" – III,
"Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи" – VII),
19-21 сентября 2008
А.И. Овдианин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аннушкина Ольга Николаевна,

Фонд сохранения традиций христианского искусства "НАРТЕКС", г. Москва.

Багдасаров Роман Владимирович,

ведущий научный сотрудник института культуры и права, г. Москва.

Баннова Елена Николаевна,

главный врач МУ ЦРБ, г. Усолье.

Баньковский Лев Владимирович,

кандидат географических наук, доцент кафедры медико-биологических дисциплин ГОУ ВПО "Соликамский государственный педагогический институт", г. Соликамск.

Бушев Александр Борисович,

кандидат филологических наук, соискатель-докторант Института русского языка имени А.С. Пушкина, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала ГОУ ВПО "Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета", г. Тверь.

Вшивкова Елена Аркадьевна,

зам. главы администрации Усольского муниципального района.

Жураховская Татьяна Геннадьевна,

ассистент кафедры иностранных языков Ставропольского государственного педагогического института.

Игнатьева Оксана Валерьевна,

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культурологии, доцент Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь.

Казаринова Нина Васильевна,

кандидат искусствоведения, доцент, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников РФ, заместитель директора по научной работе Пермской государственной художественной галереи, г. Пермь.

Козлов Сергей Геннадьевич,

кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой Химической технологии и экологии Березниковского филиала ПГТУ, г. Березники.

Козлова Надежда Николаевна,

методист ООО "Сталагмит-экскурс", г. Кунгур.

Коржавкина Лариса Федоровна,

старший научный сотрудник БИХМ им. И.Ф.Коновалова, искусствовед, заслуженный работник культуры РФ.

Кузнецов Сергей Олегович,

доктор исторических наук, зам. директора по науке Государственного Русского музея, г. Санкт-Петербург.

Кульбиков Сергей Иванович,

научный сотрудник БИХМ им. И.Ф. Коновалова, г. Березники.

Лаптев Валерий Николаевич,

ведущий инженер лаборатории Аэрологии и теплофизики Горного института Уральского отделения РАН, г. Березники

Матвеев Алексей Викторович,

кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, доцент кафедры музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, директор Центра археологических исследований при УНИР ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

Матвеев Владимир Дмитриевич,

кандидат архитектуры, г. Москва.

Мукосеева Яна Юрьевна,

заведующая кафедрой общественных наук, старший преподаватель Соликамского государственного педагогического института, г. Соликамск.

Наумкин Дмитрий Викторович,

научный сотрудник Кунгурской лаборатории-стационара Горного института Уральского отделения РАН г. Кунгур.

Норина Надежда Владимировна,

кандидат технических наук, научный сотрудник Березниковской лаборатории-стационара Горного института, г. Березники.

Носков Андрей Александрович,

аспирант БГПУ им. М. Акмуллы, научный секретарь лаборатории истории и культуры казачества России и зарубежья, директор музея им. Героя СССР М.С. Пинского, г. Уфа.

Рябкова Вера Александровна,

директор МУК "Ильинский районный краеведческий музей", п. Ильинский.

Солодкин Янкель Гутманович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск.

Татауров Сергей Филиппович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск.

Токарева Наталья Николаевна,

научный сотрудник МУК "Суксунский историко-краеведческий музей", п. Суксун.

Тюшева Марина Вениаминовна,

начальник управления экономического развития Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, г. Кудымкар.

Уварова Юлия Николаевна,

старший научный сотрудник Музеев Московского Кремля, г. Москва.

Флорковская Анна Константиновна,

кандидат искусствоведения, Московский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова, г. Москва.

Харитонова Е. Д.

Пермь, преподаватель Пермского духовного училища, кандидат исторических наук.

Хоробрых Станислав Валерьевич,

директор Усольского историко-архитектурного музея "Палаты Строгановых", преподаватель кафедры истории и теории литературы СГПИ, г. Усолье.

Цыпуштанов Виктор Александрович,

заведующий отделом истории и архитектуры Усольского историко-архитектурного музея "Палаты Строгановых".

Чажин Георгий Николаевич,

доктор исторических наук ПГУ, г. Пермь.

Чернядьева Наталья Алексеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права ГОУ ВПО ПГУ, адвокат Пермской объединенной краевой коллегии адвокатов, г. Пермь.

Шехматов Геннадий Петрович,

глава администрации Усольского муниципального района.

Южанин Александр Станиславович,

кандидат технических наук, заведующий Березниковской лабораторией-стационаром Горного института Уральского отделения РАН, г. Березники.

СОДЕРЖАНИЕ

С. О. Кузнецов ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАМУ: ОПЫТ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ГРАФА С. Г. СТРОГАНОВА	4
Я. Г. Солодкин ПУТЬ ЕРМАКА В СИБИРЬ: ЛЕТОПИСНЫЕ ВЕРСИИ	18
А. А. Носков "ОТКУДА ВЫ, АТАМАН ЕРМАК?": К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО КАЗАЧЕСТВА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ)	22
Р.В. Багдасаров ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО КАК РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН: ПОПЫТКИ РЕКОНСТРУКЦИИ	25
Т. Г. Жураховская ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО СТЕФАНА ПЕРМСКОГО СРЕДИ ЗЫРЯН	48
Н. Н. Токарева КРЕЩЕНИЕ КАНТОНИСТОВ В СУКСУН-ЗАВОДЕ	51
В. А. Рябкова КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДАХ ПЕРМСКОГО ИМЕНИЯ СТРОГАНОВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ	54
Г. Н. Чагин МОТИВ "ДОРОГИ-РЕКИ" В ИСКУССТВЕ ПИСАНОГО КАМНЯ НА РЕКЕ ВИШЕРА	57
Н. Н. Козлова, Д. В. Наумкин ДОРОГА В ПЕЩЕРУ – ДОРОГА В ПЕЩЕРЕ	59
О. В. Игнатьева ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	62
Г. Н. Чагин ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ СВЯТОЙ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ	65
Л. Ф. Коржавкина КРЕСТ-МОЩЕВИК ИЗ МОСКОВСКОЙ ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ БАРОНА ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СТРОГАНОВА И ИКОНЫ БЕЛОГОРСКИХ ИКОНОПИСЦЕВ НАЧАЛА XX ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ БЕРЕЗНИКОВСКОГО МУЗЕЯ И ЧАСТНОМ СОБРАНИИ	73
Ю. Н. Уварова ДРАГОЦЕННЫЙ СКЛАДЕНЬ XIX В. П.С. СТРОГАНОВА	76
Н. В. Казаринова ИКОНА "СВЯТОЙ НИФОНТ С ЖИТИЕМ", ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК "ПОВЕСТЬ О СВЯТОМ НИФОНТЕ" И ВРЕМЯ – "ВЕК ПОТЕРЯННОГО РАВНОВЕСИЯ" (ИКОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКА)	83
О.Н. Аннушкина ИКОНЫЕ ЛИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТНОЕ СХОДСТВО: К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ	93
Р. В. Багдасаров ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ДЕИСИСА В ПРОЕКТЕ "DEISIS/ПРЕДСТОЯНИЕ" (2000-2009)	100
А. К. Флорковская О ПРОЕКТЕ "DEISIS"	105

Я. Ю. Мукосеева ВЛИЯНИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ ПРИКАМСКИХ ГОРОДОВ В XVI-XVII ВВ	107
В. А. Цыпуштанов НА ПЕРЕПУТЬЕ ДВУХ ДОРОГ	109
А. В. Матвеев ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ	112
Е. Д. Харитонова ЭВОЛЮЦИЯ СОЛЕВАРЕННОГО ХОЗЯЙСТВА СТРОГАНОВЫХ	117
С. И. Кульбиков СОЛЕВАРЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ СОЛИКАМСКА В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА	119
Н. В. Норина, А. С. Южанин, Л. Н. Лаптев СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ МЕТАНА И ВОДОРОДА С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАЛИЙНЫХ РУДНИКОВ	123
Н. В. Норина, А. С. Южанин СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ МЕТАНА И ВОДОРОДА В РУДНИЧНОМ ВОЗДУХЕ	125
Е. Н. Баннова, Е. А. Вшивкова, С. Г. Козлов, Н. В. Норина ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ВОД ВЕРХНЕКАМЬЯ	127
Н. В. Норина МОНИТОРИНГ РЕКИ КАМА В ЗОНЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРОДА БЕРЕЗНИКИ	128
М. В. Тюшева СТРОГАНОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ – НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ КУПРОС	131
В. Д. Матвеев "УСОЛЬЕ-НА-КАМЕ". РЕГЕНЕРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА	134
Л. В. Баньковский КАМСКИЙ ПУТЬ ЭКИПАЖА «ВОСХОДА-2»	137
А. Б. Бушев ИНФОРМАЦИОННО-ЭКСКУРСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРИЗМА: СИНТЕЗ НАВЫКОВ	146
Н. А. Чернядьева НОВЕЛЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ В РОССИИ	149
РЕШЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ("СТРОГАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ" – III, "ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА И РЕЧИ" – VII), УСОЛЬЕ, СОЛИКАМСК, ВСЕВОЛОДО-ВИЛЬВА, 19-21 СЕНТЯБРЯ 2008 ГОДА	153
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	154
СОДЕРЖАНИЕ	157

Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции.
ГОУ ВПО «Соликамский государственный педагогический институт»

КАМСКИЙ ПУТЬ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(«Строгановские чтения» - III, «Лингвистические и эстетические аспекты
анализа текста и речи» - VII)

19-21 сентября 2008

Часть 2

Под редакцией Игнатъевой Оксаны Валерьевны,
к. и. н., доцента,
зав. кафедрой культурологии ПГПУ

Макет и компьютерная верстка Л. В. Малышевой
Дизайн и макет обложки Е. В. Ворониной
Корректурa Н. Н. Хоробрых

Подписано в печать 12.03.2010. Гарнитура Pragmatica СТТ. Формат 60x90/8.
Бумага для множительной техники. Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 100 экз.
Заказ № 224

Отпечатано в РИО ГОУ ВПО «СГПИ».
Соликамск, ул. Северная, 44.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

При перепечатке материалов
ссылка на данный сборник обязательна